

Борис Сурис

Фронтовой
дневник

Борис Сурис

Фронтовой дневник

Дневник
(1942–1945)

Рассказы

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(4)"1939/45"
ББК 63.3(062)
С90

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Художественное оформление
И.А. Озерова

В книге использованы фотографии
из семейного архива
Друбецких (Хайфа, Израиль),
Сурисов (Берлин)

Сурис Б.Д.
С90 Фронтовой дневник: дневник, рассказы / Подго-
товка текста, комментарии и примечания Т.Б. Дру-
бецкой при участии И.И. Галеева. — М.: ЗАО
Издательство Центрполиграф, 2010. — 383 с.

ISBN 978-5-227-02048-2

Дневниковые записи и рассказы известного искусствоведа
Б.Д. Суриса (1923—1991), в годы войны переводчика разведроты,
ушедшего на фронт восемнадцатилетним, запечатлели зримые кар-
тины боевых действий и прифронтового быта, потери близких дру-
зей, тоску по родным и мирной жизни.

Книга проиллюстрирована документальными фотографиями,
эскизами и набросками, сделанными в годы войны рукой автора.

УДК 94(4)"1939/45"
ББК 63.3(062)

© Художественное оформ-
ление, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010

ISBN 978-5-227-02048-2

«БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОСПОМИНАНИЯ...»

Природой мой папа был предуготовлен на долгую жизнь. Гены имел здоровые и доброкачественные с обеих родительских сторон (одна из кузин моей бабушки — Сарра Вульфовна Владимирская — только что отметила 105-й день рождения, обладая по сию пору ясной памятью и пристойным самочувствием), но судьба распорядилась по-своему.

Собственно, поскольку выросли мы в эпоху, когда генеалогические древа не исследовались и чем меньше помнилось о прошлом, тем спокойнее жилось, мои изыскания всегда обрывались на ярких детских эпизодах из жизни отца — известного советского искусствоведа Бориса Давыдовича Суриса.

Он родился в Одессе в начале 1920-х гг., сам считал, что в декабре 1923-го, но детские фотографии неопровержимо свидетельствуют, что годом раньше. Бабушка, провидевшая беспокойные времена, хотела таким образом отсрочить будущую армию, но не преуспела — папа был призван на войну ровно через месяц после 22 июня. У бабушки Розы было три сестры и два брата, а у деда — Давида — только один. Когда я попыталась проследить этимологию фамилии Сурис, то дальше прадеда, воевавшего на Дальнем Востоке в Русско-японскую войну и привезшего оттуда на родину — в Кишинев много японских диковинок, дело не пошло. Решили, что фамилия как-то преобразовалась от Суарес, корни — испанско-сефардские, далеко не самые плохие. Дед был известным в Одессе адвокатом, толковым и успешным, преуспевал. Характером же был тяжел и к тому же невероятно скуп. Бабушке Розе, самой красивой из сестер, общительной, с легким характером, жилось непросто. Папа ро-

дился у нее через 14 лет после старшего сына Ноли. Ему взяли няню — Клаву, украинскую девушку, привязавшуюся к папе и бабушке и оставшуюся у них на всю жизнь.

Детство было как детство в ту эпоху, если принять во внимание и характер семьи, сторонившейся по возможности политики, достаточно обеспеченной (квартира в центре города, дача) и стремившейся жить в ладу со временем. Конечно же папа был пионером, активистом, он без конца выпускал стенгазеты. С раннего возраста выявились его таланты и к рисованию, и к сочинительству, и к шахматам. Последнее на службу пионерской организации поставить было трудно, но груз стенгазет он пронес через отрочество — армию — институт.

В шахматы он запоем играл с дядей — профессором Одесской консерватории Александром Лазаревичем Коганом, музыкантом и математиком, мастером на все руки. Сохранился раскладной шахматный столик с доской и фигурами, все сделанное им самим, сохранились и фотографии маленького папы с дядей за этим столиком. В дядином же доме он приобщался к мировому искусству — через альбомы репродукций. Старший брат, Ноля, стал архитектором, и, хотя их разделяла большая разница в возрасте, папа всегда тянулся к нему и от него тоже получал искусствоведческие знания, а когда тот переехал в Москву, то и книги по искусству.

Он был очевидным вундеркиндом, но при всем том — здоровым, физически развитым (Одесса, морские купания) советским мальчишкой, с кучей друзей. Феномен отрочества во второй половине 1930-х годов удивляет и исследуется, но — были компании, шалости, часто не безобидные, бравада (вроде остановки трамваев спинами двух закадычных друзей — папы и Григория Ланды, погибшего на войне), а главное — были надежды и чаяния. В конце 1930-х начинались юность, любовь и поиски смысла жизни, выбор профессии.

Для деда было очевидно, что его младший сын, несомненно одаренный не менее старшего, тоже пойдет в архитектуру, тем более что судьба Ноли складывалась на редкость благополучно (за одно из своих зданий в столице он получил Сталинскую премию).

Но папу эта стезя не прельщала, он хотел стать художником. Отец не разрешал и, когда папа поступил на живописное отделение Одесского художественного училища,

перестал с ним разговаривать. Коса нашла на камень. Все же в сентябре 1940 г. он начал учиться в Одесском строительном институте — успел проучиться год на архитектурном.

Когда началась война, папа и его друзья, как раз того самого рокового возраста, были мобилизованы. Папина военная жизнь началась, как я уже говорила, 22 июля. В этот день он попрощался с бабушкой, но не с дедом, упрямым и непростившим, и начал свою пятилетнюю военную эпопею. Папа преуспевал не только в точных и гуманитарных науках, но и в языках, немецкий он знал превосходно, занимаясь им и французским, кроме как в школе, еще и с учительницей. Поэтому он попал в школу военных переводчиков, откуда был выпущен в звании техника-интенданта 2-го ранга, переводчика 1-го разряда.

Всю свою детскую жизнь папа вел дневники — весьма распространенный вид самодисциплины и самообразования. Поэтому и в военный период, несмотря на очевидную опасность этого занятия с любой точки зрения (известны случаи гибели владельцев перлюстрированных дневников), он не отказался от этой привычки. В четырех блокнотах своим четким «машинописным» почерком день за днем папа записывал и зарисовывал.

Военный переводчик, командир разведчиков, очень осведомленный благодаря роду службы, математически точно анализирующий ситуации и в локальном военном соединении, и в гораздо более широких — дивизионных, фронтовых масштабах, метко характеризующий окружающих, появляющихся и исчезающих, как в калейдоскопе, он многое (на мой взгляд, слишком многое) доверял дневнику, где наряду с бесконечными тревогами о пропавших в Одессе родителях, муками ревности, которые доставляла ему любимая Нинушка, попытками разузнать о судьбе друзей, характерными бытовыми зарисовками, анализом книг, которые удавалось прочесть, стихами — своими и полюбившимися и многочисленными зарисовками — моментальными иллюстрациями он мог, например, в 1942 г. записать так: «Наша беда в низком качестве людского состава. И бойцы низкопробные, и командиры. Если это командир кадровый — то он, может быть, прекрасный строевик, знает назубок все уставы, может быть, имеет опыт боев — но знаний общеобразовательных, теоретических знаний явно не хватает. Не хватает знаний даже по своей специальности, не говоря уже о смежных. Если он инженер, то о связи у него уже

самые смутные представления. Мне кажется, что у немцев этого нет, и в этом их сильная сторона. Что-что, а офицерский состав у них, сволочей, силен».

Несмотря на то что он был штабной переводчик, часто уходил на задание с разведчиками: не всегда удавалось доставить пленных в штаб живыми, а разведданные были нужны. Об этих рейдах в тылы немцев у папы много в дневниках.

Он фиксировал все день за днем, месяц за месяцем, сталинградскую эпопею, курские бои, далее — ростовское направление, где он был тяжело ранен в мае 1943 г. и четыре месяца перекатывался из госпиталя в госпиталь, с одного операционного стола на другой. Была задета кость ноги, и врачи все старались ногу спасти, снимая и накладывая гипс, разрезая рану и выскребая из нее червяков и прочие инородные предметы. На пятой операции удалось извлечь из кости застрявший кусок снаряда. Но свищ не затягивался. Спасло море. Последним госпиталем оказался хостинский, и папа, несмотря на прохладную осеннюю погоду, выбирался на костылях на берег и купал ногу. Буквально за неделю все затянулось, и он опять оказался на фронте.

Накопившийся опыт допускает такую реплику: «Я лучше знаю немцев — другие в них стреляют, я же с ними разговариваю». На Шахтинско-Новочеркасском направлении ему довелось оказаться в окружении, из которого все же выбрались. В дневнике — на нескольких страничках — толковый анализ причин окружения и уничтожения дивизии.

А потом: «Последний пленный был у меня в Новороссошанском. Это был красивый, полный молодой парень лет двадцати, у него были белокурые волосы и приятный баритон. Он был тяжело ранен в грудь, сидел весь сутулясь и часто откашливался. Он рассказывал, как его прогнали из организации Hitlerjugend: они с товарищами сорвали и сожгли знамя со свастикой, за это они имели по три месяца заключения в концлагере. Его было очень жалко, но ничего нельзя было сделать: он был тяжело ранен, а у нас не было возможности с ним возиться. Я его отвел в балочку недалеко от штаба...»

Иметь в душе такой опыт — не самая большая жизненная удача, но невероятное везение, что жизнь — продолжается.

При малейшей возможности папа читал, ему ведь было все равно, на каком языке попадались книги: Лев и Алексей

Толстые, Стивенсон, Гринвуд, Киплинг, иногда это были и альбомы по искусству. Просто диву даешься, разглядывая срисованную им из немецкой книги Кнакфуса про Микеланджело схему росписи потолка Сикстинской капеллы: твердая рука, безошибочный масштаб (рисовалось авторучкой без подчисток и исправлений).

После Ростовского направления — Украина и — за граница, Польша.

Дата 9 мая 1945 г. стоит на непрономерованной страничке четвертого блокнота. Под ней подпись: «День, когда кончилась война. Это было в маленьком чешском местечке Чеkyне, недоезжая Оломоуца 20 км»...

Дневник папа вел еще почти год, поскольку его не демобилизовывали. (После очередной попытки в конце ноября 1945 г. он записывает: «В штабе ясно сказали, что моя категория демобилизации не подлежит».) Оставили во Львове. Служба не была спокойной, по ночам убивали, грабили. Неопределенность была во всем: даже еще и в 1945 г. он надеялся, что найдутся родители, которых почти два года укрывала в Одессе верная Клава, а когда их все же схватили и посадили в тюрьму, она ходила с передачами, продавая то, что сумела спрятать. Она рассказывала, как на вырученное от продажи папиных альбомов с марками закупала провизию для передач в течение нескольких месяцев.

Папа стремился в Москву: там жила и училась любимая девушка, там был брат. Постепенно узнавалось про судьбы друзей, кто погиб, как Гарик Ланда, кто вернулся инвалидом, как Аркаша Фуремс, кто уцелел, как папа, «всего лишь» четырежды раненный.

Только к лету 1946 г. удалось стать гражданским человеком 23 лет, сиротой с, не дай бог никому, военным опытом, без образования, без профессии.

Он поехал в Ленинград и был принят в Академию художеств на искусствоведческий факультет.

С Ниной, любовью к которой наполнен дневник, не получилось ничего, ее избранником стал другой. Следующим летом в Одессе он встретил мою будущую маму, знакомую еще с отрочества, хотя и не из его довоенной компании. Мама вернулась из плена. Завуч той школы, где ее дядя директорствовал, достал ей и ее матери фальшивые документы, и их забрали в рабочий лагерь как украинок. Мама блестяще знала немецкий и стала работать там в канцелярии, а бабушка — на кухне. В 1944 г. их отправили в рабочий

лагерь в Германии, и после войны они оказались в американской зоне. К тому моменту, когда они вернулись в Одессу, мама, кроме немецкого, знала еще четыре языка. Она начала учиться в Институте иностранных языков, сдавая экзамены по языкам экстерном.

К моменту женитьбы моих родителей мама уже закончила учиться и переехала в Ленинград.

Вот тут ее начали вызывать в органы.

Несмотря на то что не одна она была такая — вернувшаяся почти из рая в ад, но каждый конкретный случай — это отдельная, не похожая на другую история. Маму допрашивали, а папа ждал ее, надеясь и не надеясь...

Я думаю, что именно тогда, именно в эти моменты произошла метаморфоза: эти ожидания, гнет и страх уже не за себя, постоянная боязнь еще одной очень возможной потери — и мой папа стал таким, каким мы все — и я, и мой брат, и наши семьи — знали и помним его: человеком на постоянном самоконтроле, осторожным, взвешивающим каждый шаг, каждую фразу, каждое решение. Он, с 18 лет умевший анализировать, широко мыслить и иметь собственное мнение, став семейным человеком, обволок себя неким видом воска, запаковался в кокон, потому что происходившее в стране опять было ужасным, а параллели — очевидными до невообразимости. Я родилась в день уничтожения Антифашистского комитета.

Себя я помню отрывочно с двух, а хорошо с трех лет. С незапамятных для меня времен нас переселили на время ремонта дома на Московском проспекте, где у нас была одна комната, в громадную квартиру так называемого маневренного фонда за Обводным каналом. Там жило человек пятьдесят, был длинный коридор, не слишком большая кухня, а в комнате — печка. Папа привозил на саночках брикеты торфа и топил печку. В этой комнате он писал свои первые искусствоведческие работы — про польского художника Яна Матейко, про Кипренского.

Дом на Московском отремонтировали, и мы вернулись в свою двадцатиметровую комнату. Она была и столовой, и спальней, и рабочим кабинетом для папы, когда пришло время, туда втиснули и парту для меня, а потом кроватку с сеткой для братика. Конечно, не мы одни так жили, но сейчас это представляется в сюрреалистическом виде. Папа много лет прослужил редактором в издательстве «Искусство РСФСР». Он, с его культурным багажом, с литературным

даром, со справедливой требовательностью, с безупречным вкусом, был идеальным наставником.

Авторитет его в среде людей, причастных к искусству, рос год от года. Он стал заниматься ленинградской школой живописи и графики, давшей многих и многих замечательных мастеров, ее объединениями и направлениями.

Может быть, если бы он стал заниматься, к примеру, XIX в., он был бы более успешен и продуктивен, даже несмотря на издевательские условия труда. Но — невероятно требовательный к себе, оттачивавший не то что каждую фразу, но и каждое слово, он занимался мучительной самоцензурой, вкладывая каждое положение, каждое предложение в прокрустово ложе дозволенности, чтобы, не дай бог, недосмотрев, не подвести никого и никоим образом... Это высушивало мозги, подрезало полет мысли. Мы никогда не жили достаточно хорошо материально, но — если он понимал, что не может написать работу так, как задумал, он оставлял ее и возвращал полученные денежные авансы. Все уговоры и доводы о том, что — как бы он ни написал монографию, что бы ни оставил недосказанным, все равно это лучше, чем не написать, и лучше, чем кто-либо вообще сумеет, — не действовали. Даже его щепетильность по отношению к живущим персонажам, как, например, к художнику Г.С. Верейскому, и дружба с ними не могли его заставить вернуться к отложенной работе: если невозможно было высказаться по максимуму — то уж лучше никак. Самое неожиданное, что это не становилось основанием для обиды или разрыва отношений ни с тем же Георгием Семеновичем, так ждавшим достойной монографии о себе, ни с дочерьми погибшего в войну Николая Тырсы, ни с сыном умершего в блокаду Николая Лапшина.

Он был безусловным авторитетом даже в ЛОСХе — ленинградском отделении Союза художников, творческом объединении с его неизбывными атрибутами зависти, подсиживания, сплетен, возможно, именно из-за этого своего с годами все более затвердевавшего самоконтроля, делавшего его полностью неспособным к интригам, коими кишит мир искусства. Он был желанным гостем в мастерских В. Лебедева, Ю. Васнецова, А. Пахомова, Е. Чарушина. Нежно дружил с Г. Верейским, В. Власовым, Т. Шишмаревой, В. Курдовым, А. Капланом, О. Почтенным, В. Конашевичем, Т. Мавриной, Н. Кузьминым, В. Милашевским, Д. Митрохиным. Четверо последних — москвичи, и интен-

сивная переписка с ними, так же как и с искусствоведами Г. Островским и Ю. Молоком, — это уже часть истории советского искусствознания.

Не раз он мне говорил на выставках, на вернисажах: «Помни, кому ты пожимаешь руку!» Я помню.

Его стремление к систематизации, к упорядочению привели к созданию коллекции. Началось все, очевидно, с подарков художников, ну а далее как у коллекционеров: одно притягивает другое, третье, открываются совершенно новые пласты, происходят порой просто фантастические встречи и открытия, и вот уже не ты обладаешь коллекцией, а она ведет тебя за собой. С годами папино собрание графики советского периода стало одним из основательных и научно атрибутированных: уж он-то, профессионал, не допускал проникновения фальшивок. Каждый новый лист, будь то акварель или графика, которому везло попасть в папину коллекцию, сразу же получал паспарту, перекладывался калечкой, занимал место в папке. Когда приходили гости, папа безошибочно находил то, что хотел показать, обменять или подарить. Процесс обработки новых поступлений назывался «сурисение», он неизменно доставлял папе удовольствие.

Жилищные условия удалось улучшить только в 1968 г., когда мне было 16 лет, а брату Юре — 5. Как раз в кратковременную оттепель. У папы появился кабинет. Приходя из издательства, он забирался в него, как в нору, и — садился работать. От «неправильного образа жизни» — без спорта, без регулярных вылазок на воздух — он сильно пополнил, а постоянные самоконтроль, раз и навсегда угнездившаяся боязнь за семью, душевный разлад с действительностью привели к надрыву сердца.

Я думаю, он постоянно ощущал разницу между собой юным — храбрейшим разведчиком двадцати лет и нынешним — умудренным и удрученным свершившейся жизнью и несбывшимися надеждами. Поэтому мы лишь отрывочно, по случайным воспоминаниям знали о его героическом военном прошлом. А дневники — они не были спрятаны, лежали в среднем ящике его секретера, но даже в голову не приходило рыться в чужих бумагах без разрешения. Но уже в начале 1980-х гг. он осознал, что война и его место на той войне, те воспоминания, от которых он так пытался отгородиться, остаются важнейшими в его жизни. Что как это ни парадоксально, но именно там и именно тогда он был

в ладу с собой. И он начал исподволь приближаться к этой теме. Так, он опубликовал эссе «Перечитывая старые письма» и в главке «Сосед по фронту» рассказал историю своего знакомства с Виктором Некрасовым — соседом по окопам Сталинграда. Он начал готовить к печати свои военные рассказы, сделав выборку из военных зарисовок, написал статью к каталогу «Партизанских портретов» В.А. Власова.

И — наряду с этим, отодвинув на задний план все свои теоретические труды, он занялся собиранием архивов ленинградских художников и их переписки военного времени. Он словно бы стал архивариусом поколения, добровольно и сознательно взвалив на себя, уже нездорового, невероятное количество хлопот. Надо было представлять себе, у кого могут храниться те или иные материалы, как подойти к наследникам и не только и не столько получить разрешение на изучение, но и даже зачастую подвигнуть их на поиски — хорошо, если на антресолях, а иногда в сундуках на дачах... Он получал связки писем, читал, а нередко дешифровал их, начинал искать, связывать, дополнять факты, написанное вскользь, между строками, недосказанное, сопоставлять точки зрения разных корреспондентов на одно и то же событие. Он сохранял эпоху. Ту эпоху, существование в которой, беспощадной и ужасной, служит хоть каким-то оправданием загубленных судеб и утраченных чаяний и надежд. 1941—1945 гг. Он будто помолодел. Кабинет был заполнен папками — в его распоряжении было 47 архивов ленинградских художников! Двухтомник «Больше, чем воспоминанья», которым он, наконец, сделал то, к чему стремился, — связал жизнь и искусство, предварен замечательной вступительной статьей, кончающейся так: «Сейчас, когда они (письма) извлечены из архивных папок, из бережно хранимых шкапуток или из дальних углов антресолей, перечитывая их, как-то особо осязаемо понимаешь: они живые, эти письма. Они, оказывается, были адресованы людьми того времени не только друг другу, они были адресованы нам сегодняшним. Обращаясь к нам, они делают нас строже и требовательнее к самим себе, а значит, внутренне сильнее и чище. Поэтому данная публикация... нужна не только им, ушедшим, но и нам. Именно ради этого написанное остается». Напечатанным он его не увидел.

Книга была выпущена в 1993 г., через два года после папиной смерти, мамой — Л.И. Сурис и Валерием Розенталем, предпринимателем, одним из добрых дел своей жизни по-

ставившим издать папины работы. Это в общем-то даже не книга, а только ее репетиция: два белых томика в мягкой обложке, а форматом — надо же, приближающиеся к блокнотам, в которых папа вел военный дневник. Сейчас, по прошествии 17 лет, это — библиографическая редкость, и требуется новое издание, большего формата и проиллюстрированное.

Вслед за этой работой Валерий Розенталь спонсировал и издал подготовленные мамой и братом (Л. и Ю. Сурис) папину монографию о ленинградском художнике Николае Тырсе, погибшем в 1942 г. (1996), и сборник избранных работ (2003), где отдельным разделом включены воспоминания о папе.

Несмотря на то что остались уже немногие, лично его знавшие или работавшие с ним, но воспоминания о его порядочности, профессионализме, трудоголизме передаются, как легенда. В 2000 г. искусствовед Михаил Герман выпустил книгу воспоминаний «Сложное прошедшее», где мало кому не «досталось на орехи». Пожалуй, даже всем, кроме папы, которому он посвятил несколько прочувствованных страниц. Врач Г. Вселюбский, знакомству папы с которым было отпущено совсем немного лет, написал так: «Известный американский психолог Гарри Салливен дал одну из самых глубоких дефиниций личности, определив ее как функцию интерперсональных отношений. Культура же — форма реализации этих отношений, то есть форма общения между людьми. Борис Давыдович Сурис — явление отечественной культуры».

Он вышел из «поколения двадцатилетних лейтенантов», того, где из тысячи ушедших на войну возвращались лишь двое. Он — вернулся и так же честно, как воевал, старался жить и дальше.

Как — об этом я попыталась рассказать.

Татьяна Друбецкая (Сурис)

Дневник

1942–1945

1942

Май

17-е

Вызвали в санаторий, оформил документы, достал сапоги, и 18-го — поехали.

В Куйбышеве застряли настолько, что нас догнали еще две команды. Ехали дальше мощным творческим коллективом в 36 чел.

«Здесь бомбят».

Армия — это такое странное заведение, где все почему-то ходят в ногу.

31-е

Итак, техник-интендант 2-го ранга Б. Сурис, переводчик 1-го разряда при штабе 71-го УРа¹. Солидный человек, черт возьми! С двумя кубиками и 659 рублями основного оклада! Но пока что — опять сижу в проклятом тылу. Какие-то гадкие лагеря вроде блаженной памяти Татищева. Правда, я здесь еще не обжился, может, позже покажется лучше. Надеюсь, однако, что долго здесь не задержусь. Скорее бы!

Говорят, отсюда есть дорога даже на Иран.

Ехал я сюда через Москву. Ситуация, достойная какого-нибудь душещипательного романа, — не застал брата. Он, очевидно, в командировке в Свердловске. Просто не могу

¹ Укрепленный район.

себе представить, как произошла бы встреча с ним, — это было бы так невероятно замечательно... Но — *es gibt keine Wunder*¹ — встреча не состоялась. Питаю еще маленькую надежду, что обратный путь отсюда пройдет через Москву *wieder*².

Вообще никого в Москве не нашел, Таубе <неразб.>, Сюмы нету — он где-то в Барнауле. У него в квартире была только очень симпатичная соседка и Давид Александрович (не его ли называли «Давидунька»?). Звонил Дубинскому, Музам — *kein Erfolg, keine Resultate*³.

С участвовавшим сердцем приближался к Туськиному дому — ее и в помине <нет>. «Софочка, Софья Пална, Софья Пална — где вы теперь??» Ушла ли она на фронт или опустилась в мещанскую гадость?.. Мне хочется верить первому.

Третьяковка закрыта, музеи все тоже... Скучно в Москве. Я смотрел на москвичей с уважением. Это люди, пережившие страшное время и не покинувшие родной город, несмотря ни на что.

А что они переживают сейчас! Это немногим лучше... Килограмм хлеба стоит рублей сто—сто пятьдесят. Очереди на 2—3 квартала, когда в магазине что-нибудь дают, а дают так редко. Девушки лет четырнадцати—пятнадцати с худыми лицами, тонкими, худыми, нервными руками. Молодые женщины с мешками под глазами... Плохо, плохо в Москве...

Во всем городе я заметил три-четыре разрушенных бомбами дома. На всех площадях, в скверах — приземленные аэростаты. Зенитка на площади Ногина. Разрисованные маскировкой дома, Кремль, Кремлевская стена. Кое-где — груды ржавых, огромных, сделанных из рельс противотанковых ежей. Уже месяца два, как не было воздушных тревог.

Что я делал в Москве? Сначала растерялся из-за отсутствия *Unterkunft*'a⁴, первую ночь мы с Куниным братски

¹ Чудес не бывает (нем.).

² Снова (нем.).

³ Без успехов, без результатов (нем.).

⁴ Приюта, ночлега (нем.).

разделили постель в Армянском <переулке>. Потом началась беготня по всяким Dienststellen¹ — РУ, МВО, где немилосердно морочили голову и плохо кормили. Кроме того, бегал по магазинам всяческим, по двадцать раз в один и тот же, все чего-то искал, искал, много денег в кармане подгоняло. Заболевал при виде поразительных книг, переполняющих магазины. Много раз ездил вверх-вниз и взад-вперед на метро.

Должен сказать: не почувствовал даже дуновения воспоминания о прошлой поездке в Москву. Тогда я ходил по Москве с мамой...

Потом мы с Куниным ночевали на диване у матери Геца. Замечательная женщина, так много пережившая. Отец и сын пропали без вести, Сережа в Ставрополе. Известие о том, что он там остался, сделало ее счастливой. По фотографиям можно судить, как страшно изменилась она за последнее время.

Во что превратилась моя мамочка, если она еще жива?..

Софья Яковлевна Гец:

Садовая-Триумфальная, д. 2/30, кв. 28

(угол пл. Маяковского)

Работает: Кирова, 47, т.: к-0-12-00 или к-0-29-00, добав. 25-86

Узнать можно: Армянский п., 9, кв. 20, т. К-5-74-28

Гороховецкие лагеря, ст. Ильино: впечатление безотрадное. Красноармейцев мало, а те, которые есть, — или пацаны, или затрухи какие-то. Кормят здесь паршиво, даже нас, комсостав.

Вчера и позавчера, а как говорят, и каждый день — налеты на Горький, от которого мы находимся километрах в 60.

УР — укрепрайон. Новая выдумка, и, кажется, остроумная. Новые части — пулеметно-артиллерийские батальоны. Очень здорово. А la линия Маннергейма. Давно пора было завести такое.

¹ Филиалам (нем.).

Акулянц Рукер Брюкер.

Немец вшивый, битый, разложившийся, голодный, безыдейный, но почему же он, сволочь, так силен?

Боец взял под козырек и страшно затопал ногами — это он делает строевой шаг. Длинная обмотка волочилась за ним по пыли.

«А вам здесь что, команда не касается?!»

Июнь

Faule Witze¹ — ленивые шутки — дело дрянь.

Сейчас у нас боец должен больше ползать, чем ходить.

2-е

Влип в наряд. Гадкая вещь — быть комдежем, когда совершенно не в курсе дел. Уж лучше бывало дневалить!

До сих пор не могу вырваться в баню, библиотеку, книжный магазин.

Новое слово: человек, который был в окружении, — «окруженец».

Я забыл имя и отчество Жекиной матери, забыл имя и отчество Павлюка, многое, многое забыл.

Когда человек сидит, ни черта не делает и bruten², разные тоскливые мысли лезут в голову. Тоска, тоска... Да тут еще дождь льет на улице — настоящая летняя гроза...

Как далеко, необыкновенно прекрасно и уж вовсе неповторимо то, что было всего какой-нибудь год назад!

Лора-Люка, Наташка, Ниночка — малышука, Фиалка — где вы теперь?

¹ Дурные шутки (нем.).

² Сидит на яйцах (нем.).

Что с Жекой и Витькой? Мысль о них причиняет мне страшную боль. Так глупо расстаться... И как отлична от нынешнего была бы моя судьба, будь я с ними!

3-е

Сегодня, наконец, сходил в баню — с души как будто пуд грязи сняли. Надо еще отдать постирать белье и пару портянок — полотенце, летние портянки и носовой платок (один из моих двух!) — уже в стирке.

Сегодня подсчитал свои капиталы — 400 рублей, да еще пара десятков. Начинаю богатеть и накапливать круглые суммы — старая истина, что солдат-наемник во время войны богатеет. Между прочим, немецкие слова Soldat — Besoldung — Sold¹ имеют один и тот же корень. Наверное, здесь происхождение слова «солдат».

4-е

Некоторые замечания о нашем командовании. Комендант УРа — полк<овник> Сажин, его видел впервые лишь сегодня, да и то мельком.

Комиссар — полковой комиссар. Этаким несколько жлововатый пожилой человек с довольно грубой внешностью, но, кажется, рубаха-парень.

Майор — начальник штаба — орденоносец. То, что называется «волевой командир». Внешность импозантная, в общем, мне очень нравится. Фамилия совсем неподходящая — Филиппюк.

НО-1 ст<арший> л<ейтенант>т — тоже очень симпатичный и культурный (бывший инженер — архитектор). Мне с ним почему-то не везет, — все что-то не так получается. Лицом очень похож на Письмана (ДКА, Пугачев).

Мой прямой начальник — старший лейтенант Мамедов. Татарин, но мне он все время кажется грузином — и внешность у него такая, и акцент такой. Прекрасный парень — молодой, веселый. С ним уж мы поладим! Он крымский татарин.

Есть еще всякие интенданты, воентехники, капитаны и прочие. Среди воентехников — много молодых парней 2-го ранга — хорошие ребята. Холодов — воплощенная посред-

¹ Солдат — плата за службу — оплата (нем.).

ственность, даже не посредственность, а бездарность — тупой, ограниченный, ругается на каждом слове матом.

Кстати, нужно сказать, что за ставропольский период я совершенно отвык от мата — «среда заела». Слава богу!

Сегодня утром проснулся и с ужасом почувствовал, что по мне ползает какая-то сволочь. Неужели вошь!.. Оказалось — муравей. Вздохнул облегченно. От вшей я уже месяцев 5 как избавлен. Страшно вспомнить, что было в Татищеве и Розенфельде, страшно вспомнить эти черные горошинки по всему телу, по всему белью, на шинели, их лопанье с треском... Бррр!

5-е

«Не сгорим в воде и не утонем в огне» — как говорит Мамедов.

6-е

Противно смотреть на этих свежеиспеченных лейтенантов, которыми полон полк. Знания их, как мне кажется, даже меньше знаний старых, кадровых младших командиров (вроде Богатыря, Ольхова, Билки). Это парни с низким образованием, сохранившие все свои грубейшие хамские манеры, жлобский голос и деревенскую внешность. Не верю я в этих командиров!

Комаров здесь видимо-невидимо. Вчера я видел, как один боец бил их, все время приговаривая (украинец): «От кровопивець, от гитлерюка чортова».

Вчерашние занятия, которые проводил ст. л-т, очень полезны. Особенное внимание обратить на кодировку карт.

Когда я уже дорвусь до своей работы! Дайте мне фрица!

Р<усско>-нем<ецкий> словарь при мне.

Нем<ецко>-р<усский> словарь при мне.

Словарь жаргона при мне.

Справочник по организ<ации> герм<анской> армии при мне.

Р<усско>-нем<ецкий> словарь малый при мне.

Rembrandt при мне.

Kampf при мне.

Lenbach¹ при мне.

Пособие по рисованию Куйб<ышев>.

Репродукции Куйб<ышев>.

Самую приятную команду — «отбой» — он кричал таким противным голосом, что сразу пропадало всякое удовольствие.

Завел «Бритвенную таблицу». Вот идея, понравившаяся бы Жеке! Он бы сказал: «От законно!» Эх, Жечка, Жечка...

7-е

Есипов едет в командировку в Москву — вот счастливец! Если бы и мне выдумать какой-нибудь повод для командировки. Но, к сожалению, ничего не придумаешь. Нольку сюда заполучить тоже невозможно. Сиди, Б. Су-рис, на месте и не рыпайся.

Если ранят тебя крепко,
Отделенному скажи.

П р и п е в:

Эй вы, поля,

Зеленые поля,

Красна кавалерия садится на коня.

Судорожный, истерический героизм, героизм отчаяния.

Пропал без извести.

Бойцы, которых сейчас набирают, хорошо характеризуются словом «затрухи».

Есипов уехал в командировку в Москву. Черная змея зависти гложет мое сердце. Я решил: если до следующего воскресенья не выедем — прошу отпуска на 2 дня к Ноле в Москву. Мне почему-то кажется, что майор не откажет.

¹ Альбом художника Франца фон Ленбаха (1836—1904).

В подобных случаях Швейк говорил (это любил повторять Каменир — хитрый еврей с двумя кубиками в петлицах): «Пусть будет как будет. Ведь никогда так не было, чтобы никак не было».

8-е

Нижеприведенные стихотворения написаны мной давным-давно, еще примерно в 1938—39. Тогда они мне очень нравились и носили претенциозное название:

*Sea and love (Songs)*¹

Я, к сожалению, не все могу сейчас восстановить по памяти, во всяком случае, был задуман целый цикл, и штук 7 было написано.

Должен сказать, что и теперь я ничего против них не имею.

DIE HERBSTLAUNE²

Шепчутся каштаны, шелестят акации,
В тучах серо-хмурых небо надо мной...
Золотые листья в воздухе вихряются,
Ветер, море вспенив, гонит в порт прибой...
На большом бульваре слякотно и грустно...
Я брожу устало вдоль пустых скамей...
Листья шевелятся с шорохом и хрустом,
В луже копошится грязный воробей...

* * *

Мы шли на Занзибар Индийским океаном —
Нас гнал пассат в одиннадцать баллов,
Нас было двадцать пять отчаянных голов,
И Чорт-Виллоубк был нашим капитаном.
Нас гнало — мы неслись. Шпангоуты трещали,
Воды взбесившейся гора шла за горой,
И рев, и стон, и гул стояли в тьме ночной,
И брызги искрами нам кожу обжигали...
И все густела мгла, и ураган проклятый

¹ Море и любовь. Песни (англ.).

² Осеннее настроение (нем.).

*В снастях свистел, как тысяча чертей,
Лохмотья парусов со всех рвалися рей,
И мы молились богу, ужасом объаты...*

ФРЕГАТ «САВАННА»

*Свинцовое море, печальное море,
Волнуясь, лежит предо мной...
Соленые ветры на вольном просторе,
Быть может, развеют унылое горе,
И прошлое смоев прибой...
На юг, все на юг, под чужие широты
Лежит мой сверкающий путь.
А ты...
Пусть минуют тебя все заботы,
О горе житейском не знай ничего ты,
Прощай же — и счастлива будь...
Прибрежные скалы покрыты туманом,
Протяжно скрипит кабестан.
Дуй, ветер попутный, свисти неустанно,
Пусть мчится по пенистым волнам «Саванна»
В великий пустой океан!
О Случай, отныне будь нам капитаном!
Пусть гибелью рифы грозят,
Пусть треплют нас бури, пусть бьют ураганы,
Пусть нас пригонит к неведомым странам, —
Лишь там я покину фрегат.
Коралловый остров на солнечном взморье —
Для жизни, навеки пустой...
Соленые ветры на вольном просторе,
Быть может, развеют унылое горе,
И прошлое смоев прибой...*

* * *

*Старый рыжий Билли Гокинс,
Отправляясь на причал,
Через плечи сеть накинув,
Песни громко распевал.
Билли сиплый, Билли хриплый
Песню весело орал.
Песни старые морские,
Песни звонкие, лихие.
Много песен Билли знал!
Пел про мачты он высокие, пел про страны он далекие,
Про морские чудеса, про чужие небеса,
Пел про ванты и шпигаты, про корветы и фрегаты,*

*Про отважных злых пиратов
И про косые паруса...
Он пел — и на песню сбегались мальчишки,
Забыв про занятия, школу и книжки,
Он пел — и сбегались девчонки отсюда,
Забыв про невымытую посуду,
И, чуть заведев старика,
Кричали уж издалика:
«Старый Билли, с добрым утром!
С добрым утром!..
...утром!..
...утром!..»
И в суматохе на причале
Все помогать они спешили
Спускать на воду шлюпку Билли —
И вслед ему кричали:
«Попутного ветра и доброго утра!
Эй — утра!..
...эй — утра!..
...эй — утра!..»*

9-е

Получил из стирки белье. Так как моя пара белья куда-то пропала, старшина в компенсацию дал другую. Это оказалась совершенно новенькая и чистенькая пара. Я обрадовался, как радовался когда-то, получив интересную книгу или раздобыв хорошую репродукцию. Интересы меняются, то было, могу теперь сказать, в детстве, это — теперь... Но, ей-богу, насколько тогда было лучше, и как мне жаль этого детства! Последние пару дней меня заедает страшная тоска — скучаю по дому, по родным, по брату, скучаю по моим старым друзьям, даже по ставропольским ребятам, даже по людям, когда-то просто знакомым... А кругом все такие чужие...

Вспомнил Жекино открытие, что Сталин пробовал писать стихи:

Помните, любите, изучайте Ильича,
Нашего учителя и нашего вождя!

Вспомнил, как бедный Жечка никак не мог понять одной записи у меня в «Записной книжке им. И. Ильфа»: «На следующий день — запах рукава пиджака».

Какая бездна воспоминаний из этой строчки всплыла вдруг!

Теперь я часто бываю один. Раньше — ни в Ставрополе, ни, тем более, в частях — это мне не удавалось. А сейчас, когда из нашей маленькой, довольно уютной землянки все уходят, я располагаюсь за импровизированным столиком, навожу на нем, по мере возможности, такой же беспорядок, какой был когда-то у меня на письменном столе, и работаю целый день. Никого нету, никто не мешает — хорошо!

За окном время от времени лопаются гулкие выстрелы — недалеко артополигон, — да иногда, проходя мимо, бойцы поют песни грубыми солдатскими голосами.

13-е

Холодная, дождливая, не июньская погода.

В такую погоду я обычно шел в музей на Софиевской, сам или с Витькой, больше сам. Блестел эдвардсовский Суворов, мокрый и черный, вдалеке смутно была видна прокопченная Пересыпь. Ждал трамвая № 12 или 2, ехал в училище, смотрел пару репродукций и шел домой, мечтая увидеть Фиалку...

Где это все...

Достать, сделать и т. п.

(без ограничения срока)

1. Постирать гимнастерку и брюки.
 2. После этого к ним пришить новые пуговицы.
 3. <Неразб.>
 4. Сапоги (или, по предложению Я, сделать брезентовые, или достать новые).
 5. Гребешок, перочин. нож, фонарик.
 6. Устроить поездку в Москву!
 7. Чемодан.
 8. Письма: Ноле, Гецу, матери Геца, Саше, Давиду, Нате — поскорее написать и отправить!!!
 9. Часы.
 10. Авторучку.
 11. Лампочку и батарейки для фонаря.
 12. Пистолет.
 13. Бритву.
- <Зачеркнуто все, кроме 11 и 13.>

В «Правде» от 7.06: «Товарищи бумажники! Включайтесь в социалистическое соревнование!»

«Всесоюзное социалистическое соревнование бумажников».

Я, бумажник такой-то, вызываю на соцсоревнование кошелек такой-то и призываю все портмоне активно бороться за...

Их было человек пятнадцать. Видно, несколько дней бродили они в лесу, пока не набрали на нас. Перевязанные, в грязных, излохмаченных шинелях, пилотки, спущенные на уши, они шли медленно, волоча по снегу обмороженные, укутанные тряпками ноги, поднимали кверху скрюченные руки, они нерешительно и боязливо смотрели исподлобья, они боялись. Лица их были серого цвета. Они молчали. И все наши молчали. Я на всякий случай держал в руке револьвер и видел, как стискивали винтовку руки стоявшего рядом бойца, как забегали желваки под его обросшими рыжей щетиной челюстями...

Вдруг командир взвода, у которого был немецкий автомат, вскрикнул что-то страшно грязное, выругался страшными словами и, вскинув автомат, перерезал одной короткой очередью всех пятнадцать человек на уровне живота. Потом еще очередь — по лежащим, недобитым, — еще несколько отдельных выстрелов. Потом он бросил автомат в снег и отвернулся от нас всех, ушел, бормоча: «Ах, сволочи, бляди, ах, сволочи»... Его глаза были бесцветны... Один из немцев еще долго не умирал, он лежал на боку, уткнув лицо в снег, и его правая нога в порванном сапоге все время сгибалась и разгибалась.

А лейтенант ушел в землянку и залпом выпил несколько склянок спирта. Его убили в первом бою.

Все было очень просто, не так, как их учили. Никаких психологических знаний не нужно было. Все было гораздо проще. Психология и всякие высокие материи тут были ни при чем.

Они все молчали. Старший летчик — оберлейтенант, рыжий и приземистый, на ломаном русском языке объ-

яснил: ваши офицеры всегда молчат — и мы тоже отвечать отказываемся. Тогда его вывели и расстреляли тут же, на улице, перед окном. Остальные сразу заговорили.

15-е

Вчера был смотр нашей «имперской армии». Безотрад-ное впечатление, усиливающееся еще тем, что они не об-мундированы, оборваны. Разношерстная толпа юнцов и очень пожилых людей, несколько вполне дегенеративных типов. Пропадешь к черту с такими бойцами!

Только рота связи и огнеметная рота как будто ничего.

Неожиданная какая-то благожелательность ко мне со стороны жирной блондинистой эстонки — кассирши на-шей столовой, которой я дал почитать немецкую книжон-ку. Вчера она, без всякой просьбы с моей стороны, вы-писала вдруг два вторых, сегодня — белый хлеб. Такое дело!..

16-е

Все утро во время завтрака в красноармейской столовой играет оркестр. Исполняются всякие румбы и танго со ста-рых патефонных пластинок. Это хорошо — не слышно, как ругаются голодные бойцы.

А на площадке у столовой — толкучка. Здесь меня-ют сахар, спички, хлеб на табак, табак на хлеб. Продают все, что только купят. стакан махорки стоит рублей 100—150.

Вчера читал старую пожелтевшую потрепанную книгу типа Эмара — названия не знаю — нет первых страниц. Приятно читать книгу, где на каждой странице скальпиру-ют, проливают кровь, потрясают томагавками, где есть Перст Божий и сон в руку.

17-е

Сегодня утром опоздал на зарядку, опозорился, дважды приложив руку к голове без головного убора. Испортил себе этим настроение на все время. Черт возьми!

18-е

Прочел «Фронт»¹ Ставского. Тошнотворная пьеса, бездарность автора. Как человек не понимает, что он пишет!

Зато вчера получил удовольствие — прочел Бертольта Брехта «Ужас и отчаяние III империи»² — потрясающая книга талантливого писателя. Это книга, при чтении которой мороз проходит по коже.

Раздолб от ст. л-та — начальника 1-го отделения. Это человек, не знающий, что у людей есть такое чувство, как самолюбие.

Наша беда в низком качестве людского состава. И бойцы низкопробные, и командиры не того. Если это командир кадровый — то он, может быть, прекрасный строевик, знает назубок все уставы, может быть, имеет опыт боев, — но знаний, общеобразовательных, теоретических знаний явно не хватает. Не хватает знаний даже по своей специальности, не говоря уже о смежных. Если он инженер — так о связи у него уже самые смутные представления.

Мне кажется, что у немцев этого нет, и в этом их сильная сторона. Что-что, а офицерский состав у них, сволочей, силен.

19-е

Опять пом<ощник> деж<урного>. Сейчас уже кончаю. Сегодня, надо признаться, дежурство прошло благополучно, т. е. не скучно. За его время прочел «Записки майора Пронина»³ — под Шерлока Холмса, сделал стенгазету. Опять стенгазеты! Когда я уже кончу их делать? Все время моей

¹ Здесь — явная ошибка автора. «Фронт» — пьеса А. Корнейчука, которая в годы войны обошла практически все театральные подмостки.

² Так же неточно папа назвал книгу Б. Брехта. В том издании, которое попало ему в руки, она называлась «Страх и отчаяние в III империи» (М.: ОГИЗ, 1941). Брехт писал ее в 1935—1938 гг. (*Здесь и далее примеч. Т. Друбецкой.*)

³ «Рассказы майора Пронина» (1940) — повесть, написанная Л.С. Оваловым (наст. фамилия Шаповалов (1905—1997), был репрессирован (1941—1956). Имя майора Пронина для нескольких поколений советских людей было столь же нарицательным, как комиссар Мегрэ Сименона или Эркюль Пуаро Агаты Кристи.

службы в Армии только и делаю, что выпускаю стенгазеты¹. Сегодня я почувствовал, что, если я хочу когда-нибудь вернуться к ремеслу художника, так нужно бросить стенгазеты. Это больше даже вредит, чем полное безделье.

25-е

После недельных дождей сегодня впервые солнечное, теплое утро. Через открытое окно слышно — щебечут птицы, в соседнем доме патефон играет «На волнах Дуная». Опять Жека, Наташка, Витька... Ком в горле, до слез.

Старший лейтенант разрешил обратиться к майору по вопросу поездки в Москву, но я все не решаюсь. Боюсь — ничего не выйдет.

26-е

Скучно... скучно... Абсолютно нечего делать, ну, абсолютно нечего, пустота, вакуум. Тоска от этого безделья. Нет товарищей. Я стал жить от завтрака до обеда и от обеда до ужина, с нетерпением дожидаясь этих никчемных трапез. Книг мало, и все это литература военная, которую я не могу читать подряд все время. Изредка достанешь что-нибудь — хоть чепуху, хоть ерунду, проглотишь, и, как голодный жрет что попало, не чувствуя вкуса, так ничего не доходит из прочитанного. Пусто в голове, пусто в желудке, пусто внутри меня и пусто вокруг... Боже мой, каков же выход из этого?

О, если бы отпустили в Москву...

<...>

27-е

Сегодня ночью мне снился замечательный сон, совершенно волшебный, и я проснулся под большим впечатлением. Содержание его примерно таково.

¹ В письме к А.Л. Когану папа пишет: «...Отношения с начальством самые лучшие, со всеми, начиная от командира и комиссара полка и кончая старшиной и писарем роты, я дружу. А о политруках и говорить нечего: они меня ценят, как художника и спеца по стенгазетам. Для красноармейского ансамбля клуба полка я пишу текст песенок, конференс, как заправский эстрадный поэт. Словом, культработник и незаменимая личность... Хотелось бы одного: рассказать это все моей мамочке. Я-то знаю ее тревоги и заботы, она, наверное, давно уже меня оплакала и похоронила... Где-то она теперь?»

Сначала — солнечный морской берег ослепительно-белого песка, похожий на Аркадию. Наполовину вытащен на сушу швертботик под названием «Бегущая по волнам». Я — в широкополой морской шляпе (как у Пенкрофа¹), не старый, как сейчас, а молодой и восторженный, как год-два назад. Потом откуда-то приплывает большое парусное судно (шхуна?), тоже — «Бегущая по волнам», откуда-то появляется девушка, скажем Фиалка. И вот мой швертбот идет в море. Попадаем почему-то в какой-то просторный дворец — самое сильное впечатление сна. Огромные, светлые, блестящие залы, высокие узкие окна выходят на море, тяжелые портьеры вместо дверей и потоки света повсюду. Наш ботик тоже как-то попал во дворец, и нужно отсюда непременно выбраться. Мы нажимаем все кнопки, какие только видим на стенах, сдвигаем рычажки, за что-то дергаем, поворачиваем, крутим — долго и мучительно ищем, ищем секрет и не находим его. Потом какой-то зал, спускаемся туда по трапу, очень похож на комнату — корабль у нас, в Одесском дворце пионеров. Бронзовые поручни, трапы, переходы, все пространство заполнено такелажем, распущенными парусами какого-то корабля.

Потом — мы на ботике под парусами плывем по ночному морю, и черное небо нависло над нами, как свод огромного грота. Бесчисленные блески редких металлов и драгоценных камней — звезды горят на этом своде. Это длинный, длинный грот, длинный, длинный путь... Я управляю парусами, девушка сидит за рулем. За кормой фосфоресцирует пенящийся след...

Тут я проснулся. Шуршал песок, осыпавшийся с потолка землянки, кряхтел во сне Колесников.

<...>

28-е

Получил повышение в чине — уже не помдеж, а целый деж.

Вчера вечером — два случая дезертирства. Эх, вояки!

¹ П е н к р о ф, моряк — герой романа Жюль Верна «Таинственный остров». Возможно, что этот образ навеян воспоминаниями об одноименном фильме, выпущенном Одесской киностудией в 1941 г. (режиссер Эдуард Пенцлин). Роль Пенкрофа там играл Андрей Сова.

Анекдот майора Задонского о персидском шахе и оркестре. Как барабанщику всегда везет, а флейтисту всегда плохо.

Капитан Гофман — симпатичный старик. «Старик на болоте» — как его однажды назвал капитан Гутковский.

Лейтенант Куземский — вот с кем я, пожалуй, сблизюсь. Хороший парень.

29-е

Наконец-то моя кисть меня кормит. Это не фигурально, а буквально сказано. Теперь, пока у меня есть кисть и рука в состоянии держать ее — три (минимум!) обеда в день мне обеспечены. Способ очень прост и легок, и дурак я, что давно не додумался. Ха-ха-ха!! (это обозначает мефистофельский хохот).

Тобрук пал, оставлен Купянск, наступление под Курском. Когда они перестанут побеждать?!

Голодному закон не писан, любые преступления, ведущие к насыщению, он будет оправдывать. В таком состоянии человек становится способным на самые низкие поступки.

Июль

2-е

Вчера открылась наша собственная уровская столовая. Готовят там и вкуснее, и сытнее, и кормят быстрее и приятнее. Чувствую, что вопрос питания начинает терять свою остроту. Но зато всплывают другие вопросы. Надо достать чемоданчик — Янглин говорит, что за пачку табаку можно заполучить любой. Говорят, 5-го привезут табак. Вот тогда-то я это дело и организую.

Сегодня выдавали обмундирование. Мне дали вещмешок, одну пару летних портянок и одно полотенце (правда, мировое) — из-за перевранного аттестата не дают ничего больше. Написал рапорт, требую гимнастерку, штаны, сапоги. Посмотрим, дадут ли.

Если достану чемодан и если дадут сапоги — из мешка и подошв от старых сапог можно будет скомбинировать брезентовые сапоги, какие тут у нас сейчас в моде. Вообще же план действий примерно таков:

- 1) достать чемодан,
- 2) получить обмундирование,
- 3) заказать сапоги,
- 4) помыться в бане,
- 5) действовать по поездке в Москву.

Кто-то не то с тремя кубиками, не то со шпалой¹ спер Меринга². Какая сволочь!

3-е

С раннего утра объявлена воздушная тревога, благодаря чему даже не было зарядки.

Сегодня пойду по батальонам. Я хочу выявить всех, кто хоть немножко знает немецкий (думаю, что пара-другая человек найдется), и устроить им небольшие курсы, научить их, по крайней мере, обращению с разговорником. Это мне должно помочь в дальнейшем.

Е...т переводчика все, кому не лень.

4-е

Вчера вечером обучал капитана Гутковского станковому пулемету, и вдруг приносят открытку от Ноли — из Москвы — и в ней (самое главное!) — известие о Нинке, Ни-нушке, Ниночке!!! Сел сейчас же писать ей письмо, но получается все какой-то бред. Я в восторге, что она нашлась, и все отдал бы, чтобы узнать — какой она стала сейчас. Неужели письма от нее так и не успею получить?

Сегодня идиотский день. Пошли стрелять на полигон, отмахали километров 6, потом стали петлять, еще кило-

¹ Знаки отличия в Красной армии того периода: эмалевые красные квадраты (кубики) — средний комсостав, прямоугольники (шпалы) — старший комсостав.

² Речь идет о книге Франца Меринга «Очерки по истории войн и военного искусства» (М.: Воениздат, 1941). Она была издана в серии «Библиотека командира».

метра 3 проблуждали попусту, под дождем — градом вымокли до нитки (сапоги у меня были полны водой), и после всего так и не стреляли.

По дороге инж. Боголепов расск<азывал> — при повешении у человека происходит извержение семени, при смерти от выстрела в затылок — след на нижнем белье. Интересно.

Вчера пал Севастополь...

5-е

Опять строевой смотр — третий за все время — ну, сколько же можно!

Вчера вечером мылись в бане — на этот раз в Золине. Настоящая крестьянская баня на трех-двух человек. Жарко, как в Африке. Для смягчения воды в кипяток насыпают золу — примитивная химия. Хорошо помылись, но зато проворонили ужин.

Нинке письмо все не могу кончить — не могу поймать то настроение, с которым начинал его.

Капитан Гутковский уехал в Москву. Все едут, только не я! Военврач наш обещал что-то, но я не верю.

Не везет с обмундировкой, не везет с поездкой, ни с чем не везет. Какая-то полоса невезения началась для меня. Все идет к черту.

Это была не дорога, а противопехотное препятствие.

Когда вывели на смотр — все старшины рот были в хромовых сапогах.

7-е

Намечается комбинация с хлебными карточками — не знаю, выйдет ли.

Такой способ борьбы с воздушными десантами немцев. Район, на котором высадились и закрепились парашютисты, оцепляют и с самолетов обливают смесью бензина с

нефтью. Затем подходят огнеметные танки, делают несколько выстрелов и зажигают все это дело. Сгорает все, с людьми и машинами вместе.

Сегодня в последних известиях упоминается Воронеж (я лично их не слышал). Да ведь это и есть наступление по всему фронту!

В газете объявление о гибели Евгения Петрова¹.

8-е

Письма от любимой, чтоб никто не помешал, лейтенант читает в уборной.

Солдаты в обмотках и ярко-рыжих американских ботинках, с тонкими кривыми ногами и длинными шеями.

Капитан Гутковский — начальник связи УРа — чудесный маленький белорус в кубанке.

9-е

Страшный, жуткий капельмейстер нашего <полкового> оркестра.

Вчера — письмо от Давида. О себе ничего не пишет, все обо мне.

Купил одеяло и очень рад этому — необходимая вещь.

Во вторник в 107-м полку будут консультанты по глазам. Не забыть обратиться к нашему военврачу.

10-е

Третий день бегаю по батальонам — ищу людей, знающих немецкий. В двух есть неплохие ребята, в третьем ни к черту не годны. Посмотрим в последних двух.

¹ Петров Евгений — писатель, журналист, соавтор (вместе с И. Ильфом) «Двенадцати стульев», «Золотого тельца» и др., погиб при падении военного самолета 2 июля 1942 г.

11-е

Дежурю. Ночью, во время поверки караулов, разговор с казначеем — молодой парень, кадровик, ст. сержант. Жалуется, что пища очень плоха. 650 г хлеба, вода, вода и вода. Некоторые пухнут, кое у кого температура упала до 34 гр., многие лежат в госпиталях. «Бессильные все, кадрового состава нет — перебит весь».

Немцы окружают Воронеж, рвутся к нему, взяли Старый Оскол, Россошь. Главное — у них количественный перевес. Не пойму, откуда у них количественный перевес?

Сегодня письмо от Саши¹. Настаивает на моем рисовании. Ну, как я ему объясню, что сейчас у меня для этого нет никакого внутреннего побуждения, никаких внешних условий? Искусство навсегда остается для меня моим делом, страсть, с которой я ему предан, неизменна (я готов плакать, вспоминая наше училище, такое дорогое и, наверное, бесповоротно уничтоженное), но... работать сейчас я не могу. Нужны другая обстановка, другое окружение, другой образ жизни и другие настроения. Я уверен, что, когда это снова придет, жар, с каким я отдамся работе, поможет с лихвой наверстать упущенное.

А раньше нужно уничтожить всех к черту немцев. Как я их ненавижу!..

13-е

Рассказ капитана Гофмана о том, как он спал, положив голову на трупы, и запачкался кровью — «бой-то ведь был штыковой, и раны здоровенные, крови достаточно». Немецкий труп служил подушкой.

16-е

Вчера открытка от Ноли — зовет и зовет. Аж плакать хочется.

¹ Давид и Александр (Саша) — папины дяди (по материнской линии) Давид Лазаревич и Александр Лазаревич Коганы.

Вчера вечером — первое занятие с моими «немцами». Прошло успешно, заходил полковник, произнес напутственную речь.

29-е

Давно не писал. Много новостей.

Получил чистое, новое обмундирование. Достал чемодан, уложил туда все хозяйство. Обрастаю!

Получил пистолет ТТ-3Ж 2755, патроны к нему. УР вооружается — пришли пулеметы, пушки, ПТР. Производство военного времени — отделка грубая, топорная работа, как физиономия Собакевича. Вооружают нас спешно, торопливо; наверное, скоро поедем. Так и поедем на фронт, и убьют к чертовой матери, а с братом не увидишься.

От Ноли была открытка, а в ней адрес Нинки. Вот номер! Она, оказывается, в Уфе. Написал ей сумбурное письмо. Потом пришло письмо и от нее. Дорогая девчонка! Нашлись все друзья — и Левка, и Гец, и еще один Гец, и даже Матуська Соснов! Я был рад, как юный балбес на именинах.

Выползли на учения. Четыре дня «воевали». Условия жизни были паршивые, а на войну все равно не похоже. Все время убеждался в немощи и бездарности наших командиров частей и подразделений, в ничтожестве наших бойцов.

Сдан Ростов, Новочеркасск, немцы рвутся за Дон на Северный Кавказ. Прорвутся?..

31-е

Прочел «Хронику времен Карла IX» Мериме и Франса «Перламутровый ларец» и «Колодезь св. Клары». Первая из этих книг — в переводе А. Виноградова, с очень хорошими рисунками, — как и прежде, произвела на меня неотразимое впечатление. Вторая — произведение блестящего стилиста — очаровала, хотя не вполне «дошла».

1-е

Потрясающий приказ Сталина¹, он выворачивает всего наизнанку, заставляет побледнеть и изо всей силы сжать кулаки. 70 миллионов людей потеряны, наши продовольственные ресурсы сравнялись с германскими. Ростов, Новочеркасск сданы без приказа, дальше отступать нельзя — ни шагу, и Советы на грани гибели! Просто мороз по коже.

78-й уже едет. Наверное, на этих днях и мы. Так и поедешь, и к чертовой матери убьют, и не повидаешься с братом!

3-е

Был переляк², когда вдруг ночью засуетились, засовещались, списки, расчеты на ж.-д. перевозки и т. д. Но потом взяли многих людей из наших батальонов, сформировали какие-то новые части и отправили. Теперь у нас есть всего четверть личного состава. Перебирают и управление. Неужели еще месяцы сидеть тут?

Бердинский — божья корова. Есиков очень симпатичен. Куземский симпатичный парень, но его отправляют куда-то.

Замечательный человек майор Задонский (его анекдот о персидском шахе и оркестре). Хорошие ребята и его помощники — Добровольский со своим парабеллумом и Венедиктов, младший лейтенант.

Спички стали редкостью, и все курильщики обзавелись «адскими машинами» — с помощью кремня, обломка напильника и фитиля высекают огонь, как во времена Андерсена.

¹ 28 июля 1942 г. был опубликован приказ Народного комиссариата обороны за номером 227, подписанный Сталиным и известный под названием «Ни шагу назад!». Он был издан после майского поражения Красной армии под Харьковом и запрещал дальнейшее отступление. По этому приказу вводились штрафные батальоны в состав фронтов и штрафные роты в состав армий, а также заградительные отряды, которым вменялось расстреливать отступавших.

² Испуг (укр.).

Перифраз пушкинского стихотворения «Обвал»:

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы.

7-е

Произошла ерунда. Из наших паб-ов¹ отобрали всех пулеметчиков, птр-овцев, сформировали из них какие-то новые батальоны и куда-то отправили. Остались мы с половиной людей. Сиди теперь еще месяц, жди! Черт побери, так воевать можно всю жизнь без риска быть убитым — аж противно. Мне, уж во всяком случае, тут делать абсолютно нечего. Хоть откомандировали бы, что ли...

Немцы на Северном Кавказе. Это — гроб.

Надо было бы написать всю мою историю, все эти скитания по тылам, как я за год войны, в сущности, немца не видел, бардак и бесконечные безобразия и на фронте, и в тылу, все страдания и ужасы, все обиды и несправедливости, все, все — это было бы изображение отвратительной и гнетущей картины нашего тыла, никто об этом правды не скажет.

Вчера смотрел «Чапаева», позавчера — «Большой вальс». Опять вспомнил Люку и всю эту историю (сердца трех!), начавшуюся когда-то, Первого мая... Была ли то «первая любовь»? Кажется, да.

И, как некий романтический герой барон фон Гринвальдус², я «храню верность» этой чудесной мечте — чушь и чепуха, все в конечном счете сводится к физиологии, к тому, что не кормят мясом.

8-е

Вчера вечером смотрел «Медведь»³ (впервые). Жаров здорово похож на беднягу Леньку Кордона.

¹ Пехотных батальонов.

² Барон Гринвальдус — персонаж стихотворения Козьмы Пруткова «Немецкая баллада» (1854), рыцарь, впавший в немилость у дамы своего сердца.

³ «Медведь» — фильм режиссера Исидора Анненского (1938). В главных ролях — Ольга Андровская и Михаил Жаров.

От этого проклятого питания нашего — каждый день щи да щи — так слабеешь, что весь день как мокрая курица, хочется только лежать и ничего больше. Живешь от завтрака к обеду и от обеда к ужину. После ужина, слава богу, есть кино. Это даже не животная жизнь, а х...ня какая-то, как ангелы в раю — жрешь нектар и амброзию и ни черта не делаешь. «Птичка божия не знает»...

Надпись в уборной:

Лгуны пишут в газетах,
А дураки в клозетах.

Старший лейтенант Маметов — прекрасный парень, но иногда начинает мудачить. Делает из меня какого-то писаря, а я злюсь.

Из Москвы приехал Евстафьев — он опять ездил. Говорит, только что вышел из печати словарь Таубе¹.

Сиди, дурак, на месте!

10-е

Письмо от Люнушки. У них, насколько я понимаю, дела хороши, но вот Давид мобилизован. Что с ним будет — не представляю себе. Хорошо еще, если используют как-нибудь с учетом способностей. И Элла теперь сядет Саше на шею. Плохо.

Сидели два медведя
На ветке золотой.
Один сидел как следует,
Другой болтал ногой.

Это из картины «Боксеры»², которую вчера смотрел. В массовых сценах так много одесситов, что отдельных лиц и разобрать нельзя. Комиссаров, Ляров — знакомые.

¹ Третье издание «Военного немецко-русского словаря» А. Таубе было подготовлено Институтом иностранных языков Красной армии и выпущено издательством ОГИЗ в 1942 г. Словарь включал 35 000 слов и около 6000 сокращений.

² «Б о к с е р ы» — фильм режиссера Виталия Гончукова (1941), производство Одесской киностудии.

Есть такой город на Дальнем Востоке, называется Ерофеем Павлович.

11-е

Отправляем еще три батальона — 204, 206 и 215-й — с матчастью, со всем, со всем. Никто ничего не понимает. Поговаривают о том, что мы превращаемся в какой-то запасной УР, чепуха такая!

Я знаю одно: что вот уже третий месяц я сижу в этой дыре, ни черта не делаю, получая за это 650 рублей в месяц, скучаю страшно — и вот и все.

12-е

Ночью подняли, послали в батальон, и вот сижу у людей над душой и нажимаю на них — скорее, скорее документы! Скоро им уже идти на посадку.

Сегодня получил мыло и у уезжающего Куземского раздобыл вторую промтоварную карточку.

13-е

Все боятся фронта, что бы они там ни говорили, а кто больше всех кричит — тот самый трус.

Неужели все пропало? И где же выход? Как спасти Россию — я не вижу пути. Немцы прорвались к нефти, они совсем отрезают Северный Кавказ. Это — гроб.

14-е

Сегодня с утра стоит густой серый, белесоватый сырой туман. Холодно и влажно. Стволы сосен теряются в мути, а солнце только чуть окрашивает оранжевым светом лес со стороны востока. Совсем как когда-то в Татищеве! И опять — нудная беспросветная тоска.

Пару дней назад смотрел «Белеет парус одинокий»¹ — вся Одесса, театр, Собонеев мост, бульвар с пушкой, море — все самые дорогие места. Люка — что с ней сейчас?

¹ «Белеет парус одинокий» — фильм режиссера Владимира Легошина (1937), производство «Союздетфильма», поставлен по повести В. Катаева к двадцатой годовщине революции.

17-е

Живу как бог: ем по два обеда в двух столовых, лопаю зернистую икру и прочие блага. Давно нет писем. Жду от Ниинушки. Было письмо от Геца с упоминанием и о Жорке, и о Вере Фроловой, и о Женьке Полякове (как он из Днепропетровска попал в Алма-Ату?), и даже о Нюрке.

Мне странно сейчас вспоминать об этой истории прошлого года — как я спутался с этой толстой двадцатидвухлетней бабой. Но совесть у меня хотя бы чиста — я ей не увлекался и ни на минуту не ценил ее выше, чем надо.

Сейчас я бы отдал двадцать таких за одну Люку.

18-е

Внезапный удар. Перспективы <утрачено>.

21-е

После обеда господа офицеры, раздевшись до кальсон, валяются часа три на своих кроватях. Так как читать нечего, приходится спать.

Сегодня пришло приказание — сдать лошадей. Без людей мы сидим уже давно. Вот хорошо бы, если бы <неразб.>.

<...>

22-е

Свершилось, наконец! Нас разогнали.

Наш УР расформирован. После того как у нас отобрали людей, матчасть и все прочее, решили, наконец, пристроить и нас. Это получается после смерти покаяние — три месяца бездельничали, а потом спохватились. Но, во всяком случае, факт тот, что отсюда куда-то уезжаем.

Боже! Не дай миновать Москвы!

У Евстафьева за 100 рублей купил два альбома самолетов — наших и немецких. Жечка, увидев их, сказал бы: «От законные, от законные!»

23-е

Творится какая-то ерунда, и у меня уже испортилось настроение, не знаю, попаду ли в Москву, а если попаду,

так будет ли время побывать у Ноли? А вчера вечером от него была открытка. От его писем мне всегда прямо плакать хочется — из-за бессильного желания.

Ни на минуту не перестаю волноваться — а вдруг не поедем в Москву? На момент улыбнулась надежда, но опять все зыбко, неопределенно и неизвестно.

24-е

Вот проклятая вчерашняя телеграмма! Все из-за нее. Если б не она — я сейчас уже был бы в Москве. Вообще 23-е число — несчастное число для меня, это уж точное наблюдение (как у Бориса Бондаря было 21-е). 23 июля 41 года я уехал из Одессы, 23 августа попал в бой, 23 октября попал в в<оздушно>-д<есантные> войска. Мистика какая-то прямо!

Сегодня уезжают все наши артиллеристы. Подполковник Никитин говорит, что они едут в 19-ю гвардейскую дивизию, а пока — в Москву.

Майор — н<ачальник> ш<таба> — вчера мне сказал, что я во всяком случае буду при нем. Это, конечно, очень утешительно, но я предпочел бы, чтобы меня отправили в МВО. Словом, второй день места себе не нахожу.

27-е

Все еще сидим — ждем у моря погоды. Я — дохожу.

28-е

Слава, слава, слава богу! Все кончилось, и УРа больше нет! Едем в Москву. Вот сейчас я сижу в поезде и радуюсь бесконечно. По моим расчетам, около суток все-таки удастся выкроить всеми правдами и неправдами.

Буду у Нольки — ура.

Сержант войск НКВД — бандитская рожа.

28-го приехал в Москву и вечером застал Нолю дома. Оба чуть не заревели.

Сентябрь

2-е

Вот уже несколько дней живу в Москве у Ноли — застал его дома. Уйма всяких дел в Москве — бегаю по магазинам, покупаю книги. Купил за 100 руб. Врубеля — начинаю реставрировать свою старую библиотеку. Новое издание Таубе переполняет Москву — теперь я во всеоружии.

Получил назначение в Можайск. При вручении сказали: едете в дивизию, но у меня есть подозрение, что еду в полк (разве в полку по штату есть переводчик?..). Явиться сказано 31-го, но выеду только завтра. Предчувствую большие неприятности. Что-то будет?..

Сегодня надо съездить за сухим пайком, вечером заскочить к матери Геца.

Купил за 3 рубля альбом военных самолетов СССР, за какой Евстафьев содрал 50. Вот сволочь.

У Ноли раздобыл кожаную сумку и вечную ручку, к которой нельзя достать чернил. NB. Достал и пишу.

3-е

Приключения и похождения в духе Швейка: приехал в Можайск, своего полка уже не застал (направлен, оказывается, все-таки в полк), присоседился к другому полку и с ним сейчас еду. Значит, не состоялось предположение о том, чтобы сидеть еще где-то. Едем на хронт <так>.

Сидит сейчас передо мной некая личность в штатском костюме, в очках и мягкой шляпе — тоже переводчик. Рассказал мне про себя — журналист, язык забыл, вызвали в МЗО и послали переводчиком 2-й категории... Ослы и дурни! Мне они тоже дают вторую категорию! Но я все же уверен, что своего добьюсь — буду в дивизии.

Едем со вчерашнего вечера. Ночью (я спал) проскочили Москву, сегодня Михайлов, сейчас стоим на станции Павелек. Куда едем дальше — не знаю, или Воронеж, или Сталинград, там видно будет. Хорошо уже то, что не на север.

Можайск — город с историческим теперь прошлым. Все каменные здания в районе вокзала разрушены, сам город почти цел. В общем, картины войны не очень страшны.

4-е

Мичуринск. Со вчерашней ночи перестал разуваться. Надолго ли?

Едем или под Воронеж, или под Сталинград. А Ноля, бедняга, думает, что я буду сидеть где-нибудь в Можайске. Получит ли он мое письмо? Теперь, наверное, связь надолго прервется.

Все-таки Воронеж. До него осталось километров 100. Почему-то не бомбят. В окрестных ландшафтах доминируют женщины.

Днем очень жарко, зато ночью подмерзаем. Хорошо, что есть одеяло.

Едем очень быстро, едим очень хорошо. Одно плохо — почти некогда *poschreiben* и *porissen*¹.

Переводчик довольно симпатичный дядя. Таких типов любил рисовать Фитингоф в «Вокруг света».

Короткокрылый автолюбитель напоминает сифилитика с провалившимся носом.

На выставке трофеев в Москве в парке ЦДКА. Голландский орел на бронеавтомобиле жирно перечеркнут. Немецкая наглость и бесцеремонность!

5-е

Приехали и ночью выгрузились на станции где-то близ Воронежа. Ночью было здорово холодно спать в леске.

Сейчас люди отдыхают, а в 12 часов выступим в 40-километровый поход к передовой. Там я найду шта<б> див<изии> и выясню, наконец, свое положение. Во время пути нас даже не пытались бомбить. Да, фрицы уже не те!

Остаюсь пока при 999-м с<трелковом> п<олку> 258-й с<трелковой> д<ивизии>.

¹ Пописать и поссать (нем.).

В общем, самочувствие неприятное. Висишь между небом и землей, не на своем месте, неизвестно, не будет ли в конечном счете неприятностей, а то еще заварится каша, и не выберешься. Вещи мешают. В УРе, кажется, лучше было!

Ноля так и не знает, где я. Дойдет ли до него мое письмо? Связь между нами теперь опять надолго прервана.

6-е

Марш к месту сосредоточения дивизии с 12 дня до 12 ночи. В полку паршиво ходят пешком.

Сегодня с утра в дивизии. Они не спешат направлять в полк — жду завтрашнего дня. В дивизии мне здорово нравится, разместились не то что полки грешные в лесу, а в поселочке, кормят здесь так, что я чуть не лопнул, — обед из трех блюд, ужин — из двух — рай божий на земле. Останусь ли при дивизии? Оказывается, что теперь, по новым штатам, в дивизии нет переводчика, а есть только в полках. Я рассчитываю, что им все-таки захочется иметь хоть нештатного переводчика.

Мы сейчас от фронта в 15 километрах, но здесь пока даже бухания артиллерии не слышно.

Вчера ночью, когда шли, видели горящий Воронеж — до него по прямой было км 10, не больше. Неприятно и жутковато.

8-е

Остаюсь при штабе 258-й сд, при разведке. С начальником разведки, капитаном, вчера беседовал, кажется, остались друг другом довольны.

Сплю на полу, подстелив взятую взаймы плащ-палатку, укрывшись одеялом, под голову — шинель, разубаюсь.

Сегодня в штабе — неожиданная встреча: старший лейтенант Егоров, он тоже здесь ПНО-1 (в УРе он был не то комбатом, не то НШ).

Не успели на новом месте хоть немного повоевать, как дивизию опять перебрасывают. Ехать будем в эшелонах по ж.-д., непонятно, то ли на другой фронт, то ли на этот же, только заходить с другого боку.

Отправил письма Ноле, Ниночке, Саше.

Вчера от длительных занятий Суриковым вдруг разгорелась рисовальная охота, стал компоновать — накопновал нечто, что можно будет когда-нибудь осуществить (воспоминание об одной вещи Домье плюс немножко Сурикова) — «Московское метро, декабрь 1941 г.». Основное — образы и ничего больше. Типаж крупным планом.

«Когда умерла мать, Елена была уже девушкой». Странная фраза! Может быть — «еще девушкой»?

9-е

Ночная поездка на станцию в автомобиле, погрузка. Зарево от горящего Воронежа. Опять думаем и гадаем — куда перебрасывают? Кажется, под Орел.

Нет, никакой не Орел. Направление на Сталинград.

10-е

Километров за 250 от Сталинграда началась полоса крушений, по обе стороны от дороги лежат ржавые железные обломки, разбитые вагоны, обожженные цистерны, куски, огрызки, воронки от бомб всех калибров. Одна огромная — наверное, от полутонной. Бомбят, говорят, ежедневно. А нас ничего не берет (тьфу-тьфу, не сглазить). Правда, сегодня налетела какая-то сволочь, но не бомбил, а только малость построчил из пулеметов. Наши доблестно открыли огонь, и он ушел, снизившись. Все утверждают, что сбили. Я потом по своему альбому определил... У нас несколько человек легко раненных.

11-е

Выгрузились. Сидим, ждем. Ночь была паршивая, холодная, отчаянно замерзли ноги.

Утром — мировое купание в протекающей неподалеку речке. (Станция Иловля и речка Иловля.)

12-е

Наши эшелоны подтягиваются очень медленно, затягивают сосредоточение дивизии. Эшелон 991-го полка (в ко-

торый меня сначала направили было) бомбили, несколько десятков убитых, до 60 раненых, тяжело ранены командир и комиссар, убит начальник штаба. Вот тебе и потери за неделю до боя!

Все время купаемся в речке, стираем белье — Егоров, я, Сурин (НО-2).

Заголовки для «Правды»:

Ночь перед убоем.

Любовь к ненависти.

13-е

Довольно глупая история. Весь штаб переехал куда-то километров за 40 от того поселочка, где были сначала и где сейчас остались только я да еще один боец со мной. Никак нас не могут забрать отсюда. Живем, как Робинзон с Пятницей, единственно, чем я занимаюсь, — это купание в речке (уже так обгорел, что больно тронуть плечи), варит суп из картошки этот самый Ваня — тем и живем. Такое дело!

Страшно тоскливо и скучно без друга...

Написал письмо Ниночке — так делается легче, как будто разговариваешь с близким человеком, жажду получить от нее письмо, но, боюсь, придется очень уж долго ждать.

Как я сейчас живу?

Голая песчаная степь, солнце жарит, как ему положено жарить в этих краях. Малюсенький поселочек, давно покинутый жителями, рядом — мелкая речушка, в ней лягушки, раки, какие-то мелкие рыбешки. Купаемся, постирали грязное белье — это замечательно, кстати, ведь теперь, может, месяц-другой не удастся еще раз сделать это. Ночью спим под любым кустиком (вот когда пригодилось мое одеяло!), я разуживаюсь, но на всякий случай под бок кладу автомат. Ночи здесь, кстати сказать, не очень прохладные. Над головой целый день раздается нудный, как зудение комара, звук немецких самолетов. Несколько раз они кидали бомбы здесь неподалеку, но никуда не попали. Зенитная батарея, стоящая около нас, открывает по ним пальбу,

но тоже никуда не попадает. Ночью у горизонта видны вспышки, осветительные ракеты, слышна канонада (сегодня она что-то ближе).

Вот и все. Этим пока для меня ограничивается фронтовая жизнь.

На этом, Сталинградском, фронте, кажется, что-то затевается решительное. Говорят, здесь сейчас Хрущев, Жуков, Тимошенко, говорят, что немцы просто усеяли здесь все листовками, говорят... Да мало ли что говорят?

Приехал Егоров с машиной и забрал меня с Ваней на к<омандный> п<ункт> дивизии (Ваня — это такой себе толстенький паренек, себе на уме, что-то вроде денщика при нас). Ехали ночью, причем я бессовестно спал на ходу в машине, что противоречит уставу.

15-е

Новый КП — в овраге, поросшем сухой травницей, низкой и пыльной. Вообще, овраги в этой равнинной, голой местности — единственное укрытие, где можно более или менее замаскироваться.

Беспрерывно летают немцы, по которым сейчас же открывается беспорядочная и бессмысленная одиночная пальба из ружей и даже пистолетов. Не помогает и приказание комдива о прекращении одиночной стрельбы. Чаще всего летает над нами «Фокке-Вульф-189» — странной формы двухфюзеляжная машина, «рамка», как ее прозвали наши.

<...> Когда я, наконец, избавлюсь от этой непрерывной тоски, от этой скуки по родителям, по Саше и Ноле, по какому-нибудь другу, с которым можно было бы делиться всем?.. Не покидающее ни на минуту сознание какой-то ненужности, неудовлетворенности и полной неуверенности в будущем. Что-то оно будет?

Иногда даже мелькнет желание: хоть бы скорее в бою, что ли, ранили бы... Но это уже страшное идиотство.

Вчера видел разорванную кем-то немецкую листовку. Ругают Тимошенко.

Говорят, немцы атакуют Сталинград крупными танковыми соединениями.

Ночью получен боевой приказ. Мы сменяем 263-ю сд и занимаем оборону, а там видно будет. Наши уже выступили, оперативную группу выбросили вперед. Мы с Ваней опять остались сами.

Под Воронежем фронт стабилизировался, почти весь город в руках у немцев, немножко — у нас. Так и сидят обе стороны вот уже месяц и не рыпаются. Город горит второй месяц.

Наша свеженькая дивизия могла рассчитывать под Воронежем на успех, но внезапно ее (как и многие другие) перебросили сюда. Вообще, у меня такое впечатление — все это *faule Witze*. Такое же настроение было прошлой осенью.

К вечеру, обалдев от холода, нацепил сразу две гимнастерки (суконную и такую), две пары брюк, две пары носков, поверх майки — рубаху... Глупо, но тепло!

Не знаю, что я буду делать зимой. Наверное, пропаду вовсе.

17-е

Вчера перешли на настоящий боевой КП. Шли и ехали по дороге, на которой, то сзади нас, то спереди, непрерывно рвутся бомбы. Потом шли по голому скату, который простреливается немцами. Первые убитые: человек с вывороченной ногой, другая нога валяется метрах в трех, еще дальше — оторванная ступня в башмаке. Тут же лошадь с выпущенными розовыми кишками. Мертвецы страшно сухие, видно, лежат уже несколько суток, воняют. Крови нигде не видно. Ни убитых людей, ни лошадей не зарывают. В одном месте возилось трое людей, топорами отделяя от валяющегося скелета лошади остатки мяса.

Немецкие листовки (здорово нарисованы!).

КП дивизии в голой лощине метрах в 800 от переднего края. Этот КП не соответствует ничему: ни требованиям устава, ни моим понятиям, ни здравому смыслу. Никаких удобств, вырыто несколько блиндажей, в которых не помещается и четверть штаба. Все на голой земле, на голом

воздухе. Мне нигде места нет, отовсюду гонят — нашему отделу не удосужились отрыть блиндаж. Грязь — я уже третьи сутки не умываюсь (вещи остались у Вани во втором эшелоне), спать сегодня, спасибо им, пустили в свой блиндаж шифровальщики. Словом, паршиво.

Все время неподалеку рвутся мины и снаряды. Пару раз вжикнула шальная пуля. «Рамка» — FW-189 — все время висит в воздухе, иногда появляются Ю-88 и прочесывают окрестности. Сегодня с раннего утра (сейчас часов 11) уже три налета штук по двадцать Ю-87 кружатся и извиваются в воздухе, как черти, строчат из пулеметов и бомбят все очень близко.

У меня впечатление такое, что в штабе дивизии такой же бардак, как и повсюду. Не научиться нам вовек воевать!

Полное превосходство противника в воздухе. За все время мы видели разве что с пяток наших самолетов, а гул немецких буквально ни на минуту не прекращается. По дороге сюда видели сбитый ИЛ и старомодный тупоносый «ястребок».

Уже много убитых, в том числе 2 командира полка. Кажется, на завтрашнее утро назначено наступление.

Тут все время прыгают кузнечики, большие, с розовыми и голубыми крыльями. Таких мы когда-то ловили на Большом Фонтане.

Против нас, кажется, 176-я пехотная дивизия немцев.

19-е

Вчера с рассветом взвились ракеты, захлопали минометы, заухало, затрещало — 1-я гвардейская армия перешла в наступление. Задача, очевидно, отрезать прорвавшуюся с северо-запада к Сталинграду группировку немцев. Сейчас наступаем прямо на юг, от Котлубана на Большие Россошки.

Утром, когда я проснулся в своей щели, уже стреляли где-то близко за бугром минометы, над головой с визгом, шумом, свистом несло что-то, издали был слышен ружейно-пулеметный треск, в соседней ложине, пуская клубы дыма, басом заговорила «катюша». Ни справа, ни

слева ничего не было видно за дымом и пылью, которые поднимались от стрельбы, разрывов, беготни людей.

Сигнал ракетами — и началась атака, на правом фланге пошли вперед КВ¹ приданной нам танковой бригады. И сейчас же в воздухе появились немецкие самолеты, сейчас же началась бомбежка, которая не прекращалась весь день. Нет такого момента, чтобы над головой не висело до полусотни тощих стрекоз — Ме-110 или жирных — Ю-88, их неизменный спутник — «рама» — тут же. Несколько раз проходили на штурмовку большие группы ИЛов, в завязавшемся над нами воздушном бою сбили двух из них.

Весь день на КП беспокойно, самолеты бомбят и обстреливают, с бульканьем проносятся мины, поневоле заставляя пригнуться, лупит дальнобойная артиллерия. Мимо тянутся первые раненые.

Наступление на левом фланге, где позиции немцев сильны, идет слабо (405 сп). Успешнее продвинулся 999-й на правом.

Все время тянутся мимо КП раненые. Ранен в руку комиссар дивизии.

В блиндажах здорово трусят командиры.

Немцев пленных пока еще нет, — бой идет в предполье.

Рыжий топограф с коротышкой-носом и нечистым лицом. Страшно боится, и тогда у него все лицо сморщивается и стягивается вокруг геометрического центра — носа.

Раненый лейтенант-грузинчик. Очень бледен, но спокоен. Забавные пестрые шаровары от маскировочного костюма.

Другой раненый боец, обе руки окровавлены, перебиты, расспрашивает о полковом медпункте, а сам грызет сухарь. Весь дрожит.

Дядьковатый папаша, усатый. перевязана голова, и с носа свисает капля крови. Идет, бредет, но курит.

«Раму» по традиции называют «горбатым».

¹ КВ — серия тяжелых танков Кировского завода выпуска 1940—1943 гг., названная в честь маршала К.Е. Ворошилова.

КП превратился в бардак. Шляются тут все, кому не лень, по ложине проходят полки, рядом — оп минометов. Безобразно глупо.

Сегодня наступление продолжается.

Наша сд несет большие потери, а успех у нее — весьма так себе. Убитых до 500, раненых — до 2500. В одном только 405-м полку потери за одни сутки боев составляют 60% личного состава.

Сосед слева — 273-я — наступает успешно, противник бежит.

Сегодня сбиты 3 самолета противника.

20-е

За весь вчерашний день мы продвинулись всего на 400—500 м. Потери велики, тяжело ранен капитан Осокин — начальник разведки.

До сих пор не взята выс<ота> 107,2, за которую все время бьются.

Осокин умер.

Это уже четвертый человек из управления, вышедший из строя за два дня боев.

Пленных все еще нет. Черт его знает, почему они не сдаются в плен!

Капитана Осокина убили около выс<оты> 118,1. Там засели автоматчики, пара пулеметов, их уже обошли, передовая проходит далеко позади них, а они все сидят, и никак их не выкуришь.

Раздобыл справочник по нумерации частей германской армии.

Сегодня противник и стреляет мало, и самолетов в воздухе что-то не видно. Оказывается — воскресенье.

21-е

Сегодня утром опять пошли в атаку. Будет ли какой-нибудь результат? Выс<ота> 107,2 все еще не взята. Наши потери очень велики. Полки залегли и бездействуют. Бойцы вконец измотаны. Как можно так воевать? Кто виноват в этом?

Против нашей дивизии обороняется всего до двух батальонов пехоты противника. Херовая та дивизия, которую держат 2 батальона.

Сегодня часов в 12 был маленький перелет. Во время очередной гастрольи немецких самолетов пара Ю-87 спикировала прямо к нам в блиндаж. Я уже попрощался с жизнью, но бомбы упали метрах в 70 от нас, около рации. Убит младший лейтенант — радист, завалило блиндаж шифровальщиков (Яша выскочил как угорелый). Нас закидало комьями земли, да красноармеец-посыльный в панике сел мне на голову.

Сегодня на наблюдательном посту комдива ранило подполковника — начальника артиллерии.

Бардецкий говорит, что в полках у нас осталось по 700—800 человек.

У нас до сих пор нет пленных, а сосед — 73-я — взяла уже человек 20. Разведка у нас ведется херовая, это дело поставлено везде ни к черту.

Убит капитан Клейст (в боях под Моздоком).

22-е

После сильной артподготовки утром опять началась атака. И опять захлебнулась.

Самолеты летают сегодня гораздо меньше, появились наши «ястребки».

Утро было отчаянно холодным, в ведре воды плавали ледяшки. Ночью в каком-то бредовом сне видел Люку.

23-е

Все труднее поднимать полки в атаку. Сегодня перекраивали полосу дивизии. Личного состава, наверное, не более 30%, начинают брать людей из тылов. Вчера вечером представитель РО¹ армии помогал организации ночного поиска, своими силами до сих пор ничего не могли сделать.

¹ РО — разведывательный отряд.

Сейчас я ОД¹ (принялся за старую профессию!). Вникаю в обстановку. Сражение идет ожесточенное, брошено все, напряжение последних сил. [Высота] 107,2 еще не взята.

Сейчас уже совершенно ясно, что наше наступление окончательно сорвалось.

26-е

Началась моя работа. Вот уже три дня, как все приносят и приносят бумаги, письма, записные книжки, фотографии, газеты и всякую прочую фрицевскую требуху. Есть вещи интересные, но в большинстве своем это нудные письма нудных немецких матерей и жен с описанием своего здоровья и погоды или семейные фотографии прекрасного качества на прекрасной бумаге.

Я аккуратно все прочитываю, просматриваю, кое-что отбираю себе (на память и в назидание потомству).

А позавчера (24-го) привели настоящего живого фрица. Вернее, полуживого. Это был грязный черноглазый фриценыш с птичьей физиономией, взъерошенными волосами и тощей шеей, торчавшей из какого-то свитера. Он был тяжело ранен — прострелена насквозь грудь. Все присутствующие с радостью накинулись на этого жалкого мальчишку и стали задавать разные глупые вопросы. Кое-что я у него узнал, у этого 19-летнего берлинца по имени Horst Kroll. До вечера он валялся на земле, я прикрыл его собственным его одеялом, а потом повез его в штарм. Там он никому не был нужен, и я <утрачено>.

Октябрь

2-е

Наши барахольщики до сих пор не могут поймать пленного.

Новый НО-2 — ст. л-т Силантьев. Сурина к черту отправили в полк — пустозвон!

¹ ОД — ответственный дежурный.

Новый комдив приехал. А дивизии-то, собственно говоря, нету.

Немцы сменили 76-ю п<ехотную> д<ивизию>. Новая дивизия прибывает. Каково нам будет воевать против свежих сил?

Обзавелся немецким автоматом, кинжалом, шинелью, пилоткой, ножом. Да здравствуют трофеи!

4-е

Позавчера вечером были еще два фрица — ефрейтор и солдат. Очень охотно отвечали, на фронте оба они всего 3 дня. Их дивизия (113-я пд, 268-й пп) сменила 76-ю пд, которая раньше была против нас.

Вчера ездили в баню — в медсанбате. Помылись, сменили белье. Неплохое дело.

Сегодня поймали еще 10 фрицев, скоро приведут. Мне прибавляется работы!

7-е

Было в гостях у меня еще 8 фрицев. Один — унтер-офицер Альфред Группе — мне очень понравился. Настоящий фашист, убежденный и умный враг. К сожалению, с ним не пришлось поговорить как следует, так как очень торопили отправлять его в армию. Из него можно было бы многое вытянуть.

Другой — поляк, хороший тип, многое от Швейка. Очень охотно и много болтал, немного говорит по-русски, но я предпочел говорить с ним по-немецки. При поимке наши бойцы с него стащили сапоги и дали ботинки, так он все порывался сапоги отнять у своих товарищей по несчастью — у одного из фрицев, чувствовал к себе симпатию масс.

Остальные — кроме одного, скучного пожилого человека, который все интересовался, сможет ли он сообщить своей жене, что находится в плену, — были мальчишки <19>23 года рождения, двое из них — австрийцы. Один австриец, ein baumlangler bloeder Kerl¹ — шахтер.

¹ Долговязый дурак (нем.).

Один, раненный в голову, руку и живот, едва вошел, стал стонать: «Ach, mein Bauch kaput...»¹ Я сказал: «А Гитлер?» — «Hitler auch kaput...»²

Из показаний всех их было видно, что гитлеровская армия сейчас здорово паршивоватая.

19-е

Румын-летчик. Тома Георгеску, лейтенант авиации, штурман подбитого нашими зенитчиками самолета He-111. С давно не бритой бородой, в сорочке, брюках, туфлях, при галстукe. Мировая кожанка. Симпатичный молодой человек, образованный и интеллигентный (по-немецки не говорил, а немножко по-русски). Мы с ним очень интересно беседовали. Он все просил вернуть ему портрет жены, отобранный при обыске (он всего четыре месяца как «вышел замуж»). Спросил я, между прочим, об Одессе, он в ней не бывал, но слышал — она не очень разрушена и восстанавливается. Тут уж, наверное, соврал.

Был он у нас 14-го, а вчера принесли подобранный журнал его самолета, грязный и обгорелый. Записки о бомбежке станции Котлубань, Сталинграда (с аэродрома в Тацинской).

Трехдневные работы всей компанией (два старших лейтенанта, майор и я) по усовершенствованию блиндажа³. А вчера на тебе — нашу дивизию выводят во второй эшелон. Погода ужасная: дождь, слякоть, отчаянная грязь, по которой скользишь и едешь, как по льду. Перспектива: покинуть сухой, теплый, уютный блиндажик и перейти на новое место — голое место, на котором будешь валяться под открытым небом.

Настроение паскудное. Вот он, фронт!

¹ «Мой живот...» (нем.)

² «Гитлеру тоже конец...» (нем.)

³ Из письма А.Л. Когану от 18 октября 1942 г. «...Забыл еще рассказать такие забавные вещи о том, как мы строили наш блиндаж. За неимением столярных и плотничьих инструментов мы перепиливали доски очередями из автомата — очень здорово получается! Вместо сверла дыры тоже простреливали, а гвозди забивали гранатами (без запалов, конечно). Вот такие фронтовые условия!»

28-е

Вот и «кончилась война» — нас вывели во второй эшелон. Живем на новом месте, КП на этот раз — прямо посреди степи, поросшей сухой травой, полынью и нескошенными злаками. На западе видны две далеких лиловых высоты — это возвышенности по ту сторону Дона, занятые немцами. Слышно непрерывное отдаленное гроыхание и буханье слева, это наш сосед — 66-я армия — перешла в наступление и, прорвав первую линию немецкой обороны, развивает успех. Наша обескровленная 24-я на сей раз служит просто заслоном. Говорят... но слухи лучше не повторять. Поживем — увидим.

Мы с майором живем вдвоем в маленьком под... <утрачено>.

<...>

Ноябрь

1-е

Замечательный солнечный день — «последние хорошие дни осени». Чуть прохладно.

Как подумаешь, что сейчас уже 1 ноября, а войне не видать ни конца, ни краю! В сводках упоминаются Туапсе и Нальчик, наши забрали обратно Клетскую. Перпетуум-мобиле!

Кое-что намечается, но не будем говорить об этом.

Получил деньги — 1900 руб., послал в подарок Саше 500 (позавчера).

Прочитан «Отец Горио».

Сегодня ходили в разведроту, постреляли из пистолетов. Лучше всех стрелял майор. Я стрелял мало, но, против ожиданий, неплохо попал из парабеллума.

3-е

У комдива полковника Фурсина адъютантом его собственный сын — старший лейтенант по фамилии Могила. Сегодня он уезжает в отпуск.

Слухи, все время ходившие у нас, наконец возымели почву. Большие перемены — пополнившись за счет 207-й сд, наша дивизия снова выступает на передовую, где займет оборону. Хватит сидеть во втором эшелоне! Отдохнули — и снова за дело. Я даже отчасти рад.

6-е

После трех суток страшной путаницы и суетни, когда то приходили приказы, то снова отменялись, наконец снялись и поехали. Перебрасывают нас куда-то к Клетской — в другую армию совсем. Сейчас сидим в станице Иловлинской, в хатке. Очень приятная хозяйка, пожилая. Жалуется и недоумевает на приказ об эвакуации местного населения. Тяжела, страшно тяжела жизнь мирного населения, никакие страдания армии не искупят тех жертв, которые приносил и приносит тыл. Мы же только ввергаем его в новые несчастья!

Переводчику живется просто замечательно. Нужно быть только таким балбесом, как я, чтобы еще жаловаться на свою судьбу! Пользуюсь всеми правами и привилегиями работника штаба дивизии и не подвергаюсь никаким неприятностям, и вместе с тем никуда меня не посылают, не гоняют попусту, как всех остальных наших командиров. И единственное, что я еще отбываю, как легкую повинность, — это оперативное дежурство. Блаженное безделье целый день, и делай что хочешь. Только неблагодарный может быть тут недоволен!

За окном — проливной дождь, темень и холод. Не дай бог, вздумают сегодня ночью ехать. Сейчас Ванюшка принесет ужин — попьем чай, угостим хозяйку сахаром.

15-е

Замечательные успехи союзников в Африке.

16-е

Объехали кругом всю излучину Дона (Вилтов, Отроги, Чернополянский), холодно, и падал снежок. Ночь в Отрогах — маленькое село, все укрытое в лесу. Дежурство в Чернополянском и бомбежка — опять начались бомбежки!

Новый КП с обвалившейся землянкой и собачья ночь чуть ли не на улице. Кругом — все ольховые, осиновые леса, замерзшие лужи, ставший Дон. Вдоль берегов Дона тянутся проволочные заграждения в три кола, доты, окопы, блиндажи, по ту сторону видны отросшие лесом возвышенности с белыми полосами — не то снег, не то мел.

Сейчас стоим чуть восточнее Клетской, ожидаем переправы и ввода в бой во втором эшелоне армии.

Выдано зимнее обмундирование, особенно нравится мне моя шапка — пушистая, приятная.

Бойцы в Лебяжьем — совсем фрицы: пилотки спущены на уши, головы перевязаны полотенцами, каким-то тряпьем, холод не тетка, зимнего еще не выдали.

19-е

Сегодня с утра после мощной артподготовки началось наступление. Весь день грохочут пушки, «катюши», низко проходят ИЛы. Ходили в разведроту, из их расположения в бинокль видно, как на противоположном берегу, среди меловых оврагов, вздымаются черные столбы дыма, ползут вразброд танки. Морозно и серо небо.

Сегодня — ровно год, как началось наступление под Москвой. Говорят, и сегодня наступают по всему нашему фронту — от Белого моря до Каспийского. Кому молиться о ниспослании удачи?..

20-е

Вчера одна из соседних дивизий продвинулась, говорят, на 8 км. От Клетской румыны бегут. Будет, будет успех! Должен быть, по крайней мере.

Я сейчас читаю «Нашествие Батыя»¹. Много сходства между нашествием татар и этим приходом бронированной, лязгающей, металлической армии современных гуннов.

21-е

Наступление, оказывается, идет успешно. Прорваны две линии немецкой обороны, наши части продвинулись км

¹ Книга В. Яна «Нашествие Батыя» с рисунками В. Бехтеева (М.: Детская литература, 1941).

на 10. Только за 19-е число армия взяла 10% пленных. Что творится на других фронтах — неизвестно.

Вдали в морозной пыли виден Ореховский — укрепленный узел немцев. Там сейчас идет жаркий бой, там все гудит и грохочет. По дорогам тянутся раненые, бредут какие-то бойцы — без оружия, неизвестно куда. Валяются трупы румын, очень много наших трупов. При отходе немцы минировали всю Клетскую, и там сейчас подрывается много бойцов. На голых меловых горах холодно, ветер метет снежную крупу, свистит в глубоких крутых балках. В балке Сухой Лог сидят четыре раненых румына, один уже без чувств — разmozжена голова, остальные протяжно воют. Мимо них проходят, не обращая внимания, они сами медленно ползут вглубь, к нам в тыл. По дороге садит дальнобойная артиллерия, когда встает залегший боец, он весь белый от поднявшейся меловой пыли. Лениво тащатся возы со скирдами сена, и на них невозмутимо курят ездовые.

Все кругом минировано, мародерская жилка многих стоит жизни: начнет тянуть из кармана у трупа часы — взрыв.

Через Дон переправляются наши полки. Идут пешком по льду, обозы и артиллерию перевозят на паромах. Над переправами гудят наши истребители и штурмовики (их сегодня и вчера очень много). Иногда появляются Ме или Ю, бомбят, строчат — тогда в воздухе и на земле начинается каша и неразбериха.

По дорогам идут, бредут люди, неизвестно куда, зачем... Приводят группками пленных — все румыны.

Какие-то три старичка — потеряли и ищут свою часть, но номера ее не знают. Оказывается, из нового пополнения. Ну и пополнение... Собирают уже все остатки. Боюсь за Нольку и Сашу.

От Нинушки до сих пор никаких писем — вот уже почти месяц. Почему?... Удивляюсь и немножко сержусь. Уж я ли ей не писал!

От Ноли вчера бандеролью пришел словарь — тот самый, который мы (когда я был в Москве) пытались достать, но не могли взломать стенной шкаф.

Отправил Саше бандеролью кое-какие книги (альбомы самолетов etc.).

Сделанная на предыдущем КП (мы опять на новом — переехали вчера ночью) новая записная книжка ждет в сумке своей очереди, — думаю начать ее с нового года. Доживу ли до него? Думаю, что доживу, но мучиться придется. Я боюсь зимы, которая обещает быть очень трудной — по ту сторону Дона ни леса, ни дров, ни воды, а командование наше, слава богу, здорово бестолково.

С надеждой и нетерпением следим за успехами союзников в Африке.

Второй фронт? В нем наше спасение. Совсем нет людей. Наша техника прекрасна, ее много — но нет совсем людей.

27-е

Наше наступление продолжается.

Ночью переехали Дон, вернее, перешли по льду. Я медленно полз за обозом батальона связи через нудный, запутанный и извилистый, как лабиринт, лес. Переправа через Дон ночью, черные тени по светлому снегу. Обрывистые крутые берега и полуразрушенная Мело<неразб.>-Клетская. День и ночь работают саперы, разминируют — деревня вся заминирована, и уже много народу подорвалось. Пересидев часа три в теплой комнате, пошел дальше, немцы отошли к Ореховскому, и где-то там впереди, где идет бой, там и наш КП. Утром пришел на КП, и сразу началась работа — пленные. И немцы — точь-в-точь прошлогодние фрицы с перевязанными ушами, с поднятыми воротниками и румыны в своих папах и уродливых сапогах. Лейтенант Мартин Херберт, член NSDAP¹ с 1936 года и его стихи. Симпатичные пожилые фрицы из 110-го стрит<ельного> б<атальо>на. Румыны, галдящие про свое «патру зиле» («четыре дня не ели»). Провели весь день на холоде, к вечеру перешли в Ореховский, занятый нашими

¹ Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei — Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

полками. Здесь были захвачены какие-то склады, и вся дивизия перепилась. Немцы отходят быстро, почти не оказывая сопротивления, о румынах и говорить не приходится. Сдаются в плен пачками.

Кое-как переночевав в Ореховском, наутро сели в мощный «студебеккер» и дунули дальше — в Венцы. Дороги войны! Вот неисчерпаемый сюжет и для литературы, и для живописи. Лучшей батальной картиной будет та картина, в которой воплотится впечатление от дорог войны, укатанных, заснеженных, по бокам которых брошенные автомобили и орудия, трупы людей и лошадей, обожженная земля вокруг воронок, пустая пробитая каска и тянущиеся куда-то провода.

Пасмурные дни стоят эту неделю, и поэтому фрицев не видеть в воздухе.

Венцы заняты только-только. Еще не убраны трупы, запачканные яркой киноварной кровью, еще продолжают растаскивать захваченные склады, бойцы без дела шляются взад-вперед, кое-кто уже перепился, пробуют какие-то автомобили, мотоциклы. Уйма пленных румын, много освобождено наших военнопленных (ими занимается особый отдел — им очень не доверяют). В госпитале пристреливают раненых немцев, румын — щадят.

Такая масса всяких документов — интереснейших, с шифром «*geheim*»¹ — всяких уставов, наставлений, журналов — что их, не разбирая, отправляю в армию, свалив в большой сундук. Еще больше остается валяться на земле. Нашел ценную вещь — *Muster für taktische Zeichen*² — и тут же потерял.

Поездка на броневике в Перекопку. Богатая трофеями Перекопка. Мы с майором шли оттуда, обремененные немецкими ранцами с награбленным добром.

У всех кучи трофеев.

На следующий день опять дальше.

Камышинка.

Отрытый фрицами изумительный КП — и оперативное дежурство на мою голову.

Маргарита и сумасшедшая ночь после дежурства — ни сна, ни отдыха измученной душе.

¹ «Секретно» (нем.).

² Образцы тактических обозначений (нем.).

Утром — дальше. Потом опять-дальше. Опять целая ночь на автомобиле — квартирьерство. Дивизия перебрасывается на новый участок. В Скворине нашел зенитную пушчонку на самоходной установке (2-см Flak), покинутую впопыхах в полном порядке и с большим запасом патронов. Весь день палил из нее — очень проста по устройству, уговаривал взять ее с собой, но никто не видит в этом нужды.

29-е

Вчера утром притопали в какой-то Переездинский (или что-то в этом роде, это возле станции Чир). Жрем трофейное добро, найденное на складе, — конфеты, сыр и прочее. Весь день грызу конфеты.

Впервые за много дней налетели немецкие самолеты, бомбили дороги, по которым днем ползла пехота и кавалерия. Побомбили и нас (майор впервые убежал и тем спас и мне жизнь), убит Сушнев — нач. подива.

Утром сегодня опять видел Маргариту, притащил ей из склада полные карманы конфет. На переднем крае свирепствует немецкая авиация, пользуясь ясной погодой. Наши продолжают развитие успеха, причем немцы начинают оправляться и оказывать более упорное сопротивление, цепляясь за выгодный рубеж р. Чир. По радио сообщение об успехе на Западном фронте.

Помню, какое радостное чувство охватывало при поездке ранним зимним утром по освобожденной от немцев земле! Пусть она вся голая, пусть на снегу чернеют трупы, воронки, обломки — но она наша, опять наша, я вижу в ней дорогу домой, к Одессе, я верю в нашу победу! Настроение бодрое и приподнятое.

Декабрь

2-е

Наша армия продолжает преследовать в панике отходящего противника.

Преобладающие впечатления сейчас — вкусовые. Живем в освобожденном хуторе Погодинский.

Фрицы оправляются от переляка и оказывают упорное сопротивление. На переднем крае дела очень неважные.

4-е

Пропадаю от скуки и веду Lusejagd¹ в Погодинском, будь он трижды проклят. Нудно же сидеть во втором эшелоне!

8-е

Наш успех, казавшийся мне таким замечательным, предстает сейчас передо мной совсем в новом свете. Ну, есть у нас некоторый успех, ну, продвинулись немного вперед, ну, окружили кой-какие группировки немцев, многих перебили и взяли в плен, ну, нахапали трофеев и нажрались фрицевских конфет, а что же дальше?..

Как всегда, прекрасно начав дело, мы не можем его закончить. Окруженные группировки немцев — некоторые с боем вышли из окружения, некоторым (огромная сталинградская группа) фрицы подбрасывают все необходимое по воздуху, а мы ни уничтожить их, ни помешать их снабжению почему-то не можем. Разбитые части немцев (румын всех спешно убрали с этого фронта) из-за того, что их не преследовали по пятам, а дали отходить, сумели перегруппироваться, несколько оправиться, перешли к обороне, подтягивают резервы и кое-где даже активничают, так, они опять взяли освобожденную было станцию Суровикино, и никак ее не заберешь у них. У нас нет резервов, срывается связь с тылами, которые отстают из-за недостатка автотранспорта. Наш успех остается небольшим тактическим успехом, эпизодом далеко не решающим в общем ходе войны, не больше.

А сводки Совинформбюро врут отчаянно, уже давно объявлено о взятии, например, Верхне-Чирского, Рычковского, а из них сейчас по нас так лупит немец из орудий, что только держись! Наша дивизия, спешными маршами по 40—50 км в сутки (!!) переброшенная из района излучины Дона к берегу р. Чир, бьется, пытаясь взять хутора Рычковский, Ерицкий (штадив около станции Чир — знаменитый Чир Гражданской войны!). Опять та же картина,

¹ Охота на вшей (нем.).

что и в районе балки Хуторской: топтание на месте, не в силах ничего сделать, и угробливание последних людей (напр<имер>, вчера в одном из полков оставалось 58 активных штыков, причем 25 из них вот уже третьи сутки безуспешно атакуют Рычковский, который обороняет до б<атальо>на немцев, а остальные лежат в обороне на другом участке, и мы удивляемся, почему ничего не получается).

Командование бездарно сверху и донизу. Теперь я вижу, как многое зависит от командира, ген<ерал>-лейт<енант> Батов — командующий 65-й армией — сумел прорвать оборону немцев, уничтожить и выгнать их из излучины Дона, а ген<ерал>-лейт<енант> Романенко не может осуществить успешное преследование и дальнейший разгром их.

Характерно, что у немцев сейчас воюют всякие сборные батальоны из 16—17-летних юнцов, саперы, артиллеристы, полицейские, используемые в качестве пехоты, всякий сброд, одним словом, собранный и брошенный на передовую в самый последний момент, на ликвидацию прорыва. И эти сволочи здорово, очень здорово дерутся — вот что плохо!

До сих пор никаких писем от Нинушки — вот уже чуть ли не два месяца. Не знаю, что и думать.

Фриц опять летает и бомбит.

13-е

Недолгая жизнь на КП под станцией Чир, в роскошном блиндаже, обитом немецкими одеялами.

Станция Чир — огромные склады продовольствия, огромное количество боеприпасов, которые лежат штабелями, кучами прямо на земле на площади чуть ли не в несколько га.

Переезд на новый КП — в бывшие фрицевские блиндажи. Вообще живем на всем немецком: кушаем все немецкое, курим, читаем немецкое, живем в немецких блиндажах. Разведрота регулярно снабжает нас сыром, конфетами, вареньем, эрзац-медом и прочими нектарами и амброзиями.

14-е

Вчера, наконец, взяли Рычковский — сюда, на наш участок, подтянулся целый танковый корпус, свеженький, только с формировки.

Ка-ак рванули, ударили, взяли Рычковский (немцы убежали за Дон) — и... стоп!

Остановились, и только сегодня пошли на Верхне-Чирский. А немцы за ночь, очевидно, подтянули артиллерии, поставили минных полей — и вот сегодня весь день бьются, а деревню взять не могут.

Агаджанов и его усы.

Вчера было четверо пленных, сегодня еще две штуки.

Румыны и поляки сдаются в плен очень охотно, немцы, австрийцы дерутся очень упорно.

Не редкость такое зрелище: соберется группа румын, побросают где-то свое оружие и идут себе к нам в тыл по дороге сами, без никаких конвойных — идут сдаваться. Сияют — война для них окончена!

«Здравствуйте, я румын!»

У немцев очень много украинцев — добровольцев, воюющих с нами в составе немецких частей. Нечто вроде петлюровского движения.

15-е

Взяты, наконец, и Верхне-Чирский, и Ерицкий. Вечером у нас в землянке был концерт.

«В землянке» — слова Суркова. Ох уж мне эти поэты! Взял бы я его да посадил с нами в землянку — стал бы он тогда писать, что «ему в холодной землянке тепло»¹...

¹ «З е м л я н к а» Алексея Суркова и Константина Листова (композитор) (1942) — песня, равной по популярности которой, пожалуй, и не было в военное время. Уже здесь начинается папино «непопадание в резонанс» с общественным мнением и суровая нетривиальность его суждений о современной песенной культуре. Это продолжится и десятилетия спустя, когда, например, он просто не мог слышать окуджавское «мы за ценой не постоим» из кинофильма «Белорусский вокзал».

Дураки поэты, ищущие в войне романтики. Сегодня на-смотрелся я на эту романтику войны. Романтика войны — это дорога, перепаханная минами и снарядами, это топанье неуклюжих солдатских сапог по грязи, смешанной с кровью, это сгоревшие танкисты, это рыжий немец с развороченным животом и вырванным половым членом, это оторванная неизвестно у кого скрюченная рука или пьяные солдаты, стреляющие друг в друга. Посадил бы я этих поэтов под бомбежку, когда штук двадцать «Юнкерсов» с воєм кружатся в дикой карусели, или, подняв от сна посреди ночи, послал бы их в стужу и слякоть куда-нибудь за сорок километров... Ничего не поделаешь, война такова, а не такая, как они описывают.

...«В холодной землянке тепло»... Будет тепло, когда целый день топится маленькая чугунная печурка.

Сплю на деревянных нарах, на которых постелено фрицевское одеяло, я сейчас с непривычки не смог бы спать на чем-нибудь более мягком. В последнее время, с тех пор как мы «идем по освобожденной земле», живем в немецких блиндажах, более или менее отделанных деревом, это более приемлемо, чем те глинистые самодельные землянки, в которых мы жили раньше.

На полу — кучи сору, горят две свечи — единственное наше освещение. Всегда у нас весело и оживленно, то придут оперативники, спасаясь от скучищи, царящей в их отделе, то разведчики в белых маскахалатах принесут донесение, то набьется сразу целый блиндаж гостей из соседних частей.

16-е

Я лучше знаю немцев — другие в них стреляют, я же с ними разговариваю.

17-е

Отчаянно болит зуб, усугубляя плохое настроение. Переехали на новое место — опять во втором эшелоне.

Наша полевая почта стала вдруг работать хуже гражданской — уже с месяц как нету писем. Оно, собственно, и понятно — ведь до железной дороги километров 200.

21-е

Опять отвели нашу грешную дивизию во второй эшелон. Живем в Бурацком, вернее, около Бурацкого, в блиндажах.

Ходят смутные слухи о том, что нас отведут на формирование. (Жилкин слышал, как кто-то в штабе армии говорил, что кто-то кому-то говорил и т. д.) Но вообще-то что-нибудь да будет — воевать с таким количеством людей нельзя — по 15—20 активных штыков в полках.

Недавно мы занялись подсчетом, взяв журнал боевых действий. Приехала дивизия в составе 13 000 человек, сейчас в ней около 4000, значит, наши потери за 4 месяца составляют (считая неоднократное пополнение) около 12—13 тыс. человек. Ничего себе!

Майор Поташников ушел в 991-й полк заместителем командира полка. Хочет забрать меня в полк. А я этого вовсе не хочу!

Сегодня получал зарплату. Таскаю в кармане 3000 рублей и не знаю, что с ними делать.

Пришло известие о прорыве в районе Богучара. Начинают-таки пощипывать фрица!

Зимние фрицы — на каждом по 2 френча, по 3 жилетки, 4 свитера и 5 пар брюк, на ногах — сапоги и соломенные огромные «снегоступы». Подшлемник и пилотка, завернутая на уши. Всякие напульсники и теплые наколенники. Дерутся до последнего патрона, а когда этот патрон вышел и их берут в плен, утверждают, что «Гитлеру капут».

25-е

Большие успехи в районе Среднего Дона, взяты Богучар, Кантемировка, подходят к Миллерову. Тут и до Ворошиловграда ничего — 75 км всего осталось. На востоке этот прорыв приближается к Серафимовичу, т. е. к нашему прорыву. Неплохо, совсем неплохо!

Сцены из «На дне», разыгрывающиеся в 1-м отделении. В темном углу на нарах из нетесаных досок лежит тощий как смерть Крапивин — чирей на затылке не дает ему ни

согнуться, ни разогнуться, и он только поскрипывает нарами, когда чешет затылок. У стола сидит Подсевалов с расхристанной грудью, грубый его голос ни на минуту не отдыхает от мата. «Ну-ка, дай-ка я побью вшей, так их и...»

28-е

Успехи на всех фронтах продолжаются — и северо-восточнее Нальчика, и юго-западнее Сталинграда, и в среднем течении Дона. Бьют фрицев со всех сторон. Завтра утром и наша дивизия идет в наступление — окончен недолгий отдых. Пополнения мы так и не получили, и я, право, не знаю, что за смысл посылать в наступление дивизию, у которой в каждом полку 40 человек. Но вот будет номер, если получится успех! Парочку офицеров допросить не мешало бы для гимнастики языка.

Сейчас сижу и жду новой порции писем — для меня сейчас, как для фрица, почта играет огромную роль.

Помер Дарлан¹, смещен Кейтель. Мир все более и более становится похожим на б...

Холод, снег, костры ночью, и в небе мелодичное гудение транспортных самолетов — каждую ночь Ю-52 летят к Сталинграду.

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы
«Курлы! Курлы!»
И ропщет бор
О том, что вор белье упер...²
<...>

30-е

Вчера — боевой приказ: взять Лисинский. Пошли. Теряем остатки людей. Под метлу все тылы, чтобы довести

¹ Д а р л а н Жан Луи Ксавье Франсуа — французский государственный деятель, с апреля 1942 г. главнокомандующий вооруженными силами Виши. Убит при покушении 24 декабря 1942 г.

² И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

полки хоть до 100 человек. Сейчас — ночь на 31-е. Сижу оперативным дежурным. Из полков сообщают — 405-й взял южную половину Лисинского. Поташников (он сейчас командует 991-м) вчера сразу выполнил задачу — взял МТФ, теперь сидит, дожидается остальных.

У нас сидит начальник РО штарма — подполк<овник> Литвиненко. Длинный этакий, тощий, жадный до трофейной шамовки (угощали его в разведроты). Вчера убит Ожаренков — ком. 3-го взвода разведроты. Жалко, хороший парень был, орденосец.

Вот — слава тебе господи! 23.45 — доложили о том, что село взято. Аллах Акбар!

1943

Январь

1-е

Новый год прошел, как и октябрьские праздники — в наступлении, и не заметили. Только сегодня утром, записывая протокол допроса пленного, вспомнил вдруг, что уже 1 января 1943 года.

В ночь на тридцать первое, как только наша дивизия взяла Лисинский, так и расползлась по швам вся система немецкой обороны по Чиру — 315-я дивизия взяла Ближне-Мельничный, потом Нижне-Чирскую и все населенные пункты по р. Чир.

А потом и пошло — наши пошли на Нижне-Солоновский, а там уже немцев не осталось. Штадив сейчас же махнул сюда. Полки идут вперед и никак не догонят немцев. Те поспешно отходят. Взяли Верхне-Солоновский, Ближне-Аксеновский.

Доходят известия, что взяты Обливская и, кажется, Тормосин.

Наступление идет, как шло у нас раньше — в излучине Дона.

Кажется, ухожу в армию, в политотдел, работать среди войск противника.

Пришли известия о взятии Верхних Лук, Элисты.

На нашем участке немцы отходят от одного населенного пункта к другому, почти не оказывая сопротивления.

Мы прошли Алешкинский, Тормосин, сейчас находимся в Лозном. Разведка доносит, что в следующих пунктах противника нет.

Просто удивительно, как наша почти обескровленная дивизия бьет немца, как она выбила его из Лисинского, что дало возможность опять начать наступление всей армии.

Местные жители весьма приветливы, но чувствуется, что они и с немцами неплохо жили.

Как я вчера ночью на броневишке ворвался в Нижне-Гнутов.

Где-то бухает артиллерия, из тумана выплывают первые разрозненные хаты. Посреди дороги лежат несколько только что убитых бойцов, и кровь незаметна в грязи талого снега. Перебегают из дома в дом мирные жители, где-то пищит ребенок. В деревню вползают тягачи с тяжелыми орудиями, медленно разворачиваются, орудия становятся на огневые позиции. В стороне от дороги несколько бойцов обшаривают убитого фрица, проходит боец-нацмен в подшлемнике и обмотанный одеялом, тащит большой мешок. Из темноты появляется веселый лейтенант, уже успевший напиться где-то. Впереди чернеют дома, и неизвестно кто в них. Страшно громко стреляет пушка — это наши разведчики повернули фрицевскую пушку и лупят им вослед (а десять минут назад из нее же стреляли немцы). Догорает автомашина. Расспрашиваю идущего навстречу раненого — немцы выбиты из деревни только что, уходят под нашим огнем: шофер побаивается ехать дальше — дорога может быть заминирована.

По дорогам отхода немцев валяется масса лошадей, пристреленных в ноздрю.

Группа бойцов и лейтенант на разведке. Сквозь редкие деревья видят три танка, подле возятся фрицы. Пожилой морщинистый украинец снимает одного фрица, остальные сейчас же по танкам — и ходу. Один из танков прямо на

разведчиков, строчит из всех пулеметов, залегли за невысокой каменной стеночкой. Поползал, построчил и ушел, а они вслед ему били из автоматов.

6-е

Наши войска непрерывно продвигаются вперед, гоня противника на запад и юго-запад. Наши силы ничтожны, но противник деморализован, а может быть, и замышляет что-нибудь.

Наша дивизия каждый день почти берет по населенному пункту.

Наступление идет по всем фронтам. Взяты Моздок, Нальчик, Прохладная, Цимлянская, Морозовская, Котельниково, Великие Луки.

Фрицы:

Наделавший в штаны сукин сын. Румын, напаявший вместо головного убора сумочку от противоипритной накидки, шофер, желающий со своей машиной работать у нас шофером, — «ведь все равно я должен буду провести время до конца войны, так лучше я поработаю у вас на той работе, с которой знаком 15 лет». Молодой парень, член Н^{аци}ст^{ской} югенд^{верг}, убеждает меня в планомерности отхода немецких войск — опять пресловутое «выравнивание линии фронта». Обер-ефрейтор, у которого в кармане 4 ложки.

7-е

Исчезло всякое уважение к смерти. Мы говорим «дохлый фриц», хохочем при виде немецких кладбищ со стройными рядами крестов. Я видел одного бойца, который мочился на немецкую могилу.

«Брот, хочешь в рот?»

Из приказа по г. Морозовская («Морозовск»), найд^{ен}ного в с. Нифонтов:

«Напоминаю, что коммунистов, кандидатов коммунистической партии и евреев не должно быть ни в одном учреждении».

Приказ подписан городским головой из русских.

Прошли Нифонтов, Алифанов, стоим в Кухтачеве. Настроение неважное из-за тревожной обстановки: плохо с правым нашим флангом, где 47-я гв. сд отстала километров на 20, появились какие-то новые дивизии немцев, которых до сих пор не было, непонятны поведение и замыслы противника. Это последнее беспокоит меня больше всего. По-моему, немцами подготавливается где-то сильный кулак для контрудара, а у нас никаких резервов, ничего. Какое это к чертям закрепление территории, когда никаких гарнизонов, ничего сзади нас не остается — голо, хоть шаром покати. Никакой глубины — только боевые порядки — и все. Боюсь повторения харьковской истории.

Вообще же нам дана задача — Шахты—Новочеркасск. Поживем — увидим.

Здесь переписываю перевод записной книжки ефрейтора Эгона Штробеля, 7-й воздушно-полевой дивизии, найденной 2 дек<абря> в Алешкинский <так>.

22 нояб. Отъезд из Линдау в 3.30 в Россию. В 12.30 переезд германо-польской границы.

23-е. Варшава. Переезд польско-русской границы.

24-е. Через бывший театр военных действий.

25-е. Езда в Минск. Брянск. Минск.

7 декабря. С 4.00 артогонь. Я лежу на передовой линии, расстояние до противника 1 км.

8.00 — атака. 70 русских танков. Один танк уничтожил я ручными гранатами.

Отошли примерно на километр. Застрелил первого русского.

8-е. 150 русских танков атакуют. Большие потери. Повреждено правое бедро. В роте осталось еще 28 человек. Мы занимаем оборону.

9-е. Убит командир батальона. Оборонительные позиции. Атака пикирующих бомбардировщиков.

10-е. Нас бомбили собственные пикировщики.

13-е. Ждем смены. С предыдущего воскресенья без горячей пищи. Наш обоз уничтожен.

Ежедневно думаю о моих дорогих там — дома, почты не получаю.

14-е. Лежу в 5.00 за передним краем, при обозе.

15-е. Ежедневно сон в палатке, минус 25 гр.

20-е. Иду на передовую, 200 м от противника. Сажу в противотанковой щели, очень холодно!

21-е. Пишу открытку матери. Ничего нового.

24-е. Первый вечер под Святое Рождество на фронте. Одна свечка заменяет елку.

Богатые подарки от пехоты и авиации.

25-е. Прекрасная погода, целый день светит солнце. Вспоминаю о родных дома.

26-е. Такая же погода. Все еще нет почты.

27-е. Ничего особенного.

29-е. Сильный минометный огонь русских.

30-е. Отступление. Славянск. 25 км.

Сегодня ночью опять (после долгого перерыва) слышим гудение транспортных самолетов (десанты)

8-е

Указ о погонах. Мы все недоумеваем¹.

Сорвал бурки с раненого немца, а потом его пристрелил. Спор Щербакова с Розиным о человеческой жизни. Гуманист Розин не хочет выполнять просьбу Эренбурга — «убей немца»².

9-е

Тарарам и дурдом из Кухтачева. Слух о приближении немецких танков, 4-я гвард<ейская> бежит, драпают зенитные пушки, увозят счетверенные пулеметные установ-

¹ 6 января 1943 г. был принят указ о введении в Красной армии офицерских погон. Несмотря на то что Красная армия начинала свое существование без униформы и знаков различия в 1918 г., за четверть века ее жизни менялось: вводилась единая форма, знаки различия в виде нашивок, потом петлиц. В 1935 г. введены воинские звания. Но погоны однозначно ассоциировались с предреволюционной эпохой, поэтому приказ вверх всех в изумление.

² 24 июля 1942 г. И. Эренбург опубликовал в газете «Красная звезда» эссе «Убей!», где в последнем абзаце писал: «Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих близких и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком... Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобой немцев... Не промахнись. Не пропусти. Убей!»

ки. Мы их останавливали с пистолетами в руках, но ничего не вышло. Паника. Все ушли, а когда немцы были уже в северной половине деревни, уехали и мы — но вперед, а не назад, в следующую деревню к полкам.

Сейчас хреноватая обстановка, но мы не падаем духом.

Вчера пленные рассказывали, что намерения германского командования — отходить до рубежа р. Донец, где предполагается занять оборону. Эти сведения подтверждаются и данными наших, русских военнопленных, выходящих из окружения и бегущих из плена (таких к нам приходят кучи каждый день). К Донцу должны подойти и подкрепления. Сейчас по Донцу строится оборона — дзоты, проволочные заграждения, окопы и пр. — там он нас собирается крепко задержать.

Вчера — трое пленных. Одного мне пришлось пристрелить, а жаль — хороший парень, он был тяжело ранен, а возиться с такими у нас нет возможности.

Приходили молодые парни — русские, бывшие на оккупированной территории. Хотят служить в Красной армии, просятся к нам.

10-е

Черный день. Окружение автоматчиков с танками и бой. Отход из деревни Верхне-Россошанской в Чумаково. Не война, а сплошное убийство.

Это было вчера. Отошли в Чумаково-Россошанский.

Сегодня утром — окружение танков, бардак, паника и неразбериха. Командования дивизии никого не найти. Мы с Силантьевым уезжаем всеми видами транспорта. «Господа офицеры сели в машины и уехали». Отходим на юг, чтобы проехать на Вифлянцево.

Приехали в Трофимов — большое село с церковью. Там обороняется 315-я сд, беспокойно. Дальше на юг в Крюковский. Здесь окружен один полк 315-й сд. Собрались все — комдив, начальник штаба, два полковника. Говорят, путь на Вифлянцево отрезан. Неизвестно, каково будет решение командования.

О Семенове, Поташникове сведений нет. Потеряна часть, нет половины людей.

Решение принято — выходить из окружения. Ночной поход — вроде «железного потока». Повозки, обозы, пушки (снарядов нет, кстати сказать). Первая встреча с противником — ракеты, очереди из автомата. В обход.

Усталость.

Наткнулись на пушку. Обстрел из пулемета разрывными пулями.

Атака на рассвете и выход к деревне. По цепи передают: «В деревне наши!» Кондаково.

11-е

Жажда, голод и страшная усталость. После небольшого отдыха — еще 9 км перехода в Вифлянцево.

Пушки, обозы — все брошено. Люди еле ползут пешком.

В совхозе <так> 37 встреча с Семеновым. Ночь провели в Ново-Петровском.

14-е

Понемногу выползают люди из окружения, понемногу все сходятся.

Пришел Агаджанов и привел целую толпу народу — в том числе много раненых.

Пришел начальник штаба.

Пропал и до сих пор не появился комдив. Убит Рудakov, еще кое-кто из друзей и знакомых. Разговоры, разговоры — каждый по двадцать раз должен рассказать свои похождения, убить минимум по 3 фрица...

Сейчас идут всякие пертурбации, пока еще неизвестно, расформируют нас или, наоборот, пошлют на формирование. Пока что делают из дивизии один сводный полк человек в 200 — мощная боевая единица!

15-е

Двадцать два несчастья! Вчера обнаружил, что у меня сперли безопасную бритву, сегодня обнаружил вещь не менее печальную: бутылка чернил для авторучки, хранив-

шаяся в ранце, лопнула, выпустив свое синее содержимое на лежавшую там же новенькую пару белья — мой НЗ. Таким образом, я лишился и чернил, и белья. Увы! В последние дни мне не везет. И сон сегодня снился какой-то паскудный — будто меня во время бомбежки ранило под левую лопатку, а отсюда все вытекающие последствия.

Становлюсь пролетарием, медленно, но верно.

16-е

Да, вот как мы побывали в окружении. Что же причиной того, что наша дивизия была окружена, панически разбежалась и, в сущности, уничтожена?

Во-первых, виновато командование армии, которое не увидело угрозы окружения дивизии, не подало вовремя команды остановиться, не обеспечило флангов ни армии вообще, ни нашей дивизии в частности, и только без смысла и толка орало: «Вперед! Вперед!» Отсутствие армейских резервов, отсутствие в армии танковых частей.

Во-вторых, виновато командование дивизии, которое, испугавшись ответственности, не имея армейского приказа, побоялось взять на себя инициативу и отдать приказ, организовав планомерный отход, во время такого планомерного отхода можно было бы спасти многое из того, что нами было теперь потеряно.

В-третьих, плохая работа тыла, танковые атаки нельзя было отразить из-за отсутствия боеприпасов (5—8 снарядов на пушку), много машин и орудий было побросано из-за того, что не было бензина. Не хватало мин, патронов.

В-четвертых, неумение командования и его неспособность быстро принять решение (вспомним, что комдив и начальник штаба смотались в тыл в тот момент, когда дивизия впервые столкнулась с противником, генерал, командир 4-й гв<ардейской> с<трелковой> д<ивизии>, оказался совершенно неспособным хоть что-нибудь да сделать, и единственным толковым парнем оказался полковой комиссар Галиакберов).

А итог? Потеряна почти вся артиллерия дивизия, половина людей убитыми и пленными, вся матчасть, машины, лошади... Спасти удалось знамя дивизии (его таскал на спине старшина комендантской роты, и в нем завелись вши).

Редкие выстрелы, разноцветные — желтые, красные и белые — светящиеся точки и огненные шары, медленно пролетающие по черному, заволоченному тучами небу, зарево недалекого пожара в той деревне, за которую идет бой, и клубы дыма, освещенного снизу красным светом... Кругом холодное снежное поле.

В Африке жарко.

Французы взяли Мурзук¹.

17-е

Утешительные последние известия со всех фронтов — будто взята Россошь, наполовину перебита сталинградская группировка немцев.

У нас продолжается наступление (идем во втором эшелоне армии), причем мы снова проходим по тем местам, где нас так здорово поколотили пять дней тому назад. Находят пушки и машины, брошенные во время драпа. Только что привезли найденные в степи трупы Рудакова, капитана Янушенко...

Вифлянцево, Кухтачев, Ново-Россошанский, Чумаково-Россошанский...

Приближаемся к Донцу.

Новая авторучка — в Dulac'овских тонах — оранжево-зеленая².

19-е

Крупные успехи на всех фронтах. Прорыв блокады Ленинграда (взяты Шлиссельбург и Синявино). Успех на Северном Кавказе (взят Черкасск). Успех и прорыв под Воронежем (блокирован Острогожск, взята Россошь). Взято Миллерово.

¹ 13 января 1943 г. Шарль де Голль по радио объявил французам об успехе наступления в Ливийской пустыне. 12 января взятие Себхи открыло дорогу на Триполи, а 13 января в Мурзуке была взята тысяча пленных и много оружия. Это был большой успех союзников.

² Д ю л а к Эдмонд (1882—1953) — знаменитый французский иллюстратор классики, начинал в «золотой век иллюстрации» — в первую четверть XX в., проиллюстрировал около 800 книг, в основном романтические и волшебные истории.

Мы сейчас в Крюковском. Прошли по тем местам, по которым драпали так недавно. Нашли трупы наших, убитых в эти дни. За четыре дня своего нового пришествия немцы успели натворить много делов... Расстреляли многих пленных, какую-то девушку-санитарку, изнасиловав, живую сбросили в колодец, другой раскололи голову и выковыряли штыком мозги, повально ограбили все население... Пьянствовали без просыпу и, уходя, обещали вернуться через четыре месяца (!). Нет, друзья, не бывать вам больше в этих краях, не нюхать больше Дона!..

«Обер-дежурный».

20-е

<...> Мы сейчас в Кремонской. Здесь масса артиллерии. Пушки разные, коротышки коренастые гаубицы и длинные, неприятные по своему внешнему виду дальнбойные 202-мм пушки. Покрытые брезентом, похожие на комбайн, «катюши». Маленькие стройные сорокапятимиллиметровки. Кое-где торчат тощие длинные стволы зениток. Что угодно для души!

Радужные хозяева-казачки. Пили сладкий кофе с молоком! Вот это так лакомство.

Майор Перельман, майор Поташников, толстый капитан Сидельников с усиками.

21-е

<...>

*Под рыцарем в ржавых латах
Рыжий ржет жеребец¹...*

Вот образ войны, нечто в духе Дюрера.

Жидовцев.

¹ Рыцарем в ржавых латах обычно называют Дон Кихота, который был одним из любимейших папиных литературных героев. Он не раз рисовал сюжеты из Сервантеса, среди которых путешествующие Санчо и Дон Кихот, сражающийся с мельницами.

В полутемном углу на постели больная казачка. Смуглое лицо, разбросанные по подушке черные волосы, ярко-красное искрящееся одеяло, рука с золотым кольцом. Полусумрак.

Исключительно радушная наша хозяйка Пелагея Ивановна.

22-е

Взят Ворошиловск (Ставрополь).

Последний пленный был у меня в Ново-Россошанском. Это был красивый, полный молодой парень лет двадцати, у него были белокурые волосы и приятный баритон. Он был тяжело ранен в грудь, сидел, весь сутулясь, и часто откашливался. Он рассказывал, как его прогнали из организации Hitlerjugend: они с товарищами сорвали и сожгли знамя со свастикой, за это они имели по три месяца заключения в концлагере. Его было очень жалко, но ничего нельзя было сделать: он был тяжело ранен, а у нас не было возможности с ним возиться. Я его отвел в балочку, недалеко от штаба... На следующее утро я ходил смотреть на него: его уже разули и очистили карманы. Он лежал лицом вверх, запрокинувшись на бугорке земли, и был совсем не похож на себя. Волосы откинулись назад и вмерзли в снег, а кровь вокруг головы была очень яркого красного цвета. Его мне было очень жаль, но ничего нельзя было сделать.

Поправка к Эренбургу:

Убей немца и очисти его карманы!

Сюжет для рассказа: капитан Подсевалов. Как он попал в плен, как его увозили на мотоцикле, как его отбили наши. И вот — после всего — арест и приговор: расстрел. Каково семье будет получить извещение о том, что отец (незадолго до того награжденный медалью «За боевые заслуги») расстрелян «за измену родине».

Армия переходит к обороне — нечем наступать. Стоим перед хутором Базки, который не можем взять несколько суток. Соседи справа и слева форсировали Донец. Немец

уводит свои обозы и части на Шахты и Ростов — так рассказывают наши люди, выходящие из окружения и бежавшие из плена.

23-е

По утрам немцы ходят в контратаку. Мы узнаем об этом по усиленной стрельбе из автоматов, крупнокалиберных пулеметов и минометов.

Хутор, в котором мы живем, называется Кременской. Название его понятно: здесь все построено из больших осколков кремня и гранита — и хаты, и сараи, и невысокие изгороди, тянущиеся по всему хутору вдоль и поперек. Тополя, речушки, обрывы, поросшие кустарником, — здесь летом должно быть исключительно красиво.

Взяты Микоян и Шахар, Сальск, Новый Егорлык. Есть не совсем официальные слухи, что бои идут уже под Батальском. Короче говоря, на этих днях будет отобрано у немцев все, что они захватили летом 1942 года.

Еще очень важно покончить с окруженной сталинградской группировкой, это освободит сразу шесть армий, а кроме того, огромное значение будет иметь освобождение железных дорог.

Огромные рогатые орудия 152 мм, белые, с уродливыми черными надульниками. После каждого выстрела сошники приходится забивать в мерзлую землю кувалдой.

24-е

Проливной дождь в январе месяце! Что за дурацкий климат!

Ночное происшествие: какие-то бойцы залезли в погреб к нашей хозяйке и ограбили его, а чтоб проделать это дело спокойно, заперли снаружи дверь нашей хаты. Вообще, случаи мародерства очень часты, и никто с ними по-настоящему не борется.

<...>

25-е

Переехали в Аверинский. Перекроилась вся полоса армии, и все дивизии перебрасываются с места на место.

Поднялась такая неразбериха, что никто ничего понять не может. Очевидно, и немцы так заморочились, что решили: пока ничего не предпринимать, а подождать конца этой путаницы. Иначе я себе не могу объяснить их бездеятельность в такой удобный для них момент.

Взят Старобельск. Говорят, 23-й танковый корпус уже дерется на окраине Ростова. На моей фрицевской карте, где я отмечаю события последних дней, начиная с 19-го числа оранжевым цветом заштрихован уже большой кусок. Наши дают жизни!

Город Каменск немцы отбили.

26-е

Продолжаем сидеть... Сегодня утром летал Ю-88, слышны звуки далекой бомбежки.

Разведсводка штаба говорит, что в 515-м полку (новом, только что подошедшем) в батальонах человек по 300 немцев и человек по 100 наших — казаков-добровольцев.

Сегодняшнее сообщение — очищен от немцев Воронеж.

27-е

Продолжаем сидеть там же, полк занимает оборону во втором эшелоне армии. Скука отчаянная, сегодня весь день играем в карты в «девятку» — проигрыш и не считаем. Занимаемся тем, что фрицы называют Läusejagd — «в окно глядел и вшей давил» — благодаря заботам нашей АХЧ буквально пропадаем от этих зловредных зверей. В этой охоте проходят дни и ночи...

Сегодня прочел «Ревизор» Гоголя в какой-то школьной хрестоматии, взятой у сынишки нашей хозяйки. Удивительно сильное впечатление — никогда раньше я не получал такого удовольствия от этой вещи.

Сегодня сообщение о почти полном разгроме сталинградской группировки немцев. Приказ Сталина с благодарностью войскам наступающих фронтов.

28-е

Со сталинградской группировкой все покончено. Из этого уйма преимуществ: освободились три железные дороги, пять армий и т. п. Словом, дал жизни Иосиф Виссарионович Адольфу Гитлеру. Это разгром почище нашего харьковского.

Взят Нефтегорск. Взята ст. Таловая, с которой у меня с лета 1941 года связаны самые лучшие воспоминания (невероятное количество съеденных арбузов).

Тревожные данные разведки: в районе Шахт скопление вновь подошедших частей с танками. Наша армия лежит в обороне, немцы ежедневно тревожат контратаками. Связи с левым соседом (2-я ГВА) нет, и неизвестно, что там у них происходит.

29-е

Вести еще более тревожные: к населенным пунктам, находящимся прямо перед нашим передним краем, сегодня подошло до 100 автомашин, обозы, группы пехоты. Говорят, происходит смена частей (предположительно), но мне кажется, что готовится удар. Ох, боюсь, дадут нам завтра утром фрицы, как некогда в Чумакове!

Часов в одиннадцать вечера, когда я вышел на крыльцо понаблюдать по звуку, где гудит и где летит транспортный самолет, над северной окраиной деревни поднялась белая ракета.

30-е

Перед фронтом армии, на нашем участке, появилась свеженькая мото- или танковая дивизия. Сегодня на северо-восточной окраине Михайловской видели 5 немецких танков.

Любо-дорого было сегодня смотреть, как наши ИЛы обрабатывали немцев — сделали пару заходов, строча из пулеметов и бухая из р<акетных> с<наряд>ов. Кроме того, сейчас вот, ночью, непрерывно трещат «кукурузники» — У-2, и тоже спускают понемногу гостинцы на немецкие головы.

Вообще же обстановка немного проясняется, поговаривают о подходе танкового корпуса, «катюш», кто-то уже где-то видел бойцов сталинградских частей.

По-прежнему по ночам над головами гудят тяжело и грузно транспортные самолеты — после уничтожения сталинградской группировки делается непонятным, куда они могут летать.

<...>

Гитлер, очевидно, крепко надеется на местное казачество. По всему Дону при отходе немцы не сожгли ни одной хаты, не обидели ни одной мирной семьи. И пожалуй, этот расчет оправдывается — точно известно, что в немецких частях перед фронтом нашей армии в каждом полку есть человек по сто мерзавцев — казаков, сражающихся на стороне немцев. Есть много украинцев. Подлая шайка изменников.

Немцы вооружили молодежь в возрасте 14—16 лет — украинцев, казаков, — и эти мальчишки несут у них службу полицейских. Рассказывают, что сами немцы не зверствуют так над нашими военнопленными, как эти молодые сволочи.

31-е

Сегодня утром меня разбудил Токушев такими словами:

— Вставай, наши взяли Майкоп и Тихорецкую!

— А Краснодар взяли?

— Нет еще.

— Ну, так я еще посплю, пока Краснодар не возьмут.

Перед нами сегодня обнаружено до 80 танков. Мое сердце чует какую-то крупную пакость со стороны фрицев — набьют нам зад.

Девятка процветает, проиграно уже свыше сотни. Хорошо, что в эту игру даже если захочешь, то много не проиграешь.

Вообще, убогое зрелище являет глазу русское офицерство штаба дивизии: нечистые и не без вшей, небритые, в стоптанных сапогах, спят, повалившись на заплесанный семечками пол, рядом с посыльными и связистами, от безделья часами играют в карты, и если не глушат водку, то только потому, что ее нету.

Нет, товарищи, не упразднением комиссаров и введением погон нужно поднимать авторитет красного коман-

дира, а — <вымарано>. Я надеюсь, что после войны этим займутся всерьез. Вообще, все в Красной армии будет изменено после войны.

Оказывается, под Сталинградом и в самом Сталинграде еще есть немцы. Их добивают.

Этих людей я не понимаю. Быть окруженными полностью, без всякой надежды на спасение — и продолжать сражаться, не приняв условий капитуляции. Без теплого обмундирования, без пищи, без командиров, без боеприпасов, босые и вшивые — они продолжают драться, как зверь, загнанный в угол.

Рассказывают, что какое-то количество войск немцы успели оттуда вывезти по воздуху, представляю себе, какие сцены разыгрывались там, когда один солдат садился в транспортный самолет, чтобы улететь, другой же оставался... Муки, которые переживали эти люди, — все-таки еще недостаточная кара им.

Очень успешен прорыв западнее Воронежа, в районе Касторной, где окружены и уничтожаются 7 немецких дивизий и итальянский альпийский корпус. Взяты в плен три итальянских генерала.

Фрицы одного взвода:

Ниттель, Либольд, Вагнер, Винклер, Вольф <...>

Это — чтобы не пришлось себе ломать голову над фрицевскими фамилиями, когда буду писать ррроман <так>.

Февраль

1-е

Уничтожение окруженной к западу от центральной части Сталинграда группировки немецких войск. Взято в плен 16 генералов, в том числе командующий 6-й армией и 4-й танковой армией генерал-фельдмаршал Паулюс, его начальник штаба генерал-лейтенант Шмидт и много всяких прочих видных фрицев.

Боец Булдыжкин Василий.

Выйдя на крыльцо, прислушиваешься. Стоит ясная ночь. Где-то кричат: «Ищенко, мать его, заводи его отсюда!» Далекое гудение машины. Тишина, и время от времени короткая очередь из автомата. И потом — бабах! — и желтая трассирующая пуля мчится в бледное небо, на котором, как и положено, высыпали миллиарды звезд. За околицей над темным туманным лесом повисла спокойная белая ракета — там, наверное, пролетел невидимый самолет.

Через окно слышно, как в комнате у телефона ругается Васька Крапивин.

До передовой отсюда три километра.

2-е

Исполнительница замечательных романсов на нашем концерте.

Разговор о недостатках и прочем. Не дается времени командиру батальона и роты на принятие решения. Им не отдается положенный приказ. Отсюда незнание общей задачи, незнание соседей. Часто командир роты не знает даже времени атаки, не успевает ознакомиться с задачей и, не успев сообразить что-либо, должен вести роту. Отсюда — «ура, вперед!» — и ничего больше. Роль командира взвода равна теперь чуть ли не роли командира отделения, а младшие командиры и вовсе ничего не стоят. Низкий уровень знаний младшего командира и бойца как следствие плохой и смешной подготовки войск. Помянули и Климента Ефремовича <Ворошилова>.

3-е

Опять 22 несчастья: потерял хорошие ножницы, сперли резинку (фрицевскую красивую), залил бензином из лампы карту, над которой работал весь день. Паршивое настроение.

Сегодня, наконец, официально сообщено о полном уничтожении сталинградской группировки немцев.

Ездил на правый берег Донца — соседняя дивизия (4-я Гвсд) взяла пленного.

4-е

Столько успехов, что некуда деваться: не успеваю отмечать на карте.

Сегодня взяты Красный Лиман, Кущевская, Купянск. Взятием станций Золотухино и Вozy перерезана железная дорога между Курском и Орлом.

На нашем участке окончательно удостоверились в отсутствии танков и скопления войск, о которых столько кричала наша авиаразведка, — это оказалось чепухой. Теперь поговаривают, что немцы собираются отходить с этого рубежа.

5-е

Сегодня утром сообщение о взятии Шигров и Тима.

Сейчас я — ОД, из армии позвонил Соседов и сообщил, что взяты: Артемовск, Краматорская, Славянск. Совинформбюро, наверное, сообщит об этом завтра.

Вчера вечером, когда уже легли спать, Доронин принес открытку... от Левки Фельдмана из Самарканда! Поздравляет с Новым годом. Лучше поздно, чем никогда.

6-е

Сегодня официально объявлено о взятии Старого Оскола и Изюма.

Нашей авиаразведкой в Ростове на аэродромах самолетов противника не обнаружено, ангары горят, горят железнодорожные эшелоны, взрывают склады боеприпасов. То же творится в Новочеркасске.

Чертовски болят зубы.

7-е

<...>

Сегодня в газетах снимки пленных немецких генералов. Генерал в пилотке, генерал в чеботах...

Генерал-фельдмаршал Паулюс, допрашиваемый Рокоссовским и Вороновым (вот где бы быть переводчиком!). Бригадный генерал Димитриу (румын) — похожий на предколхоза.

Толпы пленных, проходящие по улицам Сталинграда, — разрушенный город, жуткая картина. Вот сюжет!

Стандартный разговор ОД:

— Ну, как у вас обстановка?

— Да ничего нового, редкая ружейно-пулеметная стрельба.

— А галушек подбрасывает?

— Нет, что-то не слышно. Фриц ведет себя спокойно.

8-е

<...>

Вообще, отчаянно интересно, как будут развиваться наши наступательные операции в дальнейшем. Во всяком случае, можно сейчас отметить, что темп нашего наступления очень высок и что он не только не снижается, но даже нарастает. Я думаю, скоро будет освобожден Донбасс, — это нужнее всего.

Сегодня командование решило немножко понаступать. Весь день наступали, палили, стреляли, а все без толку. Кажется, Краматорскую или Артемовск легче взять, чем Михайловский или какие-нибудь там Возки.

Да и то, какого черта наступать, не имея ни танков, ничего? Нет ни людей, ни снарядов для артиллерии. Не 5-я ударная армия это, а барахло.

9-е

Взята Короча. Наши войска после решительного наступления взяли город Курск.

Я себе представляю чувства жителей Курска, этого города, свыше полутора лет бывшего под властью немцев, города, истерзанного и измученного, жители его, наверное, уже и не ждали, и потеряли надежду на освобождение... Как моя Одесса...

Кроме этого знаменательного события сегодня произошло и другое, не менее замечательное. Наступление нашей армии увенчалось успехом. По всему рубежу Сев. Донца перед фронтом армии противник начал отход. Он отступает, очевидно донельзя удивленный и сбитый с толку тем упорством, с которым на него все лез и лез этот странный, численно более слабый противник. А может быть, он драпает из-за общей обстановки, боясь очередного окружения.

Как бы то ни было, но немцы ушли и от нас оторвались. Это здорово паршиво, что мы их преследуем не на плечах, а на почтительном расстоянии. Сейчас мы в Броницкой, пройдя Михайловский.

12-е

Наша армия продолжает наступление. <...> Немцы сопротивляются слабо — они, очевидно, вывезли все, что хотели, остальное взорвали и засиживаться в почти окруженном районе не собираются.

Завтра, наверное, увидим, что за город Шахты!

С Шахтами начинается Донбасс.

Ростов почти взят — там идут последние уличные бои. Блокирован Новочеркасск, где генерал Краснов так и не успел сформировать казачий полк.

Сегодня — сообщение о взятии Славянска и Лозовой.

13-е

Город Шахты — в него наша дивизия ворвалась первой.

Большие здания зияют мертвыми дырами окон — разрушения здесь еще с прошлого года, когда наши части упорно дрались, оставляя город.

Кое-что цело — театр, например, который сейчас охраняет бывший бухгалтер его, не пуская мальчишек, которые охотно все растащили бы.

На площади валяются битые немцы — кто-то их уже раздел почти догола. Кровь, одеревеневшие на морозе тела.

Трупов немного — в городе было убито не больше двух десятков немцев. Упорного сопротивления они здесь не оказывали. Ранним утром Силантьев с небольшой группой разведчиков ворвался в Октябрьский — пригород Шахт. Немцы оттуда сразу отошли в город. Часам к 11 подошел наш полк и, перейдя речку у восточной окраины, овладел несколькими кварталами. Ночью многие немцы спешно смотали удочки, и часа за два город был очищен. На площади были окружены и уничтожены человек десять. Пару больших зданий немцы успели взорвать, кое-что заминировали. Был заминирован госпиталь, в котором лежат человек сто раненых наших военнопленных.

Взять город такими слабыми силами удалось, по-моему, потому, что он был уже блокирован, и защищать его было нечего. <...>

15-е

Находимся в крупном селе, хуторе Родионово-Несветайское. Немцев выбили отсюда около 12 часов дня, и, когда вечером мы приехали, догорали подожженные немцами дома. Взорвано и подожжено много домов — как правило, лучшие дома. Говорят, что много мужского населения немцы угнали с собой.

Глупость капитана Семенова не поддается описанию. Возмутительно отношение к своему делу коменданта Леднянского — холуй, и больше ничего.

Читаю «Черную стрелу» Стивенсона и получаю полное эстетическое наслаждение.

Краткое изложение шахтинских впечатлений. Улички ровные и широкие, с небольшими деревянными домиками (когда-то по главной улице ходил трамвай), все более или менее крупные здания либо взорваны немцами, либо <неразб.> к развалинам прошлого года. Жители, выдрессированные немцами, боятся с наступлением темноты выходить на улицу. Шахта, в которую немцы сбрасывали расстрелянных коммунистов и евреев. Госпиталь с ранеными русскими военнопленными, заминированный и подготовленный к взрыву (взорвать его не успели). Уцелевший кинотеатр — в нем у немцев был frouttheater, плакаты с портретами коричневого цвета томного фюрера и с надписью «Гитлер вызволитель». Четыре парня — местные рабочие — при отходе немцев они раздобыли фрицевские винтовки и <неразб.> бить драпающих фрицев, ушли с Красной армией. На центральной площади — трупы застреленных фрицев, <неразб.> уже успел раздеть догола (одному вместо фигового листка нахлобучили фуражку), вообще, битых фрицев там и сям валяется много, все они раздеты догола (очевидно, это гражданское население мобилизует одежно-бельевые ресурсы). Штук одиннадцать пленных мы допрашивали полночи, все они из прибывшего недавно

пополнения, страшно растерянные, все кланчат кусок хлеба («Zwei Tage nichts gegessen»¹).

686-й пп 336-й пд, бывший в Шахтах, сопротивления почти не оказывал. Уже после взятия города человек сто автоматчиков, подкатив на автомашинах, попытались было контратаковать, но были отбиты. За Шахтами тоже сопротивление не сильное. Сейчас мы от города километрах в 60 к западу.

Штаб дивизии расположился в том доме, где было гестапо.

17-е

Взят Харьков!!!

Под Шахтами взяли в плен трех русских, служивших в германской армии. О них рассказывал майор Поташников.

Два паренька — солдаты. Были где-то на оккупированной территории, их насильно обучили и поставили в строй. (Чувства человека, воюющего в армии противника против своих братьев, — смесь самых гадких и гнусных чувств.)

Третий был унтер-офицером, имя его — Иван Сметанин, студент Сальского института. У этого история посложнее: бывший комсомолец, он заявляет, «что комсомол его не удовлетворяет, Сталину он не верит». Был поэтом, его высмеивали. «В школе только потратил, потерял лучшие годы, ничему не научившись». Эдакий «лишний человек», вероятно, явление сейчас распространенное. Как тип он очень интересен, и мне очень жаль, что я его сам не видал. Продолжение темы Григория Мелехова (у него еще есть брат, лейтенант, сейчас где-то в Красной армии, о нем он говорит: «Встречу — убью! И отца убью за то, что он меня таким воспитал» — отец где-то в Сальске, бухгалтер).

Удивляет меня русский народ, после того, как его так били два года подряд — он нашел в себе силы оправиться, и сейчас, нанося удар за ударом, бьет и гонит сильнейшую армию в мире. Бьет, выбрав для нанесения удара самое

¹ «Два дня ничего не ел» (нем.).

трудное время года — зиму, бьет, сам будучи темным и забитым (нечего обманывать себя, что это — изжито!), бьет, хотя на той стороне против нас стоят наши братья!

<...>

18-е

Лысогорка — она так называется, потому что лежит у подножия здоровенной известковой горы, воду здесь пить невозможно — очень неприятна на вкус, известковая какая-то.

Население здесь почти все разговаривает по-украински, хаты резко отличаются от тех чистеньких, светлых, почти по-городскому меблированных казачьих домиков, которые мы заселяли в Придонье, — тут хаты небольшие, полы земляные (заплеванные семечками), крыши в большинстве случаев крыты камышом, в сенях стоит отчаянная вонь — здесь живет корова. Детская люлька подвешена к потолку, пищит и галдит целый выводок ребят. Хорошенькие молодцы ходят в сапогах.

Это, так сказать, этнографическое отступление.

Сегодня мы живем рядом с армейским ВПУ. Здесь собираются пленные со всех дивизий. Человек 50 было их сегодня. Все они стоят, топчутся у длинной каменной стены — человек с полсотни солдат. Чуть поодаль сидит офицер, лейтенант, не примыкает к общей массе, держится обособленно. Кругом столпились русс-зольдаты, глазают, хохочут, и обязательно каждый пробует завести с немцем разговор.

Все немцы — в своих забавных зимних масккостюмах, на ногах у кого что: рваные валенки, сапоги, развалившиеся бурки (бойцы хорошую обувь отбирают, а взамен отдают какую-нибудь дрянь), а у одного вовсе ничего нет на ногах — пришлось ему натянуть на ноги рукавицы и щеголять так.

Двух немцев, которые были у нас в разведроту (один из них шофер, начал там чинить машину), я отправил обратно туда, чему они были очень рады, а все прочие отчаянно завидовали.

Только что привезенная партия обижается, почему раньше бывших тут кормили хлебом, а им ничего не дали.

— Это что, чистые фрицы?

— Ну, какие же чистые, не видишь, что ли, какие они грязные, все в грязи.

— А по-русски они понимают? Эй ты, скажи, зачем воевал, а?

— Verstehe nicht¹.

— Нихт ферштей? А «матка-курки-яйки» понимаешь, а?

— Матка яйки — ja, ja, понимай!

— То-то!

— А ну, ребята, пусть он скажет, сколько русских он пук-пук! У-у, морда, эс-эсовец, наверно.

Подходят две девушки, прыскают в платок.

Фрицы без всякого стыда лезут к себе под куртку, за пазуху, скребутся, один ищет вшей в подшлемнике, другие внимательно наблюдают.

Разговариваю с офицером. Он — командир одной из рот 686-го полка 336-й пехотной дивизии. Очень осторожно отвечает на вопросы. Был на Дону под Верхне-Чирским и очень удивился, узнав, что и мы там были.

— Так это вы нас гоните с тех пор?

Подошел Агаджанов попугать их своими усами.

— Допроси фрицев, Агаджаныч, — говорю я.

— А зачем мне, я с ними другим языком разговариваю. Я им лучше капут делаю.

Подошел доктор Какуркин и никак не мог успокоиться, пока не обул того босого фрица с рукавицами на ногах. Привел какого-то пацана, который притащил соломенные эрзац-валенки.

— Sehr, sehr gut. Danke schön!² — сказал фриц и зачавкал огромными снегоступами по грязи.

По дорогам с запада большими группами и в одиночку плетутся люди с мешками за плечами. Это те, кто был увезен немцами, возвращаются теперь домой. Кто его знает, уходили ли они добровольно, или их угоняли насильно?.. Скорее всего, что есть и такие, и такие.

С проезжающих мимо машин смотрят на них с презрением.

¹ Не понимаю (нем.).

² Очень, очень хорошо. Спасибо большое! (нем.).

— Ну что, орлы, удалось дойти до Берлина? Подвели друзья, а?

Взят Богодухов — это началась Полтавщина.

Оттепель, грязь на дорогах... Все течет, тает и капает. Все спешно меняют валенки на сапоги и ботинки.

19-е

Приближаемся к границам Украины.

Рябой офицер связи с немецким автоматом за плечами по фамилии Лелетка.

Митин и Щербаков — лейтенанты на побегушках.

<...>

Рахитичные дети, с кривыми ногами и отвислыми животами, орут весь день, не закрывая грязного рта. Мельницы все сгорели, и все жители завели себе ручные мельницы. Крутят, во всех хатах треск стоит.

После оттепели — выюга... Клубы белой мути порывами несутся по хутору. Эта муть, мокрая и холодная, проникает за шиворот, в уши...

22-е

Сегодня — канун праздника Дня Красной армии. По случаю такого торжества был устроен концерт и ужин — зрелища убогие и противные. Вид пьяного и разнузданного офицерства произвел отталкивающее впечатление.

Нашей дивизии, кажется, собираются дать гвардейское знамя. Кроме того, говорят, что нас наградят медалями «За оборону Сталинграда».

Немцы продолжают упорно и активно обороняться на рубеже р. Миус, заняв прошлогодние зимние позиции. Положение точь-в-точь такое, как в прошлом году, — не говоря, конечно, о других участках фронта. А сведения с других участков в высшей степени радостные — наши войска взяли Краснодар и Павлоград, тот самый чудесный Павлоград, по уютным и солнечным улицам которого я разгуливал в начале сентября 1941 года. Брал Краснодар

Голиков, взявший Белгород, Харьков, — молодец генерал! Теперь на повестке дня Днепропетровск, Полтава.

Как я ездил в армию, и как меня там хотели похитить. Маринка.

Получил письмо от Нинушки — бедная девочка болеет. Черт его знает, почему так не везет.

Она сообщила адрес Жечки: Ппс 203, 1329-й гвардейский стрелковый полк, 57-я стрелк. рота, лейтенанту Гринбергу.

Адрес безнадежно устарел, но я все же попытаюсь написать.

24-е

<...>

Начарт — маленький, коренастый, всегда смеющийся майор Стеобалов, оказывается, одессит, что я раньше подозревал по характерному произношению «жизнь», «жера».

Во дворе с лужами от подтаявшего снега дом под желтой черепицей, пара покосившихся хлебов или сараев, лохматый грязный пес Мальчик и маленький ребенок, сидящий орлом под большим стогом прелого сена.

Курносовая радистка Аня, звездочка на шапку за поцелуй и щелканье семечек с утра до вечера.

Завдел первого отделения Маршнев, никогда не расстающийся со своим портфелем. Портфель при нем, идет ли он завтракать, на концерт или в баню.

Ленивый, бездеятельный и глупый капитан Семенов, когда он был НО-1 — это было горе, но совсем ужасно, когда он исполняет обязанности НШ.

Крапивин — der Kerl¹, похож не на Дон Кихота, а на Росинанта.

Мелкая сошка — офицеры связи, люди на птичьих правах. Служат для мелких поручений. Митин — лейтенант с кругозором 15-летнего мальчишки, гнусавый и медлительный Щербатов, Соседов в рваной гимнастерке и невыразимых валенках, оклеенных резиной. Эх, офицеры...

¹ Тип, субъект (нем.).

Целый день кошачьим голосом кричит ребенок.

Переводил в армии трофейные документы.

Приказ об аресте восьми лиц (среди них пять женщин), «помогавших большевикам в период оккупации».

Приказ о принудительной эвакуации всего трудоспособного гражданского населения из области боевых действий и о содержании его в лагерях военнопленных.

Очень интересный приказ по 29-му армейскому корпусу, свидетельствующий о том, что Гитлер приказал в кратчайший срок восстановить все 22 уничтоженные под Сталинградом дивизии. В целях этого собирают всех солдат, состоявших в этих дивизиях, и выбывших в разные роты выздоравливающих, маршевые батальоны и т. п. Результат уже налицо — 384-я пд появилась перед фронтом нашей армии, ее, по показаниям пленных, срочно сформировали в Шахтах еще до их захвата. Нужно отметить, что эта воскресшая дивизия уже начала уничтожаться.

25-е

У Силантьева нет характера, он очень мягок и не имеет силы воли. Не сумев завоевать себе авторитета, он особенно резко ощущает это теперь, став капитаном, и думает наверстать этот пробел чересчур частым напоминанием о том, что «я ведь все-таки начальник второго отделения!».

Характерная его черта — это любовь к большим чинам. Он знает чуть не всех генералов, знает, где, чем, кто из них командовал, куда перемещен, где опростоволосился — словом, все, что принадлежит к разряду сплетен.

Вообще же он парень совсем неплохой.

Ночью, в темноте, лежа в соломе у печи, он шепотом рассказывал товарищам, как был в Сталинграде у немцев в плену. Как бомбили наши самолеты, как били «катюши», артиллерия...

<...>

27-е

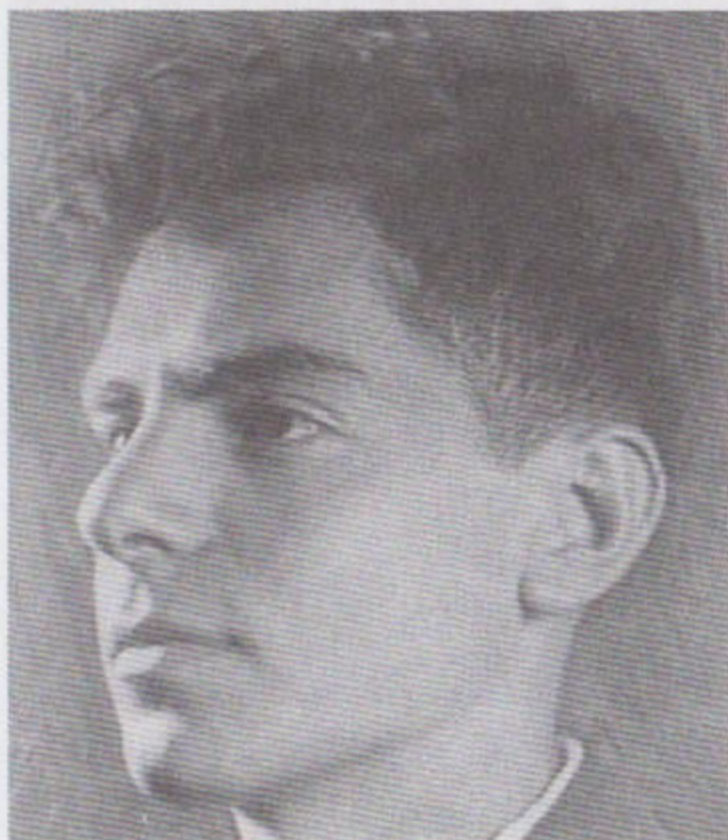
Агаджанов: «Найди метелочку и своей собственной рукой подметай!»

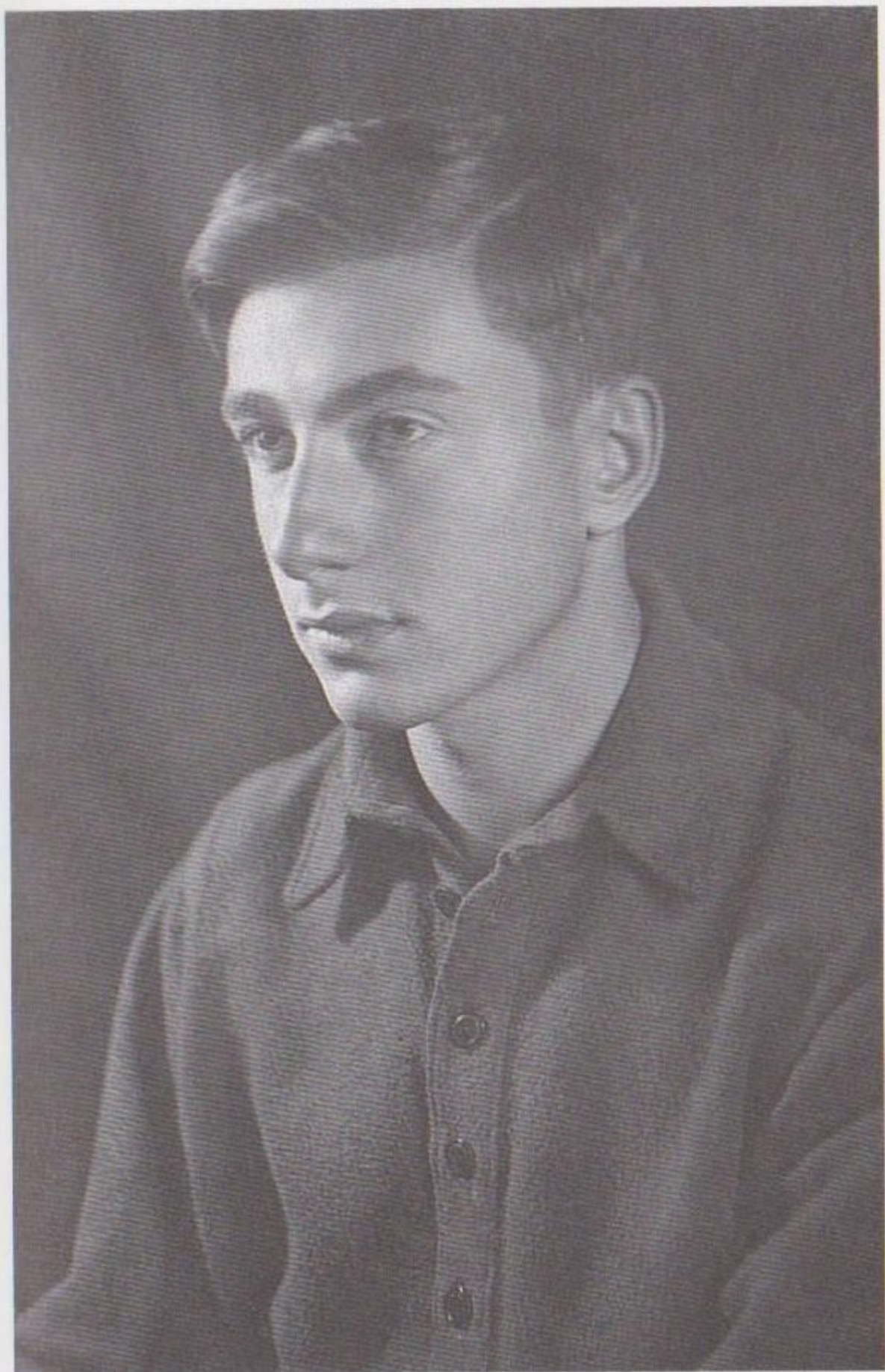
Роза Лазаревна и Давид Моисеевич – родители Б.Д.Суриса. Одесса. 1908 г.

Борис с мамой. Одесса. 1930-е гг.

Аркадий Фуремс.
Надпись на обороте:
*На память Бобе
от Аркаши. 15.10.40 г.*

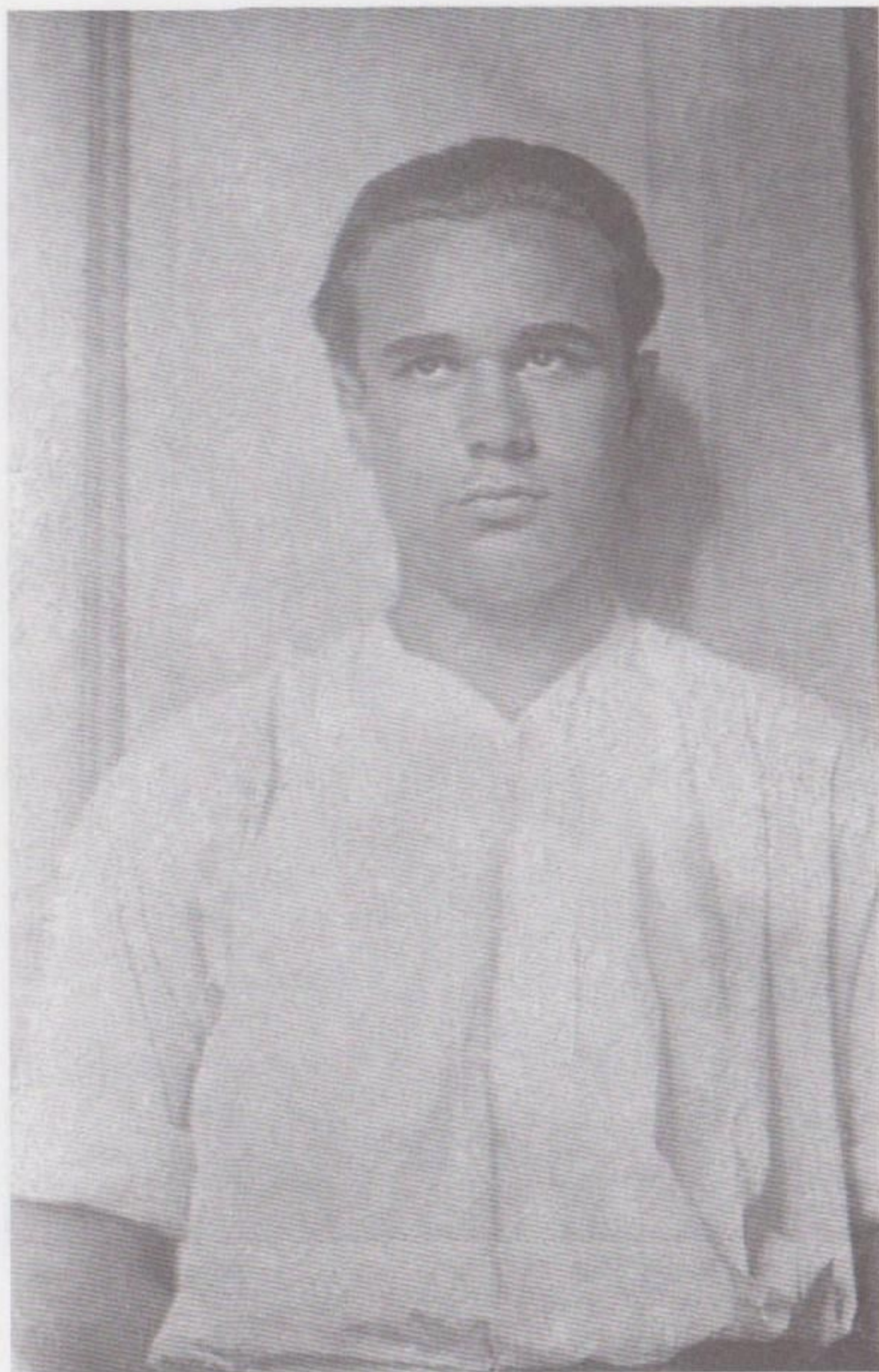

Борис Сурис. Одесса. 1939 г.

Григорий Ланда (Гец). Одесса. Март 1941 г.

На обороте надпись: *Ниночке от Бобы. Гецова физия и Гецовы вишни. Б. Сурис*

Евгений (Жека) Гринберг. Одесса, 1941 г.

Надпись на обороте: *Расстрел комсомольца, или Жека Гринберг летом*

Борис Сурис. Одесса. Март 1941 г.
На обороте надпись: *Нинке, чтоб влюбилась*

Гороховецкие лагеря. Август 1942 г. В центре в верхнем ряду — Б.Сулис

Допрос языка. Акварель. 1943 г.

На обороте надпись: *Очень жаль, что потерялся мой «зимний автопортрет». Чтобы возместить тебе эту горькую утрату — посылаю тебе этот, так сказать, развернутый автошарж. Он менее удачен, чем тот, но зато не менее идеологически выдержан. Твой Боба. 24.III.43.*

Подбитый танк под Сталинградом. 1943 г. Зарисовка из дневника

Сталинград. Группа немецких офицеров. набросок из дневника. 1943 г.

Атака. Акварель из дневника. 1943 г.

Б. Сурис с однополчанами. 1943 г.

Борис Сурис. 1943 г.

Сталинград. Пленный. набросок из дневника. 1943 г.

Сталинград. Пленные. набросок из дневника. 1943 г.

Сталинград. набросок из дневника. 1943 г.

Борис Сурис. 1945 г.
Надпись на обороте: *Сестренке химичке от большого и далекого брата.*
Февраль 1945 г.

Рахимьянов Галим Рахимович.

Живем в палатке — это оригинально и холодно. Пришлось это потому, что совершенно нет места в этом чертовом Кукушкине, куда, по своей непонятной и ненужной непоседливости, решило выехать начальство.

Утром: Агаджанов тащит воду из колодца и поит коня, умываются офицеры связи с пункта сбора, колют дрова для печки, кто-то держит в растопыренных руках гимнастерку и критически рассматривает ее. В воздухе вьется «Фокке-Вульф».

Никаких изменений в обстановке на нашем фронте. И Совинформбюро уже два дня сообщает, что «на фронтах идут бои на прежних направлениях» и что «никаких существенных изменений не произошло». Надо, надо спешно подтягивать резервы, чтобы не захлебнулось наступление!

А на ужин были КПШ (каша пшенная) и ЧБС (чай без сахара).

Лейтенант Тихонов из штаба армии рассказывал очень романтическую историю о гибели 4-го мк.

После захвата мехкорпусом Матвеева Кургана он получил дальнейшую задачу. Наша пехота еще не подошла, когда корпус за одни сутки прошел километров 30 и ворвался в Анастасиевку. Немцы замкнули кольцо и дальше Матвеева Кургана не пустили 2-ю гвардейскую армию (вообще наше наступление было остановлено на рубеже р. Миус).

Борясь в окружении, мехкорпус уничтожил большое количество гитлеровцев, много их взял в плен и освободил пару сот наших военнопленных, которые тут же вооружились и встали в ряды бойцов. Энергичным ударом, потеряв половину своего личного состава и матчасти, корпус в одну ночь вырвался из кольца — но тут же нарвался на 2-ю гвардейскую армию. Произошло такое же недоразумение, какие, правда в меньших масштабах, случаются у нас так часто: одна из наших дивизий приняла корпус за противника, корпус принял ее — и мало-мало пбили друг друга. В результате этой истории от корпуса, говорят, осталось:

командующий, с десятков бойцов и три-четыре танка. Больше никто не вышел.

Не знаю, насколько верна эта история и не берусь оценить степень ее достоверности, но, во всяком случае, вещь характерная и... возможная.

<...>

Вспоминаю огромное снежное поле между Венцами и Камышинкой, на котором в разных положениях чернеют трупы наших танков — следы больших танковых битв, разыгравшихся в излучине Дона в августе <19>42 года. Характерно, что нет ни одного немецкого танка, стоят распотрошенные длинноносые Т-34, мощные КВ, их, как живых существ, жалко, таких страшных и таких беспомощных теперь.

Март

1-е

Живем в палатке в Кукушкине, не палатка, а смесь свиного и дома терпимости — жилище красных офицеров! Только глупость некоторых военных может заставить штаб дивизии жить и работать в таких условиях.

Я не могу жить в нашем «палаццо», предпочитаю ночь проболтаться где-нибудь вовсе без сна, чем валяться на парусине, расстеленной чуть ли не на снегу, заплеванной и замызганной. Противно донельзя.

Последние два дня Силантьев находился на НП комдива, и я вел всю работу 3-го отделения (ст. л-т Рыжков, черненький парень с хитрой улыбкой, предпочитал ничего не делать) — сидел ночи на телефоне, что помогало мне не спать, писал мощные разведсводки, понравившиеся даже Семенову.

<...>

3-е

У майора Семенова, бывшего капитана, короткий, плоско обрубленный на конце нос, мясистые складки лица и нервно моргающие глаза. Исполняя должность начальника штаба, сваливает все дела на Токушева, а сам спит непробудным сном.

Токушев — мальчишеское курносое лицо, белобрысый пробор. Бывший беспризорник и сейчас самый толковый командир в штабе.

<Поздняя приписка: «Костя Токушев убит в июле 43 на Миусе».>

4-е

Стоим на том же месте, наступаем, теряя последних людей, жду контрудара.

Взяты Ржев, Львов, Суджа.

«А мне от этого не легшее».

Из неофициальных источников — сданы Павлоград, Красноармейское, Лозовая.

Наступление ночью в оттепель. С затянутого неба струится темнота и какая-то жидкая мразь, которой полно все кругом. В траншеях чуть не по колено хлупает вода (плохо тому, кто еще в валенках), ползут по скользкому и холодному, как лягушка, бугру. Все прочесывает пулемет. Расползлись, заблудились, никого не найти. До утра отлежался в какой-то ямке, до половины залитой водой, и утром увидел себя в двух метрах от немца, спящего положив голову на пулемет.

Крапивин говорит: «Они все мокрые, как лягуши».

6-е

Хасан Калмуканов. Инташ Ахметов.

Вчера вечером неожиданно получил отправленные мне Нолей еще в ноябре (!) репродукции. Для изголодавшегося глаза — пир!

Франческо Гварди¹. Удивительная широта и мастерство техники, свобода и живость колорита приближает его к импрессионистам. Типичное гвардиевское зеленое небо, отзвук его в прохладных тенях на стенах и каменных пли-

¹ Г в а р д и Франческо (1712—1793) — итальянский художник, всю жизнь работавший в Венеции. Один из мастеров барокко. Удивительно то, как папа сумел по репродукциям, пришедшим в военной почте в очень, вероятно, помятой бандероли, определить самое характерное для Гварди — его грядущее влияние на импрессионистов.

тах пола и наиболее сильное звучание синего в плаще мужчины — композиционный центр этюда. Общему холодку противопоставлена теплая розовость фасада дома с лоджиями и балюстрадой, красная ткань на балконе. Маленькие фигурки людей, похожие на Мане, стеклянный фонарь под сводом, покосившаяся колонна — какая прелесть!

Косса¹ — совершенно в другом роде. У него ренессансная сухость, происходящая от очень тщательного рисунка. Замечательно выписанная архитектура доминирует над еще маложизненными персонажами. Много наивностей (бог в небесах). Спокойная, уравновешенная композиция, «приятный» и тонкий цвет.

Ночью сообщение «В последний час» — взят Гжатск.

На юге дело остановилось — повыдохлись. Шутка ли, вести три месяца подряд наступление такого масштаба. Все, очевидно, повыбили, а новых резервов — <не>ма!

Наступать начинают Сев<еверо>-Зап<ападный> и Центральный фронты.

Присвоение Сталину звания маршала. Смешно. Помоему, если ему присваивать, так генералиссимуса по крайней мере или что-нибудь в этом роде².

9-е

Намечаются перемены — нас сегодня сменяют, и мы уходим во второй эшелон, так ничего и не сделав в первом.

Пожары и огни, горящие мосты, горящие здания, горящий сад — и силуэты угрюмых, мятущихся, мрачных чер-

¹ К о с с а Франческо дель (1436—1478?) — итальянский художник периода Раннего Возрождения, представитель феррарской школы. Знамениты его фрески в замке Скифанов в Ферраре. Очевидно, именно они и были представлены на репродукциях, присланных папе братом Нолей. Там чередуются картины придворной жизни герцогов д'Эсте, владельцев замка, с аллегорическими картинами времен года.

² 6 марта 1943 г. был обнародован приказ с объявлением Указа Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении Верховному Главнокомандующему Вооруженными силами СССР Сталину И.В. военного звания Маршала Советского Союза». Приказ был подписан заместителем народного комиссара обороны генерал-майором Румянцевым (без инициалов. — Т. Д.), а сам указ — Председателем Президиума Верховного Совета М. Калининым и Секретарем Президиума Верховного Совета А. Горкиным.

ных фигур солдат. Такая она вся была — черная на красном фоне — последняя ночь Днепропетровска...

На этих днях должен вернуться из госпиталя командир дивизии полковник Фурин. Его история — довольно темное дело. В ту памятную ночь, когда дивизия выходила из окружения, он куда-то пропал, пропал именно в тот момент, когда в первый раз мы встретили противника и какой-то автоматчик обстрелял нас, осветив ракетой. С этого момента мы его больше не видели. Нашли его где-то в Кухтачеве, в каком-то сарае, еще с двумя командирами-артиллеристами. Ноги его были обморожены. Остается открытым вопрос о том, где он пробыл все эти дни — почти 2 недели и как это он умудрился в течение этого времени отлеживаться в населенном пункте, занятом противником? Много есть непонятного в этой истории. Кто-то рассказывал, что тогда ночью перед исчезновением он неоднократно повторял: «Да разве выйдешь с этими баранами?»...

Известно, что по прошествии двух недель, когда наши части вторично заняли хутор Кухтачев, Фурина нашли и водворили в армейский госпиталь. Сейчас он вышел из госпиталя, пальцы ног его ампутированы. Возвращается снова командовать дивизией.

Адъютант его — говорят, сын. Холеное, круглое, розово-поросячье лицо, одет вечно с иголочки, ни за что ни про что имеет медаль, уже капитан, вместе с папашей два месяца жил в тылу — чем плохо быть родственником командива?

10-е

<...>

Сегодня очень плохие известия — контрнаступление немцев в районе Харькова и Донбасса.

Собрав и пополнив разбитые в предыдущих боях части и подбросив свежие войска из Европы, немцы перешли в наступление против нашей группировки, выдвигавшейся к Днепру. Всего, говорит Совинформбюро, немцы собрали здесь 12 танковых, 1 мото- и 12 пехотных дивизий. Наши части отошли на северный берег Донца, оставив при этом города Красноград, Павлоград, Красноармейск, Краматорская, Славянск, Лисичанск, Лозовая, Барвенково.

В результате этих известий у всех препаскудное, подавленное настроение. Опять! Опять на том же месте, что и в прошлом году! Удивительно сильный противник, каким являются немцы, не поддается. Они умеют пользоваться нашим всегдашним «головокружением от успехов», нашим недостатком резервов. Удар нанесен сейчас во фланг всей группировки, наступавшей на Харьков—Курск, и, если сейчас немцев не остановить, повторится полностью прошлогодняя история, и все зимнее наступление пойдет на-смарку. Может еще в больших масштабах повториться разгром под Харьковом.

Сейчас бы стукнуть с нашего направления...

Воспользовавшись исключительно выгодным естественным рубежом, немцы выставили по р. Миус против нас небольшой заслон из малоценных дивизий — отсечная позиция, вроде той, с какой мы встречались севернее Сталинграда, этот заслон обеспечивает фланг всей группы, бьющей по Краматорской и Ворошиловграду. И если, подтянув сюда мощный танковый кулак, прорвать их оборону, то, обрушившись на фланг этой группы, можно было бы... Э, да мало ли что можно было бы! И поумнее меня люди сидят там, наверху, и, если они этого не делают, значит, опять все дело в резервах. Нет их! Нет, и неоткуда взять.

Сегодня, наверное, опять сдадут Харьков.

Наши нацепляют погоны, в штабе вызвездило, аж глазам больно. Кое на ком погоны сидят как ермолка на свинье, но вообще зрелище внушительное и солидное.

12-е

<...>

Уткнувшись в снег, лежит труп человека в ватнике и стеганых штанах. Одна нога — в валенке, другая — в бурке. Лица его не видно, но по валяющейся тут же простреленной грязной шапке понятно, что он застрелен в голову.

Он лежит за околицей села, за сараями и конюшнями, куда обычно никто не приходит. Мы наткнулись на него, когда шли в степь немного пострелять, поупражняться из пистолетов по немецким каскам.

Сержант сказал:

— У, сволочь, падаль подлая.

Это русский, шофер. Он служил у немцев и во время боя за хутор завез к нам в тыл группу немецких автоматчиков, много наших полегло от их огня. Когда населенный пункт был занят, его удалось поймать, и его тут же расстреляли.

— Изменник!

Связь — это средство потери управления войсками в бою.

16-е

Из армии Жилкин сообщил, что вчера в 23.00 сдали Харьков. Капут теперь.

Нашу дивизию спешно сегодня ночью перебросили севернее, в район Дьякова, опять в первый эшелон. Не понимаю пока, чем это объясняется.

18-е

Приехал в Верхний Кут (хуторок, которого нет на карте, — километров 8 западнее Дьяково). Поездка ночью на полуторке, на которой нагружено тонны две груза и сверху сидят четырнадцать человек.

Шоссе — подмороженный и утрамбованный бесчисленными колесами и ногами снег. Далеко-далеко на юге — на-верное, под Таганрогом — как подвешенный за нижний конец маятник, скользит по тучам осторожный тонкий прожектор. Справа светят ракеты, часто-часто, задыхаясь, мигают беззвучные зарницы артиллерийских выстрелов и, чуть заметное, полыхает зарево на фоне лиловых, тяжелых туч, облекших запад.

Там, наверное, замотанный в тряпье и опустившийся, притопывает обмерзшими ногами немецкий солдат в стальном шлеме, битый и все еще победоносный, вшивый и страшный, а против него, замерзший и измученный, спит под своей плащ-палаткой казах-боец...

...Как только выехали из России на Украину, так исчез снег, поднялась пыль столбом над дорогой, и сразу изменился пейзаж: холмы, фиолетово-синие против желтого восхода, травы и сады на перекопанных канавами лугах...

Подумать только — я опять на Украине!

Наша дивизия обороняется на западной окраине Дмитриевки. Немец — 294-я дивизия против нас — ведет себя удивительно спокойно — и слава богу: снарядов мало, патронов не хватает, людей нет...

Сегодня получил Ниночкино письмо, датированное 22.12 — !! — и письмо... от матери Митуськи Соснова. Получаешь письма из самых неожиданных мест — только не от... Эх, да что там говорить...

20-е

«Фигулирует».

Наши полки лежат в обороне. Обстановка, местность, люди — все это заставляет призадуматься, насторожиться...

Эти места уже повидали немало войны, и в прошлом году здесь проходила полоса позиционных боев, и в прошлом году и наши, и немцы подолгу сидели в этих же самых окопах и траншеях.

Деревня Дмитриевка вся простреливается противником с прилегающих к ней высот. Крайние западные домики — у немцев, и жители, если им надо выйти на улицу, торопятся забежать куда-нибудь за стену, даже ребятишки научились играть в убежищах.

Есть тут один старичок, живет он в хате, стоящей на ничьей земле, как раз между нашим и немецким передним краем. Ходит он себе беспрепятственно в деревню, где находятся наши подразделения, ходит на немецкую сторону — и никто его не трогает, ни мы, ни немцы, никто ему не мешает. Старик бодрый, словоохотливый, рассказывает все, что знает, о немцах (а немцам, наверное, рассказывает все о нас!). Бог его знает, что у него на душе и на совести... И так не он один, многие жители, уже привыкшие к этой войне, к этим выстрелам и шуму, ходят-бродят взад и вперед. Сегодня, например, к нам в штаб забрела уже одна тетенька тоже из живущих на ничьей земле, посидела, посудачила с хозяйкой и пошла себе во-свояси.

Вообще, населенные... Говорят, на стороне немцев сейчас воюют тут же, на нашем участке, человек 400 мужиков из этой самой Дмитриевки. Неудивительно, что они знают

как свои пять пальцев все тропки и переходы, неудивительно, что одного из таких типов задержали вчера в Дьякове (ходил, наверное, к бабам!). Становится понятным случай, произошедший 16-го, во время смены: к блиндажу ночью подошла группа, на русском языке заявили: «Выходь, кто есть, а то гранатами закидаем!» — и четверо наших героев, в том числе средний командир, командир взвода, были уведены к немцам — языки! По крайней мере, так рассказывали два бойца, которые лежали рядом и боялись пикнуть, чтобы не обнаружить себя.

Сегодня мы обратили внимание на все эти факты, и Николаенко обещал подзаняться. Тут, мне кажется, необходима поголовная эвакуация местного населения с передовой. Я тут в каждом подозреваю шпиона, а с нашей мощной обороной — это гроб...

Что же это за оборона? Вот что: три человека сидят на рубеже в три километра. Снарядов нет, мин мало, патронов не хватает. Жрать людям нечего.

Местность: камыши и бурьян, в которых немец нас не видит, но которые мешают и нам его видеть, грязь от оттепели, канавы, ручьи, речушка Миус — и впереди крутые высоты, по которым проходит оборона немцев. У них — окопы, блиндажи, соединенные траншеями, мало минометов и артиллерии, есть снайпера, перед всем передним краем — проволочное заграждение, много пулеметов.

Наш сосед справа — 51-я армия — только пополнилась разными там военнопленными, <19>25 года <рождения> и прочими «вояками». Их доставили на передовую еще в гражданском платье, многие без оружия. Крапивин рассказывает, что видел сегодня, как подходило это пополнение, один идет в военной форме, только со своим мешком за плечами, другой — в штатском, но тащит винтовку. К нашему комбату пришел соседский какой-то замкомроты, просил хоть пару гранат себе в качестве личного оружия для самозащиты.

В общем, у соседа есть людишки, но плохо со всем прочим: очень, очень мало огневых средств, отвратительное управление (у батальона с полком нет телефонной связи, и никто не знает, где штаполк!)

Зато лазают многочисленные «представители сверху», «координируют». Бойцы ругаются: демаскировка. Глупо,

страшно все это от начала до конца. Я не сомневаюсь, что где-то сидят преступники, они есть <неразб.>, к сожалению, слишком крепко чувствуется!

Только что (сейчас, когда я, ОД, <неразб.>, это 4.30 ночи на 21.3) пришла шифровка с предупреждением, что с рассветом возможны активные действия противника. Я боюсь этого, ибо чуть сильный толчок — и все полетит к черту!

Очковтирательство процветает в нашем штабе. Есть много людей, работающих не за совесть, а за страх.

КП батальона, неизвестно за каким чертом, вынесли чуть не к самой передовой. Ребята, не теряясь, оборудовали КП: выставили автоматы из амбразурин, на бруствере разложено штук тридцать гранат.

Когда началась оттепель, большая часть бойцов еще не имела кожаной обуви — только валенки. Были случаи, когда бойцы наворачивали на ноги противогазы (!!).

21-е

Сегодня наблюдали воздушный бой: четыре «Мессершмитта-109» напали на нашего ИЛа, он, бедняга, отстреливался и из пулеметов, и из пушек (тр-р-р! Тр-рр-ра-та!), и реактивными снарядами <размыто 6 строк>, пошел к земле ИЛ, и все шире черная полоса дыма, и вот он уже поднимается откуда-то из-за холмов и долго <неразб.> в голубом небе... А черные мессеры покружились, покружились и улетели.

<...>

22-е

По радио сообщили об оставлении Белгорода, из неофициальных источников — известие о сдаче Славяносербоска.

Сегодня — о, чудо! — видел живого милиционера. Мент был самый настоящий — в синей шинели и рыжей шапке. Постоял, постоял на дороге и побрел в сторону передовой.

Из записной книжки солдата Ганса Эльманна, 10-я рота, 686-й пп:

22 января

Выступление для погрузки в 20.45. Станция <неразб.>.

23-е

Цен-Бентшен, Лисса, Оппельн, Глейвиц, Одерберг.

24-е

Отъезд из Одерберга через Краков.

25-е

Езда через Тарнов, Перемышль, Лемберг.

<...>

1 февраля

<размыто> Запорожье на Днестре, Днестрострой.

2-е

Выгрузились, перешли через Днестр, огромная электростанция. Запорожье.

3-е

Отъезд из Запорожья.

4-е

Волноваха. Снежный буран.

5-е

Сталино, Винницкая <неразб.>. Снежный буран. Первая бомбежка, поражений не было.

6-е

Дебальцево. 17+, 39 ран.

Вторая бомбежка. 20 метров от вагона, двум вагонам капут. 17 убитых и 39 раненых. Кто знает, сколько из них еще умрет.

7-е

Прибытие в Шахты и выгрузка. Сидим здесь в одном здании, не очень теплом.

8-е

<размыто> Стою на часах <размыто>.

9-е

Все еще несу караул и ожидаю, когда мы будем отходить и куда. С понедельника взрывают железную дорогу.

10-е

Во вторник были шоколад, папиросы, табак, виноградный сахар. Сухой паек хорош, горячая пища была неснос-

на. Все еще сидим в Шахтах и ждем, что же будет. Каждый думает о своем доме.

11-е

Вечером выступление к штабу полка, всю ночь отходим.

<...>

14-е

Мы принимаем охранение. Нас атакуют танки. Наша рота полностью уничтожена. Собрались за 30 км оттуда в одной деревне.

<...>

19-е

Все еще на позициях. День свадьбы, наверное, уже не вернется.

20-е

Вечером и ночью на нашу позицию было три разведывательных поиска. Так окончился день моих именин без кофе и пирогов.

В воскресенье 14-го танковая атака. Оборону принимает стрелковая рота. Винтовка против танка.

21-е

На позиции недалеко от меня рвутся мины, и пули летят у самых ушей. Мои мысли о <размыто>.

22-е

Русские все еще обстреливают наши позиции. Ночью опять четыре раза лезла разведка, была хорошо встречена градом пуль.

23-е

Русские бомбят наши позиции, которые мы удерживаем, несмотря на потери. Ночью разведпотехи. Позади меня убит товарищ. Кто знает, чем это кончится.

24-е

В 4 часа утра русские начинают стрелять по нашим позициям. В полшестого немецкие бомбардировщики помогли нам. В 1.45 русские атакуют, их отбили.

25-е

Утром немецкие бомбардировщики опять атакуют русских. Благодаря этому немного отдыхаем. Опять разведка. Скоро не смогу держаться на ногах, мои руки и ноги обморожены. Мои мысли дома, но я должен быть здесь.

26-е

Наши бомбардировщики опять атакуют, русские ночью стягивают войска.

23-е

У майора Сенчика — представителя штарма, живущего вот уже несколько дней у нас, добыл фотографию, знаменательную и жуткую.

Улица Харькова, угол дома с балконом, пять повешенных, толпа... На обороте фриц, снимавший это, надписал:

«Харьков. Повешение партизан. Устрашающий пример для населения. Это помогло!!!»

24-е

Из Дмитриевки выселяют гражданское население. Мероприятие жестокое, но необходимое.

Разыгрываются очень тяжелые сцены.

Старик со старухой тащат тележку со скарбом. Ломается ось, и никто не поможет, не подберет... Мимо равнодушно проезжает автомобиль. Старуха жалобно причитает, старик смешно суетится у тележки, и у него трясутся руки.

Женщина с двумя больными детьми просится переночевать в хату. Плачет: «Немцы не трогали, а тут выселяют»...

Может быть, даже прокликает... Тяжело все это, до чего тяжело!...

«Вакулированные».

...Лицо его от изобилия угрей кажется засиженным мухами.

25-е

<...>

Неплохое название для книги: «Донской фронт».

26-е

Пополнение приходит помаленьку. Это — бывшие военнопленные или молодые парни, жившие на оккупированной территории и почему-то до сих пор не угнанные ни нашими, ни немцами. Приходят они в штатском, их

не обмундировывают — не во что. Зрелище странное — не то партизаны, не то красногвардейцы.

Очень характерное местечко из выступления Черчилля 21 марта: «Говоря со всей осторожностью и не пытаюсь пророчествовать, я могу представить себе, что когда-нибудь в будущем году, а возможно, и годом позже, мы сможем разбить в прах Гитлера и возглавляемые им силы зла»¹.

М-да, союзнички... В одном отношении он прав — война, наверное, затянется еще надолго. По крайней мере, конца ей еще не видно.

27-е

Пока мы так сидим в обороне, немцы начинают обнаглевать, сегодня, например, километрах в полтора от переднего края до взвода пехоты устроили строевые занятия. Помаршировали и ушли, и никто их не тронул.

В хате, где мы сейчас живем, грязный земляной пол. Я никогда не думал, что украинка может быть такой нечистой, как наша хозяйка; в ворохе грязного белья копошится целая куча малых ребят. По вечерам мать ищет и бьет вшей у них в голове... Бррр, я вчера, увидев это, высыпал на себя грамм сто перетрума.

Деревянная люлька, на четырех веревках подвешенная к потолку, облезлые тощие кошки и неизвестно зачем прибитый к стене расписной циферблат от ходиков — вот такой интерьер.

Вспоминаю лето 1941 года.

Степи, степи и поля днепровского левобережья, жаркое небо и ленивая приятная истома, так хорошо лежать у дороги, вытянув ноги и размотав пыльные обмотки, вдыхать

¹ 21 марта 1943 г. У. Черчилль находился с очередным визитом в Вашингтоне. Он выступал по радио и не дал никаких конкретных обещаний по поводу открытия второго фронта. Акцент в этой речи был поставлен на предложении формировать региональные объединенные блоки, как то: «Совет Европы» и «Совет Азии». То, что эта речь была переведена и прокомментирована в советской печати уже к 26 марта, показывает, с каким вниманием относились в СССР к высказываниям английского лидера.

близкий запах чернозема и травы и слушать песню Жорки Кантаржи:

Я вернусь, красавица, поздно или рано,
Выйду темным вечером к старому каштану...
Ой ты, ночь одесская, милая моя,
Завтра уплываем мы в далекие края!...

А по степи разрозненными потоками брели остатки разбитых и отступающих частей, хотелось есть, жажда была велика. И то там, то здесь, беззвучно из-за больших расстояний, над степью подымались синие столбики дыма от бомбежки. Пыля и грохая, в сторону от фронта шли танки — первые танки за все время, никто не знал, что делается там, сзади, где Днепр, где вчера, взорвав мосты, мы ушли из Днепропетровска и откуда время от времени, поглощенный жарой, доносился низкий и полный звук орудейного залпа.

...Деревья нас с тобою окружают,
Мальчишки нас толпою провожают,
На нас девчата смотрят с интересом —
Мы из Одессы моряки!..

Маленький писарь, у которого лицо кажется серым от изобилия угрей, а руки все время прячутся в рукава непомерно большой кацавейки.

Ночь с 28 на 29-е

Начинаются дни золотые.

В ночь на 28-е немцы после сильной артподготовки силой до двух батальонов атаковали 315-ю сд — т. е. левый фланг нашей армии — сбили боевое охранение, отбросили

¹ Романс «Мы из Одессы моряки» из репертуара К. Шульженко начинается так:

Что-то мне, ребята, не сидится дома.
Выйду прогуляюсь я
По берегу родному.
Эх ты, ночь одесская,
Милая моя!
Завтра уезжаю я
В дальние края.

их на восточный берег р. Миус, и сами в одном месте переправились. Таким образом, 315-я отдала все, что некогда с таким трудом и такими жертвами завоевала наша дивизия — и Скелянский, и маленький плацдарм в районе Берестова.

День прошел относительно спокойно. А вот сейчас ночью, когда я дежурю, стало известно, что в районе курганов +3,0, +4,0 (вост. Скелянского) немцы строят переправу, слышны звуки большого количества людей, повозок, машин. Посмотрим, не дадут ли они нам жару утром.

Это может быть началом конца. Если противник переправится, овладеет Куйбышевом, то, при наличии у него кое-каких резервов (о чем мы, кстати сказать, не имеем ни малейшего представления), это будет грозить прорывом по шоссе от Куйбышева на Ростов, а для нас, в частности, — окружением.

А прорвать нашу оборону ой как не трудно! Это ведь дурацкая 5-я ударная армия, где никто сверху и донизу не знает, что такое война и как люди воюют, армия, которая не имеет даже связи с соседними армиями!¹

<...>

29-е

...И вся эта история, и эти ночные страхи оказались впустую! Никуда немцы не пошли дальше, а наоборот, 315-я их сбросила с восточного берега Миуса. Наступать дальше и вернуть все потерянное они все же не решились.

Сегодня к нам заходили ознакомиться с обстановкой гости, которым душа радуется, — танкисты. Они рассказа-

¹ В этот период 5-й ударной армией, образованной 9 декабря 1942 г., командовал генерал-лейтенант Вячеслав Дмитриевич Цветаев (1893—1950). Военную карьеру Цветаев начинал в первые послереволюционные годы, после Гражданской войны окончил Высшие военные курсы. Стал командиром дивизии. Во время парада 1 мая 1938 г., проводившегося в Забайкальском военном округе, взорвался фугас, испуганные лошади понеслись, и было ранено 11 красноармейцев. Комдив Цветаев был арестован, так как НКВД расценил происшествие как контрреволюционный умысел, и от него добивались признания, что он завербован германской разведкой. Однако за недоказанностью его участия Цветаев был освобожден в 1939 г. С начала войны он возглавлял группу войск Карельского фронта, а в 1942-м Резервную армию, в декабре преобразованную в 5-ю ударную.

ли, что вся гвардейская бригада подходит на наш участок (пока она в Ростове), что на подходе еще одна бригада и целый тк — все только что пополнившиеся матчастью после знаменитых котельниковских боев, значит, подтягиваются сюда силенки — не осуществляется ли моя мысль о нанесении мощного удара с нашего направления?

30-е

Сегодня ночью погиб Силантьев — сам пошел в поиск, убил немца и сам был этим немцем убит. Эх, Евграф Ильич, Евграф Ильич...

Апрель

4-е

...Хуторок, которому даже на карте нет названия, на правом берегу Миуса. Четырнадцать бойцов с тремя пулеметами — боевое охранение. Позади — разлившаяся река без мостка, без переправы, в триста метров шириной отделяет от своих, и связь — только телефон (а что, если порвется?..). Впереди — беззвездная ночь, союзница немцев, и ракеты не могут своим тревожным светом пробить ее мглы, и трассирующие пули тянутся от врага, и черт его знает, где враг сейчас и что он делает... И такое изо дня в день, из ночи в ночь. Трудно высиживать там? Ничего, высиживают. Высиживают, хотя вчера утром атаковали пятьдесят немцев, и стреляли, и забрасывали гранатами, и пришлось огонь минометов вызывать на себя. И так же позавчера, и, может быть, будет так завтра — высиживают!..

А сегодня утром, под прикрытием мокрой нездоровой мглы, опять поперли полсотни. Отбили — они отошли, исчезли, и опять лезут из балки двести фрицев, и опять рвутся гранаты в хуторке, и мины, и снаряды рвут в клочья грязь под ногами — то ли свои грохают, то ли немецкие — тут не разберешь, в бою-то.

Убито четыре и ранено семеро, но немцев накрыли молодцы артиллеристы оттуда, сзади, с того берега, — и перебили их человек семьдесят, а остальные удрали.

Что ж, вернулись на свое место десять бойцов, ждут подкрепления, наладили телефон — сидят. Боевое охранение на правом берегу Миуса.

8-е

Гвардии майор Мозгов, командир батальона минеров. Переправляем его людей через линию фронта. Уже ушли четыре группы, со здоровенными мешками за плечами, с фонариками и кинжалами у пояса ушли ребята. Что они сделают там? Мы не знаем.

10-е

Наша оборона начинает принимать человеческий вид: уплотняется живой силой, усиливается техникой.<...> Стали приходить и людишки — малообученные, необмундированные, но — лучше что-нибудь, чем ничего.

Понемногу принимаем человеческий вид — в полках вместо одного батальона, как бывало раньше, стало по два батальона, правда не менее плохенькие.

Сегодня — опять день несчастий. Бывает иногда у меня такой день — сразу несколько неприятностей быстро и основательно портят настроение. Обычно это бывает тогда, когда я обнаруживаю, что сперли какую-нибудь вещь, тут к сожалению об украденном присоединяется обидное чувство человека, оставшегося в больших дураках.

Так, сегодня исчез замечательный бритвенный прибор в кожаной сумочке, наследство от капитана Силантьева. Кто-то утащил и Железный крест II класса из моей коллекции орденов. И даже тикающие в кармане новые часы не утешают в этих потерях.

<...>

13-е

Сегодня ночью опять несчастье, во время очередного поиска (в поиск ходят каждый день, начиная с того дня, когда мы пришли на этот участок, не дают житья — требуют пленного. А пленный нашим разведчикам не попадает) — во время очередного поиска потеряли 8 человек — в том числе ком. разведроты, помкомроты, представитель РО штарма кап<итан> Альтшулер и несколько хороших ребят — разведчиков.

Немцы подготовились к встрече в той балочке, куда разведчики наши тыкались уже два дня, посадили в засаду полукольцом человек 90, на флангах — станковые пулеметы...

Секли по ногам — думали, в свою очередь, взять пленных. Посекли ребят здорово, Альтшулер вряд ли выживет.

Телефонистка Зоя с обветренными губами, худенькая Ниночка с хищным личиком и тонкими ножками.

Завтра переселяемся в блиндаж — все на новом КП уже пару дней живут, только нам, как всегда, отрыли блиндаж позже всех.

Да, зима с ее победами и достижениями окончилась... Наступление закрыто на переучет — все газеты полны подсчетами итогов зимней кампании и стараются не думать о возможности весеннего наступления немцев, да и о харьковско-донбасском драпе. А весеннее или летнее наступление будет — я уверен в этом, все за это говорит — и немецкая печать, и радио в течение всей зимы, и те немногие пленные, которых я повидал на своем веку. Вот только где и когда? Хотел бы я иметь возможность записать в эту самую книжицу.

16-е

Вчера ночью ушли две группы разведчиков — вернулась только одна. Из РГ 999-го сп три человека, очевидно, перешли к немцам — это были штрафники, как и все приходящее сейчас пополнение.

Приехал новый НО-2 — ст. лейт. Скурлатов. Весь в золотых пуговицах и блестящих хромовых сапогах, как на парад.

Его чемодан, огромный и тяжелый, наполненный всем на свете. Ничего, дружок, ты его еще бросишь!

С телефонисткой Ниной живет Рыжков, а по ночам, во время дежурства, ее... Семенов.

Хромой генерал-полковник Еременко на костыле, тонкий его голосок, молчаливый и всегда задумчивый Никита Сергеевич Хрущев. Рассказ майора Мозгова.

Натопта — ездовой.

22-е

В ночь с 17 на 18-е разведчики 991-го полка во главе со старшиной Василием Гостевым и младшим лейтенантом Махневым взяли, наконец, пленного (хутор безымянный, группа немцев, пришедшая устанавливать проволочное заграждение, человек 15 перебито, один захвачен в плен). Эти замечательные ребята в течение нескольких суток были предметом восхищения и объектом поздравлений у всей дивизии и особенно в штадиве.

Пленного моментально подхватил прикативший на чьей-то эмке Герценштейн, заодно прихватил и меня.

И вот стоит этот длинный верзила с серыми пустыми глазами и пухлыми морковного цвета губами и ничего толкового сказать не может, повторяя на все вопросы: «Ich weiß nicht, das so was kommt von der Schreibstube»¹.

Я повидался с Поташниковым, с Маринкой, со всеми прочими. Все это неплохие, свойские ребята. Хороший парень новый их переводчик, позаимствованный из 4-й гвсд — гвардии старший сержант Циммерман.

23-е

Эту запись делаю уже новой ручкой — у меня две мировые обновки: самопишущая ручка, синяя с золотой искрой, и самопишущий карандаш, черный с золотом. Эти вещички стали моими фаворитами.

Сегодня ночью в полку Волошина взяли пленного. Комдив утром вызвал меня, и я, как солидный, на его эмке с ним вместе прикатил в Дмитриевку. Машину — в укрытие, и по очень длинному и очень извилистому ходу сообщения мы прошли в чистенький домик Волошина, где сидел фриц. Фриц оказался поляком, никогда, наверное, в своей жизни не видал так близко такого изобилия высоких чинов, да еще к тому же специально ради него собравшихся. Тут были: командир дивизии полковник Левин, командир полка майор Волошин, начальник штаба дивизии майор Семенов, начальник разведки армии подполковник Герценштейн, а про старших лейтенантов и лейтенантов и просто говорить не приходится.

¹ «Не знаю, так говорили штабисты» (нем.).

Иоганн Гильмуда из 579-го пехотного полка 306-й дивизии дал целый ряд интересных показаний. Кроме рассказа об участке обороны полка, о составе полка, о соседях и т. п., он еще рассказал:

306-я пд имеет на вооружении совершенно новые пулеметы МД-42, обладающие вдвое большей скорострельностью. 306-я пд входит в состав 6-й армии, которая уже полностью восстановлена и сейчас находится во Франции. 306-я пд на этих днях должна быть сменена свежей дивизией, прибывающей из Германии и имеющей какое-то совершенно новое вооружение. Среди солдат и офицеров ходят разговоры, что этим летом, вскоре, начнутся наступательные операции, наступать немцы будут не на нашем участке, а на флангах, с целью окружения здесь большой группы наших войск.

Ввиду добросовестности немца, которого мы с Волошиным водили прямо на местность, где он совершенно точно показал расположение всех опорных пунктов немцев (теперь слово за артиллеристами!), ему вернули в целости и неприкосновенности его сумку со всем *Hab und Gut*¹ — мыло, бритва и прочая ерунда. Не все немцы могут похвастать этим же!

Вообще, много больших новостей.

Во-первых, тридцатая годовщина нашей дивизии, по каковому поводу состоится большое празднество. Во-вторых, к этому же дню приурочивается преобразование нашей дивизии в гвардейскую.

В-третьих, Герценштейн, кажется, собирается мне прицепить не то орден, не то медальку. В-четвертых, он же меня, наверное, забирает в штаб армии. А в-пятых, как вам нравится в-четвертых? Мне лично и нравится, и не нравится — не знаю сам, что больше.

Тяжелые оборонительные бои на Кубани. Не понимаю активности немцев на этом участке.

Продолжаются бои на Северном Донце — южнее Балаклеи и южнее Изюма. Утешительно здесь то, что у нас есть плацдарм на правом берегу Донца, а у немцев на левом — нет.

¹ Всё имущество (нем.).

Пару дней назад какая-то оголтелая баба по-русски сообщала (радиоприемник в нашем блиндаже) о взятии немцами Краснодара — нагло врет, стерва. В недельных сводках все время фигурируют сильные бои южнее Новороссийска — не понять только, кто же там наступает.

Толстененькая и курносенькая милая девочка Зоя.

Уже зеленеет травка, первая травка весны, а на деревьях высыпало темного, как цыпленок, свежего пушку. Весна и в воздухе, и в крови. На болотах неумолчно галдят лягушки.

25-е

<...>

Хорошее было бы название для американского кинофильма или романа: «Девушка, которую я целовал».

Начались плохие погоды: жарко, пыльно и страшно то-скливо. Подчас просто невогготу становится сидеть без дела.

Хотелось бы наступать, что ли... Неужели летом наши не попробуют наступать, а ограничатся отражением наступательных попыток немцев и будут ждать до следующей зимы? Или ждать второго фронта, который будет приблизительно после дождика в четверг?..

До того растерялся, что допрос пленного немца начал словами: «Sprechen Sie Deutsch?»¹

Май

1-е

В ночь с 30 на 1-е — торжественный вечер: во-первых, Первомай, во-вторых — годовщина дивизии.

Была масса всяческого начальства, начиная с командующего генерал-лейтенанта Цветаева (бритая голова, орден Суворова на груди и лицо, выражения которого нельзя уловить) и кончая, скажем, мною, грешным. По поводу

¹ «Вы говорите по-немецки?» (нем.)

такого торжества я нацепил погоны и принял вполне офицерский вид.

Много говорили спичей, расхваливая нашу дивизию и неимоверно привирая при этом, командующий пообещал гвардейское звание.

Потом, после небольшого концерта, который дал наш неизменный клубный ансамбль, состоялся ужин с возлиянием спиртных напитков (водки).

Пили с тостами и без тостов, закуску хапали прямо пятерней, потому что вилки или ложки сервированы не были. Для пущей приятности за трапезой прислуживали немногочисленные представительницы прекрасного пола, которые состоят у нас телефонистками, радистками и проч.

Все перепились, и, как всегда, пьяное офицерство представляло собой неприятное зрелище. Песни, выкрикиваемые дикими голосами, под дикую жестикуляцию дирижирующего зам. нач. политотдела Бобыря, подполковник Перельман, к которому все окружающие лезут лобызаться, пьяный Стеобалов, ломающий скамейку... Безотрадно!

5-е

Присвоение нашей дивизии звания гвардейской¹.

Приказ Сталина говорит о том, что близятся решающие бои. Да и вообще общее настроение таково — наступать, скорее бы опять наступать! <...> Позади нас стоят и пополняются новые армии — скоро, говорят, будем наступать.

Пари держу, что во второй половине мая — числа 20—25-го — начнется наступление, в котором Южный фронт будет наносить главный удар. Что ж, пошли вперед, на Сталино!

¹ В октябре 1941 г. в Новосибирске была сформирована 43-я отдельная стрелковая бригада, в конце апреля 1942 г. была переформирована в 258-ю стрелковую дивизию. Принимала участие в Сталинградской битве, Ростовской, Донбасской, Мелитопольской операциях. За боевые заслуги преобразована в 96-ю гвардейскую стрелковую дивизию (5 мая 1943 г.), а Приказом ВГ № 9 от 8 сентября 1943 г. удостоена почетного наименования «Иловайская».

6-е

Сегодня — совершенно неожиданно новый успех наших войск на Кубани. Прорвана линия немецкой обороны, взята Крымская. Бои идут северо-восточнее Новороссийска.

8-е

Радостные вести: Тунис и Бизерта заняты союзными войсками¹. Немцам в Африке пришел капут — очередь за Италией.

Наша авиация в последние пару дней господствует в воздухе. Все время с гулом и рокотом проплывают в синем небе эшелоны бомбардировщиков, низко стремительно несутся с штурмовки ИЛы. Наверное, дают они жару где-нибудь в Красном Луче или в Снежном!

Противная «рама», непрестанно выющаяся над головой со своим заунывным воем, исчезла вовсе. А по ночам деловито тарахтят «кукурузники» — У-2, — отвозя на головы фрицам маленькие, но меткие бомбочки.

И тревожно шупают тучи два бессонных прожектора — один на востоке, под Ровеньками, наш, и другой далеко на юге, наверное, немецкий под Таганрогом. До Таганрога отсюда 85 километров. <...>

Я нацепил уже гвардейский значок — не как-нибудь, а гвардии техник-интендант второго ранга — хоть чин и не велик, а звучит громко!

Печальный конец маленькой и неудачной любовной истории...

10-е

Сегодня рано утром на участке Пономарева были задержаны четыре человека — две женщины и двое мужчин. Они представляли собой две забавные пары: грязные и оборванные, мужчины в немецкой форме. Оказалось, две

¹ Общее наступление союзных войск в Африке началось 6 мая 1943 г. и завершилось спустя неделю (13 мая) капитуляцией Африканского корпуса, что сделало возможным англо-американскую высадку в Италии.

наши маршрутницы и два парня из числа наших военнопленных, служивших у немцев.

История их вкратце такова: в конце апреля эти две девушки были переправлены на выполнение задания, сразу же попались и после долгих мучений и странствий направлены в лагерь. Здесь познакомились с этими двумя парнями, которые состояли в украинской роте по охране 155-го дулага (Durchgangslager¹), и все вместе удрали.

Долгое пешее путешествие от Волноваха через Сталино, Макеевку, Зугрес, Чистяково, Снежное — и до нас.

Бабенки довольно оживленны. Парни — посдержаннее. Один из них — Герасимов Алексей, алтаец, бывший охотник, — ночами вел их по звездам.

Екатерина Позняк своим говором живо напомнила мне Аллочку Герасимову. Может быть, та тоже где-нибудь творит номера в этом духе? На нее это было бы похоже.

Особо интересных показаний они не дали.

От общения с этой четверкой на меня пахнуло духом романтизма. Чудится что-то далекое, неизвестное мне. Бродящие по ту сторону фронта силы, все эти таинственности партизанского движения, нечто в духе знаменитых «Пещер Лейхтвейса»² и т. п.

«Когда я убила в Ворошиловграде гестаповского офицера, мне некуда было деваться. Я скрывалась у Феньки... Работаю с начала войны, и ни разу еще не отдохнула — только выйдешь, как посылают опять... Участвовала в танковом десанте при освобождении Харькова. И где только я не бывала, какие только области не исколесила!..»

Великая, страшная и странная война!

Нашел у Скурлатова небольшую тетрадь записей, где у него очень толково вкратце описывается боевой путь и операции нашей армии в декабре и январе месяцев (разгром группы Манштейна, прорыв обороны на Чиру, взятие Шахт). Недаром же он сидел все время на ВПУ — написано все это рукой человека неглупого и вполне компетентного.

¹ Перевалочный лагерь (нем.).

² «Пещера Лейхтвейса, или 13 лет любви и верности под землей» В. Редера — популярный приключенческий «роман-сериал», главы которого издавались отдельными выпусками (всего их было 73) в 1909—1910 гг.

Я переписал себе эти записи, во-первых, в качестве интересного и ценного исторического материала, и, во-вторых, в качестве примера того, как мне нужно вести этот мой дневник, если я хочу сделать его мало-мальски стоящим и интересным для потомства. Итак — к «неуклонному исполнению и руководству»! Через каждые 10 дней сюда (!) будет заноситься «обзор боевых действий», по мере моих слабых сил и разума. Начну завтра, с получением итоговой армейской разведсводки.

Сегодня принесли новую немецкую листовку — что-то их в последнее время много опять стало!

Кроме пустой болтовни о том, как хорошо в плену у немцев и как лгут большевики, описывая немецкие зверства, и после стандартного пропуска:

«Этот пропуск действителен для неограниченного числа бойцов, командиров и политработников Красной армии» — и т. п. —

следует примечание:

«Этот пропуск действителен до конца войны».

Не забудьте взять с собой шинели и котелки!

Нахальство фрицев, ждущих, что к ним так и ринутся толпы желающих понюхать немецкого плена!

11-е

Сегодня на нашем участке вышел еще один человек из тыла противника.

Опять рассказы о тайном, подземном движении пораженных людей, диверсии, взрывы, пожары, железнодорожные крушения по всему Донбассу. Бомбардировки нашей авиации, сжегшей целый аэродром под Макеевкой. Семь повешенных в Макеевке. Тайные диверсионные группы в каждом рабочем поселке, на каждой шахте.

Донбасс, могущий давать в сутки до 300 тысяч тонн угля, сейчас немцам не дает и 60 тыс. тонн. Днепрогэс работает, правда, на полную мощность, снабжая энергией весь Донбасс, но частые аварии, частые бомбежки служат причиной больших перебоев в его работе.

...Невысокий хромой блондин с измученным худым лицом и нервными руками. Он только один раз улыбнулся

чудесной улыбкой мальчишки, а потом опять помрачнел. Для него это путешествие к черту в ад является делом обычным и не очень трудным.

Там он руководит работой целого ряда групп. Он говорит: «Вот на днях пойду назад, тогда захвачу с собой рацию, буду давать сведения прямо оттуда».

Он оставался в Ростове работать по заданию обкома комсомола, потом работал в Сталине — у себя на родине, сейчас пришел из Запорожья. Скоро уйдет опять.

Повій, вітре, на Вкраїну,
Де покинув я дівчину,
Де покинув карі очі, —
Повій, вітре, опівночи!
Повій, вітре, тишком-нишком
Над білявим блідим личком,
Над тим личком нахилився,
Чи спить мила, подивився...¹

19-е

Сегодня с вечера немец усилил огневую активность, — то почти все время молчал, то вдруг начал каждые полчаса производить сильные огневые налеты.

Погода темная и тревожная, ночь, идет дождь... У меня из головы не выходит показание пленного немца из 62-й пд, захваченного на правом фланге нашего фронта, о подготавливаемом на 20—25 мая немецком наступлении. Никто, конечно, как водится, не обратил внимания на эти сведения, а факты свалятся, как обычно, как снег на голову.

Неужели они опередят нас в нанесении удара?.. <...>

Получил только что письмо от Гаррика Ланды — Геца. Письмо первое после двухлетней разлуки.

¹ Слова песни Степана Руданского. Написана им в 1856 г. и посвящена Марии Княгинецкой, его любимой, с которой он должен был расстаться. Второе четверостишие (в оригинале четвертый куплет) звучит так:

Нахилися тишком-нишком
Над рум'яним білим личком;
Над тим личком нахилися,
Чи спить мила, подивися!
Над тим личком нахилися,
Чи спить мила, подивися!

Он пишет:

«Твоей фронтовой романтике завидую, как всякий честный юноша. Но и мне есть о чем все-таки рассказать, например — гонялся по ночному ноябрьскому Ленинграду 1941 г. с куском стекла за ракетчиками, простоял два месяца на крыше под неплохими бомбежками, доучивал там же на чердаке анатомию, имел фуражку с отбитым осколком козырьком, летал над Волховским фронтом и прошелся 150 км за 4 дня с куском хлеба в 300—500 г в день, два месяца носил раненых в госпитале, строил самаркандскую железную дорогу, работал 3 недели в колхозе по обработке свеклы, участвовал в двух экспедициях, принимал в детской консультации, лечил мозтиков, разбирал разбитые дома и многое, многое еще...»

Да, Гецок, и тебе досталось, быть может, не меньше, чем мне, и на тебя война наложила свою лапу в ржавой железной рукавице!..

21-е

Ночь на ночь не похожа: то стоит мертвая тишина — за всю ночь не выпустит противник ни одного снаряда, ни одной мины, то — как, например, сегодня ночью — лупит и лупит, напролет всю ночь ведет побатарейно ураганный огонь артиллерии и минометов.

<...>

Капитан Белых — один из руководителей партизанского движения. Был командиром отряда, обморозил в одной операции ноги, сейчас на штабной работе.

Огромный нос, маленький ротик, маленький подбородок, из-под белых усов торчит неизменная трубка. Лихая просаленная пилотка набекрень, из-под нее свисают прямые пряди анархического чуба. Бывший ростовский жулик. Много и весело треплется. Пять нашивок за ранения.

Рассказ капитана Белых о том, как западнее Таганрога взяли в плен одного немца и одного австрийца, привезли через лед Азовского моря.

Допрашивали в штабе, где патефон играл пластинку Штрауса. Австриец расплылся в улыбках:

— Strauss? Lieben sie auch Strauss? О, о, Strauss — gut, sehr gut!¹

Партизанская братва принялась австрийца агитировать: видишь, мол, Штраус был хороший человек, а ты вот — сволочь сволочью.

— Знаем, лежали в госпиталях, бывали на комиссиях, — пока голова под мышкой не будет, все — топай в строю.

Рассказ, как додыхающий МиГ сбил мессера, сел и сам донельзя удивился.

Бесплодный штурм телефонисток.

Скучная жизнь в обороне! Ни тебе трофеев, ни пленных...

Живем мы трое в роскошном двухкомнатном блиндаже — начальник ст. л-т Скурлатов (он пришел к нам после гибели Силантьева, 13.4), Рыжков и я. Есть еще Вася Булдыжкин, кормилец и поилец. Начальник оказался редкой сволочью. Закопал Щербакова, которого поставили было командовать разведротой, и понемножку заедает нас. Никогда я не видел такого антипатичного человека! Просто удивительно делается, как это люди, впервые в жизни увидавшие его, уже после первых минут начинают его ненавидеть. Вид у него абсолютно невоенный, не помогает фуражка, новая форма, портупея, погоны — ничего, председатель колхоза в косоворотке, да и только!

Его чемодан — универмаг. Как в начале войны рисовали фрицев: мотомехмешочники.

— 113-я стрелковая бригада — самая негвардейская из всех негвардейских.

Преобразование нашей дивизии в 96-ю гвардейскую — было в «Красной звезде» за 5.5.

¹ Штраус? Вы тоже любите Штрауса? О, о, Штраус — это очень, очень хорошо! (нем.)

Ночью — очень яркая луна, кукование кукушки и неживой звук выстрелов.

<...>

24-е

Весь вопрос в том, кто раньше нанесет удар — мы или немцы.

Целый ряд людей, выходящих из тыла противника, показали, что в глубине у немцев нет никаких резервов, только кое-где в населенных пунктах небольшие гарнизоны.

<...>

Июнь

3-е

Живем скучно... Заела проклятая оборона — три месяца на этом злополучном Миусе!

Нас трое в роскошной подземной квартире из двух комнат — четвертый Вася Булдыжкин.

Спим сколько влезет — до 10 утра. Взъерошенные, умываемся у блиндажа, а потом весь день скучаем — делать ведь нечего. Иногда ходим на речку купаться и бить из пистолетов лягушек. По вечерам, при свете настоящей керосиновой лампы (со стеклом!) читаем, если есть что, слушаем радио, благо урвали у начальника связи приемник.

Основное занятие Рыжкова — это дать информацию штабному три раза за день (на что уходит общим счетом 45 минут), остальное время он тратит на блядоход с чернявой телефонисткой Нинкой Диенко из Шахт.

Я нашел себе более достойное занятие: акварелькой рисовываю картинку к будущему сочинению — сказка вроде «Буратино» или «Алисы в Стране чудес», похождения девочки в розовом.

Но — скучно. Проснулась тоска по родной Одессе — она мне стала сниться чуть не каждую ночь в разных вариантах, и просыпаешься с тоской и нетерпением. Стоим ведь мы на Украине, на украинской земле! Скорее бы дал наступление Аллах или Верховный главнокомандующий.

Идут сильные бои на Кубани, северо-восточнее Новороссийска. Некоторые районы и населенные пункты уже по десятку раз переходят из рук в руки (Крымская). <...>

По АГ данным, немцам удалось в результате «тотальной мобилизации» собрать, вооружить и экипировать полностью ни много ни мало... 157 новых дивизий.

Вчера Рыжков на броневице собрался в 999-й полк, к Волошину. От нечего делать увязался с ним и я.

Полк занимает оборону в Дмитриевке, большом украинском селе по обе стороны Миуса. Сады, сады, сады... Фрукты — вишни, яблоки, абрикосы — маленькие, еще зеленые. Соловьи, конечно, не поют, но зато пролетают пули, а иногда и целые мины. Все перекопано, изрыто траншеями, окопами, огневыми точками, по ходам сообщения русс зольдатен несут пшеничную кашу. Дома все разбиты, развалены — которые снарядами, которые растащены славянами на блиндажи и землянки. Жители вернутся — не узнают села!

Противник сидит на прилегающих с запада высотках, балках, на крайней западной окраине Дмитриевки.

Так я немцев и не увидел. Тоже мне передовая!

А что за солдаты, что за командиры... Самая негвардейская из всех гвардейских дивизий!

Кажется, завоевываем превосходство в воздухе. То и дело над нами проплывают, ревя, шестерки и девятки ИЛов или СБ в сопровождении истребителей. А у немцев одна «рама» болтается над нами все время.

Подробное письмо с офиц. автошаржем Саше заказным.

5-е

Поездка на броневице в 405-ю. Рыжков, возомнив себя шофером, садится за руль. Жара, и пыль, и тарыхтение по рытвинам и ухабам этой железной коробки. Рыжков, захав в овражек с ручейком, забыл, как давать задний ход. Я завожу мотор рукояткой — не один, а тысячу раз. И смех и грех!

Приехал новый НШ — полковник Блажевич, бывший командир полка в 40-й Гвсд. Шел, весь в орденах, и с ним свита, и самое главное — баба.

Скурлатов готовит на завтра силами разведроты какой-то невероятный поиск. Уже два дня идут тренировки на подобной объекту местности — с пальбой, взрывами и прочим.

8-е

В ночь с 6 на 7-е — я иду в поиск. Лежим под носом у фрица. Мои страхи.

Отход и ранение. Чертовски некстати! Началось...

16-е

Вот уже десять дней, как я нахожусь в этом неприятном положении. Первые дни намучился порядочно, сейчас чувствую себя неплохо.

Дня три провел в нашем медсанбате, не хотел эвакуироваться, пока не разыскали запропастившиеся куда-то документы. Лежал вместе с Пестряковым.

Потом — поездка на автомашине в Ростов — мучительная процедура. Всю ночь в поисках госпиталя шофер блуждал по Ростову. Я валялся на дне кузова и видел только верхушки сгоревших, разбитых, взорванных домов — ни одного целого не видал.

Сейчас лежу в пригороде Ростова — Нахичевани. Здесь полно армян. Армянки-санитарки.

Кошмар: провода на потолке образуют свастику.

Коля с обожженными КС руками, все время кричит. Много ампутированных ног. <...>

Всеобщая ненависть и презрение к бойцам-нацменам — «йолдашам»¹.

19-е

Вчера из госпиталя № 4557 перевели сюда, на Сельмаш, в госпиталь легко раненных и выздоравливающих. Прова-

¹ «Товарищ» (тюркская группа языков).

ляюсь с месяц, и, боюсь, нога в конце концов действовать как следует не будет.

21-е

Пропадаю от скуки, от необходимости все время лежать. Единственные события, отмечающие собою дни, — это перевязки и походы в уборную, причем эти последние связаны с массой трудностей.

Врач сегодня пообещал мне минимум месяц на излечение. Так что сроком можно смело поставить 1 августа. Ужас!

Завтра — вторая годовщина <начала> войны. Мне кажется, что немцы ее избрали для начала наступления. Посмотрим.

Каждую ночь — воздушные тревоги, пальба зениток, прожектора... Куда как лучше и спокойнее там, впереди!

29-е

Валяюсь в постели все время, грязный и обросший (парикмахера невозможно заманить в палату — шибко начальники! — а поход в баню, которая находится через дорогу и через сад, — мечта несбыточная). Чувствую себя плохо, сплю плохо, и, как говорят соседи, «весь позеленел».

Люди в нашей палате выписываются, уезжают, шляются по блядам, пропадая целыми днями и ночами, а мне, грешному, сегодня наложили гипс (додумались через 22 дня!).

Госпиталь легко раненных № 1815.

Июль

1-е

Сегодня — очередной сюрприз: с утра затеяли из нашего госпиталя эвакуацию, в числе прочих «перекантовался» (как говорил капитан Семенов) и я. После трехчасовой неприятной поездки на третьей полке — станция Каяла.

Неисповедимы пути твои, господи!

Госпиталь № 4540.

5-е

Ура, товарищи! Чувствую улучшение. С тех пор как наложен гипс, я выздоравливаю, все время до того пошло насмарку. Сейчас уже бойко шевелю торчащими из-под гипса пальцами, могу производить ногой резкие движения, даже легонько опираться на нее, рана сильно чешется — чую, заживает.

В Ростове меня лечил военврач 2-го ранга — фамилии не знаю, а по прозвищу Домоносик — с огромным сизым угреватым носом и рыжими дворницкими усами.

Человек, которого переехала пушка. Дышит через трубку, выведенную в спину, — внутри все раздавлено. Мучался 5 суток, потом умер.

7-е

Сегодня прочли сообщение Совинформбюро о боях, начавшихся 5-го на Белгородском и Орловско-Курском направлениях. За первый день уничтожено несколько тысяч немцев, около трехсот танков, 200 самолетов. Началось!

Поскорее, как можно скорее вон из госпиталя. А то — вдруг драп, тогда капут.

10-е

<...>

А мне опять хуже — после трех солнечных ванн чертовски разболелась нога, ломит где-то глубоко в кости. Из самой раны, наполовину зарубцевавшейся, выпирает какая-то кровяная бульба — «неравномерная грануляция»! Перспектива: сначала все заживет, потом будут опять оперировать, чтобы извлечь оставшийся в ноге осколок, — это сколько же мне еще лежать в госпитале? Конец начавшейся было карьере, всем надеждам.

Врач Померанцев — резник. Все они коновалы, мясники и живорезы.

В перевязочной — облупившиеся стены, пыльно. На медиках белые намордники. На скамейке сидит боец-нацмен, и ему что-то больно ковыряют в грязной ноге.

Нет перевязочного материала, и приходится употреблять уже использованные бинты, предварительно выстирав их, — бинты желтые и дурно пахнут. Такое положение во всех госпиталях. Свежий перевязочный материал имеют только медсанбаты.

11-е

Нравы госпиталя: сегодня ночью обокрали всю нашу палату. У меня сперли гимнастерку и брюки.

Союзники высаживаются на Сицилии.

Акопов сказал:

— У русского три матери: родная мать, крестная мать и «е... твою мать».

16-е

Солнечный, но прохладный полдень. Я выполз в садик, что через дорогу от госпиталя, и лежу в траве на земле, еще не просохшей от вчерашнего дождя. В такие минуты, когда я выхожу на свежий воздух из проклятой палаты, которая для меня все больше становится похожей на тюремную камеру, — в такие минуты меня охватывает почти физическое чувство тоски, отвращения к теперешнему образу жизни, какой-то чуть ли не безнадежности... Это бывает со мной очень часто за последние дни.

Боже мой, когда уже кончится это прозябание?..

Когда из операционной по всему корпусу разносятся дикие крики и стоны, раненые равнодушно говорят:

— Мясники опять режут кого-то.

<...>

Ubique medius coelus est.

Везде над нами середина неба.

Петроний¹

¹ Цитата из «Сатирикона» Петрония, часть 45, рассуждения торговца Эчиона.

По коридору идет сестра, несет серую клизму с длинной кишкой и напевает: «Если все не так, если все иначе...»¹

Хмурый, часто небритый инвалид на костылях, в сером халате, из-под которого свисают тесемки кальсон, — таков я теперь.

Для нашего солдата и даже офицера единственная возможность покинуть передовую и отдохнуть — это ранение и госпиталь. Поэтому естественно, что все стараются подольше тут проторчать. Хорошо мне говорить, что я хочу обратно в часть, — мне ведь в окопе на передовой не сидеть.

Его фамилия Густов, а я думал, «Густав», — вот фриц, думаю, тем более белобрысый и все лежит — молчит.

Лихой кавалерист Балов, в рыжих сапогах. Он в госпитале еще с марта — пуля чирканула по ребрам, и никак не заживает.

Зорину в руку стукнула разрывная пуля — сейчас у него не рука, а анатомическое экорше².

Майор Ахат Керим-оглы Эфендиев. Он лакец.

19-е

Вчера сняли гипс (резал я сам), и теперь хожу на четырех ногах.

Доносятся смутные известия о том, что Ю<жный> фронт наступает: то какой-то шофер приехал, то видели нашу листовку с призывом: «Вперед, орлы 28-й армии!», кто-то утверждает, что наши уже 30 километров за Таганрогом.

Вещь это, вообще, вполне возможная, хоть официально еще ничего не сообщали. Трудненько мне будет догонять наших, когда выпишусь!

¹ Медсестра напевает песню «Звать любовь не надо» из к/ф «Моя любовь», режиссер В. Корш-Саблин, 1940 г. Слова А. Д'Актиля, музыка И. Дунаевского.

² А н а т о м и ч е с к о е э к о р ш е — рисунок анатомической (гипсовой) модели тела или части тела.

23-е

Разгуливаю на обеих своих ногах, но костыли все же не бросаю. На этих днях, очевидно, будут оперировать. <...>

27-е

Позавчера делали мне операцию. Дали общий наркоз — он долго не действовал, и Померанцев, наскучив ждать, пока я усну, стал резать. Я взвыл. Потом уснул, но опять проснулся посреди операции. Словом, беспокойный пациент. Выколупали из меня черный маленький комочек величиной с вишню — тот самый осколок, из-за которого вся каша заварилась.

А вчера опять взяли ногу в гипс — очевидно, так просто, на всякий случай, от собственного невежества.

Иногороднее тело.

В госпитале на меня напал дух приобретательства. Уже куплены: плащ-палатка — 400 р., пояс комсоставский со звездой во пупе — 250 р., фуражка — 350 р. Теперь куплю еще часы за 3500, и «весь разорился я»¹. Ну и черт с ними, с деньгами.

31-е

Старший лейтенант Перевозчиков парень неплохой — но зачем так болтлив? Особенно надоедают его проповеди о пользе гимнастики.

<...>

За время лежания в госпитале только и делаю, что читаю. Прочтено много хороших книг, в том числе: «Нарушитель спокойствия» (Ходжа Наср-Эддин в Бухаре)², «Золотой осел» Апулея, Алексея Толстого «Черное золото», Горького, 3-я и 4-я книги «Тихого Дона», дневник Кренкеля «Четыре товарища», С. Голубова «Солдатская слава» и «Генерал Багратион», «Война и мир», «Воскресенье», «Как закалялась сталь», «Севастополь» Малышкина.

¹ Цитата из «Скупого рыцаря» А.С. Пушкина — диалог Альбера и Жида.

² Правильно: роман Леонида Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине. Возмутитель спокойствия» (1940).

2-е

Воображаемый эпизод: ночь в Ростове после выписки из госпиталя, сестра Аня, ночь с бомбежкой, наутро — путь в часть на авто по степи — легко и тепло. Мимолетный эпизод.

Идиотская песня, которую повсюду поют на мотив «Синенький платочек»:

...Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война.
...Ты провожала, быть обещала
Верной до гроба, всегда.

Ну и ну! А то есть еще такая песня:

Жили два товарища на свете,
Хлеб и соль делили пополам.
Оба молодые, оба Пети —
Оба гнали немца по полям.
Вот один снарядом был контужен,
И гранатой ранен был другой.
Завязали бинт ему потуже,
Чтобы жил товарищ дорогой.

(Кончается это дело тем, что «оба молодые, оба Пети, оба вспоминали медсестру»¹).

...А юго-западнее Ворошиловграда немцы развернули активные действия, подтянув танки и авиацию.

¹ Как мы уже заметили, папа очень критически относился к песенному фольклору. Песня «Двадцать второго июня» композитора Е. Петербургского известна во многих вариантах. И если первый куплет везде идентичен, то, начиная со второго, имеются расхождения:

К примеру:

Кончилось мирное время,
Нам расставаться пора.
Я уезжаю, ты обещаешь
Верною быть навсегда.

Или:

Кончилось мирное время,
Нам расставаться пора.
Я уезжаю и обещаю
Верным вам быть навсегда.

Песня композитора Н. Сизова на слова А. Ойслендера «Два товарища» (1943) тоже быстро разошлась вариантами под разными названиями: «Пети», «Жили два товарища на свете» и др.

На солдатских секретках для удобства цензуры повсюду надписи: «Выше черты не пишите», «ниже черты не пишите». Вообще ни черта не пишите!

...Атака утром, когда выползаешь из темного окопа на залитое солнцем зеленое поле и видишь, как все куда-то бегут, кто-то падает, с противным воем откуда-то сбоку прилетают мины, и командир роты идет, пошатываясь, с наганом в руке, и у него вырвано лицо — из ярко-красной светлой массы торчит что-то красное и упругое, наверное язык. И охватывает чувство того, что вот оно, страшное, совершилось, сейчас конец и смерть — но это безразлично, и продолжаешь бежать вперед, что-то непонятное крича, пока не упадешь навзничь, — и все медленно уходит, — и тут действительно конец и смерть.

3-е

Вчера вечером произошло великое событие. Как Илья Муромец 33 года лежал на печи, а потом встал и начал творить подвиги, так и я весь день валялся, проглотил сразу 1-й том «Войны и мира», а потом встал и... попробовал ходить с одним костылем — ничего, получается, попробовал вовсе без костыля — тоже получается! Вот так так! Решил выписываться не позже десятого, а в память столь чудесного исцеления подарить себе часы.

Кох, читая, сидит посреди койки в одних кальсонах на корточках, так что колени торчат около ушей. Это странный и глуховатый старик, из железнодорожных войск.

Якобы взят Красный Луч.

5-е

Вчера встретил «земляков» — ребят из 5-й ударной (из 221-й сд, в которую развернулась 79-я о<тдельная> с<аперная> бр<игада>).

«В душе его было глубокое, невысказанное убеждение, что все будет хорошо, но что этому верить не надо, и тем более не надо говорить этого, а надо делать только свое дело» («Война и мир», т. 4, ч. 2, гл. 26).

«Несмотря на то что доктора лечили его, пускали кровь и давали пить лекарства, он все-таки выздоровел» («Война и мир», т. 4, ч. 3, гл. 11).

6-е

Почему-то у меня очень много друзей, почему-то все ко мне хорошо относятся, почему-то даже совершенно незнакомые люди со мной здороваются и осведомляются о моем здоровье. Насколько я знаю мой паршивый характер — такое отношение явно незаслуженное.

Вознаграждая себя за прошлогоднее лето, проведенное в бесплодных гороховецких лагерях и сахарообразных сталинградских степях, в больших количествах поглощая фрукты. Вишни отошли, отходят абрикосы (которые здесь почему-то называют «жердели»), в моду входят яблоки.

Вот уже четвертый день, как я начал ходить без каких-либо вспомогательных приборов (кроме тросточки), но прогресса в ходьбе, к сожалению, не чувствую.

7-е

С начала войны он год и восемь месяцев учился где-то на Дальнем Востоке в училище и, когда приехал на фронт уже лейтенантом, пробыл там всего три дня. С пустяковым ранением приехал в Ростов и поймал здесь триппер. Выздоровев, опять после двух дней пребывания на передовой ранен в руку и уехал в тыл. Его фамилия Мирошниченко.

Рассказ Морозова о том, как одна бабка купила танк у драпавшего румына. Румын был растерян и голоден. Она отдала ему за танк четыре буханки хлеба, он загнал машину в конюшню. Когда пришли красные, бабка сделала им подарок: «Вот, детки, я для вас танк купила».

<...>

8-е

Над нами раздается занудное, тяжелое пчелиное жужжание:

— Фриц летит.

Есть такой лейтенант Загоняев.

«Что это у тебя за книга?» — «Шекспир». — «Фу, гадость». А другой заявил: «Наверное, ерунда какая-нибудь. Какие-то стихи. На черта ты такое старье читаешь?»

«Из ничего не выйдет ничего» («Король Лир»)¹.

Занимаюсь моим любимым делом — отмечаю на карте продвижение наших войск.

Страшный батальон ОШБ². Добрая половина командиров в нашем госпитале — оттуда.

<...>

23-е

По-прежнему валяюсь... Начал было совсем хорошо ходить, поправляться и намечал на 20-е выписку, как вдруг Крамаренко (приехавший из Ростова хирург) обнаружил на прежнем месте свищ. Проклятый свищ! Он, очевидно, никогда и не зарастет. Опять меня ковыряли, сверлили (без наркоза на этот раз), запихивают в рану тампоны... Боюсь, что все это тщетно. Подумываю о том, чтобы уехать к Поташникову, не дожидаясь зарастания пресловутого свища. Жила же Кава лет 10 со свищом на ж...! Авось в какой-нибудь очередной переделке ногу вовсе оторвет, и вся возня на этом кончится.

<...>

Из книжки с картинками выскочила худая черная кошка с желтыми глазами.

Много говорят об офицерской чести, о достоинстве командира. Но куда к чертям нужны такие разговоры, когда у нас командиры ходят в ботинках с обмотками

¹ Реплика короля Лира в диалоге с Шутом.

Ш у т

...А ты можешь из ничего что-нибудь сделать, дяденька?

Л и р

Нет, дружок, из ничего не выйдет ничего.

(Перевод Т. Щепкиной-Куперник.)

² ОШБ — особый штрафной батальон.

или в тысячекратно продранных и залатанных сапогах, в засаленнейшем и выгоревшем от солнца обмундировании, в госпитале у раненого солдата ни на копейку должного уважения к раненому командиру. Боец говорит: «Чем он лучше меня — вместе здесь лежим, вместе и пойдем». О приветствиях и прочем и помину нет. Пару дней назад я был поражен, увидев, как боец-часовой принимал стойку «смирно», когда мимо проходил офицер.

Отчасти виноваты и сами паны офицеры. Пример: младший лейтенант Шилов нацепил женский берет, ходит, кривляясь и скрипя на губной гармонике, без гимнастерки или расхристанный до пупа.

Братья Харченко: в прошлом году, когда на Южном фронте пошла каша, оба «плюнули» на это дело и смотались домой, в село. Были в штрафбате, оба ранены. Старший ранен уже вторично — первый раз был самострел. Оба лейтенанты.

Женька Бондаренко — «моряк». Но он никакой не моряк, а военфельдшер из морской бригады. Птичий ум, тельняшка и отвратительное сквернословие через каждые два слова.

Пожилой боец-грузин с седыми висками и черными усами.

Казах-наводчик орудия, всегда улыбается, вся грудь в медалях и значках.

Гвардии сержант Субботин — артиллерист, здоровенный верзила с крупным носом и толстенными губами на красном лице. Всегда страшно много разговаривает и хохочет.

Начальник госпиталя — тихий человек с полным брюшком и козлиной бородкой. Он — гинеколог.

Начмед — майор с шишкой (на лбу над левым глазом). Доктор Вулах.

Маленькая черненькая быстрая доктор Юшковская.

24-е

Вчера вечером, когда я уже лежал в постели и собирался уснуть, вдруг по всему госпиталю поднялся шум, то-

пот, радостные крики — оказывается, по радио передали правительственное сообщение о взятии Харькова. Москва салютует 20 залпами из 224 орудий!

Снова взят (23.8.<19>43 г.) исстрадавшийся, измученный город. Сколько раз переходил он из рук в руки, сколько трупов — и русских, и немецких — лежат на подступах к нему! Сейчас он печально и недоверчиво смотрит пустыми оконницами разрушенных зданий на проходящие через него войска.

Харьков — камень преткновения Южного фронта. Сегодня сводка Совинформбюро сообщила о прорыве на р. Миус и о взятии нашими войсками, продвинувшимися на 35 км, города и ж.-д. станции Донецко-Амвросиевка. Намечаются гигантские клещи, в которые попадает вся донбасская группировка немцев.

...В палату вбежала заплаканная сестра Надя, харьковчанка, ввалилась гурьба орущих офицеров, которые принялись тузить друг друга подушками, и неумолчно заболтал заика Шепилов.

У меня тоже события: во-первых, отдал портнихе перешить шинель, и получается толково. Второе — разболелся зуб, но никак не отважусь пойти к зубному лекарю — боюсь бррр-машины.

29-е

Колхозный лейтенант:

«Вся рубаха в кочетах, в кочетах, в кочетах...»

С огромным удовольствием читаю Соболева «Капитальный ремонт».

Бывает палатная, перевязочная сестра, бывает суточная, бывает стерильная сестра.

Зуб вырван, ура! Радовался, как Том Сойер. И не больно вовсе.

Носатый и большеротый солдат, поросший густой рыжей щетиной.

2-е

Разогнали каяльский госпиталь, и очутился я во фронтовом госпитале № 1008 в Ростове. Здесь врачи нашли, что у меня остомиезлит (так, кажется) и будут оперировать. А тем временем ноге все хуже — воспаляется, болит. Плохо, совсем плохо.

А тем временем на фронте хорошие дела. <...> 30 августа противник оставил Таганрог, а сегодня — 2.9 — завершено уничтожение тридцатипяти тысячной группировки немцев, окруженной в районе Таганрога. 31 августа, после взятия Севска, наши войска вступили на Северную Украину. <...> В Москве ежедневно гремят залпы торжественных салютов. К концу войны там все стекла повывлетают!

7-е

Пролежав несколько дней в Ростове, я опять эвакуировался — на сей раз в так называемый глубокий тыл, и сейчас лежу в госпитале неизвестной нумерации где-то километрах в 12 не доезжая Сальска — совхоз «Гигант».

В Ростове меня опять мало-мало «резили», но рентген и радикальная операция еще впереди: будут расчищать свищ и выскабливать поджившую кость лодыжки — нечто в высшей степени мучительное. Я уже потерял надежду увидеть когда-нибудь свою ногу здоровой...

Настроение гнусное-гнусное, и этому способствует погода — холодная, пасмурная и неприветливая. Со вчерашнего дня началась осень.

Госпиталь тоже не способствует улучшению настроения: голые облупленные стены, железные койки, по потолку черной кишкой вьется ненужный электропровод. На койках под серыми одеялами — люди, корчатся, стонут; здесь все тяжело раненные. У того вместо ноги коротенькая культя, у другого все тело от груди и до пят заключено в гипс, у третьего уродливо торчит вверх и в сторону загипсованная рука.

До сих пор меня преследует запах, который был в перевязочной, — противный запах гниющего человеческого мяса. Мне кажется, что этот сладенький тошнотворный аромат неуловимо носится по всему госпиталю.

Большинство раненых теряет всякую силу воли — плачут, стонут, жалуются. Только что принесли одного очень волосатого лейтенанта, который беспокоится, что у него не болит ампутированная нога...

Нет, гораздо лучше было в каяльском госпитале, где я был самым лежачим среди ходячих, чем здесь, где все лежат, а я могу ходить.

Когда встаю с койки и иду, все смотрят на меня с завистью.

8-е

Арзуманов, армянин. Лабазанов.

На фронтах исключительно хорошие дела. <...>

Соус из окорочка малярийного комара в гное больного китайца.

9-е

Вчера взято Сталино, и, таким образом, Донбасс очищен от немецких оккупантов.

В четырех выбеленных стенах палаты — только десять коек. На койках под серыми одеялами жмутся искалеченные люди. Тут же на койках они отправляют большую и малую естественную нужду в специальные судна и банки. Просочившийся сквозь гипс желтый гной пахнет кисло и тошнотворно. Тут же курят. От свежего воздуха палату отделяет коридор и лестничный пролет.

Разбитые стекла в одном окне заложены куском железа, в другом — скомканным одеялом.

Только что нам принесли две радостные вести.

Первое: после высадки войск союзников в Южной Италии итальянское правительство капитулировало¹.

Второе: сегодня мы эвакуируемся, куда-то на Кавказ. Прочь из этого жуткого госпиталя!

¹ Союзные войска захватили Сицилию в ходе операции 10 июля — 17 августа 1943 г. и начали операцию по освобождению Южной Италии 3 сентября (продолжалась до 7 января 1944 г.).

Ехали, ехали и — приехали.

Поселок Хоста, в двенадцати километрах от Сочи. Серое, удивительно спокойно шуршащее море, — Черное море, то самое, которого я не видел два с половиной года, несколько человек купальщиков. Узкая прибрежная полоска чистейшего песка и белейших ракушек, вдоль самого пляжа пытит поезд, а дальше — гора. Вся пушисто-зеленая, поросшая буком, кипарисами, пальмами, агавами, вся в подъемах, тропинках, переходах и лестницах, полукольцом окружая бухту, гора эта покрыта белыми красивыми санаторными зданиями, маленькими домиками, беседками. Хорошо здесь!

...Унылые — как всегда — серые фигуры калек в халатах, очень много краснофлотцев — все здоровые крепкие мальчишки — они несут здесь службу боевой обороны.

Все время летают самолеты.

Сейчас, когда я пишу, сидя в палате, море за окном чуть слышно журчит, а выглянешь — вот оно, тут же, прямо за окном, за балюстрадой террасы.

Мог ли я когда-нибудь предполагать, что попаду на Кавказ, на курорт — посреди войны?! Неисповедимы пути твои, господи!

Госпиталь, в который мы попали, — очень хорош. Белоснежные, уютные палаты, столовая, сверкающая нержавеющей сталью и посудой, электрический свет в нашей палате, в клубе настоящий большой бильярд.

Усатый старшина-танкист Диденко, украинец. Много рассказывает о своих подвигах, врет на 75%.

Токситные повязки — это, иными словами, гипс. Сейчас какие-то новые веяния в медицине: на самую страшную, развороченную рану гипс кладут непосредственно, на голое мясо, без салфетки, без ничего. Гной просачивается сквозь гипс, сильно воняет, зловоние страшное — врачи говорят, что это хорошо. Что хорошего, когда человек гниет?

Бывает, что в ране заводятся черви (от мух). Они быстро размножаются, копошатся в ране и страшно мучают больного. Врачи и это похваливают.

Это, очевидно, явление того же порядка, что и повторное употребление после стирки грязных бинтов — нехватка медикаментов, низкая квалификация большинства врачей. Слишком долго продолжается война, слишком много раненых!

13-е

Сегодня ели персики и инжир, пили сухое вино. Вино неважное, сухое, 100 р. литр.

Читаю интересную книжку Шкловского «О Маяковском»¹. Маяковским тут полна библиотека. Вот почитаю Владим Владимыча!

Приказом наркома от 8.9 нашей дивизии присвоено наименование Иловайской. Итак, 96-я Иловайская гвардейская стрелковая дивизия². Нет, хоть кровь из носа, хоть гром и молния, а я должен вернуться в свою дивизию.

Самые благие намерения рушатся из-за пустяков. Сейчас сел бы, писал бы и писал — ясно вижу две темы рассказов («Поляк» и про фрицев в Камышинке) — и настроение, и условия, но нет ни клочка бумаги. Обидно.

За столом хмуро ждут обеда три одинаковых стрижено-головых, усатых и небритых солдата.

14-е

Вчера море было бурно, оно катило на берег шумные причудливо-пенистые волны, развернув их широким полукруглым фронтом, вчера оно было грязное и рыжее, а сегодня при ясном небе вода зеленая — берлинская лазурь с изумрудной зеленью, и от облачков на воде синие тени. Эти тени бегут по горизонту, волнение моря подносит их

¹ Шкловский В. О Маяковском. М.: Советский писатель, 1940.

² Неточность. В приказе (не наркома, а Верховного главнокомандующего) за № 9 от 8 сентября 1943 г. она значится как 96-я гвардейская Иловайская стрелковая дивизия (см. выше).

к берегу, выплескивает на шуршащую гальку, где темно-серым отмечена граница вчерашнего прибоя. Потом тени поднимаются выше, перебегают через фонтан, становятся фиолетовыми на дубовых рощах, покрывающих косогор, и переваливают за хребет — больше они не видны, они, наверное, убегают за Кубань.

А на море медленно ниспадает вечерняя сизая ясь.

<...>

15-е

Наверное, Италия начала выплачивать контрибуцию — сегодня на ужин были настоящие белые макароны.

17-е

До ужина был паршивенький цыганский ансамблишко песни и свистопляски, и только «Дочь моряка» после ужина несколько примирила с жизнью¹.

Вспомнил: в Татищевских лагерях на мерзлой земле корчил конечности и бился головой эпилептик. Сегодня — аналогичное. Зачем их берут в армию?

Рассказ лейтенанта с Брянского фронта.

Партизаны в Брянских лесах? В газетах одно, в действительности совсем другое. Есть, правда, в ряде районов, и действуют неплохо, это главным образом там, где хороши руководители. Партизанские бригады, дивизионы. Но главная беда — партизанщина. Есть банды, громко именующие себя, а в действительности — «бей справа белого, слева красного». Пограбят — «мы партизаны» — и уходят в землянки в лес.

Зато чего много — это власовцев, Русская освободительная армия². Масса всякой сволочи, организованных, в немецкой форме, на ряде участков дерутся против нас

¹ «Д о ч ь м о р я к а» — фильм, поставленный на Одесской киностудии режиссером Г. Тасиным в 1941 г. Опять родная Одесса, море — понятно, что это примиряет с действительностью!

² Про власовцев и про Русскую освободительную армию написано много всего неоднозначного — в исторической перспективе, в том числе роман Г. Владимова «Генерал и его армия». Несколько строчек о власовцах в дневнике позволяют понять, как на них реагировали современники.

неплохо (например, конный полк Каминского). Если их наши берут в плен, не щадят. Теперь пошла мода — вешать. Как поймают, так без долгих разговоров — на сук, и так приятно смотреть, как мерзавец дрыгает ногами. Наши солдаты очень полюбили вешать.

Власовская агитация в тех районах сильна. В некоторых селах нам приходилось иметь дело не с немцами, а с вооруженным и организованным местным населением.

Дивизия СС «Великая Германия», переброшенная под Брянск с Харьковского направления, на добрых двадцать процентов состоит из русских добровольцев. Дерутся лучше немцев — до последнего¹.

На Южном на стороне немцев много изменников — казаков. Их с огромным удовольствием рубают казаки Кириченко.

Если берут в плен, то немцев, как положено, отправляют в тыл, а русских расстреливают на месте. Когда сбили самолет, летчики, спрыгнувшие с парашютом, оказались — мужчина и две девушки, хорошенькие немочки. Мужчину препроводили, а баб изнасиловали и застрелили.

В Чумаково-Россошанском немцы изнасиловали военфельдшера Шурочку и бросили в колодец.

Под Сталинградом были случаи, когда с немецкого самолета сбрасывали в мешке еврея с пришпиленной записочкой: «Сталину — для пополнения».

«И пехоте хотелось к убийце — победе» (Маяковский).

В городе, к которому подходит фронт, черные несветящиеся окна вычеркнуты из жизни полосами бумаги, и все улицы усеяны сгоревшей бумагой, клочьями вылетающей из труб госучреждений.

Маяковский:

Сегодня
Заревом в земную плешь она,
Кровавая толп ропот,

¹ Дивизия «В е л и к а я Г е р м а н и я» была элитной дивизией вермахта, а не СС (см.: Уильямсон Г. Элитные части вермахта. М., 2003).

В небо
Люстрой подвешена
Целая зажженная Европа.

Тело твое
Я буду беречь и любить,
Как солдат,
Обрубленный войною,
Ненужный,
Ничей,
Бережет свою единственную ногу.

...вздыбилось ржанье оседланных смертью коней¹.

24-е

<...>

По неизвестной причине мой свист благополучно закрылся. Нужно считать, что ростовский диагноз был ошибочен и никакого остомизита не было. Что ж, тем лучше! Теперь основная задача — вернуться в 5-ю у<дарную> а<рмию> (она, сейчас, наверное, где-то под Запорожьем), — отсюда направляют в штаб Северо-Кавказского фронта.

26-е

С 14 октября наши войска продолжали успешно наступать на всем огромном фронте от Велижа до Новороссийска.

На Кубани потерпела крушение система Bruckenkopf² — 16.9 был взят Новороссийск, разрушенный город, в котором не нашли ни одного жителя, был захвачен одновременным действием наземных войск и морских десантов.

22.9 взята Анапа, и теперь немцы зажаты на маленьком пространстве Таманского п-ова. Тут им будет, как когда-то нам под Керчью!

<...>

¹ Маяковским в то время у папы была полна голова. Вспомним, что в Хосте в библиотеке он нашел множество его книг. В дневник он переписал цитаты из стихотворения «Война объявлена», поэмы «Война и мир» (часть третья), из «Облака в штанах» и из стихотворения «От усталости».

² Плацдарм (нем.).

Чертова тоска. В Одессу скорее попадешь, чем в Москву.

Лучшие песни об эпохе Гражданской войны — это, конечно, «Партизан Железняк» и «Каховка».

Октябрь

8-е

Сегодня радость у меня!
Граждане!
Разулыбьте сочувственно лица!¹ —

11-го числа выписываюсь.

С 28.9. купался в море, мало-мало загорел и поздоровел.

Теперь предстоит длинное путешествие от Сочи до Краснодара (где нужно будет пускаться на все уловки, чтобы получить направление в свою дивизию), через весь Северный Кавказ, Ростов, Донбасс, аж куда-то под Запорожье.

Итак, все это лето, когда от Донца до Днепра, по всем дорогам шлепали гусеницами танки, пыля, проходила пехота, с гиком и звоном шли казаки, пролетали, свистя, самолеты, когда каждый день приносил замечательные победы, когда мы били немца так же и в тех же местах, как и он нас два года назад, — все это интереснейшее лето я провалял по госпиталям, будь они прокляты. <...>

10-е

Сегодня письмо от Нинушки погрузило меня в недоумение и досаду. Из этого письма следует ясно, что я подлец, сукин сын и дурак.

Интересная тема — «Миус — фронт». Целый ряд картин, от февраля 1943 г. до прорыва в августе.

Ночью в камышах — прошлогодние трупы.

Штурм курганов юго-западнее <села> Русского: по белому полю разрозненные черные фигурки атакующих.

¹ Опять — из Маяковского, из стихотворения «Я счастлив!». Цитата неточна, должно быть: «...Разулыбьте сочувственные лица».

Трагедия 4-го мех<анизированного> (как давили гусеницами ненужных пленных).

Наступление на Берестово по каменистому обрыву, по затопленным траншеям.

Как в безымянном хуторе боевое охранение отбило атаку 200 танков.

Ночные поиски — в Лимане, в Безымянном, бесплодные и неорганизованные.

Гибель Силантьева.

Наш поиск со взрывом.

Штрафной батальон...

19-е

С 11 октября для меня опять началась кочевая жизнь, нечто на манер моряка-скитальца (музыка Вагнера), или летучего голландца¹.

Эта жизнь отличается следующим: кушаешь мало и что попало, спишь мало и где попало, денег уходит много, умываешься редко, передвигаешься главным образом пешком и оторван от всего мира.

11.10 меня выписали из госпиталя. Поездка по маршруту: Хоста—Сочи—Армавир—Кропоткин—Краснодар и т. д.

Сочи. Посмотрел «Златые горы» — скучная картина того периода, когда мы еще не умели делать картин².

Армавир. Ночевка в офицерском общежитии, холодном, как гауптвахта. Знакомство с Виктором Ворониным.

Кропоткин, он же ст. Кавказская, — вся разрушенная станция, грязная и заплеванная семечками. Отвратительная поездка на Краснодар в телячьем поезде (ночь состояла из тесноты, толкотни, перебранки и холода — все в стоячем положении).

В Краснодаре пожили пару дней в гостинице с выбитыми стеклами (все для офицеров!), питаюсь сухим пайком, втроем — Виктор, Расул и я.

Из Краснодара двинули на машине в Крымскую — и тут начались мои пешешествия <так>. Из Крымской — в Холм-

¹ «Летучий голландец (Моряк-скиталец)» — романтическая опера Р. Вагнера (либретто его же), написанная в 1838 г.

² «З л а т ы е г о р ы» — историко-революционная драма (о росте революционного сознания у рабочего, в прошлом крестьянина), режиссер Сергей Юткевич, «Ленфильм», 1931 г.

скую, из Холмской — в Варенниковскую, оттуда опять в Крымскую.

На подробностях останавливаться не буду, они не столь важны, охарактеризую только одним словом: все эти коммандатуры, все эти отделы кадров и прочее — бордель.

Сейчас припухаю в Крымской на травке, на солнышке, около ОК в ожидании очередного начальства. Паршиво в резерве!

Одно мне ясно — что на Южфронт, а тем более в свою армию я уже не попаду. Лопнула карьера, рухнули все расчеты и надежды, пропали медаль и звание, и даже тщательно хранимое одеяло спер кто-то из резервных братьев-офицеров.

Актив: 500 рублей в кармане. Пассив: стертые, покрытые пузырями от тесных сапог ноги.

Списаться долго ни с кем не удастся...

Пару слов о моем спутнике (спутник — от слова «спутаться»). Расул Лабазанов, аварец. Сначала нравился, потом смертельно опротивел. Особенно после того, как он заявил, получив письмо с неприятными известиями из дому, что ему не так жаль умершей дочери, как украденных вещей на 20 000 рублей.

Пленные немцы на работах в Краснодаре, от прежних гансов остались лишь горно-стрелковые кепи.

«Под гром снарядов что-то мне не спится»...

26-е

Взят Днепропетровск. До конца войны осталось два месяца.

29-е

Еду из 24-го зап. офицерского полка в отдел кадров 9-й армии. Отстал от команды и опоздал на двое суток. В принципе говоря, возможен штрафной батальон — это если не повезет.

В Краснодаре на вокзале встретил... Васю Крапивина! В майорских погонах и без пальцев на правой руке. С полчаса болтали с огромным удовольствием — обо всех старых друзьях.

Он был ранен в июльских боях под Саур-Могилей. Под Саур-Могилей же был убит полковник Сошальский, на самой высоте, и бойцы два дня отбивали по 10—15 контратак противника, отстаивая высоту и труп полковника на ней.

Рассказ Крапивина.

Он находился в передовой цепи — был послан комдивом на трудный участок «восстанавливать положение». Сидел в окопе, когда началась немецкая контратака. Приказал командиру роты — ни шагу назад, но чуть отвернулся, как ни командира роты, ни бойцов не стало — оказывается, с флангов уже обходили автоматчики противника. «Стой, стой!» — но остановить, конечно, никого не удастся, пришлось и самому уходить. А автоматчики уже перебегают совсем близко. Начал бежать, когда откуда-то показались немецкие танки. Спрыгнул в ячейку, подобрал там несколько гранат... Один танк направляется прямо на него, и, кажется, до него уже метров 20 (а на деле метров 70 было). Бросил противотанковую гранату — разорвалась, не долетев, а танк все идет и строчит из всех пулеметов. Вторая граната разорвалась под гусеницей, и танк стал. Из люка стал высовываться танкист — Крапивин выстрелил из пистолета, и танкист медленно сполз внутрь танка, только руки остались висеть снаружи, прихлопнутые крышкой люка. Тем временем автоматчики подошли совсем близко, и Крапивин, выскочив из ячейки, пустился напрямик через поле. Планшетка, фуражка — по офицеру стали строчить автоматчики. Отстреливается из пистолета. Мимо уха — снаряд другого танка, первые два мимо, а третий — осколком по руке. Выбил пистолет и оторвал пальцы. Свалился Крапивин, кое-как зубами, левой рукой перемотал правую, подхватил пистолет и опять — бежать. Разорвавшийся сзади снаряд осколком раздробил лопатку. Все бегом и бегом — метров четырехста. Спине тепло и мокро, кровь натекала в сапоги, и Крапивин потерял сознание в тот момент, когда свалился в траншею на руки наших бойцов.

Из многочисленных встреч и знакомств за эти дни самым интересным и приятным была мимолетная дружба с неким Виктором Ворониным. Мы с ним удивительно быстро сошлись, но через пару дней пришлось расстаться.

Когда я в третий раз был в Краснодаре, в НКГБ я нашел его, и мы провели вместе еще пару часов.

Виктор — командир партизанского отряда в Крыму. Рука изуродована разрывной пулей. Масса интереснейших рассказов.

Вдоль железной дороги красные, как вареные раки, валяются перевернутые вагоны.

Ноябрь

13-е

20-километровый марш. Ночлег в селе Гоголево (или Огливо, как говорят жители).

Младший сержант Тер-Казарьян.

До Киева — 40 километров.

15-е

Вот уже более месяца, как я выписался из госпиталя, и за все это время не было возможности делать записи.

Непрерывные странствия — пешком, на поезде, на автомашине, исколесил Кубань, несколько раз проездом был в Краснодаре. Разнообразнейшие знакомства, начиная от дорожных регулировщиков, кончая крымскими партизанами.

Побывав в ОК, в 24-м зсп, попал, наконец, в 351-ю сд. Штаб дивизии был уже на колесах, когда я прибыл туда (ст. Старо-Нижестеблиевская). Оказывается, эта дивизия перебрасывается с Кубани, куда — пока неизвестно. Сел и поехал.

Полумесечная поездка в грязнейшем вагоне по маршруту: Тимошевская—Краснодар—Кропоткин—Ростов—Таганрог—Донбасс—Харьков—Сумы—Нежин—ст. Заворичи.

И наконец, приехали: 1-й Украинский фронт. 1-я ГвА — моя старая знакомая.

Начались дни «фронтowej романтики», по выражению Геца: грязь и неумывание, сон не разуваясь, марш в 30 км, холод и, для начала, сегодня первая вошь. Удовольствия мало, и начинаешь с огромным удовольствием вспоминать столь ненавистный когда-то госпиталь.

2-е отделение штадива 351-й состоит из:

Начальник отделения-2 — капитан Борисов. Маленький полненький человек, с неплохим музыкальным слухом. Кажется, хороший парень. Пока это все, что я могу сказать о нем.

Его помощник — капитан Фрейлих, хороший парень. Длинный, с самой большой головой в штабе.

Странное существо по прозвищу Профессор (фамилию Гольдштейн редко кто знает) — переводчик румынского языка. Первое впечатление: в углу комнаты, между двух кроватей, на полу, под шинелью копошится и стонет. Мне объяснили: у Профессора болят зубы. Маленький, черный и грязный.

Вредная станица Тимошевская, где около каждой хаты лают две-три собаки и где ни за что не пустят переночевать.

Разрушенная Крымская — самое пыльное место на земном шаре. Она сильно разрушена в летних боях, но уже стучат молотки — жители заколачивают фанерой разбитые окна, кроют крыши, начинается жизнь.

Между Крымской и Киевской — следы боев. Все перекопано окопами, траншеями, воронки, воронки и воронки.

Киевская область вся завалена картофелем — его можно купить по 10 рублей ведро. Вещь неслыханная в военное время!

19-е

Разгрузившись на станции Бровары, наша дивизия переправилась через Днепр и заняла оборону по р. Ирпень. Армия, в которой мы находимся, еще не действует, а находится в резерве фронта и, формируясь, вся состоит из таких дивизий, как наша. Мы входим в состав 107-го ск.

Ночные впечатления от города Киева.

Скопление машин на переправе. Понтонный мост, перекинутый на Труханов остров и далее на западный берег, и, как посмотришь в обе стороны, — широчайшее полотно

Днепра. К сожалению, ночь, и поэтому лишаешься возможности полюбоваться издали панорамой Киева.

Потом карабкались по крутому берегу, скользкому от мокрой глины, не зная, куда идти, пошли направо. Кладбище ночью, мрачные и стройные ряды крестов, ровные черные грядки — могилы мадьяр. Памятник: высокий цоколь черного мрамора, тевтонского типа голова в шлеме наверху, венок и надпись ALERT¹. Ряды крестов тянутся далеко за обрыв по-над Днепром — вражеские могилы, чужие мертвецы на берегу Днепра. Темнота и мелкая морозь с заволоченного неба, слякоть.

Выбравшись с кладбища, мы свернули налево и попали в Киев. Как провинциалы в столице, глазели на огромные многоэтажные дома, асфальтовые улицы. Растерялись и долго бродили по пустым улицам, прежде чем устроились переночевать (комендант штаба Вальберт, п<омощник> н<ачальника> о<тделения>-б Аганезов и я).

Улица Кирова, вся в прекрасных больших зданиях. Здание Совнаркома УССР стоит целенькое, ни одного выбитого стекла. На него нужно смотреть до отказа задрав голову вверх — этажей мы не могли сосчитать.

В общем, Киев легко отделался — он не так сильно разрушен, как я думал, судя по рассказам. Ростов, например, пострадал гораздо больше.

Правда, Крещатик весь сожжен и взорван (это еще мы старались при отходе).

В тумане, скрадывающем верхние этажи, руины зданий на Крещатике — в точности гравюра Пиранези. Жители на улицах все — желтые, худые, измученные, на лицах следы тупой робости. Почти нет молодых девушек — увезли немцы.

Прямое как стрела шоссе на Житомир (Брестское шоссе), поселок Святошино на нем — здесь мы сейчас живем. Дачи в сосновом лесу — ей-богу, неплохо.

Побитые «Тигры» на шоссе. Уродливы, из-за длинной несуразной пушки я бы их назвал скорей «Слонами».

¹ Проворный, бойкий (нем.).

Еврейский базар. Как во время НЭПа — торгуют всем на свете. Идет выкачивание советских дензнаков, которых еще так мало.

Из рассказов Виктора Воронина.

Когда партизанам понадобилась обувь, они совершили налет на румынский отряд. На убитых румынах, к сожалению, из-за сильного мороза сапоги задубели на одеревеневших ногах. Ребята догадались: поотрубали ноги, перенесли в тепло и там свободно поснимали сапоги, когда ноги «отошли». А потом для смеха отнесли ночью эти ноги на шоссе и там выложили свастики — полтора десятка фашистских знаков из отрубленных, скрюченных голых ног. Потом по окрестностям и среди немецких солдат ходили страшные рассказы.

Он же рассказывал, как кушать мох. Съедобный сорт мха прожаривается в раскаленной на костре каске и обращается в порошок, который взбалтывается в воде — это и есть кушанье.

Чехословацкая «Быстрая дивизия», стоявшая в Крыму, полностью разложена. Солдаты бунтуют, лупят немцев, большое количество чехов ушло к партизанам.

27-е

Живем уже дней десять в Святошине. Время от времени отсюда можно заглянуть в Киев на базар, где полным-полно всякой всячины. К сожалению, окончились все деньги.

Капитан Фрейлих говорит, что только на Житомирском шоссе он впервые почувствовал масштабы войны. Действительно, картина многозначительная и внушительная: непрерывно мчатся в обе стороны автомашины всех пород и систем: «доджи», «виллисы», «студебеккеры», ЗИСы, ГАЗы обгоняют друг друга, чуть не сталкиваясь и вздымая тучи грязи, грохочут танки, тягачи, трактора, тарахтят повозки, подпрыгивают пушки на прицепе, раненые, перевязанные кое-как, плетутся в тыл, гражданские тащат в направлении Киева тележки с жалким скарбом, самоходные пушки, мосты, телефонные столбы, какие-то рельсовые пути, кое-где у обочин дороги разбитая автомашина,

сгоревший Т-34, а чуть поодаль — развороченный и распотрошенный «Тигр», пробки на каждом шагу, ругань шоферов, девчата-регулирующие...

Описание этого шоссе, прямо, как линейка, бегущего из Киева на Житомир и далее — к Брест-Литовску, со всей этой колоссальной движущейся массой техники, может составить целую главу в каком-нибудь романе.

Недаром сказано: «Дороги — нерв войны».

Ожесточенные бои передовых частей на нашем участке фронта. Хорошо, что мы за 60 км от фронта! Там сейчас очень жарко. <...> Вчера взят Гомель (брал его Рокоссовский).

О Крыме молчат. По всей вероятности, высаженный 5—6.11 десант сброшен в море. Незадачливая Керчь!

Напоследок — анекдот.

Буденного спросили, нравится ли ему Бабель. Лошадиный маршал ответил:

— Смотря какая бабель!

В грязи около шоссе стоит разбитый, распахнутый настежь, вывороченный слоноподобный желтый «Тигр». Он беспомощно свесил огромную уродливую пушку и совсем не страшен.

29-е

В эту ночь наш переулок был весь забит танками. В абсолютной темноте были чуть видны крашенные в белое башни и длинные стволы пушек. Танки время от времени глухо урчали, а сквозь щели люков едва пробивался свет.

Танки прибыли прямо из Горького, танкисты рассказывают, что там уже настоящая зима, и обижаются, что у нас здесь осенняя грязь.

Эшелон, привезший танки, бензозаправщики, «доджи» с боеприпасами, пришел прямо в Святошино — железнодорожный мост через Днепр уже наведен. Да что мост! В Киеве уже начинает на днях ходить трамвай — хоть нет еще и месяца, как город освобожден.

Вообще, на нашем фронте готовится нечто грандиозное. Сконцентрированы огромные силы, все леса забиты машинами, боеприпасами, танками, самоходными орудиями, «катюшами», тяжелыми реактивными аппаратами.

Сегодня майор Ершов развивал фантастические и заманчивые планы удара с нашего фронта на Карпаты и гигантского окружения всех южных немецких армий. Молодец, Ершов!

Капитан Борисов стал для меня понятен. Непонятно только, как это он может занимать такую должность. У него — минимум знаний, максимум самовлюбленности и осовиахимовское прошлое.

Его помощник — капитан Фрейлих, тоже учился в Ставрополе.

Еще есть в нашем отделении Профессор — неопрятный и косолапый молодой бессарабский еврей.

Переводчик — это я. Некий юноша в грязной гимнастерке, много о себе воображающий и ничего не делающий. Боже мой! Я сам чувствую, что глупею с каждым днем. Я потерял способность находить себе занятие в свободное время, потерял способность острить, растерял все знания из всех областей. Сейчас я знаю только организацию германской армии и сомневаюсь, смогу ли я разговаривать по-немецки. Попав в общество умных людей, я не в силах буду, пожалуй, поддерживать разговор, не сумею связать два слова. Если я еще немного поживу среди всех этих дураков, то и сам стану законченным идиотом.

На Еврейском базаре в Киеве. Как благодарны вам, когда вы что-нибудь покупаете!

Какое унижение приходится испытывать всем этим интеллигентным людям, которые принуждены, чтобы жить, сидеть в киосках на базаре и торговать всякой ерундой.

Я заходил на киевскую кинофабрику на Брест-Литовском шоссе. Совершенно целое огромное здание — и совершенно пусто, только в некоторых помещениях пол застлан соломой — здесь, очевидно, помещалась солдатня.

Декабрь

7-е

<...>

Поездка на автомашинах ночью в снежную метель — грязь, смесь песка с талым снегом, машины не тянут, пришлось почти всю дорогу тянуть их на руках — отвратительная ночь.

Затем — на автомашинах по заснеженному сосновому лесу. Стройные сосны с рыжими стволами, на которых зачем-то сделаны стрелковые засечки, тонкие березки, зеленые пушистые елочки-лапушки, замерзшие ручейки и речушки. Вредная р. Тетерев, через которую никак не переберешься.

<...>

10-е

Получив приказ на отход, наша дивизия сумела оторваться от противника и, прикрываясь арьергардным 1159-м сп Корнеева, вышла на Чеповичи. К величайшему удивлению, приказ из корпуса пришел вовремя, хотя почти все время у нас не было связи с корпусом, а у корпуса — с армией.

Выходили мы, когда мешок угрожал уже захлопнуться, — противник овладел <поселком> Гута-Потиевська и угрожал Гуте-Добрыньска.

Дунули мы за полсуток маршик километров в 50 и вышли в район Малина. Здесь сейчас и обороняемся.

Обстановка здесь такая: приказ Москвы — врага дальше ни шагу не пускать.

Все выходящие из окружения дивизии сажают в оборону. Здесь уже полно их — и наша дивизия едва ли не лучшая из них. Вся эта пехота, помимо своей малочисленности, и очень ненадежна — пуганые люди могут, того и гляди, разбежаться. Зато полно техники: артиллерия, есть и танки (55 тбр), «катюши».

Может, и удержим — но он даст нам духу своей артиллерией и шестиствольными минометами.

Только что приводили ко мне немца из 7-го м<отострелкового> п<олка> 7-й т<анковой> д<ивизии>.

Начав 6 декабря наступление, немцы сумели выйти в тыл двум нашим группировкам, которые состояли из сильно потрепанных в предыдущих боях дивизий. Немудрено поэтому, что эти группировки разбежались, и немцы на первых порах имели некоторые успехи, прорвавшись в район Малина. Здесь их остановили спешно брошенные навстречу врагу танкисты-кантемировцы, затем удалось организовать оборону по р. Ирше, собрав остатки выходящих из окружения дивизий. Противник, видя, что здесь ему успеха больше не добиться, круто повернул и бросил свои танки на юг. К вечеру 12.12 до 150 танков прорвались к Радомышлю и овладели им. Но... этим все кончилось. Противник был окончательно остановлен, вся операция его ограничилась незначительным частным успехом.

Все же я надолго запомню городок Малин, мост через Иршу, за мостом — бумажную фабрику, в подвалах которой при горящих светильничках расположился штаб 1159-го полка, батальон, наступающий в лесу. Сгоревшие наши танки, и немецкие самоходные пушки, и раздетые мертвецы, с волосами примерзшими к земле...

Когда двое спорят, бывает, что оба не правы, или не бывает?

В оперативном отделении вечный тарарам. Здесь или толпятся офицеры связи, получая пакеты в полки, или целой гурьбой валят к топографу Белогудову за картами, или являются знакомиться с обстановкой заядлые тыловики вроде прокурора или начальника 4-го отделения. Оперативный дежурный слоняется в поисках сбежавшего посыльного, в углу ссорится вечно грызущаяся пара — похожий на японца толстомордый завдел старшина Санников и черная злая усатая машинистка Нина, по телефону говорит поленький капитан в кацавейке с белой опушкой — начальник разведки Борисов, ему приходится громко кричать, иначе ничего по телефону не услышишь. Начальник штаба Караван наводит во всем еще больший беспорядок.

Если же кто может проникнуть поглубже в суть всех отношений и обращения друг с другом, тот заметит: что

машинистка Нина только и думает о том, как бы поскорее смыться на свидание к толстому майору Елисееву, начальнику связи, ее любовнику, что капитан Борисов никак не может разобраться в карте, ибо его и без того нетвердые знания пошатнулись под воздействием только что выпитого в АХЧ спирта, что капитан Латман тщательно старается не попасться на глаза начальству, чтоб не вздумали куда-нибудь послать, что над полковником Востриковым замаскировано издевается начальник штаба, так как и он подполковник, и командир дивизии подполковник, а НО-1 вдруг полковник, да еще гвардии.

Сидел я на НП и в ус себе не дул, читал «Детство» Толстого, когда налетела авиация. Немцы бомбили район скипидарного завода, по ту сторону речки. Довольно интересно было наблюдать, чувствуя себя в безопасности, как рвут на куски бомбы мерзлую землю, как взлетают клочья огня и дыма, как после пикирования на крутом вираже уходит в облака воющий Ю-87, и сквозь прозрачную муть виднеется его неуязвимое брюхо и черные кресты на крыльях. Впервые мне удалось так наблюдать бомбежку в качестве «американского наблюдателя».

Смотрел я, как играет «катюша», да не одна, а три сразу. Сначала они встали возле полотна железной дороги, потом изменили направление и развернулись чуть дальше. Еще издали, спеша к этому зрелищу, мы слышали целый ряд непонятных команд, выполняя которые у машин возились люди. Потом командир батареи отбежал в сторону, подняв шапку в вытянутой руке, с криком «Расчет — в укрытие!» все разбежались и попрятались. Я тоже присел в какую-то канавку. Один шофер залез в кабину. «Крути, Степан!» — закричал комбат и взмахнул шапкой. Из снарядов вырвались снопы пламени, ударились об землю и разметали далеко в стороны комья земли, снег, грязь, какие-то щепки, и со знакомым характерным воем огненно-черные дьяволы унеслись к немцам. Расчет вернулся. «У Сокуреньки одна не вышла!» — действительно, один снаряд остался в раме. С ним что-то сделали двое бойцов, и все три «кати» снялись и уехали. А место, где они стояли, стало выжженно-черным.

21-е

Сегодня опять сурьезная <так> ночь.

Противник создал на своем левом фланге ударную группировку из все тех же многократно трепанных и многократно пополненных танковых дивизий — 1-й, 7-й и СС «Адольф Гитлер» — и с 19-го перешел в наступление против нашего правого фланга. Задача — обойти и взять Малин, овладеть которым в лоб оказалось не под силу. Западнее Коростыня противнику удалось овладеть <пунктами> Новаки, Стремингород, Мельни и железнодорожной станцией Чеповичи.

Сейчас ночь. Сажу у телефонного аппарата и с грустью размышляю о грядущем дне, который обещает быть очень серьезным. По карте изучаю маршрут — куда же драпать?

...С рассветом атаки немецких танков повторятся с новым ожесточением. Вся надежда — на нашу артиллерию.

24-е

Вот уже пара недель, как мы находимся в Малине. Жизнь неплохая, не скучно, работы умеренное количество. Населяем мы дома, брошенные местными жителями, — все население города Малин при приближении немцев панически бежало, побросав все. Немцев в город не пустили, и теперь хозяева время от времени приходят проводить свои дома, но возвращаться еще не решаются и живут километров за 8 отсюда — в Пиружках.

Время от времени немец постреливает из орудий по городу, попадает довольно близко к нам. Пару дней назад чуть не вклепил тяжелый <снаряд> в наше второе отделение — недотянул всего метров десять. Ахнуло так, что только будь здоров. Достается и дороге, проходящей вдоль северной окраины и по которой все время, особенно ночью, в направлении с востока на запад идут машины с боеприпасами, вездеходы, тягачи, танки. Они идут к Чеповичам, где сейчас начал нажимать немец и где все время грохочет канонада, очевидно со станции Ирша. До этой станции, отстоящей всего на 15 км от фронта, доводят поезда молодцы-железнодорожники.

... Где-то там, у станции Ирша, стоят наши пять бронепоездов...

Малин — маленький городок, о существовании которого я бы, пожалуй, до самой смерти и не подозревал бы. Он стоит на реке Ирше, по противоположному берегу которой до самого Коростеня тянутся сосновые леса, на том берегу стоит бумажная фабрика и скийп<идарный> завод, разрушенные артогнем и бомбежками. Большие каменные и кирпичные дома, все сейчас разрушенные или зияющие пустыми окнами, есть только в центре. В центре же есть и три лошадиных трупов, чуть присыпанные снегом, замаскированные в развалинах длинноносые самоходные пушки, воронка от тонной бомбы, — все это, так сказать, знамение времени. Можно увидеть солдата, который тащит под обеими мышками найденные в брошенном доме тома Шекспира, можно увидеть раненого, несущего левой рукой окровавленную правую, можно увидеть лихого автоматчика в полушубке и с огромным чубом верхом на полудохлой кобыле.

По дороге на Юровку у железнодорожного переезда, где разрушенная будка, стоят подбитые танки, обугленные и разобранные, эти погибшие умные машины жалко, как мертвых людей.

Повсюду разгуливают танкисты в белых полушубках, валенках и пушистых рукавицах — где-то в наших краях стоят два ТК — 25-й и еще какой-то Кантемировский.

Сегодня я заехал к правому соседу (ездил на полуторке с шофером Гришей) и застал там допрос пленного.

Лежит на нарах здоровенный верзила — раненный в голову — весь в черном, на петлицах металлические череп и кости, на груди — ленточка Железного креста, на рукаве Krim-Schild (медаль за участие в захвате Крыма), на ногах наши, русские, подшитые валенки. Молодой, здоровый, красивый парень — фельдфебель 509-го отдельного тяжелого танкового батальона.

На его допросе я получил наглядный пример, как не нужно допрашивать пленного. В комнате толпится человек 15 посторонних, каждый спрашивает, что ему вздумается, отвлекают, болтают, о чем кому взбредет, переводчик отвечает за пленного допрашивающему и все пытается объяснить сам, как бы извиняясь за него, не говоря уже о том, что переводчик (мл. л-т Рапопорт) исключительно слабый: он говорил с немцем скорее на еврейском, чем на немец-

ком языке, и друг друга они еле понимали. В результате — от исключительного языка они почти ничего не могли получить. Я переживал, я болел душой, пытался вмешаться в допрос, но меня одернули — все-таки гость.

25-е

Нашу дивизию срочно перебрасывают куда-то правее. По всем данным я предполагаю начало наступления. Наконец-то!

Что же собой представляет сейчас наша дивизия? В полках по 3—4 тысячи человек. Недавно прибыло маршевое пополнение — до 2000 чел. Артиллерии порядочно, боеприпасов 1,5 бк. Жратва есть — хлеб, картофель, водка, совершенно нет масла и жиров. У полутора тысяч человек нет кожаной обуви, и они ковыляют в валенках по наступившей распутице — аж смотреть на них больно. Около тысячи человек не вооружены, хотя в последние дни было изъято и передано в боевые подразделения все оружие из тылов и даже из таких частей, как саперный батальон, рота связи, и т. д. Тылы все прочесаны до ниточки, и остались в них одни старики и калеки.

Нужно прибавить, что это самая боеспособная дивизия в армии.

26-е

Сегодня — день моих именин. Мне двадцать лет. Раньше в этот день я записывал в дневниках разные печоринско-онегинские разглагольствования, теперь же ограничусь замечанием, что весь этот день прошел на автомашине, потом я был ОД. Никаких не было пирогов и пышек.

Но есть одна новость, которая для меня — лучший подарок на именины. Завтра мы наступаем. Сегодня полки дивизии сосредоточились в районе Дерманко (8 км южнее Чеповичей) и к исходу дня заняли исходное положение. На опушке леса длинным рядом стоят гаубицы — чуть ли не на каждые пять метров одна. Это 1-я гвардейская артиллерийская дивизия. К вечеру подошли танки — на нашем участке будет наносить удар 5-й гвардейский Сталинградско-Киевский танковый корпус генерала Кравченко. Сегодня ночью и завтра будет работать наша авиация.

27-е

Получил медаль «За Сталинград». Достал парабеллум.

31-е

В коротком бою наша дивизия сломила сопротивление противника на рубеже Вихля—Старая Буда, и с тех пор начался великий драп фрицев. Их поджигают со всех сторон, на левом крыле фронта вдоль Брестского шоссе успешно продвигается 1-я танковая армия генерала Катукова, остатки и без того жиденьких дивизий немцев бегут на Житомир.

На нашем участке даже нет соприкосновения с противником. Едем на автомашинах без остановки по освобожденной земле — на юго-запад, к Карпатам.

Сидим в хате и ждем команды к отъезду. Борисов и Решетин поют под аккомпанемент гитары. Я не могу оторвать глаз от черноглазой красавицы Ани, которая возится у печи и ни за что не хочет обращать внимание на собравшуюся компанию. За окном все в снегу.

Вчера мы встречали, если можно так выразиться, канун Нового года. Выпив изрядное количество спирта, я был крепко навеселе, весь вечер чудил, но сейчас ни на йоту не помню, что я, вообще говоря, делал. Помню только, как обнимал полногрудую дивчину, как договаривался спать с ней на печи, но потом завалился на лавку и так и проспал всю ночь непробудно.

Сейчас в голове еще гудит, и все впечатления смешались вместе. И голые локти Ани, ворочающей кочергой, и звон гитары, и «Белеет парус одинокий», который высоко выводит капитан Решетин своим прекрасным голосом, и блеск покрывающего всю землю молодого снега, и перекликанье с ним блеска звездочек на погонах и золотых пуговицах, и опять мелькающая перед глазами маленькая голая пятка в забавном деревянном башмаке, и то, что сейчас мы опять помчимся вперед, и села Правобережной Украины будут мелькать мимо нас, и так приятно будет не распускать уши у шапки, хотя хватает за нос и щеки крепкий здоровый мороз, — все это сливается в одно гармоничное, чуть ли не блаженное чувство, наполняющее грудь, и чувство это ни с чем не сравнимо.

Но вот входит в комнату подполковник Караван в своей черной бурке, раздаётся команда «по машинам» — und wieder geht es los!¹...

Мы сейчас пьем уйму водки.

1944

Январь

1-е

Стрибож! Сегодня мы будем встречать здесь Новый год.

Утром — знакомство с «Фокке-Вульф-190». Тройка прошла, свистя и воя, так низко, что была видна в профиль. Видно было, как под желтокрестыми крыльями притаились бомбы. Это было как раз там, где у разрушенной переправы столпились машины, повозки, кухни. Маленькая, но вредная речушка, поросшая кустарником, не хотела замерзнуть.

Самолеты промчались за бугор, и там раздались глухие взрывы, потом стрекотня пулеметов, автоматов, потом черные машины унеслись куда-то в сторону.

Трусливый капитан Алабин — «разлагатель» — сразу удрапал в канаву. Потом опять он же спрыгнул на ходу с машины при появлении самолетов, — словом, опозорился.

Любушка.

Здесь мы встречали Новый год.

Встречали, вообще, неплохо, благодаря тщательной подготовке.

В соображении, как бы получше провести праздник, заняли хатку получше, причем выдержали жестокий бой с комендантом. Пока мы с капитаном бегали, отзванивались по телефону и разделялись с текущими делами, наш начальник интендантских дел и замначотделения по тылу Гольдштейн, он же Профессор, организовал роскошный ужин

¹ И снова все начинается... (нем.)

с жарким, разными соленьями, жареной картошкой, куриным бульоном, черничным чаем и прочими деликатесами. Спирту, благодаря командиру разведроты, было вдоволь.

Собралась небольшая, но теплая компания. Пили, ели и еще раз пили. За неимением изящных бокалов при toastах поднимали простые кружки. За неимением джаз-оркестра неумолчно бренчал на гитаре старший лейтенант Бороздна. Я сначала увлекался сероглазой почтальоншой Любушкой, но потом это мне надоело из-за полной бесперспективности, и я переключил свое внимание на кислую капусту, которая была исключительно вкусна.

Борисов и Решетин пели. Мы хлопали им, потом сами пели пьяным хором. Еще пили...

Я вышел на улицу. Морозило, снежок чуть притрусил землю и скрипел под валенками, звезды и луна выделявали на небе удивительные каракули, где-то кто-то пел песню...

Потом все разошлись, а мы легли спать — тоже по-праздничному, раздевшись вовсе и нежась в хозяйских простынях и подушках.

А потом начался 1944 год.

3-е

Гута-Жаборицка. Тесно и неудобно, скандал с артиллеристами из-за квартир, идет дождь.

В последние дни мы пьем очень много водки. Это хорошо или плохо?

Что может быть здоровее прогулки в ясную морозную погоду по чистому полю или в сосновом лесу? Что может быть лучше — мчаться, обдуваемому ветром, когда мерзнут уши и нос, но ни за что не спускаешь шапку, и снежная дорога ведет все дальше на запад?

Мы каждый день совершаем такие прогулки. Мы проезжаем по еще ненакатанным тропинкам, по лужам с тонкой корочкой льда, перебираемся через речушки, на которых никогда не было мостов, мы останавливаемся в гостеприимных деревеньках, где жители так радушны, где так уютны беленые хатки, где в центре стоит чистенькая церковка или на перекрестке — огромный разукрашенный деревянный крест. А кругом — леса, или перелесок молоденьких зелененьких елочек, чуть припорошенных снегом, или роща

белых берез, или длинный, серьезный, молчаливый сосновый бор.

Будище.

Мы — в партизанском крае. То и дело навстречу попадаются парни в немецком обмундировании, на шапках наискосок — красная лента. Это партизаны. Они крепко действовали в этих лесистых районах — Новоград-Волынском, Мархлевском, Романовском; в течение двух лет они не давали немцу житья, не давали ему здесь хозяйничать. Сотни эшелонов спущены под откос только на ветке Новоград-Волынский—Житомир.

Все местные жители — или, по крайней мере, большинство их — всемерно помогали партизанам. Они так и называют себя — «Мы партизанская семья». Сейчас партизанские отряды, дождавшись прихода Красной армии, взаимодействуют с нами. Они помогают вылавливать разбежавшиеся по лесам мелкие группки — остатки немецких дивизий, разбитых под Малином, Коростенем, Житомиром.

Один партизан всего 6 месяцев как пришел из Одессы. Он рассказывает, что румыны кое-как подлатали, отдекорировали город, так что он, по крайней мере внешне, производит впечатление почти целого.

В первые дни после взятия Одессы было уничтожено около 48 000 евреев, их вешали. По всей Пушкинской улице до вокзала и по Комсомольской стояли в два ряда виселицы. <...>

Маленький худенький человек в полушубке, которого вчера поймали наши разведчики в Майдан-Лабунском, оказался немцем-переводчиком Барановской сельскохозяйственной комендатуры. Карл Фенске. Сейчас он из Шепетовки, о которой дает ценные данные. Я его направил в корпус. Говорят, что он большая сволочь, что именно он сжег Барановку. Он же утверждает, что помогал партизанам, и просит устроить ему свидание с партизанским комбригом Старченко. Ладно, в корпусе разберутся.

Вдруг приехала телега с партизанами. Один, круглолицый и рябой, в дым пьяный, стал убеждать меня отдать им

этого Фенске; он якобы их большой приятель. Другой, старичок, невозмутимо курил сигарку, сидя на козлах. Третий партизан — худой и длинный, в куцем черном пальтишке, тоже пьяный — мрачным голосом говорил кургузому немчику: «Все равно не уйдешь, друг», а тот только косился на него, поджав тонкие губы. Мои разведчики-конвоиры растерялись. Мне еле удалось убедить наскакивающего рябого, что этого типа сначала нужно отправить в штаб для допроса. Наконец, они согласились обождать, но все же поехали следом за ним на своей телеге. Длинный был явно неудовлетворен таким решением и неодобрительно сказал мне: «Его, суку, повесим, хоть ты так».

15-е

Малеванка.

Некоторые этнографические особенности здешних мест.

Население полукатолическое, какие-то латинские молитвенники, распятия на столе в хате. Иконы — похожи на простую олеографию или репродукцию с неважной картины, в простеньких рамочках, очень малочисленны.

Хаты на зиму утепляют так: вдоль стен втыкаются шесты и промежутки между стеной и шестом набиваются соломой. Тепло, но некрасиво.

Жители все — или партизаны, или помогали партизанам. И даже полицейские под конец, чувствуя крушение немцев, стали подмазываться к партизанам. Очень много различных отрядов: имени Хрущева, ворошиловцы, бригада Старченки и т. п. Немцам они вредят крепко: то окружают мадыарский обоз, то перебьют гарнизон. Немцы же принимают контрмеры. Село Буртын они дотла сожгли за то, что партизаны убили там нескольких их солдат.

У пленного немца, раненого, я нашел нечто вроде «карманной церкви» — такая готическая коробочка, а в ней богоматерь, четки, крестик.

«Es ist mein Soldatenglück»¹, — говорит этот немец. Паршивое же у тебя счастье, если тебя в яйца ранило.

¹ «Это мое солдатское счастье» (нем.).

Если пленный тяжело ранен и не дает ценных показаний, его не стоит отвозить в высший штаб...

Снег, ночь, невысокий кустарник. Он молодой и здоровый парень, но еле дышит — в груди его сидят четыре пули. Его небрежно допросили, потом повели — сказали, что в лазарет. Идти очень тяжело, но недалеко. Он студент медицины, он знает, что раны его не смертельны. Он только очень устал. Он садится отдохнуть на край ровика и почти безучастно смотрит на конвоиров. Один из них — в белом полушубке — отошел в сторонку, отправил естественную нужду, потом достал пистолет — немецкий парабеллум — и проверил, заряжен ли он. Пятая пуля у него вошла в глаз. Он не издал ни звука, лежит, подняв кверху лицо и открыв рот, — не успел крикнуть. В белом масккостюме на снегу.

— Мороз крепенький, так что скоро задубеет. Сапоги не стащишь.

— Пошли чай пить.

Ночь вся черная и белая.

Комендант штаба Бальбир — личность всеми ненавидимая и презираемая. Непонятно, почему начальство его терпит. Он сволочь, хотя и мой земляк — тоже одессит. Он настолько близорук, что, бывает, примет кого-нибудь за комдива — и рапортует. Во рту блестит золотой зуб. Помначсвязи Шартанов уже один раз бил ему морду, но это не помогло, так сволочью и остался.

Здесь жители рассказывают такой анекдот про партизан. Подходит партизан к мадьяру: «Пан, можно подложить мину?» — «Нет, нет, нельзя». — «А у тебя есть водка, есть папиросы?» — «Нет у водки и папирос». — «На водки, на папирос. Можно подложить мину?» — «Можно мину». И поезд летит под откос.

В соседней дивизии одним из полков командует пузатый генерал-майор.

...И прочие мелкие пузатые начальники.

В углу с писком подрались мыши.

Все в штабе спят, храпят и отнюдь не освежают воздух. Печь жарко натоплена. Коптит бензин в лампе, устроен-

ной из гильзы патрона. Передо мной ненавистный телефон, по которому нужно звонить, так как я оперативный дежурный.

«Ото було таке літо, коли народ розбігався, як мухи, коли хто рушником махне».

20-е

События развиваются — только успевай записывать. Я, например, не успеваю.

Работы очень много. Помощника начальника отделения у нас ведь нет, и я выполняю — по совместительству — эту работу. Начальничек мой, слава богу, работать не любит, предпочитает откладывать на завтра то, что ему приказали сделать сегодня, — или перепоручить это мне. Приходится много возиться с различными бумажками, сводками, схемами. Запыхаешься, забегаешься и замотаешься. Звонит телефон, нужно успеть доложить начальнику штаба, допросить пленного, отпечатать протокол, — да и позавтракать иногда бывает не вредно.

...А каждый день приносит новое, свое. День — это не только умывание утром, телефонные звонки, густой снег или подтаявшее желтое месиво на дворе, это не только поездка по морозу мимо занесенных плетней, хат, стогов сена, не только пулеметная трескотня, грохот орудий или жужжание самолета. День — это еще вечерняя сводка Информбюро: «В течение двадцатого января наши войска...»

...Где-то по льду Ильменского озера бегут, падают, подымаются и вновь бегут или ползут, марая лед лентой крови, в грохоте и муке рожая победу, — и вот сегодня взят Новгород.

По лесам и перелескам, еле передвигая измученные ноги в худой, стоптанной обуви, идут, несут минометы, ПТР, ящики с боеприпасами, тащат на себе повозки, пушки, автомашины, помогают в трудных местах заморенным лошадям...

Это войска 1-го Украинского фронта преследуют противника.

Ночью на горизонте полыхают пожары. С той стороны приходят люди, рассказывают. В Большой Медведевке немец согнал людей в церковь, запер там и сжег. В Хролине

всех жителей выгнали из жилищ, но в лес не пускали — «идешь к партизанам!» — и люди замерзали на голом поле, среди догоревших пожарищ — грелись у своих сгоревших домов. Из Хролина бежала восьмидесятилетняя старуха — вся трясясь, с ведерком, в котором ломоть сала и кусок хлеба. Немцу сказала, что идет по воду, — откуда и прыть взялась. «Хати не шкода, бог из нею, з хатою. Але ось де ж це старик мий та корова? Чи не забили його, або не згорив вин?» Степанченко, такой хороший человек был, на станции работал, так тяжело пораненный. Он в окопе сидел от обстрела, когда подошел немец и бросил в окоп гранату. «Так йому всі ноги їть перебило».

Старуху на саночках отвезли к родственникам.

Борисов пел: «Я помню чудное мгновенье»¹, а я думал — сколько будет таких случаев. Он на войне, он знает, что она его ждет, он верит ей. Она его действительно ждет. («Жди меня»...). Они оба живут только мыслью о встрече. Но он возвращается, и они не узнают друг друга, так переменились. Все не то, все лопнуло. Надо кончать глупости и расходиться. У него апатия ко всему. Ничего не нравится, ничего не хочется, ни любви, ни радости, никаких чувств — у Хемингуэя есть такой рассказ.

31-е

Наш корпус перешел в наступление с задачей овладеть Шепетовкой... Утром 27-го, после надежной артиллерийской подготовки, наши части пошли в наступление, разогнали «фюзильерный» батальон 291-й пд и к исходу дня овладели <пунктами> Траулин, Хролин, Белокринице. На следующий день после упорного сопротивления противник был выбит из м. Судилков, Лозычно. Правый сосед почти полностью очистил Шепетовку.

Как вдруг, откуда ни возьмись, 29.1.<19>44 появились танки и утром 29-го целая танковая дивизия вывернулась откуда-то из-за Шепетовки и обрушилась на наши части, огулом наступающие и не успевшие закрепиться. Пехота разбежалась кто куда.

¹ «Я помню чудное мгновенье» — романс М. Глинки на слова А.С. Пушкина.

За один день противнику удалось почти полностью восстановить положение. Силой в 62 бронеединицы он выбил наших из м. Судилков, окружил находившийся в Белокринице 1161-й сп (полк впоследствии с боем прорвался из окружения), ворвался в Б. Медведевку.

Дивизия была дезорганизована и разбита, и наше счастье, что, заняв Судилков и Белокринице, противник не стал распространяться дальше.Пусти он дальше свои танки — накрылось бы все, включая и штаб дивизии, находившийся на самом неудобном месте — в Траулине.

По счастью, настала ночь. Кое-как удалось посадить полки на место и организовать оборону. Из армии пришла уйма всякой техники (всегда мы задним умом крепки!) — и РСы, и танки, и несколько артполков РГК.

Сейчас против нас противник остановлен, но бьет левого соседа. Выбил его из Б. Медведевки.

А 7-я тд, погромив нас, в ночь на 30.1 была переброшена дальше на юг. Погастролировала.

Сижу на НП — самое теплое и относительно уютное место во всем штабе.

Вчера приехал новый командир дивизии генерал-майор Козик. Маленький, с бритой головой, весь серенький. Очень вежлив и вообще симпатичен. Особенно понравилось мне, что приехал он на черной машине, с очень маленьким одним чемоданом и без никаких блядей, только с адъютантом.

Прежний комдив — подполковник Дьячков, грубый и необразованный солдафон — снят за вчерашний провал, но, кажется, остается у нас замкомдивом. Никто бы не пожалел, если бы он ушел вовсе.

Как у меня было 38 пленных сразу и изобилие трофеев в этот вечер.

Февраль

3-е

<...>

Сейчас я имею такое полное, как никогда еще, представление о противостоящем противнике. Это благода-

ря одному пленному, имя которого с благодарностью отмечаю — обер-ефрейтор Эрнст Тиз из 13-й роты 504-го пп. Этот длинный костлявый немец в очках дал мне исчерпывающие данные обо всей своей дивизии — протокол допроса на 4 страницы! Сейчас же после предварительного допроса (который происходил на мокрой лужайке, перед блиндажом генерала, при народе) отозвал меня в сторонку и таинственно спросил, правда ли, что в России есть союз «Свободная Германия»¹ и как ему туда попасть. Первый раз в жизни вижу такого фрица.

В наших полках сейчас людей еще меньше, чем у противостоящего противника. В 59-м сп, который неделю ведет бои в Судилкове, в батальонах по 50 человек.

Неделю подряд бросаются друг на друга люди, танки, самолеты, то наступают, то драпают, гибнут в грязи — «перемазывание новой силы и техники», а попросту сказать, мясорубка.

Я еще такого января никогда не видел. Слякоть, сырость, морозящий дождик, грязь по щиколотку на дорогах. Давным-давно выпавшего снега и в помине нет, от него только прибавилось грязи в общее месиво. Машины по дорогам ходить не могут — буксуют. Даже мне, грешному, пришлось взгромоздиться на лошадь, когда вчера ночью вызвал к себе на КП генерал — за 3 км.

У нас новый комдив — генерал-майор Козик. Стали богато жить.

Когда подполковник Дьячков был комдивом, все перед ним трепетали. Комендант и нач. АХЧ лизали зад, все прочие бегали на задних лапках.

¹ «С в о б о д н а я Г е р м а н и я» — политический и организационный центр немецких антифашистов во время Второй мировой войны. Создан 12 июля 1943 г. на учредительной конференции, проходившей в Красногорске. В руководство центра входило 38 человек, в том числе Вильгельм Пик и Вальтер Ульбрихт. Это про членов «Свободной Германии», бывших офицеров, папа записал в дневнике: «А ведь в сущности они изменники своей родины?»

Теперь он стал всего лишь замом. Начальник штаба называет его теперь не «товарищ подполковник», а попросту Дьячков и на «ты».

Комендант решил отобрать у него всех коней и ординарцев. ППЖ уходит в медсанбат — и кстати: начальник АХЧ отказался ее кормить.

Старая басня про осла и умирающего льва.

<...>

15-е

Вот уже который день продолжаются упорные бои в районе Шепетовки.

Танк со всех сторон облеплен пассажирами. Торчит тонкий ус антенны. Он ползет, и грязь льется вперед с гусениц. Весь в масле танкист в зеленом шлеме торчит вперед из люка. Бочки с бензином на нем, ящики боеприпасов — ну как такому не загореться!

Кругом болота. Ну и почва! В блиндаже генерала слой воды на полу.

По ночам немец ведет беспокоящий огонь. Очень неприятно. Черт его знает, что он себе думает.

22-е

У меня в зубах такие дыры, что в них можно ковырять пальцем, как в носу.

По утрам концерты начинает бронепоезд. Он подходит из Полонного, становится у разъезда на южной окраине нашего Траулина и начинает пальбу. Через пять минут немец начинает отвечать. Тяжелые батареи, стоящие в Березне Татарской, бьют беглым огнем. Слышен свист снарядов, потом на белом снегу по ту сторону речки вырастает черный гриб и доносится ахающий звук. Снаряды падают за церковью, и весь район, прилегающий к шоссе и к железной дороге, перепахан ими. В хатах нет ни одного стекла. А посреди самой улицы появились две воронки, большие, как от авиабомбы.

До нашего края он почему-то не достает (тьфу, тьфу, не сглазить).

11-е

Как все привыкли к мысли о том, что их тело в любой момент может быть искромсано, разорвано, разрезано, раздавлено...

Я подъедаю начальника клуба Симановича. «Литературно-музыкальный бандаж, шантаж, мандраж».

— Русская народная песня «Метелица», в том же исполнении и даже еще хуже.

Лес на горах, густой, высокий и темный, закрученные и страшные корни, черные голые стволы, мрачные и сырые овраги — как у Доре.

А на песчаном, желтом и совершенно гладком берегу речушки высокие зеленые стебли, листья распластаны по земле, а все тонкое и зеленое увенчано столбцом желтых цветов — не знаю, как это растение называется, но очень похоже на Мексику.

На небе тяжелые грозовые тучи идут с Карпат.

...Старые люди, одетые в грязное и рваное, топают на месте распоротыми башмаками, напряженно проталкивают через пыльные усы солдатскую песню, вытягивают тонкие коричневые шеи, и в их глазах — страх. Каски на головах их выглядят нелепо, и пение это жалко и глупо. Сейчас они повалятся на землю, размотают на четверть часа портянки с натруженных и корявых ног, похлебают жидкий суп с батальонной кухни. Потом опять занятия — тяжелый и изнурительный труд... О, русский народ, народ-великомученик!

От Нинки ничего нет. Мое письмо она уже, должно быть, получила. Сегодня послал еще одно, такое же глупое и униженное.

12-е

Сегодня мы узнали, что на днях куда-то будем переброшены по железной дороге. Неохота мне уезжать с Укра-

ины. И если так, то все накроется — я говорю о почте. А мне сейчас и без того так паршиво на душе...

<...>

14-е

Когда он уезжает пьянствовать, делает вид, что по важному делу, и все сочувствуют, как много у него дел и как поздно приходится работать.

Письмо от Кавы — повторяет все старое, ничего нет нового о маме.

16-е

Когда началось наше отступление из-под Станислава, 59-й полк попал в окружение в Подлужье. Положение было очень тяжелое — штаб полка был окружен отдельно, батальоны были тоже неизвестно где. Из тылов забрали остатки — девять человек нестроевиков, все, что можно было. Их выстроили, командир полка сказал им несколько слов — их гибель была очевидна. В этот же день к штабу полка вышло двадцать семь немецких танков. Один из этих девяти, пятидесятилетний старик, подорвал один танк гранатой. У него не было ни окопа, ничего, как был, в своей худой шинелишке, с винтовкой — сидел по пояс в снегу. Другой танк он сжег зажигательной бутылкой. Под третий бросился сам с гранатой и взорвал его. Впоследствии, когда хотели посмертно присвоить ему звание Героя, никто не мог вспомнить фамилии. И по бумагам не могли установить. Так до сих пор и не знают его имени.

Мне этот случай рассказал Нерман сегодня¹.

<...>

По слухам, наши танки уже прошли Гродно и ведут бой в 15 км от границ Вост<очной> Пруссии.

Интересно взглянуть на карту — как продвинулись наши за последний месяц и какие чудеса сотворили за это же время господ союзнички. Сволочи они, а не союзники, бляди.

¹ Позднее этот случай послужит сюжетом для рассказа «Война и мир».

С каким кровожадным удовольствием я бы оторвал руки и ноги у поэтов, пишущих все эти пошлые, дрянные и безграмотные «фронтовые лирические» песни, со всеми их бесконечными и одинаковыми «синими платочками», «знакомыми платками голубыми», «вязаными шарфами голубыми», «родными огоньками» и прочей сволочью! А один додумался даже до такого:

«...Вслед ему глядели черные ресницы, черные глаза».

Мотоцикл пыльно тарахтит по дороге — в нем два шофера катают какую-то чернявую дивчину. Дивчина визжит и хохочет, и из коляски торчат ее голые коленки.

Во всех придорожных речушках и канавах купаются голые гуцулята. По жаркой дороге идут гуцулы — в белых штанах, похожих на кальсоны, в неизменном кожушном расшитом жилете, в широченном дедовском кожаном поясе, обязательно в мягкой шляпе — но зато босиком. Старики очень вежливо здороваются. Молодые парни, как более приобщенные к культуре, приветствовать не считают нужным, и только смотрят волком, когда проезжаешь мимо. Бандеровцы, сволочи.

Чувство собственности здесь обострено до предела — одна баба прибежала и устроила настоящую истерику, когда саперы срубили лесу на НП комдива. Леса здесь, оказывается, тоже частновладельческие.

Пожилые женщины сидят у обочины и колют камни в щебень. Шоссе петляет по горам, и по обе его стороны — то леса, то разбросанные деревушки с деревянными игрушечными церквями.

НП наш оборудован на горе, на самой верхушке которой стоит белый каменный крест — святой НП! Рядом сопливый пацан пасет коз.

У дороги стоят кресты — распятия. Христос сделан из дерева крайне натуралистически — тощий, жалкий, с выступающими ребрами.

Река Черемош, по которой раньше проходила граница между Румынией и Польшей. На горизонте неизменно си-

ние Карпаты. Из-за них выползают жирные черные тучи, а над Заболотувом — полрадуги. Дождя не будет.

Вчера приезжал Нерман — худой, черный, в широких толстых волосатых (из мадьярского материала) галифе. Я угощал его позавчерашней водкой и недоеденным хвостом копченой рыбыны.

В одних рубашках за столом сидит редакция и прееет. Во дворе под яблоней стучит машина.

18-е

Играли в карты — в подкидного дурака, я с капитаном Владимиром Базалеем, против нас играл Борисов с Анной Михайловной. То ли Базалей подыгрывал жинке, то ли она жульничала, то ли просто не везло — но только мы остались дураками десять раз подряд, хотя я мошенничал изо всех сил, спасти положение не удалось.

Анна Михайловна говорит, что кому не везет в картах — повезет в любви. Я это понял так, что завтра будет письмо. Или, может, это действуют выпитые два стакана водки?..

По радио — прорыв 1-го Украинского фронта на Львовском направлении. Наша очередь приближается, но когда же она придет?

19-е

За Коломеей слышен шум боя.

В садах уже яблоки большие и белые. Их можно кушать, чуть кривясь от кислятины. Можно залезть на вишню, всю усеянную густыми и красными, и потом свалиться на землю с раздувшимся, как у пчелы, животом и набив оскмину. Бороздна сидит на шелковице и сбрасывает мне жирные фиолетовые плоды горстями, а я ловлю их в фуражку.

Сегодня дождь. Чертовы почтовики не дали газеты с последними известиями. Писем нет. Я, злой и пьяный, гонял на лошади, с плеткой и в грязных ботфортах. Наверное, я все-таки родился лет на триста позже, чем надо бы.

Ночью мне снилось, что я встретил Гаррика.

20-е

Увидев меня в новых, начищенных хромовых сапогах, Симанович спросил:

— Что, пленного поймали?

Сволочь, он меня уел.

Бальбир, комендант, получил открытку из Одессы. Его отец и мать были повешены на улице Ленина, около городского театра.

21-е

Сегодня опять куда-то будем перемещаться, но куда, зачем и как — пока не знаю. Сейчас 8.00 утра, и Борисов пошел в оперативный отдел на совещание. Кажется, будет дождь.

От Нинки нет ничего, хотя прошел уже высчитанный мною срок — двадцатое число. Я, кажется, не выдержу и напишу ей еще раз. Унижаться так унижаться. Я люблю ее и очень тоскую.

Из всех моих мыслей о нашей стране — 90% — о Москве, из всех же мыслей о Москве — 95% — о ней. Черт бы меня побрал, я вспоминаю «Фламандцы» в Одесском драматическом. Она была тогда в зеленом бархатном платье, смешно щурилась и стучала каблуками. Я говорил: «Нинка, не горбись», я тогда ничего не думал. Наверное, был просто глуп. А сейчас? Пожалуй, еще глупее. Эх, Нинушка, если бы ты знала...

<...>

22-е

Мы оставили Илинцы с их белоштанными гуцулами и негостеприимными старухами и из-за Прута снова вернулись в Пядыки. Я испытал почти нежное чувство, когда проехал по знакомым, грязным и темным улицам и вошел в нашу прежнюю хату. Мы ведь пожили тут два месяца.

О, вероломный Докучаев! Пришел вчера рано утром и, воспользовавшись моим полусонным и не совсем трезвым состоянием, упер третий номер «Знамени». Я его не вы-

пускал из комнаты, загородив дверь, и ему пришлось, уподобившись Подколесину, выпрыгнуть в окно.

Барановский тоже хороший человек.

23-е

Сегодня в 8.47 началась часовая артподготовка, после которой части 11-й спк и 66-й Гсд перешли в наступление. Наша дивизия пока позади, в резерве армии. К 11.30 нашим удалось овладеть первой линией траншей. Сейчас бой идет во второй линии. Сюда, где мы сейчас, шум боя не доносится. Только очень редкие орудийные выстрелы.

Наступление идет по всему 1-му Украинскому.

Очередная утка об аресте Гитлера.

<...>

С раннего утра я поехал узнавать обстановку в штаб 11-й ск. Когда я еще был там, началась артподготовка. Я поспешил домой и поспел как раз вовремя для того, чтобы сыграть еще пару партий в подкидного дурака (причем в одной из них имел сомнительное удовольствие «оставить» полковника Дьячкова).

Потом мы тронулись и долго путешествовали по жаре, по размокшей от дождей дороге, лавируя среди бесконечно подтягивающейся пехоты и снующих в обе стороны автомашин и повозок. Остановились, наконец, в Корешуве, на том самом месте, где у нас был когда-то НП. Опять гонял довольно бестолково взад и вперед (моя серая, бедняжка, совсем выбилась из сил, и я стал бегать пешком). Сходил на впереди лежащий бугор, смотрел, как бьют из Гленбока по Высокой Гурке немецкие шестиствольные минометы. Потом встретил Надю — она газеты раздала, а письма еще нет, потому что их целый мешок, а надо спешить с газетами. Пошел, организовал НП на высотке, у железного креста с распятым Иисусом в узорной железной ограде. В АХЧ опять увидел Надю — она сказала, что для меня есть два письма, но не запомнила откуда. Она их отдала майору. Потом еще с час искал везде и повсюду Борисова, не нашел, и, когда вернулся часов в одиннадцать домой, голодный, усталый и в высшем градусе нетерпения, на столе лежали два письма — одно из них от Нинки.

24-е

Мадыры ведут убийственный артиллерийско-минометный огонь. У них здесь очень много артиллерии. Весь день они ожесточенно цеплялись за Оттыню. Я думаю, что в эту ночь они уйдут.

«Мужеловка».

Привели шесть венгерских евреев — тоже «военнопленные». Жалкие, обросшие, несчастные. Их здесь был целый батальон — 16-й рабочий батальон. Они работали, строили оборону, почти на самой передовой, и убивало их так же, как и всех прочих, но им никогда не давали оружия. Их, еще гражданское, платье — рваное насквозь, грязное, и сквозь него свистит ветер.

Единственно военное, чем их снабдили, — это дурацкие венгерские пилотки-колпаки, но без кокард. Фотографии одного из них: приличный человек, интеллигент, чуть ли не ученый, посмотреть же на него сейчас... жалкие и несчастные.

26-е

Наступление продолжается. В газетах об этом пишут, правда, немного скупно, но дела идут неплохо. Венгерские части разгромлены. Мы обошли Станиславов с юга и отрезали пути отхода в Карпаты.

Опять — дорога, пыль, жара, танки, пушки на прицепе, бесконечное движение пехоты, опять дорога, полыхание далеких пожаров на ночных горизонтах... Опять острый аромат и бессонные сутки наступления.

Журавлев говорит, что, когда он в чем-нибудь письме читает слово «чудное», ему кажется «чудно́е».

— Курей мадыры забрали, советы забрали триппер...

— Все мадыры забрали, один триппер остался.

Тысьменичаны, в которых Медведовский захватил немецкий танк.

5-е

Запишу все коротенько, задним числом. Все перепуталось в памяти, и если нужно узнать, какое сегодня число, то сначала спросишь у всех окружающих, а потом возьмешь среднее арифметическое — тогда приблизительно верно будет. Чисел никто не помнит, за временем не следит, и многие ночи проходят, как дни.

Пыль, пыль и пыль началась с Оттыни. Жарко и пыльно. Пыль клубами с шоссе поднимают тысячи солдатских ботинок, повозок, автомашин, орудий, зарядных ящиков, лошадиных копыт... Очень много войска идет по дорогам, и я с трудом пробираюсь по обочинам верхом на Партизане.

Тысьменичаны — начинаются пожарища, в обочинах валяются грязно-коричневые пыльные трупы мадьяр, переправа — мост взорван, и речушку надо переходить вброд. По берегу реки, где круглые камни и галька да пучки сухой травы, мадьяры успели понатыкать мин, — а наши саперы успели поснимать их, и они лежат в сторонке, как черные тарелки, а безвредная дорожка обозначена шестами. Передовая — по ту сторону речки, где лесок. Солдаты переходят туда, сняв или засучив штаны, а некоторые прямо так, не разуваясь, благо тепло. Переехал на лошади и я, побродил по этому леску и так и не понял ничего в этой неразберихе, где же, собственно, передовая.

На песчаном бугорке сидит наш генерал и смотрит, как саперы сколачивают что-то вроде моста.

Потом опять что-то много ездил верхом, хотел с конниками выскочить вперед — в тыл отходящим мадьярам, добывать трофеи, пленных и славу. Не пустил Борисов, и я с тоской смотрел вслед, как удалялся в лес Медведовский со своими конниками.

Через некоторое время пришли они с победой. Оказывается, нарвались они на отходящую колонну мадьяр, не растерялись — разведчики группы Шмакова и конники, всего 12 человек, напали на весь этот полк мадьяр и захватили в плен 149 человек и многих перебили. У каждого

по десятку часов, все пьяные, изумительные трофейные венгерские кони...

Сукин сын венгр, у которого я забрал серебряное кольцо с черепом и костями. Двигаться, все время двигаться... Бессонная ночь на коне, путь по черному голому лесу, где ничего не видно, гать на дороге, на которой лошадь все время спотыкается, и ее нельзя пускать иначе как шагом, а то поломают ноги...

Выезжаем на шоссе, которое ведет на Красне, — и перед нами предстало зрелище невиданного побоища. На протяжении восьми километров все шоссе завалено обломками, щепками, трупами лошадей, перевернутыми повозками, валяются какие-то бумаги, обрывки обмундирования, доски, лужи крови, трупы мадьяр, куски разорванных лошадей, воронки, автомашины, из которых все выворочено, опять мертвые мадьяры... Стоят брошенные венгерские танки, чуть передвигает ногами раненая лошадь, лежит раздавленный мадьяр, пустым люком зияет самоходка, всюду какие-то обрывки, обломки, лоскутья, куски, всюду трупы, трупы, десятки брошенных танков — и нелепых венгерских, и длинноствольных немецких, по обочинам то и дело раздаётся стон недобитого раненого венгра: «Пан, пан»... На них никто не обращает внимания — пускай сами дышат. И кругом — сосновый лес... А это только на дороге, что же делается в лесу? Я еще такого никогда не видел. На меня произвело колоссальное впечатление это побоище в сыром предрассветном лесу.

Что же оказывается? На ту венгерскую колонну, голову которой пощипали наши разведчики, вырвался батальон Лаврищева, поддержала его артиллерия, подоспели самоходки 9-й пластунской дивизии и разметали по шоссе и по лесу остатки 2-й танковой венгерской дивизии и 7-й пехотной дивизии венгров.

61-й наш полк с огромными трофеями.

Когда по трупу венгра проезжает «студебеккер», он сплющивается и, издав чавкающий звук, перекачивается и принимает другую позу. На человека это уже не похоже. Когда машина наезжает на череп, он лопаётся, как орех, и выпускает красноватую жижицу.

Они ужасны и отвратительны в этой смерти, но им ведь все равно — они мертвы. Поделом им.

Лейтенант Бахтеев с группой разведчиков направился разведывать переправу через реку у Стары-Богородчаны. Он увидел мост, на котором возилось, минируя, человек сорок саперов-венгров. Неожиданно напав, он разогнал этих венгров и захватил в целости мост, по которому наутро прошла вся дивизия.

Венгерские танки с желто-зеленым камуфляжем, все в заклепках. Их можно соплей прошибить насквозь.

Вот сейчас я сижу и пишу при свете стеариновой свечки в оперативном отделе. В углу раздается непрерывный странный звук, как будто поворачивают на заржавевших петлях старую дверь. Сначала я не понял, в чем дело. Оказывается, это скрипит во сне зубами спящий капитан. Странная привычка.

— Отчего он умер?

— Да так, его стукнул по голове снаряд — он не выдержал и умер.

В бою за Рожнятов погиб Чучкиани — он командовал в последнее время ротой. Бедный Степан Захарович — это был чудесный человек, грузин из города Гори. Я дружил с ним.

Ранен майор Калиниченко — мой постоянный партнер и соперник в шахматы, когда мы ехали с Кубани. Ну, этот от всего избавился — уехал учиться в академию.

При подходе к городу Долина появились немцы — вдребезги разбитых мадьяр отвели вовсе. Ожесточенные бои за Долину — здесь проходит путь отхода для немцев в Венгрию. Испытание нервов в течение трех дней. Сначала артобстрел в городе — когда каждую минуту где-нибудь поблизости падает тяжелый снаряд, а ты ходишь себе по улице или допрашиваешь пленного и делаешь вид, что это тебя не касается.

Погиб комсорг разведчиков Охотников.

Убит снарядом конь Борисова Партизан.

Потом КП на южной окраине Долины, опять артобстрел, просто чертовский, и, когда немцы прорвались, на КП пришло три танка. Мы удрапали. Три дня под дождем и под непрерывными огневыми налетами — нервы натянуты трое суток, как веревки.

Два раза немцы прорывались через Долину, два раза били они нас смертным боем. В первый раз это была 88-я боевая группа майора Цанна, носителя дубовых листьев к Рыцарскому кресту. Вторично — 1-й пд генерал-лейтенанта фон Крозика. За три дня боев мы потеряли только убитыми свыше 600 чел. И ранеными свыше 2000. 115-й полк был окружен сутки.

Погиб капитан Нерман — начальник разведки 59-го.

Разбитые окна, паркетный пол, пианино у стены. Спать можно в широких мягких креслах. Когда разрывается снаряд, деревья за окном вырисовываются черными силуэтами. Дробь пулемета и ракеты — совсем рядом, и пули свистят над головой. Кой черт занес штадив на самую передовую?

Никогда еще не было кругом столько смертей, как сейчас.

Сегодня убит комбат майор Лаврищев, «Полундра», бывший моряк. Это он вывел свой батальон — двадцать человек — из окружения под Станиславом в Миловане, разбив два полка мадьяр. За это он был представлен к званию Героя Советского Союза. Его штурмовой батальон всегда был лучшим, а за то побоище на дороге в Красне он вторично представлен к званию Героя. Теперь он погиб¹.

¹ Гибель майора Лаврищева (5.12.1920—6.08.1944) — легендарного, бесстрашного, удачливого — сильно растревожила папу, он, как мы видим из дневника, думал о создании картины на этот трагический сюжет. И не только он. Память об этом обаятельном талантливом человеке — за три года войны он прошел путь от солдата-минера до майора — сохранена не только в архивах. Через три месяца после его гибели в газете «Знамя Родины» напечатана «Песня о комбате» Р. Симановича (2.10.1944). Вот строки из нее:

И тельник минера морской полосатый,
Как знамя победы, мелькает в огне.
И кажется, будто бы здесь не Карпаты

Нинушка пишет теперь часто. Эта девочка, кажется, любит меня. А я ее?.. Для меня она — единственная надежда на что-то светлое в будущем, как мог бы я ее не обожать?

9-е

...Низвергающиеся по скалам с грозным грохотом горные потоки, дремучие непроходимые леса, голые мрачные пласты гранита и прочие необходимые аксессуары романтических описаний. Но нам, ей-богу же, от этого не легче — лучше уж было бы поменьше этих аксессуаров и побольше хороших дорог.

С митинга в Ереване:

— Братья армяне, доблестные сыны народа, вперед на разгромленного врага!

Трахнул крокотку.

27-е

Мы дошли до Карпат и тут остановились. Немцы сидят на высотах, с которых просматривается все на свете, — корректируют огонь артиллерии.

По дороге на Kamiонку, там, где с шоссе сворачиваешь влево, есть мост. На этот мост чуть въедет одна повозка — обязательно бьет. Его надо проскакивать на полном ходу, а он трещит и — кажется — под тобой разваливается. Мы проскакивали его на 7-тонной машине связи — Шатан в кабине, я на подножке. Проскочили благополучно. При въезде в лес, где дорога идет в гору, под штабелем бревен лежала девушка, бледная, из носа и рта — кровь. Она была ранена в живот. Как жалко делается, когда видишь раненую девушку! Раненого мужика уже несколько не жалко — привыкли.

Пленный сукин сын немецкий ефрейтор убеждает меня, что он не может убивать людей, он даже не представляет

И будто он снова на «милый земле».
Василий Лаврищев! Крылатая слава
Летит впереди, обгоняя полки...
В горах под огнем тяжела переправа,
Над горной рекой берега высоки...

себе, как это можно, он принципиальный противник этого. Если бы он увидел человека, убитого им, он бы лучше сам застрелился. Я спрашиваю его — как же это так, ведь он уже четыре года солдат, ефрейтор, давно на фронте? Оказывается, он минометчик, из миномета убивать — можно.

Сколько времени уже наш КП под обстрелом? Действует на нервы.

Река Свица не широка, но на противоположном ее берегу немец сел на высотке с пулеметом и косил все. Батальон Лаврищева перебрался на ту сторону. Лаврищев был в плащ-накидке, фуражке, и, когда поднимал бойцов в атаку, пуля пробила его грудь. Потом вторая. Он жил еще с час. Когда его тело два бойца поднесли к реке, там уже саперы возились, строили переправу.

Генерал был тут. Он спросил:

— Раненый или убитый?

— Убитый.

— Ну, тогда положите его, пускай пока подождет.

Он не спросил фамилии и не знал, кто это. Когда сказали ему, что убит Лаврищев, он схватился за голову.

История с невестой бельгийского короля.

Привели ранним утром задержанных при проческе Синувудзки Выжней. Наш КП был в ущелье, на северном берегу Стрыя — был сырой, холодный утренний туман.

Он — бельгиец, маленький, черный, с выпученными глазами, босой. Оказывается, он был у немцев в строительном батальоне, 4 месяца жил в этой самой Синувудзке, заимел себе там девушку и жил себе с ней. Когда немцы уходили, он предпочел плюнуть на них и остаться. Привели его с ней. Она — обыкновенная польская девушка, худая и не очень красивая — Стефания. Отдала ему свое синее пальто — он в одной рубашке — сама стоит мерзнет в своих босоножках. Я проверил документы и отпустил ее к богу в рай, домой, его же решил отправить в лагерь. И вот — представьте себе — она ни за что не уходит, отошла в сторонку, стоит, плачет, нос и глаза красные. Все, кто ни проходит, удивляются, расспрашивают. Женишок издали только пучит на нее черные глаза и переступает с ноги на ногу, вообще вид исключи-

тельно затрушенный. Борисов растрогался, посоветовался, подумал — и решил отпустить его к ней. Пускай живут — все равно на днях гражданские власти придут, разберутся. Я протестовал, потому что мне было очень обидно — почему какой-то сукин сын будет жить со своей Стефанией, а я — за тридевять земель?

И пошли они радые домой.

Ладно. Было это в начале августа.

На днях ездил я в штакор — в Синовудзку. Вижу, кто-то усердно машет вслед моей бричке рукой. Я сначала не разобрался, а потом Хмыз сказал — это была та бельгийская невеста.

Но история этим не окончилась.

Лейтенант Малышевский из 24-го противотанкового дивизиона ехал в село Ямельницу заготавливать продовольствие. Он предвкушал ужин и все такое у председателя сельсовета, где он бывал уже раньше и где была интересная дочка.

В селе уже было все готово, но лейтенант решил сначала поужинать, предсельсовета послал старуху-жену к мельнику за самогоном, словом, порядок полный. На улице лейтенант встретил какого-то подозрительного типа — в очках, без шляпы, вообще какого-то придурка на вид. Он его окликнул, тот побежал... Словом, задержали. Он говорил по-украински еле-еле, и при обыске у него нашли пистолет, шифрованные бумаги, вшитые под подкладку пиджака, какие-то записочки. Он якобы бельгиец. Ну, впредь до выяснения его упрятали в погреб, и Малышевский пошел вечерять. Один его солдат стоял стеречь подвал с задержанным и бричку свою, на которой, кроме всякого прочего добра, лежал портфель с документами. Второй солдат спал. Вдруг прибегает пацан — хозяйский сын и говорит, что лейтенант вызывает одного солдата к себе. Следом — хозяйская дочь и говорит, что лейтенант вызывает обоих солдат. Пошел все же один — и первое, что он увидел, был лежащий на пороге труп лейтенанта. В это время человек восемь в немецкой форме, стреляя во все стороны из автоматов — рrr — трrrr, — промчались по улице. Второй солдат схватил портфель и спрятался в кустах. Налетчики отомкнули подвал, исчезли

вместе с тем шпионом. Когда оба солдата, еле опомнившись от ужаса, вернулись к дому предсовета, труп лейтенанта лежал уже раздетый, на спине его записочка: «Deutschland über alles»¹.

К этому прибавлю лишь, что все приметы этого бежавшего агента совпадают с тем моим бельгийцем, только глаза не были видны за толстенными очками.

Предсельсовета, старуха, мельник, дочь и еще кое-кто — задержаны. Мальчишка смылся.

Умопомрачительные события в Румынии — мама и папа скоро будут освобождены.

Нашелся Жечка — я от него получил письмо.

Нашелся и Витька Полтавский. Вот что о нем пишет Кава: «...Встречала В. Полтавского, он еще вернулся тогда, когда румыны заняли Одессу, он бежал из Днепропетровска... Вообще не стоит о нем писать и ему писать, он дрянь человек».

Где же Аркашка Фуремс?

На горизонте — зарево — до сих пор пылают подоженные немцами при отступлении дрогобычские вышки.

30-е

Мы живем в двухэтажном чудесном особняке посреди большого фруктового сада. Здесь жил когда-то польский полковник в отставке Бек, потом здесь был районный центр националистического движения.

Если трое мужчин живут в одной комнате и обслуживают их еще двое мужчин — в комнате этой всегда и неизбежно будет тарарам.

Здесь собрались все мухи Карпат.

Нинушка уехала куда-то под Димитров — на полевые работы. Это называется трудфронт. Ей там будет трудно, но это здорово.

¹ «Германия превыше всего» (первая строка германского государственного гимна).

Комбат Кириченко — вечно врет хриплым своим голосом и сыплет матюками — один матюк через каждые два слова. Ну и хохол...

Шартанов ругается по телефону с начальником связи корпуса и говорит ему:

— Послушайте, не ищите на куриных яйцах волос...

Сентябрь

6-е

Забавна эта любовь в письменном виде. Или, может быть, старик Куприн был прав? Во всяком случае, люблю я эту девчонку страшно, и не могу себе даже представить, как я с ней встречусь. Когда это будет? Я, наверное, разревусь, как маленький ребенок, увидев ее. При двух встречах я боюсь расплакаться — с Нинушкой и с моей мамой. Запас нежности, накопившийся во мне за всю мою несправедливую жизнь, очень велик — и тратить не на кого. Все будет ей... Когда я вспоминаю про нее, у меня замирает сердце. Вероятно, тут еще и то, что в ней для меня олицетворяется все детство, вся юность, все невозвратимое, ушедшее...

Воспоминания — это моя болезнь. Мне нельзя вспоминать... Скоро можно будет, но пока лучше не надо.

Мельноковцы, бандеровцы, бульбовцы, — мы их называем сейчас оуновскими бандами.

Так же называли и наших партизан. У них прекрасная организация, все здорово законспирировано, связь теснейшая с населением... Я уже высказывал Бороздне свою точку зрения — я боюсь, что они, сволочи, все-таки правы, что это в действительности национальное движение, порождение народа... Черт его знает, или всех их поголовно надо перевешать и села сжечь — или плюнуть и уйти. Пускай себе живут самостийно, на х... они такие сдались. Никакой радости, одни только неприятности от этой Западной Украины.

Позавчера пошли мы с Аркадием лазать по горам — собирали орехи. Очень интересное занятие — вроде охоты.

Того и гляди полетишь вниз по крутому склону, раздается треск орехов на зубах, трррах — червяк во рту...

В таких случаях хочется откровенничать и вспоминать все то хорошее, что когда-то было. Я рассказывал Бороздине историю с Фиалкой (речь зашла о «Большом вальсе»¹) и растрогался сам.... Ничего более детски-чистого, поэтического и наивно-глупого нельзя себе и представить. Я искал когда-то гриновских переживаний и не заметил еще более романтического и прекрасного в своей собственной жизни. Было ли когда-нибудь у кого-нибудь такое детство? Пожалуй, нет. Об этом надо писать книгу.

Когда я начинаю об этом писать, слова делаются у меня ненастоящими, лягушачьими, выдуманнными. Куда как лучше что-нибудь из солдатской жизни, например:

— Орехи так и трещали на зубах, как вши под ногтем у солдата.

Сегодня немецкие минометчики били по тем высотам, где, по нашим предположениям, сидит немец.

Я посмотрел в окно и в его рамке увидел замечательный мотив и сразу понял и почувствовал: слава богу, я еще не окончательно погиб в искусстве.

11-е

Письмо от Гришки Лубовича. Вот человек, которому я завидую. Нужно уметь, как он, исписать целое письмище, бойко, весело и остроумно, натрепаться, натрепаться, ни слова серьезного — и потом так и не поймешь, что же он тут, собственно говоря, написал.

Расхваливает на все лады Ниночку (сам знаю), пишет, что последний год он все время с ней вдвоем, очень близок и т. п., тут же прибавляет, что кроме исключительно дружеских чувств ничего здесь нет, но за две строчки до того — что даже Гаррик, будучи в Москве, не увидел разницы между той дружбой и просто любовью и даже угова-

¹ «Б о л ь ш о й в а л ь с» — фильм, посвященный композитору И. Штраусу, создан в США в 1938 г., режиссер Жюльен Дювивье, музыка в обработке Д. Темкина. Ни один зарубежный фильм до войны не мог сравниться по популярности с «Большим вальсом».

ривал его (Гришку) жениться на ней (Нинушке). И вообще он собирается жениться на ком-то, я так и не понял — на ком.

Узнаю обычную манеру Гаррика — вмешиваться не в свое дело и лезть в чужую душу, не сняв калош.

Эх, друзья, друзья... Кто это сказал, что нет тебе худшего врага, чем лучший друг?..

Ниночка, Ниночка, если бы ты... Нет, лучше пускай ты не знаешь о том, как мне все это больно, страшно больно, как я не могу быть не там, где ты, — и как я не могу уйти отсюда...

— Знаете последнее определение сверхнахальства? Это жить все три года с женой фронтовика на его аттестате и, просматривая списки награжденных, возмущаться, не находя своей фамилии.

Может быть, я дурак, может быть, я просто несправедлив — но ведь это как сверло в душу, больно и мерзко... Я завтра напишу именно это — пускай знает.

15-е

Четыре мадьяра-перебежчика подряд твердят, что на нашем участке немцы или завтра утром, или послезавтра применят газы. Якобы в Людвикувку привезены двенадцать метательных аппаратов и 2 вагона химических мин. Якобы все командиры рот приказали привести в боевую готовность все противогазовые средства. Якобы завтра придут на этот участок эсэсовцы — немцы, которые и будут наступать после газовой атаки.

Что это — дезинформация, добросовестная передача ложных слухов — или истина? Покажет завтрашний день. Эх, и неохота помирать за месяц до конца войны... Но что ж, если они пойдут на это безумство — это будет их немедленный и поголовный конец.

Сейчас два ночи. Свеча коптит, прилепленная к телефону. Я только-только разделался со всеми этими делами, и хочется чертовски спать. Если бы так: лечь, уснуть — и больше уже просто не проснуться... Это было бы лучшее из худшего... Ну да чего там думать о завтрашнем дне, лучше я лягу спать.

Будь здорова, моя Ниночка, моя девочка! Ты-то сейчас спишь, наверное, крепким сном...

17-е

Газы не состоялись.

<...>

Октябрь

2-е

Путешествие с капитаном Коппом на трофейном гусеничном мотоцикле. Это варварское изобретение немецкой человекоубийственной техники.

Части нашей дивизии вышли на государственную границу.

Тема: гибель Василия Лаврищева. Еще тема: разговор генерала с раненым бойцом, который идет в медсанбат с границы.

3-е

По радио — населенный пункт и станция Лавочне. В этом населенном пункте, около этой станции мы живем уже четвертый день. Здесь взорванный железнодорожный мост, одним концом он лег на шоссе, и теперь под ним можно проходить только пешком, а машины не проходят.

Смотрели «Жди меня». Эта же удивительно приятная артисточка играла в «Воздушном извозчике»¹.

Нинка опять чего-то чудит — чуть ли не месяц, как нет ничего.

Сегодня с 12.00 опять возобновили наступление. Сейчас 1161-й сп уже на 3 километра за границей, на чехословацкой территории.

¹ Неточность: это две разные актрисы. В фильме «Жди меня» (режиссеры Б. Иванов и А. Столпер, 1943 г.) играла Валентина Серова, а в «Воздушном извозчике» (режиссер Г. Раппапорт, 1943 г.) — Людмила Целиковская.

Перешел на нашу сторону один русин — его преследовали мадьяры за то, что один из его старших братьев еще в <19>40 году перебежал к Советам. Рослый, усатый и носатый красавец. Я его допрашивал у контрразведчиков.

8-е

В лесу в землянке скрывается какой-то человек. Он подучил деревенского мальчишку собирать ему патроны. Пацан насобирав целый ящик, и его цапнули. Сейчас Бороздна взял десять наших разведчиков и пошел в лес ловить этого типа.

Прוצветает картежная игра — в подкидного дурака. Шартанов играет азартно, Борисов жульничает. Бороздна, проигрывая, злится, особенно когда я его подщекотну под бока.

Против нас сейчас дерется, кроме всех прочих, батальон венгерских парашютистов — оказывается, и такие бывают. Вообще же война сейчас интересна — фланги все открыты, соседа слева за 80 км нет, сплошные обходы и обхваты. Венгры с границы сбиты и собираются отходить на линию Арпада — следующий рубеж, в 25 км отсюда¹.

Последнее письмо от Нинушки было написано 9.9 — месяц. Сегодня обозлился и написал письмо чудное — обидится, пожалуй. Наверное, очередной фокус, но заедает.

Вчера под вечер венгры взрывали станцию Воловец, и по небу поползла большая рыжая туча. Потом смотрели «Юность Максима»², и, совсем рядом, за бугром завязался бой — это Анкудинов атаковал Воловец.

Эх, Карпаты, Карпаты, до чего опротивели.

¹ Л и н и я А р п а д а — фортификационная оборонительная линия, построенная немцами в районе Карпат, к юго-западу от Украины. Возводилась под руководством инженера Теофила Хароси в непосредственной близости от границы и в 15—25 км от окрестных деревень. Была прорвана 26 октября 1944 г. в Западных Карпатах. Арпад — вождь союза племен венгров, основатель одноименной династии, правил в 889—907 гг.

² «Ю н о с т ь М а к с и м а» — фильм режиссеров Г. Козинцева и Л. Трауберга, Ленфильм, 1934 г.

Начальник связи корпуса прислал Шартанову шифровку, в которой предупредил: «Невыполнение моего приказа буду рассматривать как невыполнение моего приказа».

9-е

Вот и первое чехословацкое село — Лази. Я за границей¹. Пока самое сильное впечатление — это невероятно злые заграничные блохи.

Майор Ершов жалуется с кровати.

Дураков нет — я лягу спать на лавке.

Когда мы с Бороздной переезжали границу, решили отметить это торжественное событие. Слезли с тачанки, обошли со всех сторон белый квадратный пограничный столбик с буквами С и S — он называется копец, — так ничего умного и не придумали и поехали дальше.

За границей — ничего особенного нет, все так же, как и по ту сторону.

Бедная картошка, каких только для нее не слышал я наименований! — картофель, мандебурка, бараболя, бульба, рипка — а здесь она именуется кромнля.

Впрочем, здесь даже международное христианское слово «горилка» не существует, а есть «палянка».

А подушка именуется «заголовок».

10-е

Какой я подлец и дурак! Вчерашнего письма я себе простить не могу. Бедная девочка там в этом чертовом колхозе, в непролазной глуши, бог знает что переживает — а я ей не пишу месяц или пишу грубиянские письма, только потому, что почта не изволила вовремя доставить корреспонденцию. Я недостойн подола ее розового платица, того самого, которое я писал когда-то и на которое сейчас

¹ До 1944 г. в Западных Карпатах пролегла государственная граница между Чехословакией и Польшей; в 1939—1944 гг. местность была оккупирована Венгрией. В описываемый период линия фронта подвергалась постоянным изменениям, что в дневнике не всегда оговаривается.

так неодобрительно косится бык по имени Суслик. Ни-
нушка, прости меня!

<...>

Венгры остановились на линии Арпада. А с другой сто-
роны, с юга, армии Малиновского уже ведут бой в Дебре-
цене. Скоро Венгрии капут.

Нарисовал очень удачные шаржи на Докучаева — на-
чинаю браться за старое ремесло.

11-е

Мы с Бороздной на одном проводе. У Бороздны сидит
Докучаев. Мы с ним по телефону обмениваемся «любез-
ностями» и эпиграммами друг на дружку. Час ночи.

*Он худ и бледен,
Но не Тасс.
В стихе сто сплетен
Сплетет за раз.
Шинелью новой
Всех поразил.
Кто ж он, суровый
Сей зоил?
Друг и приятель
Он Бороздне.
Известен, знатен
В СШКД.
И в медсанбат
Он тоже вхож.
Ну, чем портрет мой
Не похож?
...Он худ и бледен,
Но не Тасс,
Он замредактора
У нас.*

14-е

Примчался Базалей на мотоцикле и при шпорах.

16-е

В дальний батальон 1159-го сп из Хуста приехало
23 венгерские машины, прибыли высшие офицеры, и в том
числе — командующий 1-й армией. Это — по слухам. Ни-

кто ничего точно не знает. По отрывкам, уловленным по радио, известно, что Хорти вдруг «взялся за ум», обратился к народу и армии с призывом окончить военные действия против России, за это немцы его «ушли» и поставили у власти профашистскую партию во главе с Саллаши. Мы все время ждем парламентариев. Может быть, это действительно прибыли венгерские генералы на переговоры?

У нашего генерала готовятся к встрече — забегали повара, экстренно вызвали нашего Матико Иосифа и переодели его во все новое, вдоль улицы шпалерой выстроились автоматчики, и во главе их — наш доблестный комендант. Навстречу на «виллисе» выехал Латман.

Ночь. Мы палили глаза в темноту из окна. И вот с зажженными фарами бесшумно промчались с востока два десятка маленьких открытых венгерских машин.

Товарищи, мы живем в исторические минуты! А Николаев не чувствует величия их, спит и храпит на койке.

Жаль, меня там нет.

Получил фото от Нинушки. Я не узнал ее — не похожа, прическа совсем другая, с длинными волосами — Нинкины кудряшки. Глаза Нинкины — и рот — такие знакомые и милые. Она еще совсем ребенок — по сравнению со мной, старым хреном.

...И премировали орденом на калоши.

Приехал командующий 1-й венгерской армией генерал-полковник Никлаус, полковник — шеф штаба армии, капитаны, майоры, переводчица — 23 человека.

С ним по телефону говорил командующий фронтом Петров¹. Первый вопрос был:

— Готова ли ваша армия выступить с оружием в руках против немцев, выполнит ли она в этом случае ваш приказ и выполнит ли она ваш приказ сложить оружие, если таковой последует?

Никлаус ответил:

¹ Генерал армии Иван Ефимович Петров (1896—1958). В этот период (октябрь 1944 г.) был командующим 4-м Украинским фронтом. Судя по отрывочным воспоминаниям, генерал очень ценил папу, держал его при своем штабе и вообще поблизости от себя.

— Я командую армией, и армия выполнит любой мой приказ.

Второй вопрос был:

— Можете ли вы установить связь со 2-й армией Вереса?

— Связи с Вересом не имею, так как между нами немцы, и всякая наша связь порвана.

Мы — мелкая бражка — собрались у Шартанова, он подслушивал по телефону по праву начальника связи.

На последний вопрос ответ был такой:

— Оружие сдавать не будем, можем обратить его против немцев, а впрочем, все это зависит от нашей делегации, находящейся сейчас в Москве.

Никлаус — член венгерского правительства и большой друг Хорти.

...Потом был ужин. Барановский споил всю охрану командующего и всех шоферов, и они блевали из мадьярских машин. Пили за здоровье товарища Сталина и товарища Хорти.

Роман полковника с машинисткой:

— Я с вами целоваться не буду, у вас усы щами пахнут.

17-е

Сейчас звонил мне генерал, приказал обязательно допрашивать пленных о том, известно ли им о миссии Никлауса. Генерал подозревает, что все это не что иное, как ловкая авантюра Никлауса, которого, как приверженца Хорти, ожидал арест и который спасся, бежав со всем своим барахлом и свитой на 6 машинах к нам.

Спасение у противника — интрига, достойная героев Дюма!

Никак не могу написать ответ Нинушке — то мне кажется слишком пустым, то слишком отрывочным. Эллочке проще — написал очень хорошее. Жека сказал бы, что я от нее без ума. Он бы был прав.

Вот дурак — Сурис Б.Д.!

Приходил Докучаев, худой, бледный и небритый — как у меня в эпиграмме. Он обижен на все на свете, а на меня в частности, за ту карикатуру, на которой я изобразил его необычайно длинным и на постаменте подписал:

*Мне бы
памятник при жизни
полагается по чину.*

А Аркашка приписал:

Но попробуй —
изваяй
такую образину!

Приходил веселый Старцев, он в последнее время пропадает в тылах: там есть Военторг, и в Военторге есть водка.

Убит комбат Ровк — тот самый, у которого я гостил в Печенежине и утащил толстый польский журнал с голоногими девками.

...Не Нинка, а Нинушка, Ниночка.

Получил сегодня письмо от Тани Урясьевой из Краснодара. Забавно!

А в Краснодаре, между прочим, я был ровно год тому назад. В городе было полным-полно военных, на главной улице на разборке разрушенного театра работали угрюмые пленные немцы в кепи.

...Это — Верецкий перевал. Воловец, Скотарско, Верхний Верецкий, Нижний Верецкий, Яблоново, Свалава...

19-е

Давно уже я докладывал комдиву о том, что на нашем участке у противника есть проволочное заграждение под током — данные об этом давали пленные. Сегодня на этом проволочном заграждении сгорело двое солдат из 1161-го полка.

21-е

Поездка в Москву стала для меня навязчивой идеей. Я буквально помешался на ней.

Сегодня в Москву уехал на учебу Борисов. Вчера Борисенко (это начальник РО нашего корпуса) обещал и мне кое-что — в ноябре. Ни черта из этого не выйдет.

Если бы это не было выражением таким избитым, я бы сказал, что любовь разгорается во мне все сильнее. Я психую, когда думаю о ней. Это — настоящее. Нинушка, девочка моя...

22-е

Приезжал командующий фронтом Иван Петров, генерал-полковник, маленький, в какой-то розовой шинели, сидя в «виллисе», непрерывно дергал головой.

Если бы мы вовремя не смылись, меня бы вызвали докладывать ему о противнике.

Воловец — узел шоссейных дорог на Верецком перевале. Здесь наш штаб. Над Воловцом возвышается гора Темнатик, высотой 1370 метров. На ней сидят венгры. Пока погода была дождливой — ничего, но сегодня, когда прояснилось и туман ушел в ущелье, начался минометный обстрел Воловца. На горе есть трамплин для катания и прыжков на лыжах.

Я многое видал за три с половиной года войны, но таких чудес, какие творят здесь русские солдаты, — не было. Гонят по горам вдесятеро превосходящего противника. Каждый солдат достоин высших орденов.

Вчера венгры, отходя, захватили в плен двух разведчиков полка Федорова. Сегодня их нашли, когда взяли село Заньку. Им венгры выкололи глаза, а потом застрелили. С горя Бахтиев разбил одному пленному мадьяру голову графином, а когда он упал на пол и долго не умирал — раздавил череп каблуком. Этого, может быть, не следовало бы писать, но это правда¹.

¹ Случай описан в рассказе «На Верецком перевале».

Нашел книгу о венгерском искусстве. Прекрасно издана, с цветными репродукциями. Я никогда не думал, что венгерское искусство дало столько интересных художников. На нем, правда, отражались по очереди все на свете стили и искания¹.

Резко контрастная светотень у Аба-Новак Вильмоша. Реалист и живописец Михай Мункачи.

У Вильмоша — подчеркнутая грубость форм, очень хороший портрет девушки Мерше.

Мужской портрет с найденной характеристикой — Чок Иштван.

Руднай Дюла очень декоративен и пышен, как Веронезе в провинции.

Крепкий автопортрет под Сезанна, хорошо нарисован у того же Вильмоша.

Интересно и смело решен этюд Меднянского: рыжие деревья, дома, земля и ярко-синее грозовое небо. В такой гамме на контрастах писал у нас Алешка Энглянди.

Мы прорвали линию Арпада. Вдоль шоссе — цепь бетонных ДОТ, проволока, мины. Поперек шоссе — надолбы, ДЗОТ, взорванные дефиле, опять проволока, опять мины. По обе стороны шоссе — высоты до 1000 метров и больше, на них — траншеи, окопы... Воловец, разъезд, Вече, ст. Оса, ст. Ганьковица... Солдаты идут по горам (как они там проходят — уму непостижимо), по шоссе идет артиллерия, обозы, автомашины... Прорезаем линию Арпада, прошибаем ее лбом нашей дивизии. Никто не помогает нам.

Ноябрь

1-е

Письмо и фото — от кого бы вы подумали? От Аркашки Фуремса! Аркашка, друг из друзей! Дорогой однорукий Аркашка...

¹ По этой книге (атрибутировать не удалось) папа изучал творчество венгерских художников, это: Аба-Новак Вильмош (1894—1941), Михай Мункачи (Либ) (1844—1900), Пал Синьей-Мерше (Пауль фон Синей-Мерсе) (1845—1920), Иштван Чок (Човк) (1865—1961), Дюла Руднай (1878—1957) и Ласло Меднянский (1852—1919).

Сегодня был неплохой огневой налетик. Снаряд пробил крышу и разорвался на потолке. Исключительно удачно, что из восьми человек, бывших в хате, никто не пострадал. Только меня осколком рвануло по левой стороне груди — ничего, только поцарапало. Пробило Нинушкино фото и комсомольский билет. Спасла меня пуговица от погона.

...Сидим в комнате и прислушиваемся — когда надо драпать в блиндаж от очередного огневого налета?

Вчера окончился маленький роман. Роман, из которого ничего плохого не вышло, несмотря на все мое желание. Марийка — девушка из Галиции. Стройная фигурка и курносый нос.

Как нас встречали в Чехословакии.

В селе, не доезжая Мукачева, вывешены красные флаги, через шоссе протянут приветственный лозунг — когда они только успели их припасти?

В Мукачево я въезжал галопом на огромном и худом вороном коне. Все приветливо машут руками — все в восторге от нашего прихода.

Городок хорош — на главной улице жители сами растаскивают магазины со всевозможными товарами. Нашего брата интересуют в основном винные склады. Я сам нашел склад вина, склад мармелада, 2 тонны горючего и 5 вагонов зерна, поставил на их охрану 6 своих конников, а потом еле вытащил их оттуда.

Потом были мы на квартире у одного чеха, где круглые сутки был накрыт стол и где мы круглые сутки пили ром. Слава богу, горы кончились, мы вышли на равнину, можно больше не пить эту отвратительную водку, а только вина.

Потом привели перешедшего на нашу сторону венгерского капитана — помощника начальника оперотдела штаба 1-й горнострелковой бригады венгров. Мы с ним пили ром, беседовали о музыке, шахматах, Саллаши, советской власти, и я ему продул две партии в шахматы.

Потом в каком-то селе на полпути к Ужгороду ночью били морду немцу — первому пленному немцу за сколько времени.

Потом была дорога в Ужгород. Сотни пленных.

Евреи из рабочих рот, я заставляю их снимать с рукавов желтые повязки. Эти несчастные страшно рады — они даже не знали, что это можно.

В сельской кузнице за деньги куют лошадей. Все пьяны.

На крыле автомашины въезжаю в Ужгород. На станции идет борьба с мародерством: ходят генералы — командующий фронтом, армии, бьют морды и расстреливают. А за их спиной их же собственные ординарцы и адъютанты грузят их машины барахлом.

Ужгород — чудесный городок. Особенно понравилась мне одна перспектива с высокими геометрическими домами, прямым шоссе с плавными поворотами и стройными столбами электричества и связи. Это — столица Карпатской Руси.

Бои за Ужгородом. <...> Драп обозов при зареве горящей деревни. Я отправил Марийку вместе с нашей бричкой в город, — нас-то убьет, черт с ним, так положено, а ее жалко. Поцелуй в слезах.

Сурис с раной. Я еду в Ужгород лечиться в медсанбат. Вымок, как курица, несмотря на шинель и палатку.

Погостил с полдня у контрразведчиков, позавидовал квартире с электрическим светом и ванной. Люди живут непривычно хорошо. Я чувствую себя в этих городских квартирах, как человек, надевший очень тесный сапог. Мне больше по душе какая-нибудь низкая крестьянская хата с коптящими свечами на шатком столе и деревянной кроватью с соломой. И вообще, как это люди могут жить без телефона?..

Потом я нашел в городе Марийку. Если суждено этому дневнику попасть когда-нибудь в руки Нинушки, пускай позлится.

Переночевал я у нее. В медсанбат я в этот раз так и не поехал — ну его к лешему, и так заживет.

Узлы свалены на земляном полу тесной и пустой комнаты. Печка еле тлеет. На дворе — проливной дождь, и потолок в нескольких местах протекает. На узлах сидят три

старухи, они совершенно седые. Одна из них подстелила под босые корявые ноги кусок газеты, чтобы не было так холодно. В углу спит тринадцатилетний мальчишка, совсем чужой. Марийкина сестра кормит грудью ребенка.

Зачем мадьяры пригнали их сюда из дому? У меня сердце болело смотреть на этих несчастных. Ну, что можно сделать?.. Я ходил к коменданту — нельзя ли переправить их на родину, в Галицию. Ничего не вышло, говорят, граница закрыта.

Приближается зима. Что их ждет?

Марийка спросила меня: правда ли, что их всех НКВД высылит в Сибирь?

Пленный немец из 13-го горного полка. Генерал ему бил морду, а он козыряет. Превыше всего дисциплина!

— Австриец, баварец, пруссак никогда добровольно не сдались бы в плен.

С другой стороны: перебрасывали мы на днях трех немцев с агентурной задачей. Здоровые парни, в полной форме, при орденах и при автоматах. Им доверяют — они уже три-четыре раза ходили и выполняли задания. Они работают от комитета «Свободная Германия».

После отъезда Борисова моим начальником стал Николаев. Ну и мудака же он — что еще о нем сказать?

Доблестный Жестянников — наш разлагатель с вечно сверкающими кругами очков и красным околышем фуражки. Он очень хороший парень.

Набокин стал невыносимым грубияном — власть портит таких людей. Он кричит на своего ездового:

— Ну-ка ты, старый хрыч!..

Меня он пока не ругает — наверное, остерегается. А ведь мы с ним когда-то переругивались крепко.

С генералом живу душа в душу — он не ко многим относится так хорошо, как ко мне.

Как я разбил очки и бил морду Бальбиру за Нинушку.

Неужели прав был Куприн?

Она мне стала сниться по ночам, и я просыпаюсь и ошалело хлопаю глазами. Все расчеты у меня построены на возможности поездки в Москву и встречи с ней — когда бы это ни было. Я написал ей предельно откровенные письма — что из этого будет?..

20-е

Как я разлагался в капиталистическом обществе. Собрание господ русских офицеров — майор Николайчик, майор Джикия, Бороздянус, Тафельштейн и другие.

Первое, что меня поразило при входе, — это звуки румынского рестораника, вроде «радио Румунешти, радио Букурешти», затем — длинные ноги в прозрачных чулках. Источником звуков оказались несколько музыкантов — старик с контрабасом, несколько человек с широко открытыми черными глазами (почему они все одинаковые?..) — скрипачи. Этот оркестрик, специально созданный в Ужгороде для увеселения господ русских офицеров, надрывался перед нами всю ночь за какие-то сто крон. Обладательница же длинных ног оказалась при ближайшем рассмотрении какой-то не то артисткой, не то еще чем-то таким же интересным: Олена.

Встреченный бурными овациями всех присутствующих, я сразу плюхнулся за стол и выдул с литр вина. Конечно, сразу опьянел, и потом пошли безобразия. Пили много, и Тафельштейн провозглашал одесские тосты. Нашелся еще один земляк — какой-то старший лейтенант, все время танцевавший с обладательницей соблазнительных ног. Этот земляк объяснялся мне в любви и знал всех старых друзей и знакомых, которых я называл, даже вымышленных. Докучаев, которого я притащил с собой, все горевал над стаканом вина о брошенной дома недописанной передовице для завтрашней газеты. Бороздна пытался выучить музыкантов неаполитанским песням, но взятая ими с голоса «Тиритомба» была безжалостно изуродована. Присутствовали, кроме всех прочих, надпоручик чешской жандармерии и шофер, когда-то возивший самого Бенеша. Ребята хорошие — они водили наш 61-й полк, когда он был в тылу противника в Павловце. Шофер Бенеша здорово сплясал русскую и заграничным голосом спел Donna

Lucia. Потом я решил отобрать у земляка единственную представительницу прекрасного пола. Что было дальше — я уже не помню. Кажется, целовал ей руки, усадив рядом с собой на диван, а она спрашивала, интересуется ли меня, и заявляла, что я «еще дитина». Потом я разбрасывал деньги кабацким жестом подвыпившего купца и требовал, чтобы музыканты исполнили Вторую венгерскую рапсодию Листа¹. Потом, в дым пьяный, я уехал домой верхом.

На следующий день было разложение на дому — начальство все на ночь уехало. Опять Марийка. Господи, помилуй мою грешную душу.

Регулярно через ночь противник обстреливает в Ужгороде район моста бронепоездом, который выходит на разъезд Вайковце.

Ночь на 21-е

Слава те господи — сегодня началось общее наступление. <...>

Завтра, наверное, до свидания, Ужгород, с квартиркой с электрическим светом и сумасшедшими магазинами, в которых ничего нельзя купить. Прощай, Марийка. Эх, еще бы одну ночь...

В Ужгороде открылись несколько магазинов. В магазине гораздо быстрее можно что-нибудь украсть, чем купить.

23-е

Ночь в редакции — последняя ужгородская ночь. Конец маленького романа с курносой девушкой из Галиции.

Успех наступления — залезли в болото у Стретава и Сеннэ. Грязный хутор Препощтшаги.

¹ «Т и р и т о м б а» — неаполитанская шуточная песня. Папа мог запомнить в исполнении Михаила Александровича. D o n n a L u c i a конечно же описка. Имеется в виду Santa Lucia, композитор Т. Котрау (1850). В т о р а я в е н г е р с к а я р а п с о д и я Листа — самое, пожалуй, популярное его произведение.

27-е

Докучаев ушел — редактором в 8-ю дивизию. Ушел и даже не распрощался. Еще одним другом меньше.

Стретава. Море — залитое дождевой водой болото. Вброд не перейдешь. И дамба шоссейной дороги — шириной метров пять. Голая дамба вся насквозь простреливается пулеметами, бьют две минбатарей. И здесь люди наступали. Боже, сколько здесь наших убито, и как страшно было здесь идти. Днем...

Пятеро из 57-го полка утонули — перевернулась лодка.

Петров приказал наградить всех солдат орденом Славы, а офицеров — Красного Знамени. А зачем это им? Большой их части уже все равно нет.

Декабрь

6-е

Противник задержался на заранее подготовленном рубеже на подступах к Кошице. Завтра начнется, вернее, возобновится наступление, и мы его собьем.

Горы видны справа от нас, спереди, слева, они охватывают нас полукольцом, и в ясную погоду на них видны белые пласты снега. А у нас тут снега нет и в помине, только грязь, да иногда с утра выпадает бледный колючий иней.

Аркадий как-то добрался до этого дневника и читал его целый час.

— Все это очень хорошо и очень объективно, — сказал он, — но покажешь ли ты его Нине после войны, если придется?

Конечно покажу. Не может у меня от нее быть секретов, не может быть чего-то недоговоренного и невысказанного. То, что я чувствую к ней, — сильнее меня. Это какое-то безумие. Можно взбеситься от этого расстояния!

Как я глупею с каждым днем. Три с половиной года... Это все равно что работа на конвейере. Я уже не способен написать интересное письмо, найти свежую мысль для

письма или для разговора, даже найти свежие слова для выражения — пусть черствой — мысли.

Вчера зашел разговор об учебе. Я подумал о том, что поеду ли я сейчас куда-нибудь учиться, буду ли я поступать куда-нибудь после войны — повсюду потребуется сдавать экзамены. А что я смогу? Я ничего не знаю. Я все забыл, кроме таблицы умножения. Человек, окончивший некогда среднюю школу с похвальной грамотой и аттестатом отличника, разбиравшийся — и неплохо — даже в математике, споривший с Гарриком Ландой о таких мудреных вещах... Просто неуч, и этого уже не наверстать. Остается или кончать свой век в армии, или вернуться к ремеслу художника — там можно быть абсолютно безграмотным.

Погибшее поколение... Тяжело.

Может ли она меня столько времени ждать? И способен ли вообще на это человек, или это только досужая выдумка поэтов на манер «утешительства» Луки?..

По улице ходит глашатай, бьет в барабан и монотонно кричит. Это он вызывает всех «хлопов» идти помогать Червонной армии — строить мост. По улице едут, брызгая грязью, «виллисы» и проезжают верхом люди в плащ-палатках.

Немного этнографии.

Женщины здесь носят коротенькие юбочки в тысячах складок и высокие узкие блестящие сапоги. Мужчины ходят в дырявых ботинках и белых дерюжных штанах, вроде кальсон. Гуцулы чертовы.

Язык их понимать можно — испорченный украинский. «Вонка», «кобула», «крава», «слама», «шидло и мыдло». Самолет — летадло. Картошка опять приобрела новое — которое уже по счету — наименование: «бандурка».

Наш Артемчук — самый набожный человек. Как приходим в село — сейчас же идет искать церковь и лезет на нее.

Потешный и дурацкий пес Николаева — маленький, белый, лохматый и вечно грязный.

Докучаев ходит длинный и худой. Аркашка живет в Требишове и не показывается в наше грязное село. О Старцеве ни слуху ни духу — у него повышенная кислотность, и он отсиживается дома. Вот и все друзья.

Первого числа был у меня в Требишове немчик-перебежчик. Тип во многом своеобразный — Фридолин Майер из Тироля, обер-ефрейтор 3-й роты 204-го полка. Он все три года войны был при санроте дивизии — и ничего, повышался в звании и отхватил три награды. Недавно все тылы подчистили, и его отправили в первую линию...

Свой переход он объясняет тем, что ему было очень тяжело выполнять приказ офицеров о сожжении селений перед передним краем немецкой обороны. Было жалко местных жителей, а приказали на них внимания не обращать.

Врешь, сволочь! Просто трусил. Это тебе не в санроте воевать. Автоматчик генерала определил: «Скис фриц!»

Он маленький, грязный, с черными пятнами обморожения на щеках, из зимнего выданы только огромные неудобные рукавицы на шнурке через шею. Вшей на зиму не выдавали — достал сам.

Жестянников недоволен. Его антифашисты разлагаются. Торма ни черта не делает, только накапливает деньги и думает, как бы попасть домой. А товарищ немец — уполномоченный комитета «Свободная Германия» — вообще не умеет обращаться с аппаратурой.

А ведь, в сущности, они изменники своей родины?!

На том свете всех немцев и кто с ними будут загонять в ад, а нас вводить в рай. Вот где недоразумения будут! Например, румыны. Ежели который румын убит уже после союза с нами — так его положено в рай, а убитые до того румыны тоже будут стараться пролезть под шумок. Или, скажем, немец из союза «Свободная Германия» — его что, тоже в рай? Я протестую! Да, в небесной канцелярии хлопот будет по горло, и в помощь апостолу Петру придется выделить целый штат билетеров и контролеров.

В раю из обмундирования тебе будет положена белая хламида, пара крыльев и пропеллер в задницу.

— Да, а на зиму — ватное стеганое сияние на меху. С наушниками.

Мой гнедой жеребец Васька — красавец.

Тему «Зоя» надо решать по-суриковски. Иначе ничего не получится. Большой массой черной толпы и ее — только лицо, светлым пятном. Немца нужно показать только одного или двух — но не дай бог нарисовать самого палача. Величайшая сдержанность и осторожность, — не «Стрелецкая казнь», а скорее «Боярыня Морозова». Фигура парня в меховой шапке — непримиримость. Можно дать замечательных скорбных старух, испуганные детские личики с расширенными глазенками...

Да, это — тема.

У Кукрыниксов не получилось¹.

Смогу ли я когда-нибудь или так и подохну несостоявшимся неудачником?

15-е

Сегодня с утра было ясно и холодно, а потом пошел снег — такой белый, молодой и пушистый. Слава богу, началась зима. Когда мимо пробегает лошадь, я почему-то вспоминаю из далекого детства — как я иду с Кавой к тете Вере, санки с бубенцами и томик Гейне под мышкой.

Даже на душе стало чуть светлее — плюс к тому же письмо от Нинушки. Вообще сегодня еще жить можно.

<...>

Думать, что где-то на батарее остроносый озябший ефрейтор устанавливает на глазок прицел и грязной тряпкой

¹ Как и в размышлениях после гибели майора Лаврищева, когда папа пытается, пока только виртуально, отразить тему в художественных образах, он критически размышляет о картине Кукрыниксов «Зоя», где показана казнь Зои Космодемьянской. Следует отметить, что он видел репродуцированный один из первых вариантов картины. Художники работали над ней долго — с 1942 по 1947 г. Потому сейчас, глядя на окончательный вариант, трудно сказать, что именно не устроило папу.

обтирает смазку со стопятимиллиметрового снаряда, который сейчас обрушится именно на твой дом... Бррр, воистину «смерть — странный товарищ для постоянного общения».

20-е

Письмо от моей девочки. Да, она — моя девочка.

Мне кажется, что она еще об очень многом не задумывается серьезно, — в то время как я ломаю себе голову над тем, как же все это будет. Все очень сложно и еще очень неопределенно.

Я не стою и ее отмороженного кончика уха...

25-е

Смерть — странный товарищ для постоянного общения.

Из разноцветной колоды карт я строил домик, но вдруг раскрылась форточка — и все рухнуло.

Сорвалась очередная попытка смотаться в Москву. Не отпустил генерал.

Вчера весь день на НП с генералом.

Наш НП оборудован на высоте 716. Саперы устроили бревенчатый сруб, расчистили поле наблюдения, спилив несколько десятков вековых сосен, отсюда видно далеко. Виден Кошице, видно, как из него на север уходят длинные пытящие эшелоны, как по фронтовым дорогам бегут хлопотливые немецкие грузовички. За Кошице под горами стоит белое многоэтажное здание вроде санаторного, горы идут в несколько ярусов и сплошь заросли темно-синим буком, а еще выше — черным кедром. А над всем, в самом небе, сверкают и переливаются скалистые, величественные, белоснежные, как в сказке, Татры. В стереотрубу видны их пропасти, обрывы, нависшие глыбы, <купола> нежной голубизны посреди розового закатного неба.

На НП дежурит Артемчук — это его царство. Он сидит у своих окуляров верхом на бревне, в полушубке и валенках, как деловитый мужичонка.

Совершенно непонятным образом по крутому скату взобрался генерал. Он в американской рыжей меховой куртке и неизменной яркой фуражке. Наш генерал — человек удивительной удачи. Он может ездить на своем «виллесе» по переднему краю или прийти на передовую в район наибольшего обстрела — и сразу все стихает. Солдаты уверены, что его бережет какой-то талисман. Он властен и своенравен. Я с ним живу в дружбе — на свою голову...

По горам вокруг НП по ночам бродят олени и дикие кабаны.

По горам, по узеньким тропкам невозможной крутизны лихие шоферы водят «доджи» и даже «студебеккеры».

Лошадьми по этим тропкам не выедешь, если они не кованы на острые шипы — сплошь камень, покрытый льдом.

Не очень далеко и совсем как на ладони виден узел сопротивления 3-го батальона 204-го пп — Сланец. Над ним на круглом кургане возвышается старинный замок. Этот замок господствует над всей окружающей местностью, и в одной из его полуразваленных, поросших мхом готических башен немцы устроили наблюдательный пункт. Отсюда они корректируют огонь артбатарей, которые житья не дают всему нашему корпусу, начиная от переднего края и кончая вторым эшелоном штаба корпуса.

Наш 24-й противотанковый выкатывали на прямую наводку, и всем дивизионом целый день били по замку, но что может сделать 76-миллиметровый снаряд метровой каменной кладке какого-то словенского князя?

Ранен начальник штаба Набокин.

Как мы с Бороздной решали квадратное уравнение с одним неизвестным. Хорошо он хоть решил, а я так и не смог.

С хвостом годов я становлюсь подобием чудовищ ископаемо-хвостатых. Скоро совсем обрасту шерстью, буду бегать на четвереньках, чесать под мышками задней лапой и выть волчьим голосом вперемежку с матом.

Завтра мой день рождения.

<...>

Итак, Аркашка найден окончательно и бесповоротно — благодаря Каве. Это она сообщила мне его адрес.

— Нет ли у тебя газеты за тонкое число?

Переделка песенки «Темная ночь» из фильма «Два бойца»¹:

Ты меня ждешь,
А сама с интендантом живешь
И от детской кровати тайком
В ресторан убегаешь.

Реалистический фронтовой вариант!¹

Я смотрю на переливающиеся, искрящиеся, сверкающие вершины Татр и думаю, что мне до них все-таки ближе, чем до Нинушки.

Сланецкий замок, стоящий на остром холме, запирает дорогу через ущелье на Кошице. Он стар, полуразрушен и напоминает замки из романов Вальтера Скотта. В его руинах немцы устроили наблюдательный пункт.

Как я смог разобраться в книге Людовила Янота Slovenske Hrady, заложен замок в начале 13 века <...>.

Капитан Карпман поведал мне печальную историю о том, как ему изменила его любимая девушка, выйдя замуж за другого, и как он после этого в Вильнюсе поймал триппер.

Под станцией Ганьковица — это еще в Карпатах — мадьяры сумели захватить двух наших разведчиков. Эти сволочи зверствовали еще хуже немцев. Изуродованные тела замученных и застреленных разведчиков нашли потом в

¹ «Д в а б о й ц а» — фильм режиссера Л. Лукова по повести Л. Славина «Мои земляки». Поставлен в 1943 г. на Ташкентской киностудии. В главных ролях — Марк Бернес и Борис Андреев. Песни «Темная ночь» и «Шаланды, полные кефали» (муз. Н. Богословского, сл. Вл. Агатова) в исполнении М. Бернеса сразу обрели популярность и были у всех на слуху.

селе. Разведчики были из 59-го полка. Тогда Бахтиев взялся за четырех пленных венгров. Их забили до смерти — бутылками по голове — расквитались.

Под Керестуром погиб майор Новик из политотдела. Немецкий снайпер снял его, когда он шел поднимать роту в атаку. Это был дождливый серый день, а полки лежали на исходном положении перед самым селом на болотистом, плоском, как тарелка, поле — ни окопаться, ничего, а снайпера знай щелкают и из пулеметов режут, головы не поднять. Новика сначала ранил в руку, потом в правый бок, потом прямо в сердце, снайпер еще неважный был, не с первого выстрела.

А говорят — политработники не воюют. Глупости это — все зависит от индивидуальных качеств человека.

Гитлер, Саллаши и их вождь тов. Жестянников.

Ты-ты-ты-ты — пробуй думать о другом.

Бог — мой — дай — сил — обезуметь не совсем!

(Пыль — пыль — пыль — пыль — от шагающих сапог!)

Отпуска нет на войне!

Брось — брось — брось — брось — видеть то, что впереди.

(Пыль — пыль — пыль — пыль — от шагающих сапог!)

Все — все — все — все — от нее сойдут с ума,

И отпуска нет на войне!

«Пыль»

(«Пехотные колонны»)

<...>

1945

Январь

1-е

Вот и Новый год.

Моя встреча Нового года проходила так.

От обеда и часов до семи работали все и о празднике не думали. От семи до девяти я, как человек непьющий, бегал по всем друзьям и знакомым и искал — к кому бы

пристроиться выпить. Но все ребята сидели грустные и сами соображали — где бы выпить. Всех подвел подлец Барановский. Водки не было. Выхода из положения тоже не было. От девяти до одиннадцати мы с Карпманом занимались тем, что по телефону разыгрывали всех вышеупомянутых друзей и знакомых (по типу: какой длины шнур у вашего телефона?). В одиннадцать я отправился домой, попил безалкогольного чая и ровно в двенадцать, констатировав благополучное окончание <19>44-го и не менее благополучное начало <19>45-го, улегся спать. Потом в течение двух часов ругался по телефону со всеми вышеупомянутыми друзьями и знакомыми, так как они хотели поздравлять, а я хотел вовсе спать. На том дело и кончилось, даже фриц вел себя в эту ночь против ожиданий вполне прилично.

Итак, товарищи, новый 1945 год считаю открытым. Старый 44-й закрыт на переучет!

Николаев предлагает устроить елку, повесить на ней разные украшения, портянки сушиться...

Волшебный пояс Николаева. Когда он его ни вынет из чемодана — обязательно переезжаем. Это до смешного верная примета. Так и на этот раз.

Нашу дивизию (не знаю, весь ли корпус) перебрасывают на левый фланг фронта, на стык с Малиновским.

Ходят слухи о возможном расформировании 4-го Укр. фронта вообще.

2-е

Смотрели «Миссию в Москве»¹. Картина очень интересная.

¹ Здесь описка, правильное название фильма «Миссия в Москву» (1943) режиссера Майка Кертиса по мемуарам американского посла Джозефа Дэвиса (1876—1958). Дэвис был послом в Москве в 1936—1938 гг. и, где только мог, защищал сталинскую политику и, будучи юристом по профессии, давал на Западе легитимацию судебным процессам. Сталин буквально озолотил его за это. С санкции советского руководства и лично Сталина он с женой собрал гигантскую коллекцию антиквариата, предметов культа и живописи, покупая за бесценок музейные экспонаты и сокровища Гохрана. Когда Марджори Пост, жена Дэвиса, развелась с ним, большая часть сокровищ отошла

Николаев высказал такую мысль: как посмотришь, от чего судьба зависит — какие-то два человека где-то не договорятся — и гибнут миллионы. Жизнь человеческая вся держится на соплях.

Иногда у меня появляется чувство неизмеримой огромности всех этих событий, в которых мы живем и участвуем. Так было и во время этой картины.

Человек в полушубке и с пистолетом у пояса, спящий на блохастой соломе в низкой глиняной хате, — неужели я тоже делаю историю?

Певница.

Волшебный погреб с массой дубовых сундуков. Влезать через узкое отверстие, образованное несколькими кирпичами, вынутыми из фундамента.

3-е

Если измерять справедливость какой-то специально для этого придуманной единицей меры, то степень несправедливости между бойцом на передовой и нами, штадивцами, будет примерно такой же, как несправедливость между теми, кто сидит в Москве, и нами. Между теми же, что в Москве, и солдатом в окопе степень несправедливости равна бесконечности.

Придумали разрешить посылки. Вещь для рядового солдата-стрелка неосуществимая. Во-первых, ему нужно получить разрешение на посылку от своего командира, во-вторых, найти и подобрать — что же посылать, в-третьих, устроить деревянный ящик, обшить его «прочной материей», достать несколько листов чистой — обязательно чистой бумаги — для упаковки барахла, в-четвертых, лично явиться на полевую почту сдавать посылку. Все это вещи для солдата неосуществимые.

к ней. В настоящее время коллекция хранится и выставляется в музее Хиллвуд (Hillwood) в Вашингтоне, бывшей резиденции М. Пост до ее смерти в 1973 г.

Зато сейчас в тылах дивизии работают три мастера, изготавливающие ящики для посылок. Работа кипит день и ночь. Ежедневно к Карапетяну являются десятки человек с вопросами — что можно послать, каким порядком и т. д. Тыловики заволновались, на их улице праздник.

Фюзер. На холме — замок — обычное здесь явление. Не холм, а зеленая, густого бархатного цвета гора. На голый желтый вершине ее остались лишь одни разрушенные стены. Как туда взбирались люди? Колорит исключительно хорош, вот бы этюдик... Тени почему-то все тоже зеленые.

4-е

Мы — в Венгрии, и нужно здесь вести себя соответствующим образом. Чего стесняться, мы ведь оккупанты. Они у нас тоже не стеснялись.

Сегодня я ездил на сером коне — оказалось, это сохранился еще тот конек, на котором работал покойник Сашка Медведовский. Все то огромное уважение, которое я испытывал к этому замечательному парню, я перенес сегодня на его коня. Конек действительно очень хорош, не красив, но чертовски вынослив и быстр. Я обрадовался ему, как старому знакомому.

Немцы рвутся к окруженному Будапешту из района юго-восточнее Комарно и как будто имеют уже некоторый успех. Глядя на карту, я не совсем понимаю, что там происходит.

Хозяин обнаружил, что кто-то спер у него колесо от брички, и поднял страшный скандал, целую истерику. Вот сволочь, частный собственник! Я наведу здесь, на оккупированной территории, порядок.

Хозяин называется газда.

Симанович нашел трофеи: пять радиоприемников и два пылесоса. А у Карпмана ускакала знаменитая скачущая лягушка, так и не нашли. Опять скандал.

Капитан Тризно сбрил свою прославленную на всю дивизию бороду. Это было невероятное событие. Бороду он проиграл в карты — сначала один ус, потом другой, потом и все остальное. Жуть! Без бороды у него страшно помолодевшее, совсем комсомольское лицо и рот как у Ивана Ивановича Перерепенко — ижицей¹. Босой Тризно.

Венгерское Преждевременное Правительство.

Польское тоже Преждевременное.

Полковник Дьячков сейчас подвизается на поприще начальника штаба дивизии. Командир полка Федоров прочел мою разведсводку и сделал замечание, почему первый пункт весь написан с запятыми, без единой точки и ни одно слово не начинается с большой буквы.

Начальник разведки 2-й гв<ардейской> в<оздушно>-д<есантной> д<ивизии> погиб при артналете в Сенья. Ему вырвало скулу и висок, и весь мозг вытек на землю.

Мы заняли обе постели в хате. Старики хозяева не имеют, где спать. Сейчас два ночи, я сижу и пишу, и они сидят у печки на скамеечке. Старик и седая старуха.

Вспоминаю наших трех старух в Ужгороде — их мадьяры пригнали с Украины. Босые на земляном полу, крыша протекает под дождем, и в окне разбиты все стекла.

Вшиско едно война — но они-то здесь при чем?

7-е

Все-таки я по натуре колорист. Закрываю я это по тому, что, когда при переезде пришлось выбросить два тома «Словенских замков», я выдрал оттуда не многочисленные офорты и рисунки, а несколько (неплохих, правда) цветных репродукций.

— Кошки, к бою! Собаки с тыла!

¹ Иван Иванович Перерепенко — персонаж «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя. «...У Ивана Ивановича большие выразительные глаза табачного цвета и рот несколько похож на букву ижицу» (а ижица, в свою очередь, несколько напоминает латинскую V).

У нас хозяйкой удивительно белая девушка с рыжими волосами, и зовут ее Маргит. Она венгерка и никак ничего не поймет.

10-е

Подлецы немцы — чего делают! В 1-й лыжно-егерской дивизии в танковой роте 30 танков Т-34 и Т-43 — наши, захваченные ими в р-не Тарнова у 1-го Украинского фронта. Сегодня в ночной контратаке наш 59-й подбил из них 2 и 2 захватил.

Щавьев никак не может осилить фамилию нового начальника штаба. А фамилия его Волкенштейн.

То, что у моряков называется «на траверсе», у нас именуется «в створе».

11-е

Разговор генералов.

Командир корпуса Мельников, маленький, толстый и удивительно спокойный, сложил на животе пальчики, похожие на сосиски. Он напоминает лысого поросенка.

Дударев кипит. Он растрепан и в это утро почему-то небрит. От пленных только что узнали, что на переднем крае перед нами — слабые подразделения 2-й резервной пд венгров.

— Я овладею Мокранце сегодня ночью. Нет, серьезно я вам говорю — овладею. А что тут особенного? Двину полки и разгоню всю эту сволочь. Ночью я могу это сделать. Вы мне только разрешите.

Мельников только посапывает.

— Ничего вы не овладеете.

— То есть как так не овладею? Ей-богу, я вам правду говорю. Выбью противника из этого самого Мокранце и закреплюсь. Только ночью! — Он с утра явно выпил и теперь злится.

Полковник Ворожейкин — командующий артиллерией корпуса, тоже маленький, в унтах рыжим мехом наружу.

— Да и не разрешит этого никто сейчас... Преждевременно.

— Оставьте, полковник. Это все чепуха. Вот смотрите на карту, ну...

Они наклоняются над столом. В углу сидит, не говоря ни слова, зам. командующего фронтом, тип старого усатого генерала. Это он мне сказал вчера, когда я нанес ему на карту противника:

— Если у товарища Петрова об этом есть другие данные, и это все неправда, вы сами пойдете туда проверять.

12-е

Говорят, недавно Гитлер при вручении наград директорам химических концернов в своей речи сказал:

— Да простит мне Бог то, что я намереваюсь предпринять в ближайшем будущем.

Ясно? Надеюсь, ясно.

— ...Тогда немец пустил с противоположного конца села самоходки, и наша пехота стала отходить назад за железную дорогу. Смотрю — лежит у забора раненый солдат. А у него так — видно, ключицу перебило, в шинели здесь дыра, еще куда-то в руку и в ноги. Смотрит ну совершенно безразлично на все, бледный как стенка и — ни звука. Только меня увидел и говорит:

«Товарищ капитан, убейте меня».

Я ему говорю:

«Ты что, одурел?!»

А он все одно:

«Я прошу вас одно — добейте меня, так лучше будет».

Я говорю:

«Мы тебя сейчас вынесем».

«Не надо, — говорит, — я так спокойно лежу, и мне не больно, а если вы меня начнете нести, так опять болеть будет. Лучше добейте... Я не могу так...»

Я тогда позвал своих разведчиков и говорю им:

«Вытаскивайте этого человека, быстро. И не смотрите, что он там орать будет, пусть орет. Потом жив будет — вспоминать будет».

Взяли они его и потащили. А немец обнаружил и давай резать из пулемета. А мы ползком... Потом еще несколько мин бросил. Но ничего, благополучно, больше никого не ранило.

— Ну и как, вытащили?

— Вытащили, конечно.

Придана бригада тяжелых стопятидесятидвухмиллиметровых пэпэжэ.

Новый год у меня начался тем же, чем окончился старый, — обманом насчет Москвы.

Был у Николаева пес — он его подобрал еще где-то в Лекарде, и звали его Мартын Мартынович Лекардский. Это был самый маленький, самый лохматый и самый глупый пес в Чехословакии. Бегал вечно грязный и никогда не мог сделать ничего толкового. Приехало на машине армейское начальство и увезло пса — пес начальству понравился.

Начальник РО армии полковник Аршинов.

Этой девушке бог приделал ноги через две недели после всего остального.

13-е

Дударев оправдывается перед Мельниковым по телефону:

— Боже ж мой, боже ж мой, да разве я не руковожу? Я сделал все, что от меня зависело, все, что мне положено делать. Я же не сплю, боже ж мой, я же непрерывно управляю. Чего же еще?..

А Мельников ему спокойно, как всегда:

— Ну хорошо, хорошо. Вы возьмите, пошлите сержанта, пускай сержант все уточнит и вам доложит.

— Боже ж мой, да ведь сержант не пройдет туда и обратно за сорок минут, сержант будет ходить три часа...

14-е

Опять трагический провал наступления — наша дивизия окружена и разгромлена в Мокранце. В который это уже раз разгромлена.

Напрашиваются некоторые выводы.

Во-первых, до чего же паршивый наш 4-й Украинский фронт! Карпаты мы смогли преодолеть, прорвав линию

Арпада, лишь благодаря венгерской 16-й дивизии. С ходу взяли Мукачево и Ужгород и как встретились с немцами — стоп! Дальнейшее продвижение было осуществлено лишь потому, что противник сам начал отход. Позорно провалились попытки наступления под Керестуром, под выс<отой> 730, выс<отой> 836.

Второе: нельзя так организовать наступление. Это не прорыв, когда прорывают две дивизии на узком фронте, а на остальном фронте противника не сковывают, когда противник обладает сильными резервами и в их составе — танками, а у нас нет вторых эшелонов, или они жиденькие и сразу же вводятся в бой, как наш 1157-й сп, когда наши намерения вскрываются противником заранее из-за демаскировки, из-за разглашения военной тайны по радио, из-за дурацкой и ненужной разведки боем, организованной накануне наступления, наконец, не следует ждать успеха, пока наша артиллерия не будет вести контрбатарейную борьбу — то, о чем я всегда и всюду повторяю и еще тысячу раз повторяю.

Третье — это все-таки уважение к немцам. Эти сволочи воюют идеально. В обороне одна их дивизия сдерживает наш корпус (даже всю армию — на рубеже Сланчик — Сенья 97-й гсд против 18-й А). В контратаке два батальона с танками выбивают из Мокранце всю нашу дивизию. Причина — ожесточение немца и выучка немецкой пехоты. Тотальная мобилизация и все такое прочее — чепуха. Я еще не видел пленного немца, который не был бы верзилой или здоровяком, и даже какой-нибудь пацан <19>27 года рождения у них мужественнее нашего в том же возрасте.

<...>

Дорога шла по полю, которое все покрыто воронками, обломками, трупами. На телеге везли раненых красноармейцев и одного раненого немца. Немец, весь исковерканный, истекал кровью, но не стонал. Один из красноармейцев, раненный в ногу, во весь голос распевал «Метелицу»¹ — он был вполне доволен. Другой, с замотан-

¹ «Вдоль по улице метелица метет» — песня А. Варламова на слова Д. Глебова.

ной головой, все время тряся и что-то бормотал под нос. Встретились два сапера:

— Куда, Петро, в ногу? Скоро ты! Ну, поезжай, отдохнешь.

В болотистой почве стопятидесятимиллиметровый снаряд вырывает такую большую воронку, как бомба 250 кг.

20-е

События, происходящие на фронтах, поразительны и многообещающи.

Я не могу представить себе, какова та лавина новейшей техники и людских масс, которая уничтожила (именно не разгромила, а уничтожила) весь немецкий фронт.

Конев, Жуков, Рокоссовский, Черняховский.

В связи со взятием Кракова противник начал отход и перед 4-м Украинским фронтом.

Сегодня мы с Жестянниковым были в Кошице. Впечатление бледноватое. Немец из города ушел позавчера вечером, а наши вошли вчера утром. Сейчас жители доразвивают город — тащат откуда-то всякое барахло, кто во что горазд.

4 января немцы на главной улице повесили пятнадцать человек — венгерских солдат и просто гражданских. На груди у каждого была табличка: «Дезертир», «Партизан», «Коммунист» и т. п. Повешенные висели 5 суток, потом их сняли...

По словацким горам извивается шоссе, то в гору, то под гору, вправо, влево — спиралями. По этим шоссе, по живописнейшим местам раньше бродили разве одиночки — туристы, навьюченные рюкзаками, да в легковых автомашинах влюбленные парочки совершали свои свадебные путешествия. Теперь по этим дорогам от самого Генца и чуть ли не до Прешова растянулся гроыхающий, трещащий, орущий, ржущий, гремящий, кашляющий, поющий поток — идет пехота, артиллерия, но в основном — обозы, обозы и обозы, бесчисленные русские обозы. Брички толпятся в три ряда, их всех расталкивают спешащие автомашины.

Самое идиотское существо на свете — русский обозник!

14-го числа 1-й батальон 2-го лыжно-егерского полка, обозленный вчерашним поражением, контратакой окружил и снова овладел селом Мокранце.

Позавчера Мокранце было освобождено нами. Было найдено много тяжело раненных, которых оставляли в селе: немцы повыкалывали им глаза, поотрезали носы, потом пристрелили или добили штыками. Подполковника — замкомандира иптапа¹, который тоже был ранен, — замучили и застрелили. Девушку-санитарку из 59-го полка, которую они захватили в то время, когда она перевязывала раненых, мы нашли в нашей подбитой самоходке, она была раздета догола, изнасилована и застрелена. Я не знаю ее имени.

Все это видел своими глазами наш генерал — он мне и рассказал.

Наша хозяйка рассказывает, как немцы, перепившись, бесчинствовали на Новый год — подняли стрельбу и т. д.

Стоявший у нее военный врач, пьяный, полез на кровать оправляться.

— Это был судный день, а не Новый год.

Гостеприимнейшие словаки.

25-е

Замок Шариш² над селом Медзаны. Мы в резерве фронта.

Мои эсэсовские перчатки, безусловно, достойны быть упомянутыми в этих записках. Они — прошлогодний трофей еще из Фридриховки и служат мне всю зиму верой и правдой.

¹ И п т а п — истребительный противотанковый артиллерийский полк.

² Шаришский град — один из многочисленных замков Словакии, упоминаемый в летописях уже в середине XIII века. Так же как и Сланецкий замок, столь же древний. Эти сооружения конечно же очень интересовали папу и своим романтическим прошлым, и архитектурными особенностями.

Гибель Клары — нелепый случай. В Клембарок, когда какой-то обалдевший ИЛ проштурмовал наше село, ее тяжело ранило снарядом РС. Сначала ампутировали правую руку и ногу, потом она умерла. Дьячков безутешен.

Разбитое окно, стекла на полу, и в углу Кларины бурочки, истрепанные осколками и в крови.

Как у меня болел зуб — жуткое дело! Поправился на один бок. И никак его не вырвешь — все на марше.

Сегодня ночью дивизия начала марш на 100 км — аж за Старый Сонч, не то на правый фланг фронта, не то в 1-й Украинский. Марш рассчитан на 3 суток.

А дороги сейчас трудные — укатанные и скользкие. У лошадей шипы стираются через 10—15 км, а без шипов вовсе нельзя — лошадь как на коньках, разъезжаются ноги.

<...>

27-е

Старая Любовьня.

Мы с Жестянниковым взобрались на перевал. Позади и далеко внизу Иозеф и Тимли понукали уставших лошадей. Отсюда ничего не видно, кроме бесконечно громоздящихся на одном уровне с нами горных вершин — а некоторые из них казались даже ниже нас! Горы покрыты снегом и чернеющими массами лесов. По непонятным кручам проходит железная дорога, которую мы распознали по столбам и по ровной посадке подстриженных сосенок. Чуть замечен отсюда острый холм с развалинами замка Шариш, который мы оставили сегодня утром.

На самой высокой точке перевала справа от шоссе возвышаются странные голые скалы, обдутые ветром от снега и поросшие рыжеватым мхом. Если бы не их огромные размеры, мы бы приняли их за остатки каких-то гигантских крепостей. У этих скал нам встретился человек с лыжами на плече и с красной ленточкой партизана на шапке.

Сейчас же за перевалом начал дуть пронзительный ветер, он нес нас по дороге и бросал нам в лицо твердый колющий мелкий снег. А еще ниже началась настоящая метель, которая заставила нас переночевать в Люботине.

Борис Сурис. 1944 г.

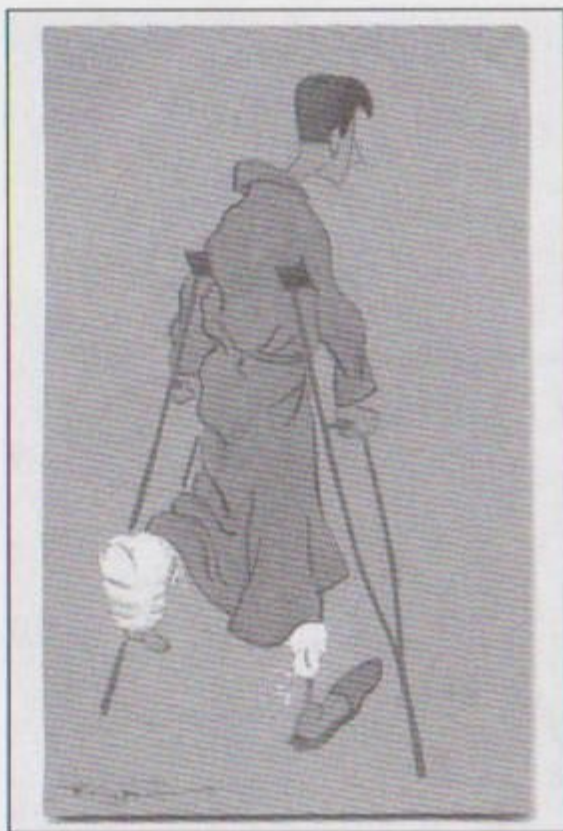
Надпись на обороте: *Моей любимой девочке — в Москву с фронта. 20.5.44.*

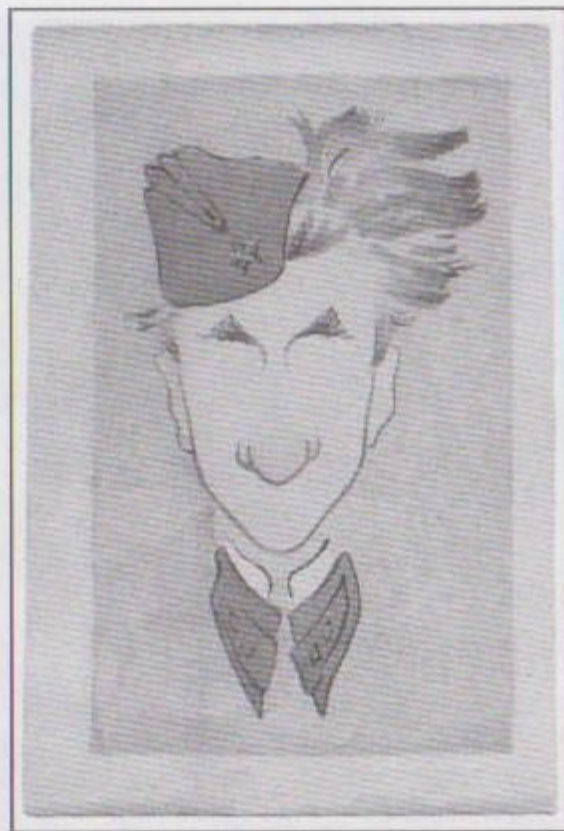
Харьков. Повешенные. 1943 г. Трофейная фотография

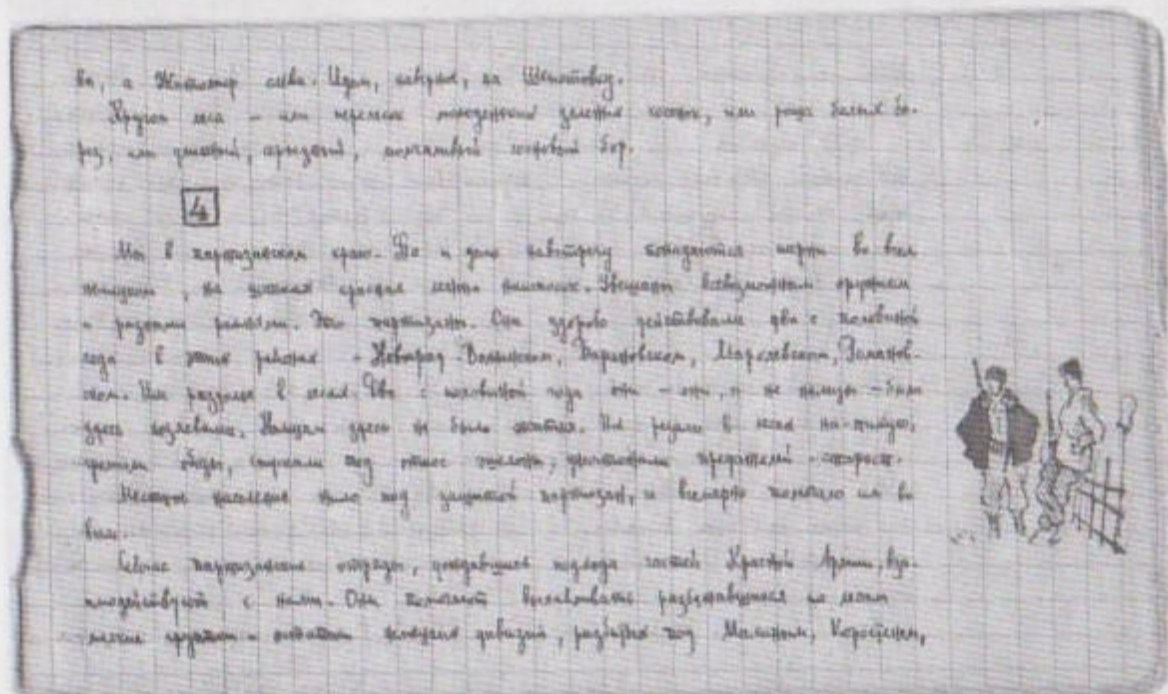
Повешенный партизан. 1943 г. Трофейная фотография

Б. Сурис. В госпитале. Автошарж.
Акварель. 1943 г.

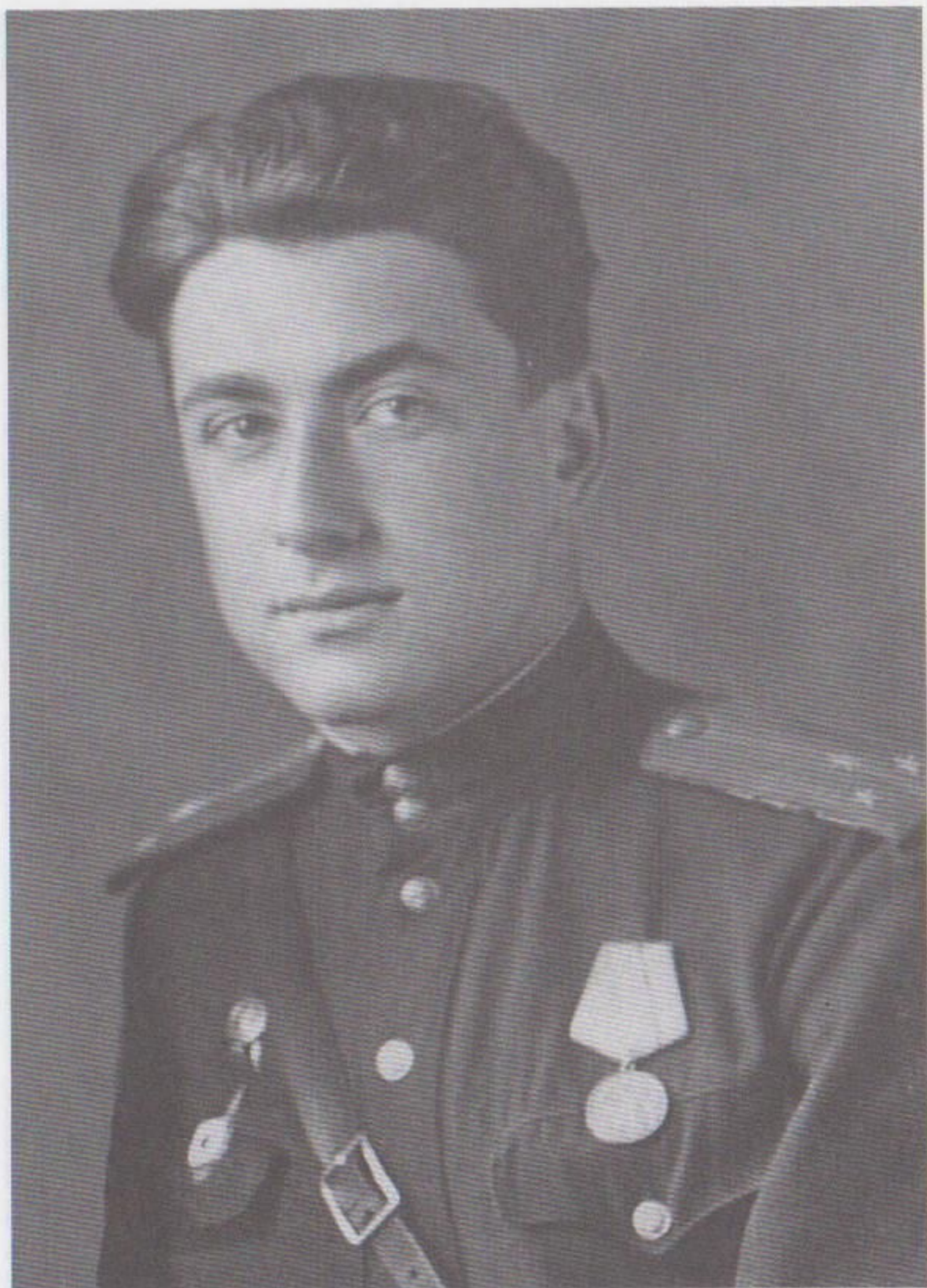
Б. Сурис. Автошарж. Акварель. 1943 г.

Листок из дневника. Январь 1944 г.

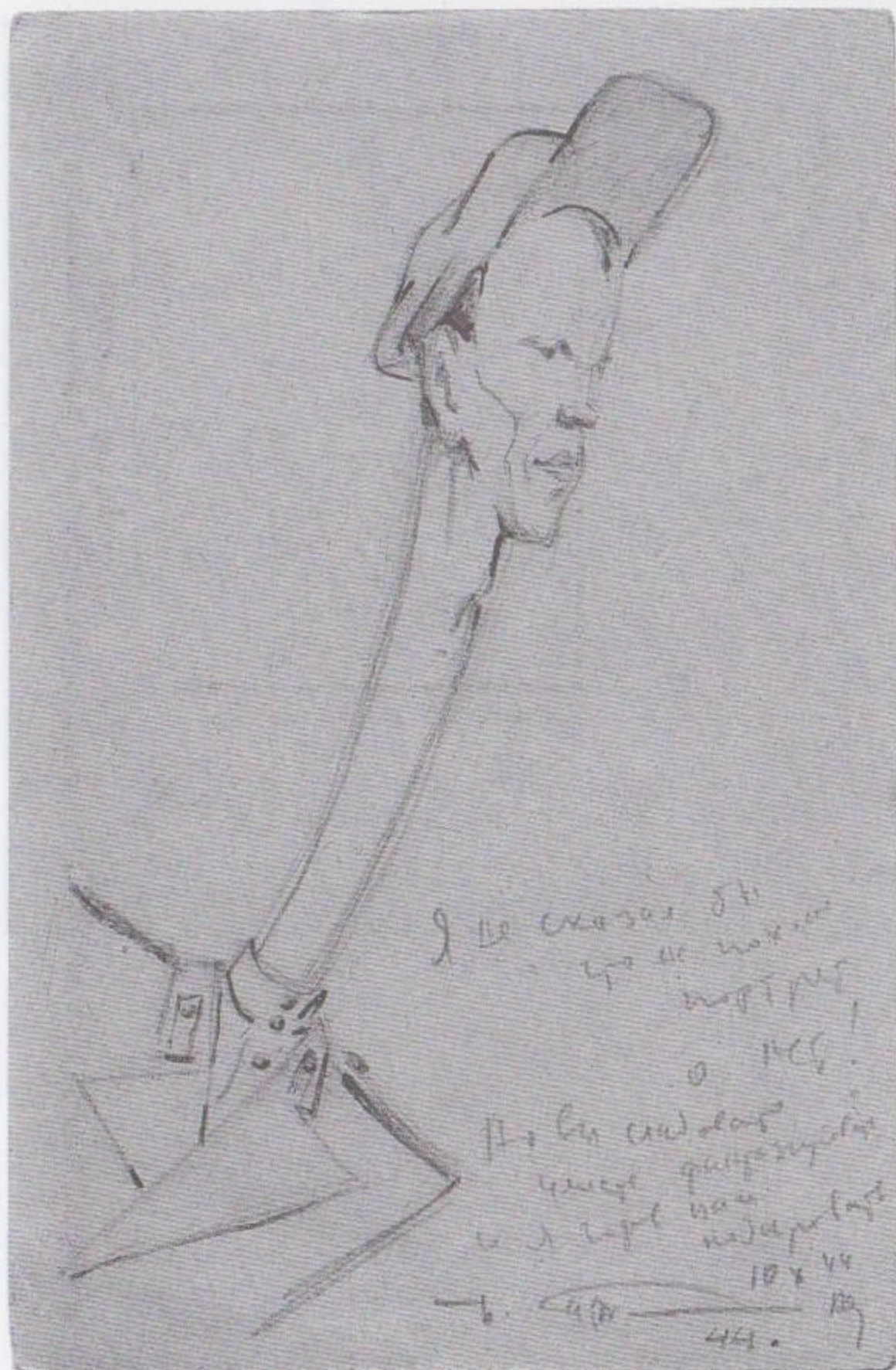

Марийка. Ужгород. Октябрь 1944 г.

Борис Сурис. 1944 г.

Надпись на обороте: *Моей любимой Нинушке. Боба. 30 мая 44 г.*

Б. Сурис. Шарж на Докучаева. 1944 г.

Слева надпись: Я не сказал бы, что не похож портрет. О нет! Но вы слабовато умеете фантазировать, и я готов вам позировать. 10.X.44.

[Подпись Докучаева]

Б. Сурис и капитан В. Киселевич. Польша. 1945 г.

Б. Сурис и капитан В. Киселевич. Февраль 1945 г.

Б. Сурис с однополчанами. Польша. 1945 г.

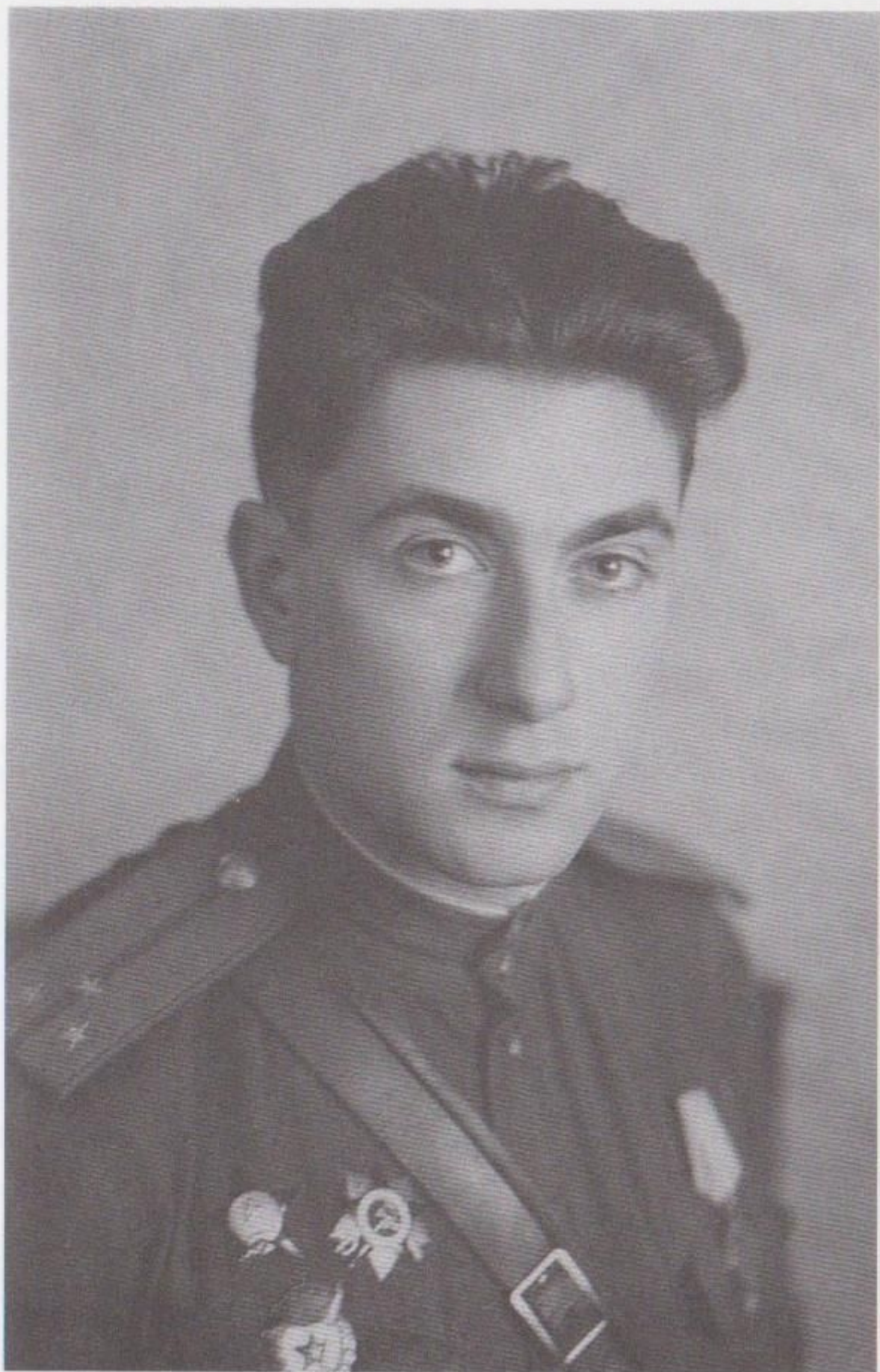

Б. Сурис. 1945 г.

Надпись на обороте: *Нечто мефистофельское, или Печальный Сурис, дух изгнания... Июнь 1945 г.*

Сланецкий замок. Рисунок из дневника. Декабрь 1944 г.

Борис Сурис, 1945 г.

Надпись на обороте: *Дорогой сестренке — брат Боб. Март 1945 г.*

Борис Сурис. 1945 г.

Надпись на обороте: *Моей девочке. 20 мая 1945 года (после войны!)*

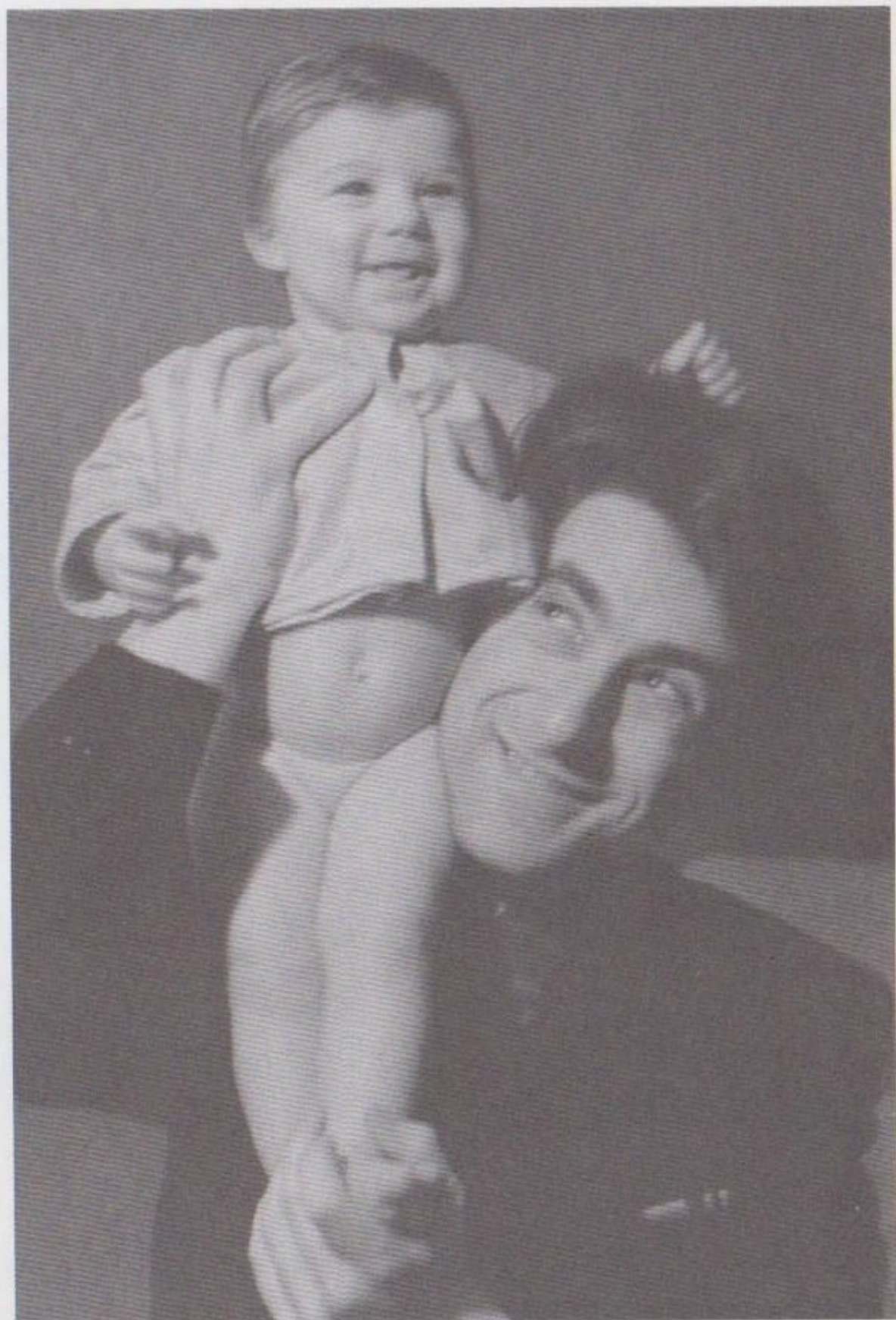

Борис Сурис и Нина. Октябрь 1945 г.

Набросок из дневника 1945 г.

Надпись на обороте: *На какую страницу в этой книжке придется день окончания войны?*

Б.Д. Сурис и дочь Татьяна. Ленинград. 1952 г.

Железная дорога, проходящая высоко по склонам горы, как ее там устроили, вдолбив в скалу? Она так далеко и высоко от нас, что следы крушения на ней кажутся отсюда игрушечными. Несколько вздыбившихся вагонов, несколько скелетов площадок и паровоза. Два вагона полетели с откоса вниз, пробороздив по снегу черный след, и сейчас так и валяются на скате горы, задрав кверху колеса. А два тяжелых чугунных колеса докатились до самого низа. Очевидно, это — работа словацких партизан?

На шоссе на перевале работают люди — мы их встречали и километров за десять от какого-либо населенного пункта. Они долбят заготовленные по обочинам грудки земли и щебня и посыпают ими обледенелое и скользкое полотно шоссе. Они в теплых куртках, в шапке с козырьком и наушниками, на шее теплый шарф. Словаки следят за своими дорогами.

Словацкие девушки в национальных костюмах: белая сорочка с пышными рукавами, которые выше локтя кончаются тесным манжетом, тесный расшитый корсет, штук десять юбок, каждая в тысяче складок, сапожки на высоком каблуке — ну, просто куклы! Страшно живописно. Сидят и целый день прядут — как в сказке.

Невероятные успехи на всех фронтах, Рокоссовский вышел к побережью Данцигской бухты и отрезал Восточную Пруссию. Конев вторгся в Силезию, вышел на Одер и форсировал его, обошел Катовицы. Жуков занял Быдгощ и вот-вот выйдет в центральную часть Германии — ему Висла не помеха. Немец спешно уходит из Словакии — мы уже подошли вплотную к Татрам. Хотя наша Шепетовская краснознаменная ордена Суворова дивизия и находится во фронтовом резерве, ее все же не забывают отмечать в приказах Верховного главнокомандующего, обращенных к 4-му Украинскому фронту.

В нашей дивизии сейчас осталось около двух с половиной тысяч людей, из них 147 активных. На днях должны дать пополнение — 78 автомашин пушечного мяса.

В следующий раз не забыть записать трактат о мародерстве.

Великий Симанович жил и творил в Нальчике. Жил с собственной женой и сотворил одну дочку.

— Когда я был на почте.

— Вы там служили ямщиком?

— Нет, это Лемешев там служил ямщиком...

— Симанович, если бы я не знал, что это вы поете, я все равно никогда бы не поверил, что это Карузо поет.

Симанович говорит, что в одесском трамвае висели три плаката:

«А билет за тебя брать — Пушкин будет?»

«Что, ты думаешь за свои 15 копеек всю жизнь кататься?»

«Высовываешься? Высовывайся, высовывайся, вот я тебе как высунусь!»

«Позор на влак»¹. «Позор на пса».

29-е

Старая Любовня.

Сегодня войска нашего фронта снова отмечены приказом Верховного главнокомандующего — взяты города Попрад и Кежмарок в Татрах. Но, право же, это не наша заслуга.

Дело в том, что перед нами противник давно и далеко ушел, поджатый с фланга войсками Конева. Единственное, что мешает сейчас нашему быстрому продвижению, — это дороги, вернее, их отсутствие, этих дорог. Те немногочисленные шоссе (здесь других дорог, кажется, и нет — только шоссейные), которые ведут через горы, не могут пропустить наш фронт — а во фронте не столько пехоты, сколько обозов и артиллерии (пехоты вообще в 4-м Украинском почти уже нет — вся перебита). Шоссе трудно проходимы: их крутые спуски и подъемы обледенели, мосты и переезды противник взорвал при отходе, а горные речушки, маленькие,

¹ «Внимание: собака» (словац.).

но злые, почти не имеют бродов и принципиально не хотят замерзать, к тому же — ледяной ветер и вьюга в горах.

Вот и наша дивизия сидит на месте, потому что впереди еще не прошла 2-я воздушно-десантная, а та не трогается с места, потому что ее не пропускает действующий впереди 107-й ск, а почему не продвигается 107-й ск — сам черт не поймет.

На дорогах 4-го Украинского фронта — тарарам. Пробка — скопление обозов, мосты взорваны, дороги нет... Воюют на самом деле только вырвавшиеся вперед небольшие передовые отряды.

К вопросу о мародерстве. Это очень острый и наболевший вопрос, причем так и не выяснено — что же это, собственно, такое.

Сначала у нас (в нашей дивизии) с легкой руки Каравана прозывали мародерами разных там ординарцев и прочих адъютантов. Тогда это не имело иного основания, кроме шутки. Но теперь, когда мы за границей?..

Это явление неизбежное. Солдат вырвался в чужую страну и хочет почувствовать себя победителем. Кто и как помешает ему зарезать курицу или унести гуся? В лучшем случае он заплатит за это нашими импровизированными корунами.

Если солдат вошел в дом — ясно, что он будет многого требовать от хозяев, и ясно, что они будут ему безропотно подчиняться.

Возьмем такой пример: ездовой везет боеприпасы на передовую, и у него сдохла лошадь. Что сказать ему, если он отберет лошадь у первого попавшегося гражданского и запряжет ее? Меньшим злом будет такая замена негодных лошадей на хороших, какую, например, на днях произвел Жестянников. Добровольно-принудительно, конечно, но что же делать, если надо ехать?

А потом какой-нибудь бедняк-газда говорит: «Було две кравы, одну герман забрал, а другу — ваши солдаты».

Или такой пример: на улице Кошице один разведчик остановил какого-то человека в мягкой шляпе, снял с него часы и кожаные перчатки. Тот бросился к проходившим: «Пане офицеры»... Ну, заставили отдать.

Еще пример: офицеры ночевали у богатого мельника в заброшенной деревушке. Он имел неосторожность оста-

вить их одних в комнате с платяным шкафом. Под утро они обчистили шкаф, заперли его на ключ, ключ забрали с собой и уехали — догоняй, газда!

Оправдание мародерства — введение посылок. Довольно грабили и выколачивали из нашей страны, теперь будем грабить и выколачивать мы¹.

Характерен случай, происшедший в нашей дивизии. Двух солдат посадили и собирались судить за то, что они наворовали целый ворох разного барахла у какой-то женщины. Вепринцев докладывал об этом члену Военного совета фронта генералу Мехлису и неожиданно услышал в ответ такую отповедь: «Ни черта вы не понимаете в нашей политике. А посылки для чего? Что же, по-вашему, солдат х... свой домой посылать будет, что ли? Освободить сейчас же». И освободили. И не судили. И все барахло сразу вернули — не хозяйке, а солдатам.

На армейском совещании начальник политотдела армии задал одному заместителю командира полка по политчасти вопрос о том, сколько его бойцами отправлено посылок. Тот назвал какую-то маленькую цифру. Начальник Поарма сказал так: «Хреновые из вас оккупанты!» (Эту историю мне рассказывали, и за полную достоверность ее я не ручаюсь.)

Вот такие-то дела. Так что же такое мародерство и как с ним бороться? Да и надо ли бороться?

Но все это чепуха, и что мне за дело до всего этого! Меня беспокоит иное.

¹ 26 декабря 1944 г. был опубликован Приказ народного комиссара обороны СССР об организации приема и доставки посылок от красноармейцев, сержантов, офицеров и генералов действующих фронтов в тыл страны (№ 0409, подписан генералом армии Булганиным). Этим приказом, а также постановлениями за № 7054 от 1.12.1944 и за № 7192 от 23.12.1944. Государственный Комитет Обороны разрешил «хорошо исполняющим службу красноармейцам, лицам сержантского и офицерского состава, а также генералам действующих фронтов отправку личных посылок на дом. Отправка посылок может производиться не более одного раза в месяц в размерах: для рядового и сержантского состава — 5 кг, для офицерского — 10 кг и для генералов — 16 кг... Прием воинских посылок от красноармейцев и сержантского состава производить бесплатно. От офицерского состава и генералов взимать за пересылку посылок по 2 рубля за кг...»

Я люблю одну девушку. Я здесь, а девушка эта далеко в Москве. Девушке этой двадцать один год. Сколько она может ждать, сколько она может терпеть? Ведь теоретические рассуждения о верности, добрая воля и заученные из книг правила добродетели — это одно, а жизнь, природа, физиология, наконец, — совсем другое. И могу ли я негодовать, если в какой-нибудь несчастный момент она поддастся какому-нибудь несчастному мимолетному увлечению? Я чувствую, что не смогу и не буду. А она этого не поймет, она после этого сразу погибнет для меня — из-за себя, а не из-за меня...

Поистине, потерянное поколение.

На дворе выюга, мороз, снег, а я в теплой комнате залезу сейчас под перину и буду получать два удовольствия сразу — кушать свежее яблоко и читать «Граф Монте-Кристо». Сказочное блаженство!

Сегодня письмо от Нинушки и открытка от Ноли. Теперь будет в письмах большой перерыв. И от нас не идут.

(Начальник оперативного отдела подполковник Старков. Его рассказ о том, как пьяный начальник отделения кадров свалился в колодец и стрелял оттуда, чтобы дать о себе знать. Его фамилия была Парвос, но все называли его Паровоз.)

30-е

Сромовце-Выжне (Польша).

На этот раз Чехословакия окончилась. Перейдя еще одну (которую уже это?) границу, мы очутились в Польше, в Краковском воеводстве.

Глазастая полячка и ее муж-скрипач — беженцы из Варшавы. Она в своей косынке похожа на Мадонну, все волнуется, как бы попасть домой. Они рассказывают, что Варшава вся сожжена прошлой весной.

«Дивись, Остапе, пан офицер на карту дивиться — зараз дорогу питати буде».

«Ну, ребята, ахвицер карту вынул — чичас блукать зачнем».

«Бабушка, ты не видела, проходил здесь третий батальон?»

31-е

Шафляры (7 км от г. Новы-Тарг).

В кузове оперативной полуторки набито битком, невероятно тесно, но зато тепло. По лицам, полушубкам, портупьям и перепутавшимся ногам пробегают отблески яркого света встречных машин. Все дремлют сидя, в самых головокрумных позах.

Мне очень нравится здешний костел, огромный для этой деревни, из массивного камня, колокольня его украшена какими-то затейливыми башенками, флюгерами, звонницами, над готическим входом большая цветного стекла роза (так, кажется, это называется)¹. Сегодня ранним утром, пока я бегал по селу, он на моих глазах несколько раз неузнаваемо менялся. То, освещенный луной, он высился на фоне быстро бегущих по черному небу зеленоватых пухлых туч. Потом его покрыла тьма — мрачная башня стала олицетворением Средневековья, и за ней поднималась холодная и бледная заря. Потом в морозном тумане костел и окружающие его, покрытые инеем деревья представляли собой великолепный мотив для серебристого этюда какого-нибудь импрессиониста.

Я несколько раз обошел его кругом, все восхищаясь — второпях. Был чертовский мороз.

Черняховский ведет бой у самых стен Кенигсберга. Жуков вышел на Одер против Познани — в ста километрах от Берлина.

На месте Гитлера я бы сейчас начал применять газы. Так или иначе, это уже начало конца.

¹ Костел в Шафлярах — памятник архитектуры XIV в., он существует с 1350 г., когда тут было основано цистерцианское аббатство с благословения короля Сизигмунда Старого. На протяжении веков аббатство было духовно-религиозным центром окрестностей, включая Новы-Тарг. В конце XVIII в. костел был сильно разрушен пожаром. Восстановлен к 1823 г. Колокол «Маурициус» был подарен костелу в 1903 г. Краковским епископом Каролом Войтылой (позже папа Иоанн-Павел II) костелу были пожертвованы еще два колокола и им же освящены 31.11.1964.

1-е

Шафляры.

Сегодня был великолепный день.

С утра мы с Николаевым сели в саночки и, укутав ноги одеялами, отправились путешествовать. Сначала заехали в Чарны-Дунаец, маленький городишко, где расположился штаб 107-го ск. Там в разведоделе я нашел Фрейлина и поболтал с ним немного обо всех делах нашей дивизии, обо всех старых друзьях и знакомых.

Потом мы поехали на юг, в Закопане. Для полного счастья нам не хватало только бубенцов. Ели, ели, ели, еловые леса проносились по обе стороны дороги, а впереди за каждым поворотом открывались все новые виды на изумительно красивые вершины Высоких Татр. Горы все приближались к нам, и через двадцать два километра, у самой их подошвы, нас встретил городок Закопане. Это — места курортов и туристов. Санатории на скатах гор, у самого леса, причудливые посадки для слалома, чудесные деревянные шале с острыми крышами, выступающими балконами, полукруглыми большими окнами. Мы тоже — два катающихся бездельника — чувствовали себя туристами, попавшими в Солнечную Долину.

Закопане меня восхитил. Настоящая Солнечная Долина! По улицам идут прекрасно одетые интересные люди, все — до единой — девушки чертовски хорошенькие, с ясными и свежими лицами, маленькие ребятишки копошатся в снегу, проходят гуралы — горцы в странных широкополых шляпах и смешных расшитых штанах. Масса лыжников всех полов и возрастов, в самых что ни на есть настоящих лыжных костюмах, прямо как будто только что соскочили с картинки заграничного журнала. И — слава богу! — ни одного солдата.

Мы пронеслись по улице и решили ехать домой — очень уж неудобно было бы расположиться здесь с нашим задрипанным видом.

Два мальчишки на лыжах прицепились к нашим саночкам, надев на ходу ремешки своих палок на концы полозьев, и очень ловко мчались таким манером на буксире.

Один прохожий в мягкой потрепанной шляпе попросил попутно подвезти его. Он оказался артистом Лапуш-ком, когда-то напевал и насвистывал известные во всей Польше патефонные пластинки. Сейчас он идет в Краков — пешком, как он есть — без малейшего чемоданчика, с тремястами злотыми в кармане, в Кракове он надеется найти семью. Все это он успел рассказать за три секунды, сидя на козлах, рядом с Опанасюком, а потом стал нам петь и удивительно интересно высвистывать бравурные и звонкие мелодии. Наши мальчишки узнали его и тоже принялись подпевать и вторить ему. Быстрый бег лошадей, спуски лыжников с гор на дорогу, веселые мелодии в морозном и солнечном воздухе, блеск снега, польские — красные с белым флаги на домах, обгоняющие нас и встречные санки с хохочущими женщинами — я чувствовал себя участником какого-то неведомого кинофильма. Даже сейчас не совсем верится, что было так хорошо!

— После войны, — сказал я Николаеву, — беру Нинушку и переезжаю сюда жить. Насовсем.

Всего за сегодняшний день мы проделали километров 80, а то и все 90.

...А когда мы зашли отдохнуть в дом одного горца и наш Лапушек достал из внутреннего кармана губную гармонику и заиграл на ней, ему начал подпевать чижик, висевший в клетке под потолком.

— Препрошу пана, — сказал старик хозяин, — при немцах птица никогда не пела — а вот теперь поет. Уже третий день поет!

3-е

Уезжаем отсюда — куда, пока неизвестно. Прощай, Солнечная Долина.

До чего она была хороша! Не успел я съездить в горы к горным озерам. Не видел подвесной дороги, которая здесь, оказывается, есть, и работала до последних почти дней. Не видел вблизи замечательных снежных вершин, на одной из которых водружен крест. Не успел познакомиться ни с одной из «туземок», которые так привлекательны, что,

любуюсь ими, забываешь даже, как они все продажны. Не успел сходить в концерт в Татра-театре.

Единственное, что я успел, — это сфотографировался. И на том спасибо! Будет хоть фото, чтобы послать Нинушке.

<...>

11-е

Коморовице (близ Бельско).

— Я ей говорю «зовсим погано», а ей чудится «Зося кохана».

Бои за город Бельско.

Страшное, ожесточенное сопротивление немцев. В этом городе — центре шерстяной и суконной и текстильной промышленности — более 75% немцев, вернее — Volksdeutsche¹. В городе царит неразбериха: выстрелы из-за угла, автоматные очереди с крыш, тайные отравления, влетающие в окна гранаты, кипяток, льющийся с верхних этажей... Город медленно очищают войска Москаленко. Очищать город приходится и от немецких автоматчиков, и от местных жителей. Разве поймешь, кто стреляет — то ли немецкий солдат фольксштурма, то ли какая-нибудь старуха, вроде той, о которой рассказывают, что она взяла автомат и стреляла, прикрывая отход целой роты, пока ее не убили наши бойцы?..

В городе идет грабеж. Грабят заводы, склады, частные квартиры. И посреди трещащих на улицах выстрелов и очередей в город въезжают на автомашинах бесстрашные мародеры в поисках наживы, грузят их вином, мануфактурой, костюмами, чемоданами... Все ходят пьяные. Не война, а сплошное убийство.

Немцы ожесточаются с каждым днем. Я не могу себе представить, как же они дерутся на своей земле?..

На дороге из Суха в Вадовице на протяжении многих километров стоят израненные деревья. Их голые ветки иссечены и поломаны, перебиты пулями и осколками, кора

¹ Лица немецкой национальности, проживающие за пределами рейха.

на стволах вырвана с ключьями, отрубленные сучья, как исковерканные судорогами конечности, валяются на земле. Видно, здесь был сильный бой.

Андрихув. Здесь недалеко от Освенцима¹, и жители рассказывают страшные вещи про этот лагерь.

То, что писалось в наших газетах про Освенцим, не составляет и половины того, что рассказали мне поляки. Я не могу никак понять — как могли делать такие вещи люди и что это за люди. Никогда больная и страшная фантазия какого-нибудь сумасшедшего писателя не придумывала такое. Мне рассказывали о проволочном ограждении (на каждом колу — череп и кости), которым было обнесено пространство вокруг лагеря на 20 километров. За эту проволоку никто не смел вступить, и поезда объезжали лагерь стороной, для чего были проложены специальные ветки, но и на эти двадцать километров доносился смрад от печей, в которых сжигали людей. Людей сначала раздевали, голыми убивали, потом сжигали — всех. Пепел из этих печей вагонами вывозился в Германию — для технических нужд, из костей получалось удобрение. Из людей делали даже мыло — так и говорят: «мыло из евреев»... Это было широко развернутое, основательно поставленное и технически оснащенное предприятие.

22-е

Фрейлихув.

Подполковник Бережной говорит, что у него «болят зубья».

«...Приходит приказ — наступать, а я лежу в дым пьяный. Батальон мой адъютант старший повел, а меня четвере солдата несли на плащ-палатке».

На наш КП ночью залетают пули и противно свистят. Ничего в этом нет особенного — ведь пуля тяжелая из пулемета летит на пять километров, а тут по прямой до переднего края не больше двух с половиной. Вчера вечером

¹ От Андрихува до Освенцима менее 30 километров.

Жестянников шел от нас к себе домой, как раз во время контратаки, и пули то и дело долетали из моря огня, бушевавшего на передовой. Он решил — ну его к черту, — сошел с дороги и пошел по-над кюветом. Вдруг видит — за деревом сидит человек, прячется. А это наш начфин — очень, говорит, стреляют, идти невозможно.

В Пщине на вокзале нашли большие библиотеки, которые немцы вывозили из России, да так и не успели увезти, побросали. На аккуратных ящиках надпись «Рига-Ратибор», на каждой книге — кругленькая печать Розенберга. В этих ящиках были огромные ценности. Наши славяне, конечно, когда нашли, взломали ящики, выворотили из них все, истоптали, изорвали.

Близ Пщины какой-то богатый немец-фабрикант решил разводить рыб. У самой дороги расположено несколько цементных десятиметровых бассейнов. Картина: вокруг бассейна толпятся наши солдаты с мешками, ведрами, сетками — глушат гранатами рыбу. Бабахнут — и лезут в воду, давят друг друга, махаются — вытаскивает счастливец форель или другую какую рыбину.

Политотдел армии нашел в Пщине замечательный старинный замок с массой ценностей. Ну, людей у них своих нет, чтобы поставить охрану, так заколотили вход огромными гвоздями. Наутро смотрят: гвозди отодраны, все вверх дном. Разбитая фарфоровая китайская огромная ваза на паркетном полу...

Приходят две девушки — польки, плачут. «Пришли вчера два таких вот, только с тремя звездочками, изнасиловали. Мы говорим — мы польки, не немки... Все равно».

Старик поляк три года просидел в немецких концлагерях, из последнего — в Восточной Пруссии — его освободила Красная армия в прошлом году. Он показывает страшные рубцы на спине, ногах, руках — следы избиений резиновыми палками. Вчера в пять часов утра в хату вошли наши «жолнежи», открыли все шкафы и комоды, сняли сапоги и ушли.

Сержант из армейской группы разведки говорит: «Вот отправил домой в посылке восемь часов, сейчас опять собираю — уже двое есть».

Другой говорит: «Отправлю домой, если и украдут, то все равно в России, все равно страна богаче будет».

С этими послылками началось нечто ужасное — повальный грабеж. До Бельско еще не так было, а сейчас вошли во вкус и отбирают что угодно и у кого угодно.

Борисенко говорит: наша армия начинает разлагаться. Он прав. Пока не поздно, надо одуматься. Пока не поздно, надо принимать радикальные меры.

И главное — кого грабят! Это самые нищие, самые несчастные края. Вся Польша такова — голая, избитая, голодная...

Начало рассказа: «Когда он умирал, сумерки еще не начались».

То ли я сам себя настраиваю так, то ли это дело рук старухи-судьбы, которая только кажется слепой, а на самом деле прекрасно знает, что делает, — но я с каждым днем все больше люблю Нинушку. Я ее не просто люблю — я влюбляюсь в нее. Это какое-то помешательство.

Патефон играл печальное танго, а я валялся с сапогами на кровати и, уставясь на свечу, предавался горьким размышлениям о своей горестной доле. Всю жизнь искал каких-то гриновских идеалов, чего-то неуловимого и — прозевал. Увидел уже на расстоянии тысяч километров — но это опять недостижимо, на этот раз физически. Когда я смогу прийти к ней? Я хотел бы, чтобы она стала опять такой маленькой, чуть растрепанной, чуть грустной и очень своенравной девочкой, как тогда, когда я не понимал всей ее ничем не затронутой прелести, — а не такой взрослой, почти незнакомой красивой кокетливой девушкой, какая смотрит на меня с последнего ее фото. Я тогда был бы спокойнее. А сейчас что мне остается? Верить ей, надеяться, любить и мучиться от собственного бессилия и неизвестности.

Ассоль...

Гаррик был убит еще в прошлом году, 4 августа. Такого, как он, больше нет и не будет. Как можно выразить свое горе? Я не знаю таких слов... Можно только вспоминать, как он играл мне свой вальс, как мы с ним две ночи подряд спорили о судьбах человечества и об устройстве вселенной — это и было началом нашей дружбы, как он катал

Бубку на велосипеде, как мы расстались пустым, сухим и жарким днем июля 41-го года, — и при всем этом думать: этого друга больше нет, он мне никогда больше ничего не скажет и не напишет, — этого друга убили немцы.

А где-то в Одессе плачет Вера Фролова — или, может быть, ее глаза не знают больше слез. Что я ей теперь напишу? Где-то мать Гаррика, спасшая от страшной болезни — менингита — десятки детей, думает о том, что она не в состоянии была даже присутствовать при последних минутах собственного сына... Где-то ходит из угла в угол кабинета его отец, давно расставшийся с матерью, — они не скажут друг другу и слова утешения... Прямо на лекции, не сдержавшись, навзрыд плачет Нинушка — он ее тоже любил...

22-е

Фрейлихув.

Сегодня обнаружил тяжелую потерю — нет планшетки с многими ценными вещами, пропали рисунки к воображаемой сказке, которые я делал в прошлом году на Миусе и в госпитале, письма Гаррика и Нинушки, наброски, стихи, посвященные Аркашке... Особенно жаль этих забавных картинок к «Морской Стрекозе».

28-е

Ну и Польша! Что за страна! Непролазная грязь на дорогах, грязь и бедность в тесных разбросанных домишках. Бедность, граничащая с нищетой и голодом, везде — и в деревнях, и в мелких частых городишках. Неужели до этого довели немцы?

А разврат? Каждой полячкой можно овладеть или к вечеру того же дня, или на следующий, — это правило без исключений. В том доме, где мы сейчас стоим, живут две пятнадцати-шестнадцатилетние девчонки, которых наши солдаты используют на все сто процентов — по два или три — в ночь. Я сначала никак не мог поверить этому, но оказывается, правда. Какая гадость! Они жалки и противны, эти худые неразвитые девчонки с блядскими улыбочками.

Праздник 23-го прошел, как и все военные праздники, скучно и пьяно. Явились два генерала со своим ППЖ'ами

и много разных более мелких чинов. Кое-кто танцевал. Мне начальник штаба сделал замечание, что я не танцую, и мне действительно было немного стыдно и завидно. Зато напился.

Дьячков никак не может осилить фамилию начальника штаба полковника Волкенштейна и называет его просто Фокке-Вульф.

Под вечер на северную окраину Мниха вышла самоходка и принялась тренироваться в стрельбе по трубе сахарного завода в Хыбе. Стрелял, подлец, неплохо, метко. Снаряды пробивали трубу насквозь, делали в ней дыры, но разрушить не могли — болванки. Тогда стукнул фугасным, сбил верхушку и, удовлетворенный, уполз. Чертов немец.

Сегодня перебежали два солдата 1083-го полка 544-й пехотной дивизии. Они по национальности чехи, три месяца назад были призваны немцами, дезертировали, отсидели в тюрьме в Моравска-Остраве и теперь направлены на фронт. Беднягам никак не давали сдаться — когда они стали переходить, по ним принялись стрелять и наши, и немцы, гоняли, как зайцев. Еле перешли. Из них такие немцы, как из моего... Еле-еле кое-что высосал из них, и то по-украински, а не по-немецки. Франц Пшежолка и Ян Небода.

Приходил после праздника Жестянников. А он забавный, оказывается, в выпимшем виде — болтает без умолку. Сейчас он занимается тем, что достал какие-то ружейные мортирки, набивает их листовками и стреляет в немцев.

В 121-й дивизии, когда их на этих днях окружили за Вислой, был такой случай. Выбирались там, вообще говоря, поодиночке, кто как может. Три немца поймали трех наших солдат, разоружили их, просидели с ними целый день в блиндаже, переночевали, а на следующий день все вместе явились к нам — три здоровенных вооруженных немца и три красноармейца без оружия.

Киселевич уезжает в Москву, а на его место приехал гвардии капитан Ивлев. Он только что из Москвы, все пу-

говички золотые, все погончики золотые, все сапоги начищены. Он, между прочим, бывший адъютант нашего генерала.

Рассказ Киселевича, как он брал в Карпатах гору Пианула, когда еще был комбатом.

— Гора эта, если помните, выгнута таким вот огурцом, а на самом верху такой круглый пупок. И на этом пупке у мадьяр раньше был НП, а тут они высунули в амбразуры два пулемета, засели там человек двенадцать с одним младшим лейтенантом и режут, ну просто подняться не дают — ДЗОТ. Только — rrrrr, rrrrr, представляешь, два пулемета в упор, да еще из винтовок прикрывают. Так и режет, так и режет. Мин, правда, еще не было, но проволоки уже успели нагородить вокруг этого блиндажа, ДЗОТа, что ли. Ну не подойти никак. Гляжу — залег мой батальон, — тут семерка лежит, левее восьмерка, дальше автоматный взвод. Я прошел к автоматчикам, Скворцов со мной, смотрю — что же делать. А там так, глубокая лощина идет, с ручьем, за одну высотку погибает — на ней мадьяр не было — и дальше за Пианулу пошла. Я говорю Скворцову: «Быстро бери своих шесть человек и обходи Пианулу слева» — потому что вижу ведь, тут в лоб ничего не выйдет. И только пошел этот мой Скворцов, вдруг слышу: «Уррраа! Ура, мать твою!! Урааа!!» Оказывается, там один старший сержант и с ним еще четыре — пока седьмая рота вела перестрелку, они подлезли под проволоку, мадьяры их и не заметили, а потом — ура, рывок, гранаты туда раз-раз, и — гляжу — старший сержант этот стоит на ДЗОТе, ругается, а мадьяры — руки вверх — и выходят, трясутся. Вот черти — бросились с «ура» смело, и порядок. Взяли всех этих солдат, офицера ихнего, пулемета два, ну там торбы эти ихние — трофеи.

А был у меня Пимененко, такой командир роты шухерной. Он подходит, спрашивает, кто офицер. Маленький такой, замухрышка этот младший лейтенант, никогда бы не подумал. Пимененко на него: «Ах ты, мать...» — и рраз его, потом верхом сел и давай ручкой пистолета... Солдаты стоят, трясутся, я им говорю: «Вам — нет, вам — ничего». Накормили их, потом они у нас эти же пулеметы таскали. Нагрузили на них пулеметы, по три коробки лент, и тащут. Потом еще ленты набивали».

1-е

<...>

Какой-то дурак сказал:

— Лучше один раз быть трусом, чем всю жизнь трупом.

6-е

«Работа — это печальная необходимость, как сказал один начфин — меньше проработаешь — больше проживешь». Это высказывание Юрки Шелковина.

8-е

Штудциниц.

— Предвидится, товарищи, грандиозное наступление. Насколько известно мне, удар будет наносить 1-я ГВА своим правым крылом и наша 38-я — левым крылом. Сталин приказал Петрову на третий день взять Моравска-Оставу, но, по моим соображениям, это операция не частная, армейская, а фронтовая, или даже двух-трех фронтов (наш фронт, Малиновский, Конев) и рассчитана на овладение Веной. Будущее покажет, прав ли я в своих предположениях.

<...>

Мы все предвидим нечто потрясающее.

Нинушка не пишет. А сейчас должны были бы приходить письма, написанные ею в каникулы, — если только не получается так, что у нее все каникулы заполнены развлечениями и на письма мне не остается места и времени.

Я иногда подумываю: прав ли я, связывая со своей темной и туманной солдатской судьбой судьбу девушки, которой только что исполнился двадцать один год, которая скоро окончит институт и будет врачом, самостоятельным человеком и которая имеет все права на немедленное счастье, за которой, наверное, ухаживает кто-нибудь, и не один — вполне достойный? Ведь неизвестно, когда я смогу к ней вернуться, да и откровенно говоря — вряд ли это когда-нибудь будет. А иногда мне кажется, что и без того она не очень считает себя со мною связанной и поступает,

не много внимания обращая на все эти бредни слишком далеко забравшегося друга, и что все и так само собой без меня решится и образуется. Если она так делает — то правильно делает. Добрая воля — это, конечно, хорошо, но жизнь берет свое.

А для меня, наверное, самое лучшее — это выкинуть из сердца несбыточное, забыть мечты, придушить боль и превратиться в исправного, ничего не думающего и ни о чем не сожалеющего солдата. Все равно жизнь разбита, как зеркало, на которое наступили каблуком, и все лопнуло. Потерянное поколение...

Но, боже мой, как я ее люблю! Самопожертвование для ее счастья? Тяжелая штука и трудная проблема, но она решится и без меня, я слишком мало могу в этом случае предпринять. Все идет по течению мутной и извилистой реки.

Но как я ее люблю... Что, это поможет? Эта любовь — только для того, чтобы мучить самого себя. Подчас приходит в голову мысль — лучше бы смерть, чем никакой надежды на счастье.

10-е

Штудциниц.

Сегодня утром мы проспали артподготовку. Она началась в 8 часов, и даже здесь, на отдалении 20 километров, звенели и тряслись стекла. Сейчас уже якобы подошли к Цешину — сегодня вечером возьмут. В прорыв уже пошли танки.

12-е

Там же.

Все это оказалось неправдой. Я так пока и не знаю — было ли это действительно наступление или только усиленная разведка боем, — но достигнутые результаты ничтожны. Продвинуться удалось всего на 3—4 километра. По сравнению с имевшимися в наличии средствами это — чепуха. Не понимаю — если это разведка боем, то почему не наступают, почему не вводят главных сил, не развивают успех? Если же это уже наступление — то в чем причина ужасного провала? В чем причина того, что с таким количеством артиллерии, танков, боеприпасов, свежих пехот-

ных частей мы не прорвали оборону трепанных немецких дивизий, растянутых одним батальоном на 1,5—2 километра? И почему сразу все заглохло?

Впрочем, одна из причин неудачи — это то, что мы опять раскрыли свои планы. О дне наступления знал каждый солдат, каждый ездовой, и, следовательно, каждый шпион. А их здесь, слава богу, хватает. Недаром пленные немцы показывают, в 24.00 9.3.45 они имели приказ отойти во вторую линию траншей, оставив в первой линии по 10 солдат от роты. Тонны металла нашей артподготовки пришлось по пустому месту.

Ни хрена не умеет воевать 4-й Украинский!

А тем временем Рокоссовский прорвал немецкий фронт в Померании, отрезал крупную группировку противника, прижал ее к Балтийскому морю и, уничтожая, подошел к Данцигу с запада и юга.

В районе озера Балатон немцы атакуют, вводя в бой крупные силы танков. Не пойму, чего они хотят добиться, прорываясь от Секешфехервара к Дунаю? Выводить свои войска с Балкан? В этом районе только за<не закончено>.

Увлекаюсь «Двумя Дианами» Дюма. Это вроде душевного санатория — читать сейчас такие книги.

Старый бродяга — часовщик из Бельско. Он, эмигрировав из России, объездил весь свет, исколесил всю Европу, Северную и Южную Америку, переплыл сто морей, видал все созвездия мира и слышал все языки и наречия.

Бороздна отыскал его в Бельско и взял к себе переводчиком.

Старый бродяга сегодня гадал мне на картах. Чего он только не нагадал! И недолгую дорогу, сопряженную с опасностями в недалеком будущем, и то, что я в конце концов вернусь домой, но буду все же в военном, и то, что близкий человек мой вроде как бы в плену (угадал, черт!), и то, что завтра получу письмо, и, после близкой сейчас трэфовой брюнетки, «сердце мое успокоится далекой темно-русой червонной дамой». Этакий гороскоп Нострадамуса.

Из лесу, где проводили занятия разведчики и стояла отчаянная пальба, выскочил заяц, перемахнул огороды и стремглав промчался по нашей улице.

Разведчики 59-го полка пришли с занятий и сели обедать. Около хаты стояли повозки саперов, нагруженные толлом и минами. Командир саперного взвода стал готовиться к занятиям и — дурень — залез на повозку и принялся возиться с капсюлем-детонатором...

Все взорвалось. От команды взвода не нашли и лоскутка. Разведчиков — всех, буквально до одного — тяжело ранило, хату разнесло и разметало.

...Ни войны, ни стрельбы, а люди погибли. Разве узнаешь, где тебя достанет?..

Когда привезли разведчиков в санбат, они там подняли страшный тарарам. 15 разведчиков перевернули весь санбат вверх дном. Разогнали всех сестер и санитарок, страшными словами ругали и кляли во всем виноватых саперов, чуть не открыли стрельбу.

«Вот это так разведчики!»

15-е

Там же.

У него есть все, вплоть до специального прибора для чистки пуговиц. Пуговицы пропускаются через круглое отверстие в узкую прорезь и надраиваются до необходимой степени блеска специальной щеточкой.

Зачем я не поэт хоть немножко? Я смог бы все то неясное, что меня мучит, высказать и оформить в коротких и ясных образах. Я смог бы излить свою непрекращающуюся тоску, я смог бы написать что-нибудь в память Гаррика...

Изгнание — самое тяжелое из наказаний. Я, изгнанник, теперь знаю это. Вероятно, это же чувствуют еще тысячи людей, но не могут выразить. Я мог бы выразить — но тоже не могу.

Польский городок Пщина. В него ведут широкие асфальтные шоссе, на перекрестках которых стоят десятки синих указателей: «Краков — 67, Освенцим — 24, Бельско — 17». Регулировщики с озябшими синими носами машут

флажками. Около них на чемоданах сидят худые женщины в мужских брюках. Куда они думают ехать и зачем?

Мы с майором влетели в город на рысях. Городок такой же, как Кенты, Андрихув и другие польские городишки. Вся Польша, кажется, такова. Узкие улицы, двухэтажные закопченные здания, разбитые витрины. Под всеми домами стоят автомашины, посреди улицы стоят автомашины, грозно гудя, проезжают — опять-таки автомашины. Эти ЗИСы, «студебеккеры» и «доджи» господствуют в городе. Верховому никак не проехать — того и гляди задавят. По тротуарам ходят военные и люди в гражданском с белокрасными повязками на рукавах и трофейными винтовками на ремнях. Это милиция.

В том же доме, где комендатура, только на втором этаже, куда ведет деревянная лестница с резными перилами, живет фотограф. Мы постучались в дверь, выходящую на полутемную и заваленную поломанной мебелью и разным хламом площадку, затем вошли.

В углу светлой и бедной комнаты сидела женщина и кормила ребенка желтой грудью. Пан фотограф установил аппарат на штативе, покрыл его черной материей, неизменной для всех времен и народов, и пошел заряжать кассеты. У стола возились с какими-то книжками дети — мальчишка, очень похожий на отца, и девочка, не похожая ни на отца, ни на мать. Они, казалось, были очень углублены в это занятие. На мальчишке были отцовские ботинки.

Фотограф усадил нас на диван, зажег электричество для подсвечивания, снял один раз, другой, потом снова пошел заряжать.

Мать уложила ребенка на кровать, застегнулась и встала. Она была бледна, с миловидным, но измученным лицом, и как будто после болезни, каждый шаг причинял ей, казалось, боль. Наверное, это после родов.

Мы с майором сфотографировались еще по разу и стали одеваться. Хозяйка с усилием нагнулась около дивана и стала подбирать разбросанные детишками вещи. Ей было очень трудно проделать это.

На наш вопрос о плате фотограф сказал, что это после, когда будет готово, и прибавил, что за злоты — он не знает, <неразб.> зараз вообще ни к чему, жить так тяжело.

— Ниц не можно купить, склепов нима, магазинов нима, тераз не треба злотых, бо не можна достать, цо кушать.

Все сводилось к тому, что он бы лучше взял какие-нибудь продукты.

— Якбы паны принесли рыбну конзерву, то було б бардзо добре, бо так тяжко, — ниц нема кушать, — сказала хозяйка.

Я понял, как тяжела сейчас жизнь в этих городках, трижды ограбленных немцами и один раз — после этого — русскими. Здесь — голод. Этому не поможешь. Страна высосана до предела. Им даже не нужны деньги, что они будут с ними делать? Все равно ничего не купишь¹.

16-е

Наконец! Письмо от Нинушки. Сегодня только пришло от 20.2 — а сколько пропало по дороге?

<...>

Свинства немецких оккупантов.

18-е

Полесье.

Мы переехали в Полесье — самую грязную из всех деревень с таким названием.

После неудачи с наступления 10 марта решили нанести удар в другом месте — на городок Зорау, сильно укрепленный немцами, превращенный в узел сопротивления на развилке нескольких дорог и обороняемый подразделениями 68-й пд. Сюда перебросили всю массу артиллерии со старого участка прорыва, подвели прибывший из Норвегии и еще не вводившийся в бой 126-й горнострелковый корпус и наш корпус. Нашему дали обильное пополнение — по полторы тысячи на дивизию. Подошли танки.

Но я все же боюсь, что опять ничего не выйдет. Впервые, такой узелок, как Зорау, нельзя брать в лоб, надо наносить главный удар правее — где-то между Зорау и Рыбником. И — второе и самое главное — это вопиющее,

¹ Описанный случай послужил сюжетом для рассказа «Гора с горой...».

преступное пренебрежение к элементарным правилам маскировки и сокрытия своих замыслов. День и ночь тянутся по дорогам войска и обозы, сосредотачивается масса артиллерии, целая танковая бригада, незамаскированная, три дня без движения стоит на шоссе около леса, целые эскадроны — рекогносцировочные группы — разъезжают по переднему краю, штабы всех степеней придвинулись черт знает как близко к передовой, усилена разведка, с неба не сходят авиаразведчики... Что ж они, считают немца дураком, что ли? Он далеко не дурак, он — чует мое сердце — опять нас обманет. Жаль только той крови, которая понапрасну прольется из-за бездарности некоторых больших начальников.

Или вот еще эпизод: на нашем старом участке, под Хыбе, задержаны два агента, которые показали, что переброшены со специальной задачей — выяснить, куда пропали с этого участка 391-я и 2-я дивизии. Значит, немцы прозевали нашу перегруппировку и озадачены и обеспокоены исчезновением наших двух дивизий. Что же делают наши умники? Идут навстречу бедным немцам — приказывают нам брать языка, в то время как мы еще не вышли даже в первую линию. Большой глупости я не могу себе представить.

Если только... Если только это все не искусная инсценировка и дезинформация с тем, чтобы снова за один-два дня все перегруппировать, переделать и — нанести удар в новом, неожиданном месте... Но вряд ли — где уж нашим додуматься до такого.

Еще одно наступление обречено на провал.

<...>

22-е

Стадион (500 м восточнее Зорау).

НП на стадионе. Отсюда интересно в стереотрубу смотреть на немцев. Виден отсюда Зорау с мрачными каменными домами и двумя разбитыми церквями. Видно заваленное деревьями шоссе. Виден желтый окопчик за железной дорогой, из которого время от времени выставляет голову красномордый немец. Видно, как фрицы бегают за голоногими девками, а позавчера наши наблюдатели подсмотрели даже, как один солдат целовал

какую-то паненку, записали адрес того дома — зайдем обязательно.

Сейчас все мысли о том, чтобы немец не обманул — чтобы не ушел. Подозрительно все: и те шестнадцать автомашин, которые ночью пришли в город с запада, лишь время от времени попыхивая фарами, и те десять солдат, которые, кажется, минировали дорогу на бугре, и то, что под вечер вдруг почему-то во всем городе стали топить печи — в каждом доме, и два взрыва на северо-западной окраине между 23.00 и 23.30. И корпусные разведчики ломают себе голову: а что, тот целовавшийся немец — не прощаясь ли он целовался?..

Стадиончик весь перекопан землянками и траншеями. Сейчас, с наступлением темноты, поверху уже ходить не рекомендуется — пули летят почем зря. Вчера наверху под сбитым У-2 двух ранило.

Сегодня днем ранило нашего пацана — воспитанника Толика, только не немцы. Просто один дурак артиллерист возился с маленьким пистолетиком — игрушка! — случайно спустил курок — и одной пулей и себе руку прострелил, и пацану. Забыл, дурак, что один раз в год оружие само стреляет.

Лес, полный артиллерии — пушка на пушке. Зарядные ящики уже некуда ставить. А связи! Хуже паутины.

А около штакара ставят плевательницы — я еще в жизни таких не видел. Огромная дура на лаптях-гусеницах. Вот эта даст — так уж даст!

«Я согласен — неоднократно и ракообразно», — сказал разведчик Новак.

24-е

Полночи — патефон, а остальные полночи — в окопе, по которому бьет немецкий пулемет разрывными пулями. В траншее торчат какие-то бетонные балки, над траншеей остатки разбитого забора, сухое дерево и безобразно светлая луна. Над болотом стоит толстый слой тумана.

Пленного все-таки не взяли.

В 10.15, после неоднократных откладываний, началась артподготовка. Прорвали и пошли вперед. Сейчас еду в Зорау.

Прорыв все-таки удался. Артподготовка была сильна, разнообразна и громогласна. После нее пехота сразу пошла вперед. Немного смешно выпускать столько тонн металла по жиденькой обороне трепаных подразделений — но такие уж мы теперь вояки, что без этого ничего не вышло бы.

Город Зорау. Весь разрушен. Нет ни одного целого здания, ни одного стекла ни в одном окне. Еще курится белая пыль над развалинами, еще пылают дома — все это сделано только что, за какие-нибудь сорок пять минут. Зияют огромные проломы в стенах, торчат какие-то балки, доски, на мостовых спотыкаются о воронки люди, лошади и автомашины. И уже через провалы, через выставленные окна лезут солдаты шарить и грабить по магазинам и квартирам. На улицах бесконечные потоки техники и обозов.

Валяются трупы — самые разные. Одиночки и целыми кучами. Лежит жареный немец, одному вбили в лоб штык, а в глаза патроны. Лежат с вывороченными кишками, с обломанными конечностями.

Из полков докладывают о взятых пленных, но в штадив не приводят, расстреливают по дороге. Особенно в этом отличаются штрафники 59-го полка.

С нами воюет танковая бригада чехословаков. Чехи — молодцы, воюют отважно, но немного неопытно, от этого несут потери.

Опять походная жизнь с шатанием и неприкаянностью, когда или едешь всю ночь под дождем, или побираться — где бы переспать.

Ночью, попив военторговской водки, попер на НП. Долго блукал через какие-то тропки и овраги, потом совершенно случайно нашел домик. В нем вовсю хрипел старинный граммофон и коптила плошка. В доме, конечно, все — шкафы, ящики, сундуки — вывернуто наизнанку, это теперь обычное дело. В доме шел великий шмон. Опять штрафники. Они обшаривали подвалы и насиловали девок — по десять человек одну. Поляки сидят по пивницам

и трясутся — я думаю! Около самого домика бил шестиствольный.

На дорогах пыль и обломки. Едут бесконечные обозы, колонны автомашин. По сторонам еще дымятся черные сгоревшие развалины. Часа два назад немец бил сюда из шестиствольных минометов. Сейчас уже все в порядке, завалы растащили в кюветы, и идет нормальная жизнь фронтовой дороги, на которой авто обгоняют подводы, подводы обгоняют друг друга и едут в три ряда. Пробки. Не хватает только немецкой авиации.

Время от времени, ревя, проходят Т-43. С нами действует чешская танковая бригада — ребята воюют неплохо, отважно, но их беспардонно жгут.

Мы с Жестянниковым катим на моем фазтоне (украдено в Фрейлихове неизвестно у кого). Обгоняем, как положено, подводы, нас обгоняют «студебеккеры», «доджи» с корпусными минометами на прицепе. Ведут пленного — длинного унтер-офицера с подбитым глазом. Когда мы остановились и подошли, он почему-то очень мне обрадовался и заявил, что требует направить его в немецкий легион. Жестянников в недоумении.

В Поломя штадив расположился в доме ксендза, у церкви. Во дворе набито машин, повозок, людей... Кто-то над самым ухом оглушительно хлопает из только что захваченной немецкой противотанковой пушки. Вот балбес! На нервы действует.

Симанович ищет Надю, чтобы передать ей «Героическую». Понедельченко все бегаёт взад-вперед с папкой. Кононков опять пьян. Капитан Соловьев сидит на ступеньках на солнышке и, указывая крючковатой палкой, дает указания командиру взвода по охране КП. Политработники, которым делать нечего, лазают по второму этажу, осматривают перевернутые вверх тормашками и распотрошенные комнаты — ищут сами не знают чего. Клава уже нашла себе пишущую машинку. Генерал проводил командира корпуса, сел на «виллис» и уехал на НП. Волкенштейн — начальник штаба — лежит в носках на стеганом шелковом одеяле и разговаривает по телефону. К майору Рябушкину пришел хозяин дома — ксендз — просить разрешения на похороны одного гражданского, убитого поза-

вчера при бомбежке. Рябушкин смотрит на него круглыми и черными, как у мышки, глазами.

Ко мне ведут и ведут пленных. Разных: и из 68-й пд, и из 715-й пд, которая только что переброшена из Италии. Двум артиллеристам из артполка 715-й пд здесь очень не понравилось, в Италии они только и делали, что пили вино да строили землянки для жилья, стреляли 1—2 раза в день, а здесь... Они скорее сдались в плен. Приводят каких-то переодетых в гражданское, прятавшихся.

Провели группу пленных, взятых второй вдд. Вдруг какая-то старуха бросилась бить морду длинному фрицу без кепи в лейтенантских погонах. Общий хохот. Баба оказалась нашей днепропетровской, показывает вытатуированный на руке лагерный номер.

— Давай, бабка, давай, — получай удовольствие! Бей, не стесняйся!

Потом опять ездил на фаэтоне — на НП к генералу допрашивать пленного оберлейтенанта из 686-го сап. б-на, которого захватили наши дивизионные разведчики — группа Дрея. Оберлейтенант — архитектор, назвал себя чехом, но по мировоззрению и поведению обнаружил свое чисто немецкое нутро. Оказалось, чешка у него была только бабушка.

Ранен разведчик сержант Шехирев — перебило руку.

Потом привели еще до черта этих самых саперов. Говорят, их здорово набили в траншеях под Вильхвой чехи — ворвались на танках и накрыли полные траншеи. Чехи, оказывается, пленных немцев избивают еще почище нас: прямо пропускают сквозь строй.

Много приходит итальянцев — не солдат, гражданских. Оказывается, несколько сотен итальянцев из лагерей военнопленных немцы пригнали работать на шахтах. Теперь они все разбежались.

Поздно ночью разделался со всеми этими делами и отвел десятка три пленных в разведотдел корпуса, где усталый Оздоба стучал очередную сводку на своей неизменной машинке, а старик старший лейтенант Коган с лицом похожим на мокрую жеваную бумагу, как всегда, ковырялся в своих делах.

Спал в оперативном на полу и к утру замерз, как пес.

Утром опять с Жестянниковым и опять на фаэтоне покатали на новое место в Вильхву. По дороге видели много наших подбитых танков, у перекрестка шоссе — брошенную вчера немцами целую 150-мм батарею. Орудия задрали длинные желтые стволы вверх, как будто делая «хенде хох». Если б они умели говорить, они сказали бы, наверное, «Гитлер капут». В одном месте видели много убитых чехов — наверное, десант с танка срезали. Через голову со свистом пролетают болванки — фриц бьет из танка или самоходки.

Прибежал Мишка — ординарец: Киселевич тяжело ранен. Это огорошило: такой всегда живой, бабник донельзя... А ведь я с ним только ночью болтал по телефону... И кто просил его, заместителя командира полка, лезть на передний край поднимать роту в атаку?..

Переезжаем в Маруши. Ехали на «виллисе» с начальником штаба и еле проскочили из-под мессеров — какая-то отчаянная четверка асов появилась, ходят чуть ли не по самой земле. Шофер как дал газ, перелетели через какую-то яму, перепрыгнули бревно — выскочили.

31-е

НП (в подвале) в Чижовице.

Опанасюк привез два письма от Нинушки, а времени ни минуты свободной. Тащи пленного на НП командира корпуса! Ну что ж, можно не завтракать, шут с ним, но письма девочки прочесть обязательно. После этого наплевать на мины и даже на отвратительного пыльщика — разве может быть что-нибудь с человеком с ее письмами на груди?

Вечером генерал привез свой приемник, и мы слушали «Периколу» из Москвы¹. Сейчас генерал уснул. Тихо играет симфонический оркестр. Я пишу ответ Нинушке.

Впервые я видел, как наш генерал лезет в погреб. Это после того, как у него снарядом пыльщика сожгло машину — со всеми вещами. Услышал занудный стонущий вой метательного аппарата, махнул рукой и полез в погреб.

¹ «П е р и к о л а» — оперетта Жака Оффенбаха (1868).

— Ну его к черту, еще накроет тут...

А потом весь день сидел в погребке на единственном нашем стуле и, как обычно, травил баланду.

Сзади непрерывно бухали пушки, где-то сбоку кашляли минометы. Снаряды рвались за бугром, за рощами. Перед самым началом атаки по передовой прошел солдат с двумя котелками. Били «катюши» куда-то левее горелого танка. Потом пехота вылезла из окопов и стала подниматься к редкой роще. Солдаты шли медленно, чуть пригнувшись и выставив вперед автоматы. Уваров прильнул к стереотрубе.

— Ах, ... их мать, ни один не ведет огня с ходу!

От двух отдельных деревьев забил, заискрил пулемет. Солдаты аккуратно легли, выискивая какую-нибудь канаву или старую ячейку. Слева еще шли гурьбой человек двадцать, но там скоро все заволокло дымом. Наверное, тоже залегли. Атака сорвалась. Немецкие пулеметы били потом еще долго — rrrrr!! rr!! Это — МГ-42.

Апрель

3-е

КП в лесу около Рогува.

Вчера ночью наши полки форсировали Одер. На бревнах, лодках и плотиках пехота переплыла реку и закрепилась на дамбе в двухстах метрах от берега. В полках пехоты человек по пятьдесят. Трудно назвать это даже плацдармом. Весь день строили плоты и пытались переправить артиллерию, но было невозможно — немец в упор сечет из пулеметов и страшно бьет из артиллерии. Ни справа, ни слева соседей нет, только эта горсточка людей под огнем на дамбе, без поддержки. Сегодня немцы трижды ходили в контратаку при поддержке танков и штурмовых орудий, но их отбивали. Связь с тем берегом по радио. Окончился первый день на плацдарме.

Массированные огневые налеты. Немецкая артиллерия бьет по фольваркам, по деревням, по перекресткам, по дорогам. Бьет непрерывно. Сегодня подбито много наших автомашин, подтягивавших артиллерию к переправе. Они

валяются во всех кюветах. У обочин дороги — скрюченные трупы лошадей и пыльные убитые солдаты. <...> За Одером — уже Германия.

Вчера мы видели, как семерка мессеров разогнала наших «Ильюшиных». Мечутся, выются, как черные тощие стрекозы, трещат, вопыются, как клещи в хвост, — и ИЛ валится вниз, только белый куполок парашюта успеет в лучшем случае выхлопнуть из сбитого. Так на наших глазах подбили трех, а сами мессера, как неуязвимые, ушли от наших истребителей. И не помогли оглушительно бухавшие зенитки, покрывшие все небо белыми и черными вспышками разрывов.

Отдохнул душой — поиграл в импровизированный волейбол. Валька Белоконь, гвардии ефрейтор, побежал за мячом в ложину и там, за желтой траншеей, нашел воронку от разрыва «сопливого». Притащил осколок от него — огромный и корявый.

— Такой по голове даст — пожалуй, с непривычки не выдержишь, помрешь, — сказал Юрка Шелкован.

— Один кацо уже налицо, — заявил Кобзинадзе и стал в круг.

Киселевич умер. Его похоронили в городе Водзиславе-Лослау. Его больше нет.

А Сушкевич сейчас сидит за Одером. Его тоже угробят — этим кончится.

Осколком снаряда в левый бок тяжело ранен Ивлев.

Когда я думаю о таких вещах, меня всегда охватывает тягостное чувство обреченности и беспомощности. От своей смерти никуда не уйдешь и никуда не спрячешься. Здесь к твоим услугам тысячи случайностей и неожиданностей...

Вот лейтенант — офицер связи оперативного отделения. Сел со мной рядом, когда я был в шалаше у Рябушкина, и я на него посмотрел вблизи. Пожилой человек, горькая складка у губ, худой большой нос, щетина на худых щеках и жилистой шее. Мне пришла в голову мысль — а ведь его, наверное, тоже убьют! — и стало почему-то бесконечно

жаль его, и он показался таким несчастным. А сам он вряд ли это чувствует.

Вот мы сидели в шалаше — в шалаше! Кушали вовремя, когда только захотели. Играли в карты и в любой момент могли завести патефон. Сюда даже пока не стреляют. Чем не жизнь? А каково солдату на том берегу Одера, он сидит в мелком окопе, который только что выдолбал в проклятой дамбе, по брустверу то и дело щелкают разрывные пули, справа от кирпичного завода не переставая режут два пулемета и ураганными налетами бьет артиллерия, холодно, со вчерашней ночи мокрый, как пес. Жрать за весь день ни хрена не привезли — знай грызи сухарь. Или засни, если сможешь, согнувшись в калач, попеременно с напарником. Хоть бы скорее поранило, что ли... А ночь черна — хоть глаз коли. И в черной воде барахтаются саперы, переправляя на плотах пушки. Ракета вдруг — и снова очередь трассирующих по реке.

Я не помню ее губ и не помню ее глаз. Я помню только руки ее с пальчиками, всегда перепачканными чернилами, и волосы непокорные и растрепанные, — я не разрешал заплетать их и выкладывать в какую-то прическу. Я поцеловал ее только один раз в жизни — и то при прощании.

Над рощей около Пшува висел синий плоский в небе аэростат-наблюдатель.

На площади в Лослау много могил с деревянными красными пирамидками вместо памятников. На пирамидках прибиты дощечки, и на них разноцветными карандашами написано имя погибшего. Некоторые могилы огорожены, на некоторых памятниках висят венки. Мимо могил грохочут самоходные пушки, пылят автомашины и мелкой рысцей трусит равнодушный обозник. На крайнем левом памятнике надпись говорит о том, что под ним похоронен майор Василий Киселевич. Фотографии его нет.

Вперед на северо-запад!

<...>

11-е

Грабовка.

Полвторого ночи. Я дописал письма и вышел на улицу. За прудами умирают частые бледные ракеты, тихо, никто не стреляет. Со света все черно, как только погаснет ракета. На часах стоит Водотыкин с автоматом. У бричек возится старик Лавриков и распевает: «Ой, сад-виноград, зеленая роща, ой, кто виноват — жена или теща»¹...

В бане. Жестянников был абсолютно гол, но на носу поблескивали очки. Его заставили снять их — и он оказался непривычно мордастым и странно незнакомым.

12-е

Там же.

В ночь с 7 на 8 апреля немецкий 28-й мотополк скрытно сосредоточился в Белшнице. Под утро без единого выстрела он прошел по ложине, которая ведет к церкви в Рогуве. Ложину прикрывало отделение 61-го полка — его уничтожили. Впереди каждой роты шел штурмовой взвод. В Рогуве началась суматоха. Вылавливали спящих. Разогнали голыми мывшихся в бане. Перестреляли часовых. Потом в село вошли танки. Артиллеристы разбежались, побросав пушки. Началась паника. Какой-то майор пошел открывать дверь на стук, услышал «Hände hoch!»², выстрелил в упор, выскочил и ускакал на неоседланной лошади. Немецкие автоматчики, строча, перебегали от дома к дому. Сволочи, проспали. Новак звонил с НП: «Что-то в Рогуве неладно, к нам с тылу долетают пули», а из 61-го полка докладывают — «обстановка без изменений, все спокойно». Через пять минут связь была перерезана, и Новак с Калининым еле выбрались. Комсорг полка и наш Александр завалили дверь и отстреливались, пока танки не зашли чуть ли не сзади им. Тогда они бежали через окно. К утру немцы были уже там, где еще вчера был наш КП, Рогув был ими взят.

¹ Песня «Ах ты, сад-виноград, зеленая роща» входила в репертуар Надежды Плевицкой (1884—1940), исполнительницы русских народных песен.

² «Руки вверх!» (нем.)

Утром шел поголовный драп-марш. Бежали обозы, повозки, автомашины... Только наш штаб оставался на месте. Как всегда. Разве у нашего генерала побежишь? В своем кителе при всех орденах и в ярчайшей фуражке ходит по комнате, курит и ругается по радио с командирами полков.

— Товарищ генерал, метров 800 отсюда вышли два танка и накапливается пехота.

Презрительно:

— Ну, так что? Уничтожайте их!

С ним ходишь не сгибаясь под самым сильным огнем. Он заговорен.

Вперед в оборону выбросили сразу учебную роту, саперный батальон, роту разведки. Остановили, повернули немцев. Их танки пошли правее в обход роши Домбрац, провалились там... С Федоровым связи нет.

Подбросили спешно танки, артиллерию, самоходки, с ходу подошли дивизии 107-го ск. Остановили немца.

Пришел майор Галка с автоматом через плечо. Как всегда, сияет и улыбается. Рассказывает, как дрались его саперы и как командир взвода инженерной разведки не выдержал и поднял свой взвод в контратаку и выбил целую роту немцев с высоты.

— Ты представь — побежали человек семьдесят, не меньше. От моих восьми! — говорит он удивленно и радостно. — Набили их там, но сейчас днем никак не подлезешь. Гриб пополз, набрал полный карман часов, а документы, подлец, не взял. Вот дурак! Но я там уже дал указания — достанут.

В оперативный набились разные офицеры — представители всевозможных частей. Галдеж, Латман бегают с картой и никак не найдет уголка, чтобы поработать. Вдруг огневой налет. Мы с Латманом отсиживаемся на корточках под печкой: пыль, дым, вонь, на голову сыплется штукатурка — снаряд упал под домом. Когда воздух проясняется, представителей ни одного нет — всех сдуло в подвал. Там безопасней.

В штабе артиллерии, который разместился в нашем доме, господствует спокойствие и безразличие. Пушки в большинстве своем брошены в Рогуве, стрелять нечем. Копп спокойно расхаживает по комнате, засунув руки в

карманы, и диктует Любке вчерашнюю сводку. Потом весь штаб артиллерии взрывается и накидывается на меня в едином порыве возмущения. Оказывается, наши разведчики сперли у них мотоцикл и уехали на нем на задание. Грабителей ограбили.

К вечеру все успокаивается. Танки, прорвавшиеся было на левом фланге, ушли, дыры заткнуты вновь подошедшими 129-м и 167-м с<трелковыми> б<атальонами>.

Человек четырнадцать немцев выбежали на бугор и быстро заработали лопатами. Скоро они закопались совсем, и видны только торчащие головы в касках.

Какое относительное понятие тыла! Когда я из оперативного ухожу в свою хату (а она метров 100 дальше) — уже кажется безопасно.

13-е

Там же.

Танки подошли в сумерках. Они били по господскому дому прямой наводкой. Болваны противно свистели, а когда попадали в серый трехэтажный дом, то насквозь прошивали его толстые кирпичные стены, только куски камня летели. Артиллерия вела огонь откуда-то издалека, из-за Одера, странными дымовыми снарядами. Господский дом смешивали с землей. Когда все, кто были в этих нескольких домиках, были или убиты, или разбежались, когда рухнул большой серый дом и завалились подвалы от прямых попаданий болванок, танки развернулись и пошли вперед. За ними шла негустой цепью пехота. Артиллерия замолчала.

Из белого и серого дыма забил непонятно <как> уцелевший пулемет, а справа, с участка соседа, оглушительными залпами захлопал интап. Ударил залп РС, но попал в пустое место — в поле и канаву. Пехота в железных касках нерешительно затопталась на месте, и сразу, один за другим, стали гореть танки.

Генерал смотрел с наблюдательного пункта, как во мгле, в которой уже почти ничего нельзя было разобрать, мелькали огоньки и пролетали низко стремительные огненные точки, потом вдруг один из огоньков вспыхивал ярче дру-

гих и выпускал узкую полосу черно-синего дыма. Через минуту неподалеку загорался еще один такой же огонь. Вскоре на поле дымились тринадцать факелов.

Бой закончился.

По телефону доложили:

— Контратака отбита.

Удрапавшая было пехота вернулась на свое место.

Началась ночь. Взлетела первая ракета над догоравшими танками.

Когда танки стали бить по господскому двору, Коконцов и Горелов наблюдали с чердака большого серого дома. Они смотрели на Одер и потому прозевали подход танков слева. Сразу кубарем свалившись вниз по лестнице, они не нашли внизу ни лейтенанта Скворцова, ни остальных разведчиков. Оглушительный грохот, вспышки и пороховая вонь от близких разрывов забивали мозги. Ничего нельзя сообразить в такие минуты, кроме того, что надо куда-то бежать и прятаться. Самое лучшее в таких случаях — это не бегать, а оставаться на месте, но это трудно. Тянет куда-нибудь спрятаться, и везде кажется лучше, чем там, где ты есть. Ко входу в подвал они подоспели как раз в тот момент, когда туда угодил снаряд. Они так и не узнали — и впоследствии этого не удалось установить, — были ли лейтенант Скворцов в подвале. Больше его никогда никто не видел. Со двора поодиночке бежали пехотинцы. Из группы никого не было. Горелов и Коконцов пошли тоже назад, к кирпичному заводу, пригибаясь, но не ложась. На кирпичном заводе была суматоха и сутолока. Кто-то орал, размахивая пистолетом, кого-то били, всех возвращали назад. С места на место переезжали неугомонные брички. Разведчики переглянулись — и пошли назад. В поле в канаве присели, покурили, отдохнули, снова пошли. К этому времени уже все окончилось, и снова все было на месте. В господском дворе были бойцы из учебной роты, которая восстанавливала положение, и сам Соловьев бегал тут же. Немец уже не бил, только изредка давал сюда короткие очереди из пулемета.

Разведчики решили вдвоем отправиться пошмонить по танкам. Идти к танкам было тоже нелегко: по ним секли из пулемета и наши, и фрицы. На Горелове одна пуля даже

прострелила шапку, противно вжикнув. Залезть удалось не во все танки. У некоторых люки так и остались закрытыми — экипажи, значит, сгорели. В одном бронетранспортере осталось трое фрицев — зажаренный фельдфебель и с ним два ефрейтора. Отвратительно воняло. Зато в другом транспортере нашли целую сумку с документами.

— А что, если немцы сюда припрутся? — сказал Горелов.

— Да, это был бы б<ляд>ский номер, — ответил Коконцов.

В «Пантере», стоявшей с перебитыми гусеницами, играло невыключенное радио и тускло мерцали в темноте циферблаты приборов. Коконцов чиркнул спичку. Просторно, чисто, все блестит, сиденья обиты кожей.

— В таком танке можно воевать. Как в комнате!

К утру они вернулись домой. Документы оказались принадлежащими 98-му мотополку — это 8-я танковая дивизия.

— Ремень весь истрепался. Хорошо было с мадьярами воевать — у них пояса хорошие. А е...ые немцы все распоясанные ходят.

— У мадьяр и шинели хорошие были — нашего цвета. На кителя.

Зашли в хату. Там около плиты возилась какая-то старуха. В другой комнате на столе — патефон и пластинки. Взяли патефон и пластинки и вынесли на бричку. Старуха посмотрела молча и безразлично и снова отвернулась.

15-е

Там же.

Далеко вправо, за ставом и лесами, стоят дымы. Сизые и белые далекие дымы. Это сегодня с утра начал опять наступать 1-й Украинский. Погода ясная, солнечная и прохладная — раздолье для авиации. Три «Бостона» подбили зенитки.

Человек на войне служит для того, чтобы подвергаться опасности. Если у меня спокойные дни, меня начинает заедать совесть, и я чувствую себя виноватым перед Тере-

ховым, перед всеми разведчиками, которые должны ежедневно лазить. Когда я был на НП или сидел с Ивлевым в траншее переднего края у домика, по которому фриц щелкал разрывными пулями, я чувствовал себя честнее. Нам платят за нашу смерть.

У кухни два пленных немца чистят картошку. Шелковин кричит:

— Э, камарад, ком, иди сюда, Мищенко зовет.

Немцы послушно ходят по воду. Обедают в стороне от всех из своей собственной миски. Теперь они ручные.

22-е

Крейценорт (Германия).

События в мире происходят настолько огромные по своей значительности, что они до меня просто не доходят. Я многого не могу не то что понять, а просто себе представить. Точно так же когда-то я не представлял себе, не постигал того факта, который совершился 22 июня <19>41 года. Наверное, это от стремления понять самую суть событий, а это у меня и не получается. Я не понимаю!!

Я не понимаю, как союзники продвигаются по Западной Германии странными узкими клиньями, как они не стесняются оставлять у себя в тылу крупные гарнизоны и колоссальные мешки и котлы вроде рурского. Или у них такое количество войск, что вся глубина досыта насыщена ими?

С другой стороны, никак не пойму, что себе думают немцы, на что надеются и на что их последняя ставка? В частности, те же немцы, которые сидят еще в гарнизонах на атлантическом побережье и направляют на Лондон свои V-1¹, или те немцы <, что> еще держатся за Либаву, или те немцы, которых сейчас ненавидят все немцы, Гитлер, Гиммлер и К^о?

Откуда берутся те сотни тысяч немцев, которые ежедневно сдаются союзникам? Как выдерживают все бесчис-

¹ V-1 — самолет-снаряд «Фау-1», немецкое оружие дальнего действия, представлявшее собой автоматически управляемый и несущий фугасный снаряд — боеголовку с 1000 килограммов взрывчатого вещества — беспилотный самолет. V — начальная буква немецкого слова *Veigeltung* — возмездие.

ленные прифронтовые двухсторонние потоки немецкие дороги? Где сейчас все государственные и казенные учреждения Германии?.. Отнимают ли англичане и американцы у пленных немцев часы? И т. д.

Возникают сотни вопросов — до Суриса не доходит. Но самый главный вопрос — чем и когда все это окончится?

Наверное, именно так, как пару дней назад рассказывал один пленный немчик — мальчишка из 222-го полка 75-й пехотной дивизии: на одном берегу Эльбы — американцы и англичане, на другом — русские, а посреди по реке плавает лодочка, в ней Геббельс стоит, подняв руки кверху, и кричит: мы победим!

Жуков форсировал Одер и ведет бой в предместьях Берлина. Центральная группа наших войск подошла к Дрездену и вот-вот соединится с союзниками.

...А на подступах к Моравска-Остраве продолжается упорное сопротивление. Немцы идут на все, чтобы удержать этот последний свой промышленный район. Их сбивают с одного рубежа — они сейчас же стремятся уцепиться за другой. Приказ Гитлера — ни шагу назад. Бегущих без приказа солдат — расстреливают.

Тактика простая: чуть на каком-нибудь участке притихает — оттуда сейчас же снимают разбитую дивизию, спешно пополняют и снова бросают в бой в необходимом районе. Так было с 544, с 68 и с 371-й. По всему фронту мечутся для затычки дыр 8, 16 и 19-я танковые дивизии. Но ничего не помогает: наши дивизии (хоть и обескровленные), оснащенные обильным количеством тяжелой артиллерии (хоть и без боеприпасов), упорно прогрызают немецкую оборону. Не удалось в одном месте — бьют в другом. Не получилось с форсированием Одера — бросили плацдарм и зашли справа, 38-й армией с участка 1-го У<краинского> ф<ронта> — и прорвали. Идем вперед. Вперед — скоро конец!

Трансляция концерта на патефоне Б. Суриса. Притащил в оперативный отдел свой патефон, решил потешить музыкой Марусю — телефонистку. Нажал клапан и держу трубку у мембраны. Марийка в восторге от моих фокстротов, тем более что дежурить скучно, а делов особенных

никаких. Потом откуда-то издалека донесся голос Карпмана — он тоже слушал меня с передовой, через десяток перемычек. Потом какой-то телефонист с линии: «Играй, играй, а то тут так холодно — чего-нибудь веселенького»...

В этот момент я так остро, как никогда, почувствовал, что все мы связаны одной прочной ниточкой...

Нигде я не видел столько набитых немцев, как по дороге в Рогув. Правда, есть и наши убитые, но немцев масса. Полные кюветы вдоль всего шоссе завалены ими. Начиная от того места, где у железной дороги стоят два наших сгоревших танка (видно, панцерфаустом¹ — от башни огромные куски металла вырваны и отброшены в сторону). Сюда давала жизни наша артиллерия. Это видно по лесу, которым покрыта безымянная высотка, — все ветки оббиты, все верхушки деревьев сбиты.

Старые убитые лежат черные, убитые недавно довольно свежие. Люди почему-то не разлагаются, а вот лошади убитые воняют страшно.

Обломали об немца два стула в щепки — а он хоп хрен.

Солнечно, но ветер, и потому прохладно. Переезжаем Одер. Он здесь узкий и совсем не внушительный.

За дамбой железной дороги, как в муравейнике, солдаты отдыхают в ранее открытых ячейках. Скоро они пойдут в бой. Сколько из них будет убито?

Слева — вдребезги разрушенная станция. Потом Турнскирх. За него раньше шли бои, но сейчас спокойно — немцы ушли на несколько километров, сами. И наших никого не было, а сейчас опять наперли артиллерии, обозов...

Улицы завалены обломками и хламом. Нет ни одного целого дома. Оборванные провода путаются у лошадей в

¹ П а н ц е р ф а у с т — фаустпатрон — ручное противотанковое динамо-реактивное устройство, разработанное в Германии в 1943—1944 гг. Это был гранатомет одноразового применения — открытая с обоих концов стальная труба-ствол с метательным зарядом и ударно-спусковым механизмом. Панцерфаусты были эффективным средством для борьбы с танками, поэтому в Красной армии создавали спецотряды для борьбы с фаустниками.

ногах. Через город свободно ходит, сквозит ветер — его не задерживают дыры-окна и дыры-двери. Да, досталось этому Турнскирху. Просто одно удовольствие видеть так разрушенное немецкое жилье. Здесь уже — Германия. Началась она от Одера.

Из жителей есть только старики и старухи. Где все молодые? Мужчины в армии, женщины сбежали.

27-е

Гать.

Поездка в 107-й корпус к Фрейлиху в Нойдерфельд. По радио — сообщение о соединении войск наших и союзных, уйма других успехов. В 107-м у всех настроение такое — война кончается. У нас же в дивизии почему-то такое настроение не господствует. Наверное, тут имеет значение, что никакого успеха у нас нет в последнее время, одно горе.

Латман и Катя. Катька Козырева похорошела с тех пор, как я знал ее — еще под Киевом. И внешностью, взрывчатым характером она напоминает мне Фиалку. Странная у них любовь и полное неумение быть вдвоем на глазах у других — весь вечер только и делали, что дрались...

А Фрейлих все такой же баламут с джазовыми мотивами.

Он рассказывает:

— Сегодня на НП комкора Аристов узнал о соединении с войсками союзников и натрепался Розанову о заключении мира, о том, что 30 апреля в 12.00 военные действия заканчиваются, и тому подобное. Тот принял за чистую монету, чуть с ума не сошел, порвал свои карты... Потом от огорчения, что <это> неправда, он съел четыре обеда.

Наши части вышли к линии ДОТ, которые стоят северо-западнее Моравска-Остравы по старой чехословацкой границе.

— С НП видно, как разбивают ДОТы. Били с прямой наводки из 152-мм — очень красиво — вкось и в сторону отлетает язык пламени, и дым не черный, как обычно от разрыва, а белый.

В одном месте взвод немцев посылали в контратаку, а они все позалезали в ДОТ и не хотят выходить. Когда их

офицер все-таки оттуда выгнал, наши ребятки — огоньку — и — ура! — вперед — разогнали их и с ходу захватили ДОТ. Стали взрывать его — пришлось подтащить 500 кг тола — страшное количество. Пробовали 250 — не берет. Шутка — 3 метра железобетона!

Тамара.

Черт возьми, откуда такое сильное впечатление?

30-е

Там же.

Начинаю психовать, вроде того, как когда-то с Гарриком останавливал спиной трамвай.

Вчера полез в боевое охранение 57-го полка от нечего делать стрелять по немцам. На КП роты по лужайке перебегают — говорят, стреляет снайпер. Испытал свое счастье — лужайку не перебежал, а медленно перешел, в своей фуражке и при всех регалиях. Ничего, жив. Принес домой из БО маленького серенького кролика.

Со мной творится что-то непонятное — или огромная глупость, или страшная подлость, или просто опять всплыли на поверхность старые фантазии. Все это безнадежно, и то, что я думаю, не может быть. Война кончается, и уже ничего не выйдет. Скоро произойдет опять какой-то резкий перелом.

Убит Бахтеев, в поиске убиты лучшие разведчики Долина и Заскока, ранены Калепин и Залипа. Обидно умирать за полчаса до конца войны.

В ночь на 1 мая вдвоем с Хайбрахмановым «заняли» село Шилгерсдорф. В парке замка барона Ротшильда искали немца с панцерфаустом на плече.

Замечали ли вы, что под жарким солнцем лошадь вспухает, разлагается и воняет сразу, как убьют, а человеческий труп наоборот — высыхает, как дерево, и съеживается и лежит, покрытый пылью, раскрыв черный беззубый рот?

Они лежали там, черные, глупые, убившие других и убитые сами накануне самого конца войны.

9 МАЯ 1945 года

День, когда кончилась война.

Это было в маленьком чешском местечке Чеkyне, не доезжая Оломоуца 20 км.

Война закончилась, когда начала цвести сирень. Как нарочно.

ГОРОД ОСВЕНЦИМ

*Сюда не ходят поезда,
Здесь дождь не моет тусклых окон,
И в небе вечером звезда
Блестит от города далеко.*

*На камне узких мостовых
Играют призрачные дети,
И некому обидеть их,
И лаской некому согреть их.*

*Серо-зеленых палачей
Ведут по улице, покорных,
Но пепел адских их печей
Еще лежит на крышах черных¹.*

14 июля

Львов

Ченстохова — город, знакомство с которым началось на станции. Станция цела, вокзал тоже. На вокзале очень много военных, еще больше гражданских, какие-то женщины, старики, дети с какими-то узлами и чемоданами сидят вповалку на заплыванном полу. На вокзале же имеется битком набитый буфет — я вспомнил сорок первый и сорок второй годы. Вокруг вокзала крутятся проститутки и стройными рядами сидят торговки всякой всячиной. В городе мы встретили уйму наших из нашей же дивизии. Они в резерве все при 72-й армии. Майор Рокотов, с которым нос к носу я столкнулся на мосту, ввел меня в обстановку:

¹ В одном из писем папы к двоюродной сестре Элле он писал: «Ты найдешь там (в дневнике) описание страшного лагеря в Освенциме, в котором немцы замучили, расстреляли, сожгли более миллиона людей, это лагерь, около которого на расстоянии двадцати километров в воздухе стоит трупный смрад, лагерь, в котором из костей убитых делали удобрения для полей, а из евреев делали мыло...» (без даты, но по тексту между февралем и апрелем 1945 г.).

литр водки стоит 600 рублей, барахло продать можно, но очень дешево, имеется бордель за 500 злотых на окраине города, очень культурный.

Прощай, мой верный патефон, память Киселевича, утешитель во всех моих печалях, мой боевой спутник! Таскать тебя стало чересчур тяжело. Продажа патефона и сломанного фотоаппарата за 3500 злотых дала возможность прожить три дня в Ченстохове.

В этом городе все торгуют, всем, чем угодно, торгуют. Торгует все население — все продают, и совершенно непонятно, кто же покупает. Объяснил это мне наш хозяин квартиры. Он сказал:

— Вот я одному человеку продал брюки, которые сам купил вчера за 100 злотых. Продаю за 200, а он поедет завтра в Кальце и продаст их там за 300.

— Продаст кому-то, кто потом перепродает за 400? — спросил я.

— Ну да! Надо же жить.

Жить, конечно, надо, но я никак не пойму, как же они все-таки живут. И где останавливается, в конце концов, этот круговорот вещей?

Весь первый этаж города занимают магазины. Их бесконечно много, и каждый пятый из них — ресторан. Помоему, на каждых трех жителей города приходится один ресторанчик, ресторан или ресторанище. Кроме этого, вокруг каждого угла, на каждом квартале сидит куча торговков. Репертуар довольно однообразный — булочки, фанзольки, яйца, колбаса, но цены потрясающие. Польше грозит инфляция, если они будут продолжать продавать мороженое по сорок рублей порция. И все магазины, магазины, магазины...

Нечто подобное мы видели и в Освенциме, и в Хнануве, но в Ченстохове этот мир торговли и спекуляции вырос в моих глазах до чудовищных размеров.

Кино имеется три. Мы посмотрели «Парижанку» с Дугласом Фэрбенксом-младшим и очаровательной артистичкой, имени которой я не запомнил, и интересно задуманного, но плохо сделанного «Тирана»¹.

¹ «П а р и ж а н к а» — фильм Чарли Чаплина, снятый им на студии United Artists в 1923 г. с Эдной Первиенс в главной роли.

Перед самым отъездом сходили в Ясну Гуру, знаменитый костел, самое святое место Польши¹. Сюда на поклонение чудотворной иконе являлись польские короли сейчас же после коронации, после одержанных побед и перед выступлением в поход. Что-то отдаленное вспомнил и я — осаду шведами и Кмицица из «Потопа» и «Огнем и мечом» Сенкевича². Собор снаружи громоздок и величав. Когда входили, мы сказали Рябушкину снять головной убор, а то он сам не догадался бы. Монах, водивший нас, преклонял колени на каждом углу, в одной из молелен шла служба, и я, признаться, чувствовал себя не в своей тарелке. Рыцарский зал — он же и исповедальня — безнадежно испорчен реставрацией и похабной размазкой масляными красками. В главном зале (шут его знает, как он именуется, неф, что ли) очень хорош алтарь, весь в мраморной барочной скульптуре чуть ли не самого Бернини. В часовне, где хранится чудотворная икона, огромные ценности собора укрыты от рук верующих толстой железной решеткой — чтоб не сперли.

Но Дуглас Фэрбенкс там не играл. Он, вместе с Чаплином и своей тогдашней женой Мэри Пикфорд, был одним из совладельцев киностудии. Что за фильм «Тиран», выяснить так и не удалось.

¹ Ясна Гура (Ченстохова) — один из известнейших религиозных центров мира, где находится икона Пресвятой Девы Марии, или Черной Мадонны. Авторство иконы приписывают евангелисту Луке, который написал ее в Назарете на крышке стола из дома Святого семейства. Прежде чем оказаться в Ченстохове, икона хранилась в Константинополе, потом находилась на русской территории и только в 1382 г. попала в руки князя Владислава Опольчика, который передал ее в монастырь паулинов. В XV в. монастырь подвергся нападению грабителей. Они украли церковные ценности, но икону не забрали, а изрубили саблями, и следы «ранений» видны и по сей день. После этого популярность иконы возросла, и многочисленные паломники стали стремиться к святыне. Тогда же, в XV в., для чудотворной иконы-исцелительницы был построен великолепный костел, одно из святых мест католического мира. Стремительно отступая в январе 1945 г., немцы не успели ни увезти икону, ни взорвать 106-метровый костел.

² Трилогия Генрика Сенкевича «Потоп», «Огнем и мечом» и «Пан Володыевский» — классика и гордость польского народа. Папа вспомнил совершенно конкретное содержание первого романа об эпохе польско-шведской войны 1655—1657 гг., где описывается героическая оборона ясногурского монастыря с иконой Ченстоховской Божьей Матери. Анджей Кмициц — главный герой романов.

Дождаться открытия иконы этой самой, которое должно было состояться в четыре часа, мы уже не имели времени. Также не стали подниматься на стотринадцатиметровую башню-колокольню. Распрощались с монахом и ушли. А монах был самый настоящий — в сандалиях, с четками и тонзурой, только не чернец, а почему-то в белом. Я забыл спросить его, не к ордену ли иезуитов он принадлежит.

Из Ченстоховы на память я увез один чемодан из тех, которыми завалены все магазины города. Чемодан стоил 450 рублей и начал разваливаться на части на следующий же день.

В Кракове мы осмотрели Вавель. Он стоит на возвышенности над Вислой, его башни и рavelины господствуют над Краковом. Мы обошли его старинные залы, увешанные подлинниками старинной живописи и обитые кожаными шпалерами, уставленные инкрустированной мебелью. Замок был разграблен немцами, а кое-что вывезено самими поляками — теперь с трудом приходится все собирать¹. Так объяснил нам старичок в берете, водивший нас по всем залам.

В Сенаторском зале должен был вечером состояться концерт — какая-то пани Урманська и другие. Исключительно глупо кто-то придумал — в мягкой мебели и мягкой обивке зала пропадут все звуки.

Под древними каменными сводами входа торгуют мороженым. Я спросил продавщицу, не заходил ли сюда Богдан Хмельницкий, она ответила, что не помнит такого пана. Мы выпили по стакану лимонада и ушли. Базарная ренессансная площадь. Потом побрились в парикмахерской ни много ни мало как за 60 злотых и уехали из Кракова во Львов.

¹ Вавель, расположенный на холме над Вислой, включает в себя королевский замок, кафедральный собор и систему замковых укреплений. В XV—XVI вв., когда Краков был столицей Польши, здесь была резиденция польских королей из династии Ягеллонов. Кафедральный собор — и коронационный, и королевская усыпальница. В нем сохранился знаменитый алтарь работы скульптора Вита Ствоша (1445—1533). Во время войны в замке располагалась резиденция немецкого генерал-губернатора. Похоже, что папа был одним из первых, оказавшихся в замке после освобождения Вавеля.

«Не страшна козе капуста», — сказал Мишка Никитин.

«Когда загорается дом, надо прежде всего стараться оградить от огня правую стену дома, стоящего направо от него. Ибо, если бы, для примера, мы захотели защитить левую стену стоящего влево дома, то, так как правая его сторона стоит вправо от левой стены и, так как огонь, в свою очередь, находится вправо и от этой стены, и от правой стены (ибо мы условились, что дом стоит влево от огня), правая стена оказывается расположенной ближе к огню, чем левая, и, следовательно, правая стена могла бы сгореть, если ее не защитить от огня раньше, чем огонь дойдет до левой, которая защищена, следовательно, кое-что могло бы сгореть, что не защищено, и притом раньше, чем загорится нечто другое, даже если бы последнее не защищалось, а потому надо оставить последнее и защищать первое. Чтобы точно запечатлеть все это в памяти, надо твердо усвоить одно правило: когда дом расположен вправо от огня, то защищать надо левую его стену, когда же дом расположен влево от огня, то правую».

Из правил по тушению пожаров Лихтенберга
(См. Клаузевица «О войне».)¹

Бессмыслицы:

Во Львове на афише: «Дута оркестра» — по-украински это духовой оркестр.

На казарме был написан какой-то поучительный текст, но весь стерся, и видны от него только слова, которые были написаны черным: «изменник и предатель».

В газете «Правда» статья называется «Так рождается отставание».

Ах, и я эти страны знаю,
Сам немалый прошел там путь,

¹ Цитата совершенно точна. Очевидно, правило так поразило папу своей непробиваемой тяжеловесностью, что он слово в слово перенес его в дневник. Карл фон Клаузевиц (1780—1831) — немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии с 1818 г., в 1812—1814 гг. служил в русской армии. В трехтомном исследовании «О войне» изложил свои взгляды на природу, цели и сущность войны, формы и способы ее ведения. На русском языке книга издавалась неоднократно, даже и сейчас (М.: Эксмо, 2007).

Только ближе к родному краю
Мне б хотелось теперь повернуть.

Есенин¹

Гитлер сказал: «Сделано все, что в человеческих силах, чтобы сокрушить Россию». Значит, Россия сделала больше того, что в силах человеческих. Так?

Такая черная, что у нее даже усы росли.

Стоят два человека и шипят друг на друга. Думаю — что такое? Оказывается, два поляка разговаривают.

Сидит в трамвае молодая девушка и вдруг, ни с того ни с сего, — перекрестилась. Думаю — что такое? Оказывается, проехали мимо костела.

Толстый ефрейтор. Все думают, что разжалованный генерал.

Перед ним встала дилемма — любовь или картошка. Он выбрал картошку.

Из «Крокодила». Новобрачные после свадьбы.

Она: «Я должна признаться тебе, дорогой, я не умею готовить».

Он: «Не волнуйся, деточка, я не умею зарабатывать, и тебе нечего будет готовить».

13 октября

Новеллы Томаса Манна.

«Маленький господин Фридеман». Лунная ночь, стрекотание сверчков, тихий смех в аллеях парка и маленькое тело мертвого горбуна, лежащего головой в воде и ногами на берегу. Зеленый свет луны, черные лаковые туфли. Живописное восприятие не навязано постоянным повторением зрительных эффектов.

Очень здорово и очень умно — характер англичанина в «Как дрались Эппе и До Эскобар»: «С открытым, любо-

¹ Из стихотворения С. Есенина «Эта улица мне знакома и знаком этот низенький дом...» (1923).

пытствующим выражением в лице оглядывался по сторонам, не найдется ли еще пара сильных долговязых парней, которые пожелали бы ради его особого удовольствия расшибить друг другу носы».

Хорошее начало рассказа.

«Рассказать что-нибудь? Да я ничего не знаю. Ну хорошо, я чего-нибудь расскажу»¹.

Очень хорошо. Сразу — непринужденность. Живо.

Для того чтобы значительное духовное произведение сразу могло оказать влияние, распространяющееся вширь и вглубь, должно существовать скрытое родство и даже совпадение между личной судьбой автора и общей судьбой современного ему поколения.

Это есть. Чего же мне хочется? Что это за духовное влияние, необходимое условие произведения искусства?

А я хочу ограничиться фиксацией того, что видел и узнал. Не мало ли этого? Или же сейчас просто еще рано мне думать о каких-то больших задачах, проходя период ученичества?

«Анатом литературы». Отвратительное занятие.

Тишина и умный покой читальни. И я на пару часов оторвался от всего и стал прежним, лучшим.

...И как он говорит: «Мачики», и как она целует легонько-легонько, и потом стирает пальцем, «чтобы не было видно». И личико ее, такое милое и нежное, иногда становится оно очень грустным, и делается до боли жалко маленькую. И черные волосы ее, которые то и дело приходится причесывать моей гребенкой, и они завиваются сами то вовнутрь, то кнаружи. И руки ее, полные, красивые, с ямкой на локте и кистями, на которые велики любые перчатки, и приходится носить старые, порвавшиеся, черные, детские, и пальчики в чернилах. И ножки в башмачках,

¹ Я не знаю, читал ли папа сборник новелл Томаса Манна в оригинале или в переводах на русский. Во всяком случае, те цитаты, которые он приводит, несколько отличаются от «канонических», помещенных в десяти томнике Госиздата 1960 г. Так, у него «Эппе», а не «Яппе» в заглавии «Как дрались Яппе и До Эскобар». Начало рассказа «Железнодорожное приключение» (он его не назвал) в седьмом томе переведено так: «Рассказать что-нибудь? Но я ведь ничего не знаю. Так и быть, что-нибудь расскажу».

которые чистят резинкой, а непослушные шнурки все время выскальзывают, и их надо поправлять. И глазки — серые, большие, таких больше нигде нет. И шею, на которой однажды нескромный нахал оставил знак. И надутые губки, если обида. И голос по телефону — такой точно, как у матери, не различишь в первый момент. И площадку внизу, под набережной, куда ходили только один раз и больше не вернулись, потому что — нельзя дважды. И огни в черной Москве-реке, и парочки у гранитного парапета, и длинные худые ходули высоковольтных столбов. И рубиновые звезды Кремля, и поцелуй под ослепительным светом фонаря посреди Красной площади напротив Мавзолея. И букеты на Петровке или Покровке...

Не забыть. И рассказать некому. И умереть — а испытать еще хоть раз. Даже если — умереть. <Позднейшая запись: «Вышла замуж 8.2.1948 г.»>

16.10

«Симона» Фейхтвангера¹.

Или я ничего не понимаю, или это вещь слабая. Параллель — Симона — Жанна д'Арк слишком, как бы это сказать, примитивно навязчивая. Не увлекает, как обычно Фейхтвангер. Я читал все время с напряжением.

Читаю статью Ардова об Ильфе и Петрове, и приходит в голову, что мы с Аркашкой, пожалуй, могли бы писать вместе. Чем не звучит: «Фуремс и Сурис»²?

В «Знамени» № 9—10 за <19>44 год рассказ Хемингуэя «Рейс к победе». 7—8 и 9—10 за <19>44 г. — Гринвуд, «Отряд выступает»³.

18.10

Обычно удачи у меня по 13-м числам. А то вдруг сегодня — такой удачливый день, просто прелесть.

¹ «Симона» Л. Фейхтвангера была напечатана в «Октябре» в № 5—6 и 7 за 1945 г.

² Очерк В. Ардова «Ильф и Петров (воспоминания и мысли)» напечатан в № 7 «Знамени» за 1945 г.

³ Повесть «Отряд выходит» Р. Гринвуда (1897—1981) в пер. М. Абкиной (Знамя. 1944. № 7—8, 9—10), судя по дальнейшим записям, стала для папы своеобразным примером выстраивания сюжета. С автором «Маленького оборвыша» Джеймсом Гринвудом (1839—1926) — писателем всего лишь однофамилец. Рассказ Э. Хемингуэя «Рейс к победе» (Знамя. 1944. № 9—10) перевела Евг. Калашникова.

Началось со вчерашнего вечера, когда из разговора с нашей машинисткой возникло решение — поступить на заочный в Львовский университет, что я, не смогу им сейчас же сдать немецкий язык за все пять курсов?!

Это решение вызвало прилив бодрости. Утром опоздал в построение, пошел домой, и по дороге в голове сразу сложилось — прибежал, сел и в один присест сразу за три часа написал «Девушка, которую он целовал». Это ли называется вдохновением? В Одессе три раза начинал и бросал — не вытанцовывалось, а тут сразу. Если соединить с тем, что написал раньше, — «Это бывало так», получается неплохо, но очень спорная композиция.

Рассказы через один — «На войне и после войны», целый цикл.

А потом Мелешко водил показать новую квартиру. Понравилось — ближе гораздо и уютнее. Возвращаюсь — на встречу связной: «Товарищ старший лейтенант, там письмо для вас, в штабе лежит». Шел и уговаривал себя, что какое-нибудь неинтересное. Издали еще узнал почерк адреса — от Мышки. Милое, милое письмо, первое письмо от кого бы то ни было во Львов. Чудная девочка.

20.10

В «Огоньке» рассказ «Офсайд»¹. Тема, близкая мне, и потому задело за живое. Ясно увидел, чего нельзя делать. У него (Борис Порфирьев) детали хороши, но нельзя навязывать тенденцию, все эти «долги», «порывы» и т. д. Нужно проще и обыденнее, грязнее. Получилась фальшь.

Очерк о Заненбургской тюрьме².

На одном из трупов фотокарточка девушки и на обороте ее наспех сделанная надпись: «Наташа, я погиб. Меня расстреляли. Белец Пилип».

Репин, «Далекое — близкое».

¹ «О ф с а й д» — первый рассказ писателя-фронтовика Бориса Порфирьева (1919—1990).

² З а н е н б у р г с к а я т ю р ь м а — Сонненбургский концентрационный лагерь «первой генерации», существовавший с 1933 г. С 1934 г. это была действительно просто тюрьма, но во время войны она опять стала использоваться как лагерь под контролем СС. В ночь с 30 на 31 января 1945 г. эсэсовцы расстреляли 819 заключенных и взорвали здание тюрьмы.

О Серове.

...Молодых художников, не получивших в детстве ни образования, ни идеалов, ни веры в жизнь и дело искусства. Несмотря на их внешние способности, здоровье, свежесть, в их случайных и никчемных трудах нет света, жизни, глубины, если они не учились, усиленно развивая себя. Если они посягали на создание чего-нибудь нового — выходил один конфуз.

Исключительной огромной просвещенностью в деле искусства обладал весь тот круг, где вырос Серов. Выработка безупречного вкуса.

Репин ставил Серову этюды. Первый: поливанный кувшин, калач и кусок черного хлеба на тарелке. Главным образом строго штудировался тон каждого предмета: калач так калач, чтобы и в тени, и в свету, и во всех плоскостях, принимавших рефлексy соседних предметов, был калач, поливанный кувшин коричневого тона имел бы свой гладкий блеск и ничем не сбивался на коричневый кусок хлеба пористой поверхности и мягкого материала¹.

<...>

Матейко. Я его совсем не знаю, и, будучи в Кракове, не подозревал даже. Репин в восторге².

Боже мой, боже мой, что же мне делать? Вчера вечером, после Нинушкиных писем, все казалось и понятным, и решенным, и решение принято, а сегодня — Репин, и я опять не знаю, что делать. Как я смогу, если не попытаюсь

¹ В руки папе попало или издание «Далекого—близкого» 1937 г. изд-во «Искусство», 623 с., под редакцией и со вступительной статьей К. Чуковского, или переиздание 1944 г., выпущенное в увеличенном формате, 527 с.

² М а т е й к о Я н (1838—1893) — польский живописец, писал картины, посвященные ключевым трагическим моментам польской истории. И. Репин, «Далекое—близкое» которого как раз в это время читает папа, не жалеет превосходных эпитетов для художника: «...могучий стиль Матейко», «...большое наслаждение доставляет созерцание и каждого кусочка его картины» и т. д. Впоследствии папа не раз сам писал о Матейко: «Репин о Матейко» (Искусство. 1951. № 6), «Искусство польского народа» (Искусство. 1952. № 5), «Ян Матейко (к 60-летию со дня смерти)» (Вильна Украина. 1953. 1 сент.), «Из истории связей польского изобразительного искусства с русской художественной культурой» (Искусство. 1954. № 1).

стать художником? Если не буду над этим биться и стремиться к этому. И опять-таки от меня не зависит... Не знаю, не знаю.

Без искусства жить не смогу.

<...>

Карел Чапек, «Рассказы из обоих карманов»¹.

Чапек очень интересно сочиняет. Рассказ об убийстве актера Бенды.

<...>

Бродячие фотографы, которые на улице снимают прохожих, а потом стараются всучить им фото, — не внедрены ли контрразведкой? Уж очень они для нее удобны.

22.10

Жены офицеров у нас — уборщицы, судомойки или официантки. И так у самых больших офицеров. Это — характеристика общего культурного уровня нашей армии и даже всего народа. Не могу себе представить, чтобы у кого-нибудь из капитанов или подполковников была жена — врач, или, скажем, инженер. Это просто дико.

А как в Англии?

То дело, которое делает военный врач, бессмысленно, как, впрочем, бессмысленно и все на войне. Калечат, рвут на части человека, а потом стараются мало-мальски и при том насколько можно быстрее снова привести его в порядок. Не проще ли вовсе не посылать его в бой? Рожают человека в муках, учат, воспитывают, растят — для того, чтобы в один прекрасный день с колоссальной затратой сил и энергии убить его. Не проще ли уничтожать людей еще в утробе матери?

Нет, убийство младенцев считается варварством. В то же время можно рассматривать его не как варварство, а как стремление к экономии сил и средств. Ребенка легче убить, чем взрослого человека, солдата, и, кроме того, сберегает-

¹ «Рассказы из обоих карманов» Карела Чапека в пер. Т. Аксель были напечатаны в № 5—6 журнала «Новый мир» за 1945 г. Подборка включала рассказы «Исчезновение актера Бенды», «Рекорд», «Случай с дирижером», «Украденное убийство», «Похождения брачного афериста», «Эксперимент профессора Роусса», «Как делается фильм».

ся весь тот комплекс усилий, затрат и тому подобного, который бы потребовался, чтобы из этого ребенка сделать взрослого, научить его и вооружить новейшими дорогостоящими орудиями истребления.

Таким образом, я утверждаю, что государство А, вторгшись в пределы государства Б и уничтожая в нем малолетних детишек, оказывает тем самым услугу государству Б посредством сокращения многих статей в его бюджетах на ближайшие 15—20 лет.

...Он лежит на снегу белизны госпитальной...

Семен Гудзенко

Чем не тема?

23.10

Смотрел в «Смене» репродукцию с картины Соколова-Скали¹ «Взятие Иваном Грозным ливонской крепости Кокенгаузен». Пришел в ужас: и это — произведение опытного, старого художника! Какое отсутствие вкуса, какая пошлость целого, всего замысла (да тут само слово «замысел» неуместно!). Нет ни одной детали, которая не привела бы в отчаяние. Ужас, ужас и в третий раз ужас! Бездарность.

Шведским флотом командовал адмирал де Пру, француз, у которого левая рука оторвана, а вместо нее приделана серебряная.

25.10

До какой степени презрения к человеку надо дойти, чтобы разместить казармы целого полка в бывшей тюрьме!

Я сегодня там был. В одном из нижних казематов расположен медсанбат. Зубной врач за десять минут сделал все необходимое и вставил пломбу. Такая молниеносность вызвала у меня удивление и недоверие к его добросовестности.

¹ Соколов - Скаля П.П. (1899—1961) — мастер исторической и батальной живописи. Картину «Иван Грозный в Ливонии» писал с 1937 по 1943 г. Сейчас она находится в Русском музее (Санкт-Петербург).

Во дворе тюрьмы не просыхает лужа. Из незасыпанного тюремного рва доносится запах гниения и мусора. Красные кирпичные стены больше метровой толщины, в них маленькие окошки с решетками и бойницы. На каждом корпусе намалевана огромная римская цифра. Стены закопчены, наверное, тюрьму пытались сжечь. По большому пустому двору строем ходят роты и похаживают два розовых, непонятно откуда взявшихся кабана.

Но самое ужасное — это запах, мертвый, гнилой, отвратительный. Казармы в тюрьме! Ну и ну.

<...>

Эпоха Петра и дело его характерны сочетанием двух начал — великого и ужасного. Даже Сталин, если уж на то пошло, указывал на это, говоря, что Петр боролся с варварством варварскими же способами. И на этом — ужасное и великое — нужно строить роман о Петре. В 3-й книге Толстой увлекся темой великого и очень приглушил элемент ужасного. В первой и отчасти во второй книге это было у него лучше. Это, мне кажется, недостаток. Впрочем, сейчас это общая тенденция, и неправильная, надо сказать (к примеру — облагораживание до глупого, до конфетки, Ивана Грозного).

Только одно произведение я знаю с настоящим Петром — жутким и великим — это картина Серова. Лучше ее этот образ нигде не воплощен¹.

¹ Картина В.А. Серова «Петр I» написана в 1907 г. Она — как иллюстрация к пушкинскому Петру:

...Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен.
Он весь, как божия гроза...

Александр Бенуа писал о картине так: «Страшно, судорожно, как автомат, шагает Петр... Он похож на Божество рока, почти на Смерть, ветер гудит ему по вискам и напирает в грудь, на глаза... Глядя на это произведение, чувствуешь, что... в императора Петра I вселился грозный, страшный бог, спаситель и каратель, гений с такой гигантской внутренней силой, что ему должен подчиниться весь мир и даже стихии...» (В кн.: Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Л., 1971. Т. 1. С. 407—408). Пройдет еще много лет до того момента, как папа познакомится с этим высказыванием Бенуа, но насколько он близок к такому же пониманию картины!

Валерия Герасимова — «Байдарские ворота»¹ в «Знамени». Есть удачные кусочки.

Тема: детское «печоринство» и насмешки над всем на свете. После войны, когда видит, как пропадает время, лихорадочные поиски возможности делать дело, стремление к творчеству. Человек, посадивший на своем веку одно дерево, не напрасно прожил жизнь. Но — чувство, что может не только это, может неизмеримо больше. Может и хочет.

Гринвуда — «Отряд выходит». С первых страниц до меня не доходило, сейчас вчитался. Неплохо. В первой половине — люди во время войны, но непосредственно еще не затронутые войной. Война есть, но они ее еще не знают, она к ним не подошла вплотную. Так было у нас в Одессе до 22 июля.

Ходил во Львовскую картинную галерею. Сегодня осмотрел бегло, завтра зайду повнимательнее, но особенно смотреть нечего. Очень бедно.

Входить — надо надевать смешные огромные шлепанцы из красного сукна. А смотреть нечего.

Есть очень симпатичный натюрморт — автора не помню — белая спаржа и лук на зеленом. Холодно, но интересно. Есть Иорданс «Сатир у крестьянина» — по-моему, копия. Несколько интересных портретов. Один Тициана, старик. Подлинник ли? Портрет силен. Хороший Лампи² и еще 1—2. Два эскиза Маульберча³ — опять встречается мне эта фамилия. Художник XVIII <века>, очевидно австрийский. Эскизы под Тьеполо, очень декоративно, хорошо. Немного разной мелкой ерунды, которой обычно засоряются такого рода музеи и которую выставляют, во-первых, потому, что больше выставлять нечего, во-вторых,

¹ «Б а й д а р с к и е в о р о т а» напечатаны в «Знамени» за 1944 г. № 7—8 и 9—10. Герасимова Валерия (1903—1970) — писательница, первая жена А. Фадеева, кузина режиссера Сергея Герасимова.

² Л а м п и Иоганн Батист (старший) (1751—1830) — один из лучших мастеров портрета своего времени. Работал при австрийском, польском и русском королевских дворах. В России провел шесть лет (1792—1798).

³ М а у л ь б е р ч Франц Антон (1724—1796) — австрийский живописец эпохи барокко.

потому, что старинное все-таки. А от нее ни удовольствия, ни художественной ценности не представляет.

Вот поэтому я недолюбливаю музеи. Всегда в них столько ничтожных произведений, которые все-таки из вежливости рассматриваешь и стараешься увидеть в них какие-то несуществующие качества, что, дойдя до настоящего, ты уже устал, внимание и острота восприятия притупились. Да и не смотрится отдельное полотно на фоне всех этих почерневших от времени и лака картин. Они только мешают.

Вывешивали бы только хорошие вещи...

Я так ненавижу Львов, что каждая новая обнаруженная мелочь бесит меня. Ну вот, например, что это за порядок, что новые картины пускают в кино с понедельника? Только идиот мог ввести такой порядок. Будет идти «Без вины виноватые»¹.

Эмблема чего — дубовый листок? Верности, помнится?

Я становлюсь глупым и сентиментальным, как гимнастка Чарской. Вот я начинаю хранить в дневнике засушенные листки. Мало того — я целую этот листок, когда никто не видит.

Старухи стоят под забором и продают яблоки в бумажных фунтиках.

28.10

Гринвуд, «Отряд выходит».

Только в библиотеке, где мало книг, когда ходишь и ходишь, и каждый день ничего хорошего нет, и ты с недовольством идешь прочь, а в один прекрасный день застаешь на прилавке, скажем, Пристли — можешь почувствовать, какое это радостное событие, достать хорошую книгу.

¹ «Без вины виноватые» — фильм Владимира Петрова, 1945 г. В главных ролях — Николай Коновалов, Алла Тарасова, Борис Ливанов.

Мне кажется, что даже маленькая жизнь одного-единственного человека, — скажем, моя, — предлагает столько тем для описаний, и каждая из них и занимательна, и характерна (в смысле типичности для времени и поколения), что надо только сесть, сосредоточиться, вооружившись пером и бумагой и достаточным количеством чернил, — и возникнет книга, которая будет тем лучше, чем внимательнее вспомнятся детали, чем проще будут выражены мысли и образы и чем непринужденнее и живее получатся диалоги. Только жизнь — и больше ничего — вымысла вовсе не надо, лучше не придумашь, чем было, и не надо придумывать.

Тема: моя последняя ночь с мамой. Бомбежка.

<...>

Терпеть не могу опаздывать, входить туда, где все уже собрались и смотрят на тебя, и кажется, что во всех взглядах немой укор. Терпеть не могу опаздывать и все-таки всегда опаздываю.

30.10

Сегодня было то, что является для меня страшным призраком и пугалом всей жизни: я вырвал себе зуб. Собственно говоря, насколько я понял по разным признакам и ощущениям — а я старался не смотреть на руки доктора, оперировавшего какими-то орудиями в моей широко разверстой зубной полости, — зуб был не вырван, а разломан и со страшным треском — по кускам выковырян.

«Затемнение в Грэтли»¹.

Трудился как негр.

На нем было столько пуговиц, что их хватило бы на пару кителей и шинель.

¹ Пристли Дж. Б. «Затемнение в Грэтли» — повесть о военном времени и для военного времени. Новый мир. 1943. № 5—6, 7—8. Перевод М. Абкиной.

В «Звезде» № 4 за <19>45 год Леонид Борисов — «Волшебник из Гель-Гью»¹.

31.10

С огромным удовольствием перечитал «Остров сокровищ».

Уходя из дому, оставил на столе монографию Микеланджело². И вот эта здоровенная долговязая дура возмущенно спрашивает меня, зачем я такие книги забываю на столе — дети, мол, весь день смотрели. Это было произнесено таким тоном — мол, ну и ну, — а потом нерешительно спросила: не болезни ли это там, все по-иностранному написано. Она приняла это не то за порнографию, не то еще за что-то. Я чуть не сгорел от стыда.

Боже, среди какого зверинца приходится жить.

Она шла с таким надменным видом, как будто не имела ни малейшего представления о том, что у нее уродливые ноги.

¹ «Волшебник из Гель-Гью» Леонида Борисова — повесть об Александре Грине, писателе, которого папа нежно любил всю жизнь. Даже переоценивая в разные периоды многие свои пристрастия, он неизменно трепетно относился к гриновской романтике. Повесть была опубликована в № 4 и 5—6 «Звезды» за 1946 г., и ей посвящен абзац в Докладной записке управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград»: «...На страницах «Звезды» ведется пропаганда идеалистических взглядов на искусство. Повесть Л. Борисова «Волшебник из Гель-Гью»... сплошь заполнена призывами уйти от действительности в область «сладостных легенд», «в мир фантастики и чистой выдумки». Образ писателя Грина, являющегося героем этой повести, идеализируется, как образ мечтателя, человека «не от мира сего», погруженного в свои бесконечные фантазии...» Записка датирована 7 августа 1946 г., а постановление оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» было опубликовано 14 августа того же года.

² Папа изучал монографию Германа Кнакфуса о Микеланджело: Hermann Knackfuss (1848—1915) Michelangelo // Bielefeld: Velhagen & Klasing, 1912. 140 р. Она была выпущена в серии «Монографии о художниках» (№ 4) и содержала 121 иллюстрацию, в том числе подробный развернутый план росписи потолка Сикстинской капеллы, который папа замечательно перерисовал в дневник.

Товарищи его не любили и могли бы дразнить его фамилией, а если они не делали этого, то, очевидно, просто потому, что никто из них не читал Лермонтова, а если и читал, так ни черта не понял и не запомнил.

Это — о Вернере¹.

5.11

Насколько беднее наша духовная жизнь, чем молодежи, скажем, пушкинских времен.... Тогда юноша в шестнадцать лет уже решал для себя мировые проблемы, цитируя на память и древних, и современных мудрецов.

6.11

Томаса Манна «Смерть в Венеции». Не объясняет ли странная любовь, описанная там, гениального писателя Ашенбаха к мальчику Тадзиу линию Микеланджело—Кавалиери? Похоже.

8.11

С похмелья во рту как будто лягушки ночевали.

Месяц, как я здесь, а мне кажется — годовщина.

Eine Jusele, aus Tr<неразб.> geboren...

Девочка моя, девочка, когда я тебя увижу...

Почему бы не написать серьезную и большую картину на тему «Алых парусов»? Женщина, отдающаяся своему счастью. Кроме того, возможен блестящий декоративный эффект.

Господи, если ты есть, помоги мне осуществить все это².

9.11

С Латманом на именинах у полковничьей дочери.

¹ В е р н е р, доктор, приятель Печорина — персонаж из «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова.

² Картина на тему «Алых парусов» была папой написана в 1946 г. Ассоль вбегает в море навстречужданному кораблю с алыми парусами. В девушке нетрудно узнать Нину, героиню дневника, в семье которой акварель (небольшая, 30×40) хранится и по сей день. (Сведения получены от Н.И. Кривой-Ушеренко.)

Опечатка: через толпу приходилось проталкиваться страшными василиями. Название романа: «Усилия Василия».

<...>

10.11

Боже мой, как быстро промелькнула половина ноября!

Сегодня:

- 1) залез в штаб округа, откуда с треском выгнали,
- 2) встретил Ильюшку Зиммерфельда,
- 3) говорил по телефону с Москвой. Нинушки не застал — ушла в театр. В филиал Большого, на «Риголетто». С кем?.. Глупости, но мысль об этом мне неприятна,
- 4) начал читать «42-ю параллель» Дос Пассоса¹. Очень интересно.

Шел под дождем в слякоть и темноту, и вверх по улице Боженко, было очень тяжело идти, особенно торопясь, потому что в 20.00 совещание. А в это <время> в кресле около нее кто-то сидит и смотрит не на сцену, а на ее профиль. Риголетто тогда пел Прокошев, а герцога Чекин, но Прокошев гораздо лучше. А в антрактах внизу у раздевалки по кольцу, неизменно по кольцу в табачном дыму все в одну сторону движутся пары, и — и, Борис Давидович, вы, кажется, здорово ревнуете?

Зачем она тогда летом, под бомбежки, летала к этому Аркадию в Одессу? Зачем он ее называет Нинушкой? Зачем она носит его часы и его карандаш с поросенком?

¹ Д о с П а с с о с Джон (1896—1970) — писатель так называемого «потерянного поколения» 1920-х гг. Роман «42-я параллель» (1930) — первая часть его трилогии «США», (две другие — «1919» и «Большие деньги») охватывает период до вступления Америки в Первую мировую войну. Романы построены по методу калейдоскопа, из разрозненных осколков и обрывков, лишь в конце складывающихся в единое целое. Романы поделены на части, среди составляющих которых постоянно повторяются разделы «Новости дня» и «Камера-обскура». «Новости дня» — это куплеты популярных песенок, газетные заголовки, отрывки из газетных сообщений, данные в виде внешне беспорядочного монтажа, как если бы внимание читателя рассеивалось на такие внешние раздражители. «Камера-обскура» — поток сознания автора, его собственный комментарий эпохи. Перевел «42-ю параллель» И. Кашкин в середине 1930-х гг.

Она — моя жена, и я набью морду всем этим, когда приеду. А пока не приехал — реветь хочется, и ругаться хочется, и ничего нельзя поделать.

В кабинке, перед тем как взять трубку, у меня чуть сердце не выскочило.

Так нельзя любить. Нехорошо все, что чересчур.

<...>

11.11

Если бы у меня спросили, что я делал в отпуску в Одессе, мне по совести следовало бы ответить: ничего не делал, просто жил и наслаждался обществом приятных мне людей. На такой же вопрос о Москве — был бы ответ: ничего не делал, просто целовался. Даже и не поговорил о том, о чем следовало бы.

Если взять да и написать подробно и просто, с деталями, с хемингуэевским проникновением обо всем, что было со мной, все впечатления и встречи с начала войны, или лучше незадолго до войны и до самого конца — может получиться прекрасная книга.

<...>

12.11

Слух о том, что наша 52-я армия должна уходить в оккупацию, дошел до меня еще 7-го числа, когда я встретил после парада капитана Шишова, и он сообщил мне все последние новости. Но сегодня слух этот подтвердился тем, что пришло приказание с запрещением отпусков всем — и офицерам, и рядовым — до особого на то распоряжения. Если так, то это значит, что я опоздал — теперь, когда я нашел причину неудачи, изготовил необходимые документы самолично и завтра собирался нести их подавать! Боже, боже, когда же это прекратится. Так можно сойти с ума. Когда закончится это бесконечное гадание вслепую.

Наконец, письмо от Кавы.

Встреча с Ильюшкой Зиммерманом. Его рассказ о том, как в Москве он жил с женой генерала. Генерал был на фронте, а ей — лет 28. Очень культурная и образованная женщина. Они были вместе на балу, потом она пригласи-

ла его к себе. Когда он голый лежал на диване, она подала ему скрипку и попросила сыграть.

— Я был пьян, и сыграл «Сентиментальный вальс» — сыграл как бог. Никогда еще я его так не играл.

Потом было что-то сумасшедшее, лежа на полу.

А потом она ему писала страстные письма (и пишет до сих пор): «Береги свою скрипку, она для тебя — все. Она спасла тебе жизнь, я тебе отдалась ради нее».

Какая гадость.

13.11

Ненависть к городу Львову. Жизнь здесь все-таки легче, чем где бы то ни было, и поэтому сюда съезжаются всякие людишки, остаются демобилизованные, появляются все те, кому некуда деваться. Они переполняют город. Это город искателей хорошей и дешевой жизни.

15.11

То качество, которое необходимо, чтобы не падать духом, когда тебе паршиво, называется мужеством.

Сегодня ругался с Гостевым. На обратном пути встретил бабу с полными ведрами.

Название книги, которую я напишу: «Мне 22 года».

<...>

17.11

«Дневной свет в субботу» Пристли¹.

Смысл названия: дневной свет только в субботу, в остальные дни они его не видят.

Субъективность всего излагаемого, как в «Камерах-обскурах» Пассоса. По своему методу я натуралист. И Хемингуэй натуралист.

<...>

¹ Журнал «Новый мир» в течение трех лет опубликовал три военных романа Джона Пристли. «Дневной свет в субботу» — в 1944 г., в № 1—2 и 3. Судя по всему, папа не просто читал Хемингуэя, Дос Пассоса, Гринвуда и других иностранных писателей, упоминаемых в дневнике, а учился у них, накапливая опыт, который, он был уверен, потребуется ему в ближайшем будущем.

21.11

Вечером пошел смотреть «Без вины виноватые», и было при этом у меня такое чувство, будто я делаю кому-то назло.

Два слова о картине. Островским там и не пахнет. Насмотревшись заграничных картин, наши киношники решили блеснуть роскошью постановки. Неумеренная роскошь — в каждом кадре, будто снимали по меньшей мере американских миллионеров в их дворцах, а никак не провинциальный городишко. От Островского нет и следа, начиная с отвратительных рамок, в которые заделан текст начала (с объявлениями фамилий), и кончая очень плохим концом. Это я утверждаю, хотя именно этой пьесы Островского и не читал.

А что же есть? Есть в ряде мест (не везде) изумительная Тарасова, Шмага (кажется, Грибов), в двух-трех кадрах хорош Незнамов. Хорошо появление Незнамова, когда в дверь просовывается рука в коротком по локоть рукаве пиджака. И, слава богу, Масальский не впал в обычную свою демоничность, хотя мог. А Ливанов дуб дубом, как всегда, напыщенный и деревянный. Не знаю, почему у меня всегда напрашивается параллель Ливанов — Лавренев. Наверное, тут и сходство фамилий, и сходство высокопарной неестественности.

Лучше всех Шмага. Плохо и совсем ненужно, как он вспоминает прошлое. Это дань тугодумной публике. Без этого было бы куда лучше и не менее понятно.

На меня трудно стало угодить.

Кончил «Дневной свет». Книга, в которой ни движения, ни описаний, ни действия. Только образы, построенные на диалогах. Но до чего здорово! Вот где учиться.

22.11

«42-я параллель». Хороша, очень хороша. Принимаюсь за «Блуждающие звезды»¹. Тряхну стариной и вспомню детство.

¹ «Блуждающие звезды» (1909—1911) — роман Шолом-Алейхема.

25.11

Собирался было в Дрогобыч, но помешала очередная ерунда — операция по вылавливанию бандитов. Операция дней на 5 — ergo до 1-го, ergo все срывается. Лейкин был в армии, в армию мое дело не поступило. Какие сволочи везде.

Нач. ОК дивизии, капитан Гостев — гадкий прыщик на ровном месте.

Вчера вечером с 12 чел. выехали из Львова, через Бобрку в Хлебовичи Вельки. В машине нет стекол и дует во все дыры. Приехали ночью. Всю ночь лазил по селу, а утром, когда пришли наши, выудили в одной из хат товарищей бандеровцев.

Легкий привкус опасности придает жизни некоторый интерес.

Письмо от Норочки — первое за все время — и от Бубы.

Хоть бы убили, чтобы все сразу кончилось. Жаль, нет войны.

27.11

Нищие украинцы, грязная деревня.

Снег, и тепло так, что можно повсюду без шинели, — как я люблю эту погоду!

Пойманы двое бандеровцев, но от них никакого толка.

Когда возвращался обратно, снег падал уже большими пушистыми хлопьями и тут же таял, и от этого было скользко, как идти по льду. Несколько человек встретились по дороге, у них проверили документы, оказалось все в порядке, разрешили идти дальше, но сказали так поздно больше не ходить. Старуха шла и спотыкалась, молодая блестела глазами так, что видно было даже в темноте, и все негодовала.

— А мне самому радость доставляет, что ли, по таким делам таскаться ночью по три километра, я бы лучше у тебя остался и с тобой переспал.

— Чого це я мало з вами спати. Идить ви собі, у мене чоловік є, я його чекаю.

— Не удовольствия ради, а для продолжения рода человеческого, поняла, красавица?

— А чоловік твой, думаєш, там монахом живе, тожеш найдет себе солдатку.

— Нічогосенько я вас не розумію.

Вот и церковь, призрачно-белая в мутной белизне падающего снега, пришли.

Сотников сидел за столом при мигающей лампе, в комнате было жарко, и он расстегнул и кожаное пальто, и китель, так что снизу стала видна полосатая матросская тельняшка, а фуражку сбил вбок и на затылок. Перед ним, заслоняя от меня лампу, стоял тот длинный, с носом как клюв. У него руки были связаны сзади ремнем, он так и стоял с перетянутыми сзади руками. Я сначала подумал, что темная полоса по виску и щеке у него кровь — вот здорово отлупили, — но потом присмотрелся, оказалось, свисла прядь волос. Сотников никогда не бьет по морде, а только по затылку и спине чуть пониже шеи, так и больнее, и незаметно.

— Ну, гестапо, привел к тебе двух, — сказал я, — куда их?

— Много оказалось в том доме? — спросил он.

— В том никого не было, — сказал я, — дом пустой, и в нем давно никто не живет. Я все осмотрел, и чердак, и сарай, никто там уже с полгода как не живет.

— А большой дом? — спросил он.

— Нет, ерундовый, — сказал я. — Бедный и маленький, так, комната одна и сенцы какие-то. Все пусто и загажено, так я двух соседок прихватил.

— Ладно, — сказал он, — пусть подождут в сенях. Я сейчас с этим вот закончу.

Манченко играет в дурака.

— Неужели ты не достоин побить эту несчастную шестерку? Зайдем вот так, миниатюрно, с восьмерочки.

Он сказал:

— Да вы же выше его ростом! — и все было убито.

Военнослужащему пояс служит не для поддержки штанов, а для утверждения в нем воинского духа, для выработки необходимой выправки и ранжира и для внедрения незыблемых законов железной дисциплины.

Полковник сказал:

— Уборная каждый день после подъема должна убираться до невозможности.

Века были так себе... средние.

Земля вертелась. Кое-как вертелся на ней и он.

О заведующей продмагом, с восхищением:

— Сказочная женщина! Шахермахерзада!

Три хохмы из «Крокодила»

Если говорят — женщина в положении, то что же тогда такое — выход из положения? Фу, как неприлично.

Настроение пулевлобское, петлюнашейское, головообстенское, врекувнизголовойское.

Детство и отрочество.

— И дым отрочества нам сладок и приятен (глупо).

1.12

Итак, я в Дрогобыче. Был в штабе армии. Там мне ясно сказали, что моя категория демобилизации не подлежит. Все. Точка и ша. Можно застрелиться.

<...>

Вскоре он узнал все маленькие тайны женского туалета.

Комсорг батальона лейтенант Дубина. Никогда не видел, чтобы фамилия так здорово соответствовала ее владельцу.

Весь ужас положения, безнадежность так ошеломляют, что не доходят до меня. Если мне не на что будет надеять-

ся, я подохну. Поэтому я все еще надеюсь. Когда перестану — сделаю что-нибудь отчаянное.

Из госпиталя вышла на улицу целая гурьба калек. Они были совершенно одинаковые — в серых полосатых, как у арестантов, пижамах, и у всех на месте правой ноги были одинаковые короткие обрубки. Они бодро стучали костылями и взмахивали ими в такт. Они передвигались быстро на своих трех тонких ножках и были очень похожи на уэллсовских марсиан, что ли. И никто не понимал, какой это, в сущности, ужас — такие молодые, такие одинаковые, такие одинаково изувеченные, сами не понимали они. Они шли в город, возможно в кино. А в другой раз из госпиталя шла толпа безногих — уже выписавшихся. В шинелях и шапках, вещмешки, и у каждого за спиной привязан протез. Хоть бы надели они его перед тем, как выходить. Полное впечатление, будто у них оторвали или отрезали ноги и дали потом нести каждому свою, — страшные ноги, коричневые, как бывает, если содрать кожу, и с блестящими металлическими креплениями сухих суставов.

Когда человеку делается паршиво — то чувство, которое удерживает его руку, называется мужеством. А может быть, наоборот, трусостью?

<...>

4.12

Джеймс Олдридж, «Дело чести» в «Октябре», № 9¹.

<...>

Олдридж пишет очень просто, простота хороша, как ничто иное. Так и надо писать.

4-го телеграмма Нинушке. Не выдержал.

— Вот что, — сказал он очень серьезно, — вам предоставляется выбор: либо я на вас женюсь, либо вы выходите за меня замуж. Иного выхода я не вижу.

<...>

¹ «Дело чести» Дж. Олдриджа, роман, написанный им в 1942 г., об английских летчиках, воюющих в 1940—1941 гг. в Греции. Перевод П. Охрименко и Д. Горбова.

12.12

Сегодня узнал о гибели Борисенко. Мало сказать, что это меня ошарашило — и ведь только несколько дней назад мы говорили с Латманом о том, что надо бы съездить к нему, начальнику оперативного отдела корпуса. В ночь в 7 на 8 ноября — на Октябрьские <праздники> он один возвращался домой с вечера, возможно немного навеселе. Его остановили, поставили к стенке и расстреляли. Посреди города Стрый. Через полгода после войны.

Вчера — отказ из округа на мое увольнение. <...>

Добились-таки своего сволочи американцы: растлили <так> атомное ядро!

16.12

<...>

— Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать... двадцать один... Что за черт, откуда их столько взялось. Двадцать семь...

— Еще не все! Смотри, вон новая партия, штук пятнадцать...

— Где? Не вижу.

— Да вон же, вон, над двумя трубами, как раз выходят из-за леска...

— Вот это да, все небо закрыли... Как гудят... Птички!

— Я еще с вечера говорил, что так и будет...

— Не меньше полсотни, — сказал я.

Солнце слепило глаза и не давало сосчитать как следует, да и в конце концов, это было не так важно — сколько их. И без того ясно, что чересчур много.

— Ох, и дадут они нам здесь, — сказал Артеменко. — Полное село бричек, машин, кавардак настоящий. Ох и будет дело...

Мы стали на край узкой щели, готовые прыгнуть туда, когда придет момент, — прятаться и мазаться сырой глиной раньше времени было бы глупо, пока можно обождать. Щель была узкая и глубокая, как могила, и очень неуютная, а после вчерашнего дождя в нее натекла вода, но все же было очень благоразумно — заранее выкопать хоть такую щель.

Мерный рокот авиационных моторов рос и ширился, заполнял пространство, десятки тысяч лошадиных сил несли по воздуху сотни тонн бомб, чтобы в сознании собственного превосходства и безнаказанности сбросить их на наши головы.

В тяжкий гул вмешались одиночные винтовочные выстрелы, несколько раз бухнули противотанковые ружья, и где-то нервно и коротко прострочили из бесполезного автомата. Гул моторов перекрывал все остальные звуки. «Юнкерсы» шли четким строем, тройками, одно звено за другим, все небо было полно самолетов, маленькие, тонкие мессера вились между тяжело нагруженными машинами. Рокот нарастал, и в этом рокоте стало различимо заунывное подвывание — верный признак немцев. От взгляда на раздражающее утреннее сияние неба щекотало в носу и неудержимо тянуло чихнуть, а самолеты все шли — тройками, звеньями, отрядами, их было и в самом деле не менее пятидесяти, и делалось удивительно — неужели такая громада вся против нас, таких маленьких и беззащитных, у которых нет ничего для спасения, кроме этой ненадежной и даже не перекрытой щели.

— Возможно, они летят куда-нибудь дальше, — проговорил доктор. — Может быть, на город. — Доктор повышал голос, чтобы его слышали за шумом моторов. Автоматная трескотня усилилась.

— На город, на город, — обозлился я. — Сами прилезли сюда с вашими тылами — кто вас просил? Нагнали обозов, теперь мы будем расхлебывать.

— Сюда летят, — сказал Артеменко.

— Ну конечно, сюда, — зло воскликнул я. — Приготовьтесь!

Доктор зачем-то застегнул шинель на все пуговицы, потом опять распахнул ее. Он заметно побледнел, но мне его не было жаль.

Навстречу «Юнкерсам» неслись красные и желтые точки трассирующих пуль и гасли, не долетев.

— Летят сюда, — повторил Артеменко.

Первая партия развернулась от солнца, выстроилась и стала медленно кружить, как будто высматривая что-то на земле. Небо голубело в вышине. Земля гудела и билась мелкой дрожью, отзываясь на неумолчный глухой вой и рокот.

— Вот сейчас они наведут вам порядок, — сказал я доктору, тем самым взваливая на него ответственность за все происходящее.

— Бросили!.. — крикнул Артеменко и присел, оставаясь на месте, из чего я заключил, что лезть в щель еще нечего. — Видите, падают — черные?..

Я видел только, как первая тройка, клюнув носом, стремительно пошла в пике. Самолеты падали чуть ли не до самой земли, а затем взмывали кверху, показывая нам свое бронированное брюхо и желтые концы крыльев, и от них оторвался и понесся вниз нарастающий пронзительный визг, и донеслись тупые удары, и за ближними хатами встали развесистые синие с черным дымы, шурша прилетел издалека и упал около нас обессилевший осколок, и следующая тройка вышла в пике — прямо на нас.

— А эти сюда! — дернул меня Артеменко, и мы оба свалились в щель, где уже лежал доктор, и закрыли зачем-то головы руками, и бомбы с визгом пролетели над нами одновременно с ревущим «Юнкерсом» и взорвались где-то совсем недалеко, ослепительно блеснуло, и посыпалась грязь и осколки, и щель заволокло синим дымом.

— Перелет, — приподнялся было я, но поскорее опять уткнулся в спину доктора, потому что «Юнкерс» — тот же самый или другой — страшно низко прошел над нами, стреляя, и видно было, как из втулок пропеллеров вырываются короткие язычки огня, и опять над нами провизжало и пробарабанило по земле.

И потом пошло светопреставление — грохот близких и далеких взрывов, вспышки пулеметных очередей, лай автоматических пушек, рокот и вой пикирующих самолетов, и прилетали на край щели тихие осколки и комья земли, и дым закрыл небо, и в голову не приходило ничего, кроме того, что прямое попадание в щель не такая уж невозможная штука. Мы лежали на самом дне, сжавшись в комок, спрятав головы друг у друга между ногами, и старались не думать и не дышать, и ничего не ждали. Грязные подошвы докторских сапог оказались у меня как раз под щекой и пачкали все лицо, но отодвинуться от них было некуда, да и незачем. Какое могло это иметь значение, когда каждую секунду от нас могло ничего не остаться. Уже ничего не осталось. Человечество исчезло. Человечество и мир

ограничивались четырьмя могильными стенками, покрытыми полужидкой слизью, лужей воды под животом, тремя скрюченными телами, в которых пока еще теплилась жизнь, и этими сапогами у самых глаз. Ступни, облаченные в сапоги, придвигались все ближе и ближе и разрастались до гигантских размеров. Они поглощали все остальное. Былые детские мечты о счастливом будущем, искания правды в служении прекрасному, высокомерные юношеские планы покорения вселенной путем создания прекрасных произведений искусства — все, чем когда-то была заполнена моя недолгая жизнь, сплющивалось, сжималось до степени конспектов и полностью уместалось на поверхности этих подошв, подбитых железными подковками и облепленных желтой глиной. Идеи прошлого от такого сопоставления казались не только смехотворными, но даже навеки неуместными, высыхали, свертывались и, облупившись, осыпались тонким слоем, подошвы же утверждались в своей материальной осязаемости, ибо сапоги могли жить независимо от наших жизней и от «вечных» идей, оказавшихся не вечными, — они, в случае нашей гибели, пережив владельца, продолжали бы исполнять свои обязанности и исправно нести службу, прочные солдатские сапоги. Да и не были ли они последним, что мне суждено видеть на этом свете, — торчащие перед глазами подкованные подошвы?.. Холодная земля, спасающая от бомб, и пара сапог — больше ничего. Остальное осталось там, снаружи. Но там сейчас грохот и вой, и тоже больше ничего. Близость смерти вдруг замкнула наше существование в узкую, как мышеловка, рамку, по обеим сторонам которой больше ничего не было. Исчезло прошлое, и под знаком сомнения стало будущее. Только грохот и вой — и больше ничего... И земля ходит ходуном, трясется и вот-вот сойдется вверху над нами, окончательно похоронив.

Мне показалось, что я задыхаюсь.

23.12.

Напротив меня в читальне сидела удивительно хорошенькая полька — да, конечно, она могла быть только полькой. Я смотрел на нее поверх книги. Все время, что я сидел и читал, я взглядывал на нее поверх книги, ей могло быть и семнадцать, и двадцать пять, и губы у нее были не-

много накрашены, и розовые ногти, и ожерелье, и серьги в ушах, но, несмотря на это, она была удивительно хорошенькая и миниатюрная, просто прелесть. И когда я так сидел и смотрел на нее (а она ни разу не подняла на меня глаза, хотя от меня до нее было ровным счетом полтора метра), она, читая, вдруг поджала рот, и концы губ опустились, и я увидел, каким бесконечно жестоким может быть это красивое лицо. Это сразу прошло, и все стало прежним, но у меня перед глазами все время маячила эта маска страшной, беспричинной жестокости. Я еще раз вспомнил, что между ужасным и прекрасным грань так ничтожна, что ее почти что вовсе нет.

24.12

У меня много начал и ни одной законченной вещи. Может быть, так лучше? Можно писать то одно, то другое — по настроению.

е у н м о м с р и б м к г я е л я о н в и в
к в д г е т м б л т н н у

...I LOVE YOU !!!

Ich и каждая мелочь (выпивка, напр.), становится настолько важной и значительной, что перестает быть мелочью.

Е в о в г б т н с

Не правда ли, жизнь течет совсем иначе тогда, когда она не является чем-то холимым, оберегаемым, тщательно изо дня в день собственноручно конструируемым, она даже ощущается нами тогда полнее, нам дышится легче, полной грудью, когда нет никакой гарантии в том, что ты уцелеешь еще завтра или, скажем, послезавтра. Жизнь тогда бьется в каждой клеточке твоего тела, только тогда она приобретает ту особую ценность, которая делает каждое мгновение ее прекрасной. И еще — мечтаешь. Мечтаешь о том, что будет, когда кончится война и состоятся все встречи, назначенные на «6 часов», — многократно переживаешь «про себя» эти предстоящие радости — и когда дей-

ствительность оказывается во много раз грубее, обиднее и переполненной сотнями маленьких грязных и липких мелочишек — все то, что воображалось, приобретает значение действительно бывшего, происходившего и откладывается в лучшие уголки золотого фонда воспоминаний. Все это вместе взятое делает эти годы навсегда — поистине «лучшими годами нашей жизни».

Каменец—Жмеринка, в поезде, думая об Аркашке Бородне

КОММЕНТАРИИ

Мой отец, Борис Давыдович Сурис (26.12.1922—6.11.1991), искусствовед, один из теоретиков ленинградской школы искусствознания, был из поколения тех лейтенантов Великой Отечественной, которые навеки остались двадцатилетними. Он, призванный в Одессе 22 июля 1941 г. и сразу же отправленный в тренировочные лагеря близ Та-тищева, уцелел тогда (призванные неделей-двумя позже и остававшиеся в Одессе новобранцы были поголовно истреблены при оккупации города). Судьба хранила его всю войну, хотя мы, читающие дневник, видим, как он не раз искушал ее. И не только в боях и прочих военных пертурбациях, но и самим фактом его ведения.

Мы много, очень много теоретически знаем о той эпохе, в которую поколению родившихся в 1920-х годах выпало жить. Однако очень трудно представить себе ежедневное существование, рутину тех лет — как, насколько и кого следовало бояться, сторониться, как вырабатывались чувства самоконтроля, самооцензуры, дисциплины, необходимые для самосохранения и безопасности близких. Говорят, что, когда началась война, была недолговременная иллюзия определенного послабления.

Но — даже учитывая все это — трудно понять, как мой папа, умница и аналитик, не боялся писать такой дневник. Ведение его не было тайной, он давал его читать Нине при их встрече в Москве, в письме к кузине Эллочке (Э.А. Коган) он писал: «...пришлю свои дневники (я свой дневник в последнее время веду довольно аккуратно и очень привык к нему, это все-таки самый лучший друг, которому

можно доверить все, что хочешь, и он не злоупотребит этим и не подстроит никакую пакость)», да и невозможно, находясь постоянно на людях, скрыть факт его наличия. У него постоянно крали вещи — как он мог не подумать, что могут украсть и записи? И не просто украсть, но и прочитать, и — однозначно — передать «по назначению»? Не знаю. Не нахожу ответа.

Четыре небольших блокнота, исписанные папиным каллиграфическим почерком с вложенными зарисовками, шаржами и портретами, лежали в среднем ящике его секретера. Все годы. Мы знали, что это папины военные дневники. И можно было спокойно их взять и прочитать. Не было заповор, не было запрещений. Но и — прямого разрешения тоже не было. Папа не любил вспоминать про войну, и к этим блокнотикам он на моей памяти не обращался ни разу. Перелом наступил во второй половине 1980-х. Очевидно, когда он, отложив все свои проекты, взялся за титанический труд сохранения эпистолярного наследия ленинградских художников периода блокады и войны, вылившийся в двухтомник «Больше, чем воспоминания...», он вернулся и к своей юности, в которой в общем-то, как и во всей жизни в целом, главным была война. Он опубликовал эссе «Сосед по фронту» о Викторе Некрасове (Нева. 1990. № 10), начал подбирать фрагменты из дневника, чтобы прокомментировать и подготовить к печати, но не успел...

Почти двадцать лет четыре разноцветных блокнотика — дневник — хранились у меня в Израиле и ждали своего часа.

Сейчас дневник перестает быть личным документом и становится частью истории. Разумеется, прочитанное говорит само за себя, но многое следует и прокомментировать. Я много думала: как, в каком ключе это сделать? Текст вел за собой, ведь перед нами — история взросления и становления личности. Незаурядной, талантливой, стремящейся раскрыться, несмотря на чудовищную действительность. Все годы войны, начавшейся для него через месяц после ее объявления и закончившейся почти через год после 9 мая, от восемнадцатилетнего, навсегда попрощавшегося с родителями, до зрелого человека без будущего, которое только надо выстраивать, мой папа пытался утвердиться в своем предназначении.

В том, что оно — в искусстве, он не сомневался. Но в каком именно? Он страстно хотел быть художником, и это стоило ему так и не разрешившегося конфликта с отцом, настаивавшим на архитектурной карьере. Но и писательство интересовало его не меньше. Пять военных лет он мог советоваться только сам с собой и сам себя растить и образовывать. Что он и делал — пытливо и систематически, подчас в самых неподходящих для этого условиях.

Обратимся к еще одному письму, адресованному дяде — профессору Одесской консерватории А.Л. Когану, находившемуся в эвакуации в Куйбышеве, и датированному 17 ноября 1942 г.: «...В своем письме ты, Саша, поднял очень интересный и важный для меня вопрос о том, что мне сейчас нужно делать. В том, что мне нужно что-то делать, я нисколько и ни на минуту не сомневаюсь. Мне кажется, что мне сейчас нужно действовать в двух направлениях, так сказать, в области двух смежных искусств, накапливая впечатления (главным образом) и кое-какие материалы.

Во-первых, в области изо. Когда война закончится (беру на себя смелость заглядывать так далеко!), я надеюсь и рассчитываю, что смогу продолжать мою прерванную учебу. Тогда мне, для ускорения и чтобы наверстать потерянное время, надо будет, помимо сверхинтенсивной работы учебной, совмещать ее с работой творческой. А отсюда — необходимость накопления впечатлений и материалов заранее... Теперь о тематике. Меня сейчас почему-то гораздо больше интересуют не положительные, а отрицательные стороны переживаемого явления... Отсюда и темы... Впечатлений масса — очередь за их воплощением... Теперь о втором, так сказать, «попрыще», на которое, надо тебе сказать, меня все время толкает Ноля, — это литература. Нисколько не сомневаюсь, что мне надо будет писать обо всем, что я видел и что я знаю, — писать найдется о чем. Пока же дело опять-таки ограничивается обдумыванием, накоплением материалов, впечатлений, набросков (я веду нечто среднее между дневником и записной книжкой)...

Все это замечательно описано в дневнике. Я лишь даю отсылки и расшифровки, которые, надеюсь, помогут оценить многогранность духовного мира автора, неустанно формируемого им уже в те суровые и малопригодные для искусства годы.

За некоторыми исключениями, я не комментирую военные аллюзии, не они важны в данном случае, хотя, конечно, нетрадиционное, даже и поныне, папино видение известных военных событий и операций так и приглашает откликнуться.

В первую очередь — краткие сведения о людях — родных и друзьях, имена которых мы встретим в тексте.

Сурис (в девичестве Коган) Розалия (Рахель) Лазаревна (12.02.1889—1942?) и Сурис Давид Морицевич (Моисеевич) (1.10.1886—1942?) — папины родители. Бабушка была из большой (шестеро детей) семьи, у деда был брат Семен (Сюма). Дед был талантливым юристом, но, судя по всему, человеком вздорным, капризным, а главное, скупым. Это делало очень нелегкой бабушкину жизнь. За год до войны, когда папа окончил школу, дед потребовал, чтобы он поступил в Инженерно-строительный институт в Одессе, папа же хотел учиться в Художественном училище, но оно не давало высшего образования, а потому, по решению деда, исключалось. Когда папа бросил институт, между ними случилась размолвка, которая привела к тому, что на войну папа ушел, не попрощавшись с отцом. Маму он любил нежно и, судя по дневнику, тосковал главным образом по ней. Из-за упрямства деда они не эвакуировались (папа уже был мобилизован и покинул Одессу 22 июля 1941 г.). До весны 1942 г. Клаве (см. ниже) удавалось их прятать и кормить, продавая вещи, в том числе папины ценные коллекции марок, но во время одной из облав их схватили и посадили в тюрьму, откуда они уже не вышли.

Сурис Арнольд Давидович (Ноля) (5.11.1908, Одесса — 20.02.1999, Бруклин) — папин старший брат. Архитектор, лауреат Сталинской премии 1949 г., он имел бронь, т. к. занимался маскировкой зданий в Москве, и на фронт не попал.

Нечаева Клавдия Тимофеевна (Кава) (18?—1959) — папина няня, бесконечно преданная их семье. Осталась в Одессе в оккупации и старалась спасти папиных родителей. Носила передачи в тюрьму и даже пыталась подкупить кого-то, чтобы их выпустили. При этом сохранила прак-

тически все из вещей и обстановки, особенно оберегая папину библиотеку и его художественные работы. Ей пришлось продать папины коллекции марок, но бабушкино бриллиантовое кольцо она сберегла и отдала моей маме, когда та стала папиной невестой. Папу и на моей памяти любила безмерно, а через него — и меня.

Коган Александр Лазаревич (Саша) (3.12.1895—1.05.1980) — папин дядя, профессор Одесской консерватории, преподаватель теоретических дисциплин. Позднее — зам. директора музыкальной школы им. П.С. Столярского. С детства папа был близок с ним и со своей двоюродной сестрой Эллой. Они оказались в эвакуации в Куйбышеве, папа разыскал их в сумятице войны, и переписка с ними стала постоянной. На ряд писем я ссылаюсь.

Коган Элла Александровна (12.11.1926 — авг. 2002) — доцент кафедры театроведения ЛГТМиК (Ленинградского театрального института), наставник многих поколений театральных деятелей Ленинграда.

Коган Давид Александрович (Давид) (1894—197?) — папин дядя, математик. Учился в Одессе и в Неаполе, преподавал в технических вузах.

Кривая-Ушеренко Нина Иосифовна (Нина) (10.02.1923—9.02.2010) — врач-эпидемиолог, профессор. После войны жила и работала в Одессе.

Ланда Григорий Генрихович (Гарик, Гаррик, Гец) (28.08.1923—18.08.1944) — папин друг. Так же как и Лев Фельдман, учился в Военно-медицинской академии и, стремясь в действующую армию, попал в 19-ю танковую бригаду 1-го Белорусского фронта. Погиб в танке, пытаясь вывезти раненных в тяжелых боях под Каунасом, 18 августа 1944 г.

Фуремс Аркадий Абрамович (7.02.1922—24.08.1989) — папин друг. В армии оказался еще до начала войны и в ночь на 22 июня находился в увольнении. Был тяжело ранен под Сталинградом и потерял руку в день своего 21-ле-

тия. Историк, окончил Одесский университет. Работал в Одессе, Полтаве и Ленинграде. В 1989 г. уехал с семьей в США, где умер от сердечного приступа через два месяца после приезда.

Лубович Григорий Михайлович (27.07.1923—25.04.2005) — папин друг. Во время войны учился в Военно-инженерной академии, потом преподавал строительные дисциплины в военных училищах. В 1970-х гг. перебрался в Прибалтику. В его доме на Малой Посадской (напротив Ленфильма) я впервые увидела чудо техники — телевизор с линзой.

Фролова Вера Александровна (Фельдман) (1.11.1922—5.12.1992) — подруга папиного детства. Врач-офтальмолог, жена Л.А. Фельдмана. Во время войны была в эвакуации в Самарканде, потом вернулась в Одессу. Вышла замуж за Л.А. Фельдмана.

Фельдман Лев Акимович (р. 16.08.1923) — папин друг с 1923 г. Врач-физиолог, во время войны окончил Военно-медицинскую академию, служил врачом в авиационном полку. Войну закончил в чине капитана. Завершил медицинское образование в Ленинграде, где специализировался в авиационной медицине; закончил его в чине майора медицинской службы. Служил в Забайкалье, потом в Воронеже, Липецке. Сейчас — в Нью-Йорке. Работает волонтером в госпитале. Его внучка Аня замужем за внуком Аркадия Фуремса Григорием.

Дневник начинается с середины 1942 г.

Что было до того, мы узнаем из одного из первых писем папы, адресованных семье дяди, Александра Лазаревича Когана. Оно датировано мартом 1942 г.

«Дорогие! Наконец-то удалось с вами списаться, и окончился период оторванности от своих, полный неизвестности. Писал, писал я, в ответ ничего не получал, и так и не знал — что с вами, живы ли вы все, мои родные. Тревога за вас и эта проклятая неизвестность — больше всего угнетали меня все это время.

Живу я вот уже месяца три в Пугачеве, служу пулеметчиком в одной стрелковой части, сейчас устроился художником (такая себе должность) при штабе батальона...

Теперь расскажу тебе, дядюшка, повесть, которая называется

ОДЕССЕЯ,

или Приключения одного одессита

Отчалили мы — тысяча веселых парней-призывников — из Одессы на пароходе «Новороссийск» утром 23 июля — на следующий день после первой бомбежки города. Разместились на палубе, спели нестройными голосами «Любимый город в синей дымке тает», поплыли, и не успела еще Одесса скрыться за горизонтом, как на нас налетел Ю-88. Бросил в нас четыре бомбы, три из них взорвались в воде у самого борта, четвертая угодила в самый пароход, пробила палубу и... не взорвалась. Потом он малость построшил из пулемета и полетел своим путем, а мы с 4-мя убитыми и 2-мя ранеными поплыли дальше (потом в сводке Информбюро описывался этот случай). Приплыли мы в Днепропетровск. В городе пожили с недельки полторы, а потом вывели нас за город на позиции. Там мы торчали, пока не подошли немцы. 23 августа наш батальон, находясь на передовой, принял бой.

В бою я нес службу старшего связного при штабе батальона. Было довольно весело бегать по разным делам в разные места под пулеметным и минометным огнем, переползать через разрушенную железнодорожную линию, пробираться через горящие хаты. В бою мы были дней пять, отчаянно хотелось спать — это было самое неприятное. Потом началось отступление. Помню черную ночь, горящие мосты через Днепр, пустые улицы мертвого разрушенного города, по которым шли, перепутавшись, перемешавшись, отступающие части... Потом — голод, переходы по целым суткам, опять голод, когда мы собирали на поле колосья и жевали зерна ржи... Потом из нашего батальона (в котором не осталось и половины) отобрали всех со средним и высшим образованием и отправили нас в тыл для поступления в военные училища. Однако ни в какие училища мы не попали, а стали скитаться по разным частям, по всей стране, пока не очутились в воздушно-десантных войсках. Отсюда

меня прогнала медкомиссия из-за моего зрения, и я очутился в Пугачеве, где здравствую до сих пор. В ближайшем будущем жду новой перемены адреса...»

Орфография и пунктуация в основном приведены по подлиннику. Авторские пропуски, вымарывания и естественные утраты текстов, а также редакторские сокращения и дополнения заключены в угловые скобки.

Рассказы

РАССВЕТ

Ему пришлось умирать, когда начинался рассвет. Ночь уходила. Остатки предрассветных туманов ползли низко над степью. На востоке небо становилось все светлее, теплее, оно зеленело, и маленькие плотные облачка проступали на нем легкими розовыми контурами.

...На восток ему больше никогда не вернуться...

А на западе, над немецкой траншеей, тучи по-прежнему темнели тяжелой влажной массой, как будто ночь отходила туда и сгущалась там. От росы искрилась трава, и тускло у самых глаз поблескивала проволока спирали Бруно. Редко-редко в воздухе повисали и медленно гасли большие бледные ракеты.

...На запад ему никогда не дойти...

Скоро должен был начаться день, но это его уже не касалось. Он умирал и понимал, что умирает, — он достаточно видел смертей на войне, чтобы понимать. Не может жить человек, у которого оторваны обе ноги и вытекла вся кровь.

Крови в нем, наверное, не осталось ни капли.

Страшная слабость, полное бессилие, он не мог шевельнуться и сейчас не смог бы приподнять голову. Да и зачем приподниматься? Чтобы взглянуть на те лежащие в густой черной луже клочки разорванного мяса и разбитых костей, что остались от его ног?

Не было больше боли, той ноющей, сосущей боли, которая сначала пронизывала его живот, поднималась к груди, к сердцу, к голове, схватывающими толчками заставляла все его маленькое изуродованное тело судорожно корчиться,

выгибаясь и сжимаясь на мокрой траве, — болело, пока текла кровь. Тянуло, кололо, резало в ногах — а ног уже не было. Сейчас то ли все там запеклось, то ли в полумертвом теле нечем уже чувствовать, то ли боль стала такой сильной, что превысила все возможности человека, — но только боли больше не было. Пока болело — о, как болело! — он, закусив рукав, глотая кровавую пену с губ, каждую минуту теряя сознание, — сдерживался, как мог. До немцев всего тридцать метров, и если они услышат — они добьют. Или — еще хуже — придут и подберут раненого. Кричать, стонать, рыдать нельзя. Сначала боль вырывала у него только тихий вой, почти плач, как писк раздавленного мышонка. Потом он затих. Его перестала трясти лихорадочная дрожь. Его тело, лишенное крови и жизненных сил, ничего больше не чувствовало. Для него все кончилось. Жил еще только мозг, работала еще только голова. Остальное лежало чужое и бесформенное и ждало конца. Никогда раньше он не думал, что можно так долго умирать. Прохладный и влажный воздух рассвета немного освежал иссохшие губы. Так спокойно... Лежать и ждать конца. Было бы совсем хорошо, если бы не сухой стебелек, все время царапающий под ухом — неприятно, но от него никак не отодвинуться. Пусть колет, уже недолго. Какое это имеет значение?

Ему не было обидно умирать. К мысли о смерти он привык уже давно — ведь недаром он уже два года солдатом на фронте. Солдат живет с мыслью о смерти, он ее постоянно видит, для солдата на фронте другой возможности нет. Умирать — закономерно, уцелеть — навряд ли. Рано или поздно его убьют — для того он и существует, солдат, чтобы его убили. Каждый солдат это знает и потому не боится смерти. Она его подстерегает все время, в любой час, в любую минуту она может явиться к нему, и когда именно это произойдет — зависит лишь от случая. Это — неизбежное. Бойся — не бойся, прячься — не прячься от нее — не поможет. Она достанет везде. Убивает и генералов. Солдат ожидает смерть, и она никогда не застанет его врасплох. Тебя могут ранить, пролежишь в госпитале, там ты будешь свободен от чувства того, что она стоит у тебя за плечами, там ты отдохнешь, но для чего? Для того, чтобы потом опять вернуться в окопы, где господствует она. Тебя могут отвести во второй эшелон на

короткий солдатский отдых, а потом? Потом она все-таки тебя найдет. Других возможностей нет, и от нее никуда не уйдешь. Только новичок на войне или глупец может рассчитывать на жизнь и жалеть о ней, боясь своего конца. Это — неизбежное. Ты — раз ты здесь — обречен. На то война. Солдат должен умирать — долг солдата — умирать.

И умирает он, когда настанет его пора — днем, вечером, ночью... Вот его черед пришел на рассвете. Он лежит так, как упал, — лицом на восток, и ему видно, как разгорается заря. Становится все светлее. Ни одного выстрела. Тихо. Только в траве длинно и однообразно стрекочет сверчок. После ночного переполоха немцы успокоились и совсем не ведут огня. Только изредка — ракеты. Последние предутренние ракеты. Они не знают, что в каких-нибудь тридцати метрах от них лежит он — бессильный, безногий, умирающий...

Безногий, умирающий... Безногому все равно умирать. Незачем жить безногому. Он вспомнил, как погиб комбат Белов. У него не оторвало, а перебило — одну, правую, ногу. Он мог бы жить — с одной ногой можно жить. Но он не понял. Или, может быть, другие причины — минутный припадок слабости, вспышка ярости против самого себя и своей неудачи. А может быть, он был из тех, кто все-таки рассчитывает уцелеть — и вдруг увидел, что и его достало... Во всяком случае, не стоило ему делать того, что сделал он. Незачем кончать с собой человеку из-за того, что перебита одна нога. Это не то, что здесь — когда обе ноги оторваны, и крови больше нет. Белову бы еще жить и жить — и не таких излечивали. А он, в горячке боя, когда разорвавшийся снаряд швырнул его, раненого, наземь, выхватил пистолет и застрелился. Он выстрелил себе в рот. Это было еще в Карпатах, под Камионкой.

...Вспомнилось, как на узкой, грязной и каменистой горной дороге в тот день повстречалась ему бричка, запряженная парой медлительных лошадок. Бричка направлялась в тыл. На ней лежало что-то, покрытое немецкими пестрыми плащ-палатками. Из-под плащ-палаток высывались две ноги в маскировочных брюках, на одной ноге брюки были разорваны и окровавлены. Везли мертвого. Ездовых было двое, они на ходу закусывали хлебом, по

очереди глотая что-то из одной фляги. Когда бричка подпрыгивала на камнях, ноги мертвого стучались о доски, а завтракающие ездые ругались. Это везли застрелившегося комбата капитана Белова.

Комбат сам не захотел больше жить. Это была ошибка.

Ошибка стоит жизни — почти всегда. Вот и сегодня ночью произошла ошибка. Из-за нее кончается сейчас его жизнь. Хотя он и знал, что это рано или поздно будет, но не знал, что так скоро. Теперь уже все.

Никто не думал, что получится так нелепо. Он припомнил, как хороша была ночь для операции — непроглядно темная благодаря загромодившим все небо тучам. До полуночи даже шел дождь. На фронте было тихо. Теперь ему кажется, что эта тишина с самого начала содержала нечто коварное, злорадно выжидающее, но тогда они считали, что все идет как надо. Все было подготовлено в предыдущие три дня — разведано, высмотрено, выявлено. Три дня разведчики наблюдали. Они знали, где стоят три ближайших немецких пулемета, из которых один — скорострельный МГ-42, и в каких секторах они ведут огонь. А о том пулемете, который стоял под гнилым стогом сена, похожим на гриб, и был избран объектом поиска, они знали все — даже как выглядят пулеметчики. Именно этих пулеметчиков предстояло захватить. Это были типичные два немца — молодые, толстые, краснорожие. Разведчики окрестили их Фрицем и Хансом — собственно говоря, это было пока неизвестно, но они считали, что хоть один обязательно окажется либо Фрицем, либо Хансом. Подозревали ли эти немцы, что за ними вблизи, не моргая, неотступно следят чужие глаза?.. Левее пулеметного гнезда виден был окоп, у которого высохшая трава желтела на бруствере, — в этом окопе сидели несколько стрелков в железных шлемах. А еще дальше влево, хорошо замаскированная, тянулась сплошная траншея. Траншея уходила также вправо и в глубину. Метров за восемьсот дальше от переднего края зеленел невысокий пушистый кустарник, разбегавшийся по склону холма, — наверное, это был орешник. Наблюдатели установили, что оттуда ведет огонь батарея немецких батальонных минометов, и командир роты подготовил туда наш минометный огонь. Командир разведывательной роты капитан Голубенко сам непрерыв-

но лазил от одного наблюдателя к другому, бегал к артиллеристам, связывался с пехотой, добывал ракеты, выползал вперед всех, не имел покоя сам и не давал покоя другим.

По ночам разведчики по два выползали на нейтральную полосу, замаскировавшись, прислушивались, смотрели. Взлетали вверх и вспыхивали ярко и бело осветительные ракеты бодрствующих немецких постов. Свет дрожал и медленно угасал, и ракета, шипя, падала в бурьян позади разведчиков. Трассирующие пулеметные очереди, перегоняя одна другую и перекрещиваясь, время от времени проносились над самой землей — немцы на всякий случай, вслепую, прощупывали местность. Изредка где-то оглушительно лопался фаустпатрон — тоже выпущенный наобум. Немцы ничего не подозревали. Разведчики замечали места ракетных постов, засекали расположение пулеметных точек. Все пока было подготовлено правильно.

Впереди немецкой линии на всем ее протяжении извивалось, прячась в траве, в один ряд проволочное заграждение — спираль Бруно. Перед спиралью минного поля не было. Это было очень важно, и установили это наверняка, туда ползали несколько раз и саперы, и сам командир роты. Откуда потом, в решающий момент, взялись там мины? Когда — чертовски скрытно — сумели их поставить немцы? Как раскрыли они замысел разведчиков? Как обнаружили?... Черт его знает...

В этом-то и заключалась ошибка. Из-за этой ошибки все сорвалось, и поплатился — он... Именно ему суждено было подорваться на этих минах...

«...Бог помочь», — сказал старик-пехотинец, когда они стали выходить из окопа на позиции боевого охранения. Было ровно час ночи. Темно, черно кругом. Моросило.

Вперед пошла группа захвата: неслышно ступали ноги, ни стука, ни шороха. Первые пятьдесят метров шли полусогнувшись. Потом, когда достигли полосы, где рос бурьян, поползли.

Ползли долго. Было очень сыро, и земля после дождя покрылась слоем расплывающейся грязи, по которой ноги скользили, не находя упора. Его лицо то и дело царапалось о какие-то острые и колючие растения, и мокрые листья приходилось осторожно, чтоб не хрустнули, отгибать в сто-

роны. Одежда на коленях, груди и на животе скоро промокла насквозь. Из всех сил он старался не шуметь. Все тело было напряжено. Вдруг его руки, подавшись вперед, провалились до локтей в какую-то яму с водой, он вздрогнул — не нашуметь бы. Это, наверное, была старая воронка. Он обогнул ее. Потом больно ударился коленом о камень. Только не звякнуть оружием — уже близко.

Еще метров пятьдесят.

Автомат стал гораздо тяжелее, чем был сначала, на лбу проступил пот. Ватная куртка мешала разведчику. Где остальные — он не слышал и не мог видеть, но знал, что они все здесь же, справа и слева от него, все готовы делать свое дело и — в случае чего — готовы помочь ему и друг другу.

Разведчикам, как никому другому, необходима спайка и взаимная выручка — так написано в наставлении. Группа разведчиков — сколько бы их ни было — хоть пять, хоть десять — в любом задании соединена одной душой. Если ты идешь вперед на немца, если ночью втихую ты готовишься напасть на немца — ты не должен думать о том, кто у тебя сзади, ты должен быть уверен в тех, кто рядом с тобой, — и должен смотреть только вперед. Ты сам по своей воле идешь навстречу беде, чтобы ее превозмочь, и знаешь, что тебе в этом помогут, тебя выручат, а если потребуется, то и ты сделаешь то же. В этой борьбе с неизвестным побеждает солдатская дружба. Когда темно все кругом, и ты ступаешь по опасностям и ждешь выстрела в упор, и руки твои сжимают гранату — ты знаешь, что ты не один. Это — чувство разведчика.

И он чувствовал тогда то же, и это опять было ошибкой, как понял он это лишь сейчас.

И обидно ему было не умирать — это все равно неизбежно, — а обидно было так ошибиться в тех, кого считал он надежными, в чьей помощи был он уверен и кто оставил его в тяжелую минуту на нейтральной земле под немецкой проволокой...

...А тогда, когда они, не торопясь, подобрались к спирали Бруно, снова начал накрапывать переставший было дождь, стало еще темнее — хоть глаз выколи. И дальше произошло все сразу, в один миг. Он еще раз пережил все отчаянное напряжение этого последнего момента, когда

осталось лишь — ватную куртку на проволоку — бросок через нее — преодолеть и — гранатами — вперед, вперед... Он вскочил на ноги — автомат на взвод — все тело в комок — один шаг — вдруг ослепительно вспыхнуло, грохнуло, рвануло... Все.

Больше ничего он не помнит, но нетрудно представить себе, что было. Так бывает обычно. Он наступил на мину. Взрыв. Все проснулось, и сразу, щелкнув, взлетели ракеты, потом еще и еще, и тревожно забили пулеметы из немецких окопов, и полились крест-накрест струи пуль, и веер их огня резал все на гладком поле перед проволокой. И все побежали. Разбежались кто куда, а его бросили. Вот и все. Операция была сорвана.

...И лежит он ничком и не в силах шевельнуться, и сухой стебелек колет шею, и его не отстранить. Гранаты ненужные висят у пояса, и автомат валяется где-то рядом... И небо стало совсем светлым, голубоватым, бесконечным, каким бывает оно, когда долго-долго вглядываешься, а к горизонту его окраска переходит в мягко оранжевую и все розовеет... Скоро должно взойти солнце.

Горечь покинутого и мучительная, потому что все равно теперь ничего не изменишь, досада вдруг пробудились в нем. Так разведчики не делают. Не разведчики, а сволочи. Не до него было. Подумали — умер сразу. Ушли, ... их мать. Обязаны даже и труп выносить! И не вспомнит никто, скажут разве когда-нибудь: «Хороший парень был»... Убит — и ладно. И никому больше дела нет. Как те равнодушные ездые у трупа Белова... Бросили как собаку...

...Он не знал, что как раз в то время, когда он считал себя всеми забытым и покинутым, в штабе дивизии, в землянке, начальник разведки распекал командира разведроты Голубенко. Самодельная лампа из снарядной гильзы чуть освещала тесную землянку, пламя ее колебалось, и Голубенко казалось, что это шатается все, в том числе сам майор. Майор сидел за столом так, как вскочил десять минут назад с койки — без кителя и босиком.

Он не кричал — он никогда не кричит. Он говорил.

— Вы поймите, что это такое, — говорил он. — Это ужасно, это черт знает что. Это было и раньше. Я предполагал, я знал, что так получится и на сей раз, но я надеялся на лучшее. Не иметь контрольного пленного в течение

двух недель — полбеда. За вас работали полки. Пехота выходила из своих окопов, понимаете вы — измученная пехота шла на гибель и брала пленных за дивизионных разведчиков, делала ваше дело. Полбеда — пленные были. Не благодаря вам! Вам сказали — сегодня, дайте пленного хотя бы сегодня. Необходимо перепроверить группировку. Противник что-то готовит на нашем участке. Что? Язык нужен до зарезу. Армия, корпус шлют нам приказы. Приказы получили вы. Вам — их выполнить. А вы... Что же, неужели обязательно, чтобы я лично пошел? Не можем, мол, товарищ майор, покажите вы. Ну и пойду, понимаете! И покажу! И уж будьте уверены — если пойду, сделаю. Сам сделаю, ну вас к черту. Э, да что там... Вы опять все провалили, про... Ночь прошла — где ваш пленный? Невыполнение приказа! Да мало того. Мало того, вместо языка вы еще своего там оставили. Не думайте — так просто. Вы понимаете, что это вы оставили, бросили раненого разведчика? Никогда в жизни такого не видел... Что теперь? Как теперь я буду докладывать генералу?.. Позор, позор...

— Так точно, позор, — повторил Голубенко, вздрагивая и очнувшись. Он понял только последние слова. Остальное все, что говорил и делал майор, не доходило до его сознания. Он стеклянными глазами смотрел на помятую нижнюю рубашку майора, расстегнутую на груди. Все представлялось ему как в непрозрачной серой мути, и слова доносились из этой мути — негромко и невнятно — и, непонятые, уходили куда-то в сторону. Все расплывалось. Трое суток без сна. Трое суток как проклятый на передовой. Спать...

Правая рука Голубенко висит на грязном бинте, и на нее старается не смотреть ругающий майор. Рука болит, но не очень. Майор, наверное, не хочет спать. А Голубенко страшно хочет, но закрыть глаза (хоть на минуту закрыть глаза) — закрыть глаза нельзя. Майор даже не сказал сесть.

Всю операцию готовил он сам, Голубенко. За трое суток он излазил на своем животе все четыре километра участка дивизии. Он круглые сутки сидел в окопах переднего края. Он поодиночке водил, показывал каждому разведчику, его ранило позавчера осколком при артналете — черт с ним, все равно сегодня ночью руководил всем он. Почему не он

подорвался? Почему его не убило? Ей-богу бы лучше было. Тьфу, какие глупости лезут в голову.

Это все чепуха, но как он устал! Настроение самое чертовское. Что все пропало попусту, вся работа — не волнует его сейчас, — это чепуха. Что нет пленного — тоже чепуха. И то, что за это он может пойти под суд, а снимут уж наверное — и это чепуха. Все это не важно. Главное сейчас то, что из-за всего этого он смертельно хочет спать. Он измучен, измотан, весь разбит, и мыслей нет, и глаза слипаются. Сейчас лечь бы и спать, спать, сутки, двое... Не разуваясь, не раздеваясь, завалился бы он и спал непробудно. Только бы разрешили идти... Но майор не разрешает, майор еще говорит что-то... Говорит? Голубенко вздрагивает — неужели он уснул стоя?

— ...Эта разболтанная, обленившаяся сборная шайка, — говорит майор, — ваша рота...

— Товарищ майор, люди не виноваты...

И майор сразу взрывается:

— Опять люди не виноваты? Опять «не повезло»? Не желаю слушать ни о каком везении! Кто виноват? Почему оказалось, понимаете, неожиданным это минное поле? Кто виноват, что прозевали? Прозевали установку минного поля, работу целого отряда немецких саперов, — наблюдатели! Подготовили поиск! Нет уж.. Ни к чертовой матери с таким наблюдением, с такой разведкой...

Ничего не возразишь. Да и возражения не идут на ум. Фитиль в коптилке начинает подгорать с одного бока. Его надо бы подправить...

— И человека бросили. Документов у него, по крайней мере, с собой не было? При ваших там порядках...

— Я спрашивал помкомвзвода, документы все были сданы старшине. — Какие-то еще документы... Это ведь не главное, главное — скорее бы уйти, скорее бы спать. Он этого не понимает, майор, потому что ничего подобного не испытывает. Хорошо ему ругаться...

Майор вздыхает и долго трет рукой шуршащую щеку. Ему пора бриться. Эти трое суток... Они истрепали всех. И Голубенко какой грязный, измученный...

— Ладно, — говорит майор, приняв решение. — Сделайте так... Немедленно вышлите пару человек — да, я думаю, двух хватит, — на то место. Пускай разыщут тело и

принесут его, понимаете? Докажите, что вы все-таки хоть немного — разведчики. Сумели бросить, сумеете и... Прикажете: живого или мертвого, раненого или убитого — принести! Без него не возвращаться! Я научу вас...

— Слушаюсь, — говорит Голубенко. — Понял.

— Можете идти. С вами я еще позже разберусь, — резко звучит голос майора. И он прибавляет еще резче, взглянув Голубенко в лицо и на перевязанную руку: — А сейчас ступайте, отдохните хорошенько, поняли?

Слава богу! Невольно вырывается вздох облегчения. Можно идти. Голубенко автоматически поворачивается.

— Не забудьте выслать тех двоих! — вдогонку кричит майор, но он уже спит прямо на ходу.

Машинально переставляет ноги, добирается до своей землянки, свалившись на койку, на минуту приходит в себя, чтобы сказать:

— Полянского и ефрейтора Белокопя — ко мне...

...Утренняя тишина, всегда предшествующая восходу солнца, оставалась ненарушенной, пока около самого уха неожиданно не вспыхнула короткая злая пулеметная очередь. Взвизгнув, трассирующие пули понеслись к русской линии, бледные и стремительные. Пулемет несколько минут долбил в одну точку короткими резкими очередями. Это, судя по направлению, тот самый пулемет, на который ходили ночью, из-под бурого гнилого стога сена. Как близко отсюда он — почти рядом. Немного же он до него не дошел. Значит, Фриц и Ганс уже проснулись. Левее что-то грохнуло, взорвалось, и покатила по всему фронту беспорядочная перестрелка. Звонко и отчетливо — та-та-та — работали пулеметы с обеих сторон, как будто заждались этой возможности. Растревоженные, стали гавкать вдалеке наши минометы. Мины описывали в воздухе воющую дугу и рвались совсем недалеко, за проволочным заграждением, так что комья и мелкие камни, вырванные из земли, долетали до него. Хотят заставить замолчать этот пулемет под стогом. Немцы суетились — он слышал это, хотя видеть не мог. В их траншее раздавались отрывистые команды, бряканье, и стук, и выстрелы. Начинаясь день. Затишье ночи окончилось.

Раненый не знал, что причиной этому были пришедшие искать именно его разведчики Полянский и Бе-

локонь. Минут за десять до того они, еще не обсохшие и не отдохнувшие после ночи, злясь и ругаясь, не пригибаясь, прошли по ходу сообщения из траншеи переднего края на позицию боевого охранения. Еще все было тихо. Тот самый усатый старик-пехотинец, который напутствовал их, все еще стоял на посту у пулемета, подняв воротник шинели. Из-под надвинутой каски он вглядывался в степь, таящую в себе в час утреннего тумана непредвиденные неожиданности, и с нетерпением ожидал момента смены, когда можно будет отдохнуть в землянушке — норе, накрыться шинелью и до тепла надышать под нее.

— Что, зазяб, отец? — спросил его Белоконь.

— Да ничего. Сыро как, и туман, вишь, еще не совсем разошелся, местность нездоровая. Солнышко скоро, должно, выглянет. А вы что опять пришли, неудачники? Не языка ли прихватить забыли? Что, угадал?

— Не смейся, не смейся, батя, всякое бывает. Не помог вот твой бог. Язык проклятый поперек горла стоит. Тут хуже дело. Труп убитого нашего приказали вынести, а где он сейчас — ищи, сориентируйся попробуй! После нас — как, ничего не было?

— Да вы сами видели, сначала бесился здорово, потом замолк. А как вы ушли — вроде все спокойно было. Я с самых тех пор дежурю.

— Ни движения какого, ничего?

— Ничего не было, ребята, не видал. Как есть — тихо и спокойно.

— Н-да... Полянский! — сказал Белоконь.

— Ну? — отозвался Полянский. Он только полез в карман за куревом.

— Не соображу никак — где лежит он.

— Да черт его знает, разве найдешь теперь. Светло уже совсем, как день, не то что его — свои ноги не унесем. Придумают тоже... — Полянский защелкал зажигалкой, которая не хотела зажигаться. — У, проклятая... — Он присел на дно окопа.

Белоконь примеривался к местности, осторожно выглядывая наружу.

— Стог с пулеметом вон там, вот траншея начинается. Шли мы так, по бурьяну. Он должен быть где-то здесь,

в той стороне. Бурьяном закрыто — не видно. Доползти можно. Что ж, пошли?

— Вы бы не лезли, не время теперь, — неодобрительно проговорил старик-пулеметчик. — Как раз нарветесь, право.

— Постой, только закурил, куда торопишься? — сказал Полянский. Он явно трусил.

Белоконь озлился.

— Чего тянуть? Выгадать думаешь? Скорее сделаем — скорее уйдем. Торопиться надо. Ну-ка, подымайся.

Полянский с сожалением наскоро раза два затянулся.

— На, отец, докури за мое здоровье. Мы пошли. Ты тут того, поглядывай внимательнее, ежели что...

Они перевалились через бруствер. Прошло несколько минут — и началась та пулеметная трескотня, которой была окончена ночь и начато утро. Их заметили и стреляли по ним. Пули, разрываясь, как хлопушки, щелкали по траве и земле перед окопом, просвистывали поверх окопа. Разведчики замерли и лежали неподвижно, выжидая, потом вскочили, перебежали, и оба сразу кубарем скатились обратно в окоп. Старик в каске упер сошками ручной пулемет в бруствер и прижался щекой к прикладу. Пулемет трясся и бил оглушительно. Полянский страшно ругался и зажимал ладонью щеку, по которой текла и размазывалась кровь.

— Ранило? — спросил старик-пулеметчик, отрываясь на миг от пулемета.

— Зацепило... твою мать. Сразу обнаружили, ползли при свете таком по голому. Я же говорил — разве можно идти сейчас, ну его к черту. Теперь уже покоя не будет, проснулись. Белоконь, пакет дай. Не очень, но чувствуется.

Белоконь не успокаивался:

— А если попробовать взять правее — и быстро, броском?

— Иди ты к черту, беги сам, если хочешь. С ума сошел. Надо вечера дожждаться. Я больше не пойду. Тоже старательный нашелся. Вон как косит... Не пойду.

— Приказано...

— Хрен с ним, с приказом. Нельзя сейчас. Поздно. Раньше думать надо было приказывать, а то хватились, когда день. Приказать-то легко...

— Надо вам вечера дожждаться, — сказал старик-пулеметчик.

Немцы все не успокаивались. Пули то и дело рикошетировали от земли с противным присвистом, где-то вдалеке нерешительно пару раз ударила сорокапятка. Приходилось действительно отложить до вечера.

Полянский опять присел и вскрыл перевязочный пакет. Что-либо предпринять было невозможно. Да, в конце концов, убитый может лежать до вечера.

...Но он не был убитым — в это время он еще не умер. Он лежал, прислушиваясь к разнообразным звукам, знаменующим приход утра, — и к выстрелам, и к сверчкам в траве. Сверчки громче и пронзительнее, чем выстрелы, потому что подобралась к самому уху. Их приятно слушать, они напоминают о жизни.

Удивительно, как долго нет смерти. Как незаметно она приходит. И, когда придет, не заметишь ее и не поймешь, что произошло, ибо сразу перестанешь слышать, чувствовать, понимать. Это будет мгновение, после которого уже ничего не будет. Ничего. Он подумал с недоумением, что все-таки не понимает смерти, хотя часто его мысли бывали заняты ею. Как это может быть, чтобы все вдруг исчезло? Непостижимая грань отделяет все от ничего. После нее будет еще многое — все так же будут жить, стрелять, двигаться, убивать друг друга люди, все так же миллион лет будет светлеть и розоветь небо и восходить солнце, будут кричать в траве сверчки, и травинка будет колоть шею за ухом... Нет, травинки не будет, или, вернее, травинка будет, а шеи не будет, его не будет, он ничего не узнает обо всем этом. Это увидят другие, и своим чередом повторится не раз необъятный круг событий. А может быть, когда-нибудь потом все изменится, и не будет войн, и настанет чудесная жизнь, какой не бывало на свете. Счастье, радость... Может быть, и его будут люди вспоминать в той новой жизни, о нем будут говорить, рассказывать. Узнать бы — так ли... Но он не узнает никогда, потому что будет мертв. Как жаль, как страшно жаль, — но и жалеет он сейчас, а тогда уж и пожалеть не сможет, и что будет потом — ничего не узнает. Этого самого потом для него не будет, как и сожаления о нем. Ничего. Совершенно ничего. Еще более страшно то, что он не узнает даже, что произошло

с его телом, куда оно денется и что с ним сделают, с его собственным телом, с которым даже сейчас, на пороге смерти, так неразрывно связано сознание. Тело уже и сейчас мертво. Сознание живет еще — последние минуты. А потом сознание исчезнет, тело же останется. Тело ведь останется — будет ли оно похоронено в одинокой могиле или так сгниет на голом поле, ненайденное, — это будет тогда ему безразлично, ибо он не сможет осознать происходящего, ибо сознание исчезнет. Когда же уйдет оно? Никогда и ни о чем он больше ничего не узнает. Ничего. Мир исчезнет для него, как он для мира. Но мир от этого не перестанет существовать, а он перестанет. Непонятно. Может быть, наоборот? Только *для него* больше ничего не будет. Лишь пустота. Даже и не пустота — ему ведь тогда не ощутить ее, эту пустоту. Просто — ничего. Ничего... Что же тогда такое смерть, если она — ничего?

...Так, умирая, он все же не мог постигнуть смерть.

...Она, наконец, приближается. Как долго... Как мучительно долго. Вот уже рассвело. Небо бесконечное, спокойное, чистое, облака унеслись прочь. Куда? Не туда ли, куда несет и его, не растаяли ли они бесследно, растворившись в этом *ничего*...

...На востоке все в огне, там показался над степью краешек пылающего шара. Мягкие всепроникающие волны света пробежали по степи, обливая холмы, кусты, кочки, воронки, проволочные заграждения. Он закрыл глаза на мгновение, ослепленный, и больше не хотел открывать их. Наверное, так же ослеплены немцы — им солнце бьет в глаза, и они стреляют в солнце. Теплый свет его греет ооченевшие плечи солдат в окопах. Солнце на востоке. Плавно и не спеша выходит оно из-за горизонта. Так вставало солнце над морем — давным-давно, в детстве... Тогда не было рядом смерти и мысли о ней, неощутимо легко скользил свет солнца по глади воды, когда море без волн с тихим говором колебалось и вздрагивало, плескало на белый песок и ворочало шуршащей галькой прибрежного пляжа. Он был совсем маленьким мальчиком тогда и не знал, что море вновь он увидит перед смертью. Вот оно, снова колышется вокруг, оно принимает его. Невидящими глазами воспринимает он всплывающий все выше солнечный прилив, волны света подхватывают и несут, как море,

нестерпимо кружится голова, прозрачные студенистые тела дрожат в изумрудно-огненной влаге, протягивая пульсирующие щупальцы и рассыпаясь многоцветными радужными блестками, они искрятся, проносясь в пространстве, увлекая его за собой в бесконечном движении, все быстрее и быстрее, вихрем, вихрем, и это совсем не больно и не страшно, и сияние, и водоворот...

Огромный солнечный шар оторвался от края земли и повис в пылающем небе. Солнце взошло, и в это мгновение он умер.

Сентябрь 1945

НА ВЕРЕЦКОМ ПЕРЕВАЛЕ

Та осень была в Карпатах серой и безрадостной, как солдатская шинель. Орудийный гул перекатывался по ущельям, и часто пересыпалась с горы на гору, со ската на скат ружейно-пулеметная перестрелка. Вечерами зарево пожаров освещало пасмурное небо, по которому ползли низкие лохматые тучи. Тучи цеплялись за острые вершины хребтов и оставляли на них клочья белесого тумана, спускавшегося в долину. Крупный дождь сбивал со столетних дубов их побуревшую листву, и запах прелых листьев и сырой хвои смешивался с запахом теплого конского пота, когда коренастые длинногривые лошади втаскивали по трудным размокшим тропам тяжелые вьюки.

Бои шли на Верецком перевале. Над Воловцом стоял столб дыма — горела станция, взорванная мадьярами перед отходом.

Войска шли без дорог. По железнодорожному полотну, на котором разобрали шпалы, переваливаясь с боку на бок, дребезжащие ЗИСы тащили полковые минометы. Время от времени расчеты соскакивали с машин и, ухватившись за борты мокрыми рваными рукавицами, подпирая плечами, проталкивали машины вперед. Слева оставалась ушедшая своей седой вершиной в туман лиловая громада горы Темналик. На ней все еще сидели мадьяры и время от времени постреливали мелкими, никого не тревожащими снарядами. Через взорванное узкое дефиле и разрушенные мосты переправлялась противотанковая артиллерия и разворачивалась на прямой наводке, чтобы разбивать гранитные пирамиды-надолбы на дороге.

По лесам, в обход железобетонных укреплений линии Арпада, пробирались роты дивизии генерала Дударева.

Шоссейная дорога извивалась по тесной долине мутной кипящей реки Опур. Там дальше вели бой передовые отряды.

Рота атаковала по горному склону небольшую, разбитую и опустошенную деревушку. Прикрывая отход главных сил, мадьяры в течение целого дня упорно сопротивлялись, несколько раз слепо и безуспешно бросаясь в контратаки.

«Дайте огонька», — просил командир роты. Беглым били минометчики, пулеметы полосовали по деревне.

Было пять часов, или по-военному — семнадцать, но из-за непрерывно моросящего дождя уже темнело. Когда все стихло, рота вскарабкалась по обрыву, цепью прошла по огородам и стала по одному перебегать между разбросанными домиками, где валялись разбитые повозки, две-три убитые лошади, несколько трупов венгерских солдат и порожние патронные ящики. Больше ничего. Мадьяры ушли, и только из-за горы была их артиллерия короткими огневыми налетами.

Подошел командир роты, наскоро поставил двум взводам задачу на преследование, указав вдоль шоссе и железной дороги. Третьему взводу разрешил отдыхать, и взвод — те, кто от него остались, — пошли по деревне искать себе пристанище. Плащ-палатки промокли насквозь и стали жесткими и твердыми, как жость.

— Ну-ка, пойдем посмотрим, что за хата, — сказал маленький лейтенант. — Обсушиться хотя бы...

Хата оказалась пустой — ни хозяев, никого. Но видно было, что сбежавшие мадьяры весело проводили в ней последний вечер — в первой же комнате центральное положение занимал накрытый стол. Многочисленные бутылки на столе и под столом, к сожалению, были пусты, но на тарелках сохранились кое-какие остатки кушаний.

— Ну вот. Здесь и остановимся. Разводи огонь в печке, Сигнатулин. Бойко, посмотри-ка, что в тех комнатах, потом организуешь посменно охрану. — Лейтенант поставил в угол автомат, чертыхнулся, стаскивая шинель. Закурил, закашлялся. Размазал рукавом грязь по небритым щекам. Острое, осунувшееся лицо. Он очень устал и очень промок. Девять солдат, составлявших его взвод, стали располагать-

ся и хозяйничать в доме, которому сегодня они были хозяевами.

Остальных комнат было две. В одной из них только ворох соломы лежал в углу, изображая собой постель, а в другой, полутемной, стоял стол, опрокинутые стулья и — что-то непонятное...

— Хлопцы, идите побачите! Товарищ лейтенант... — побледневшим выскочил Бойко из той комнаты.

— Чего там еще? Спрятался кто?

— Та ни, никто не спрятался. Вы идите сюда!

В ту комнату свет проникал только через щели в досках, которыми было забито единственное окно. Когда подошли поближе и всмотрелись, увидели: на столе посреди комнаты лежал привязанный человек. Ноги, обвернутые грязными портянками, были как раз обращены к двери и неестественно растопырены, руки вывернуты за голову и перетянуты веревкой, а на лице лежала подушка — этой подушкой человек был удушен. Спереди гимнастерка и рубашка были завернуты до подбородка, и на голом животе и груди по ободранной коже и вспухшему мясу черными полосами взбурилась и запеклась кровь. Около трупа повис в холодном воздухе чуть слышный запах мертвечины и еще чего-то невыразимо гадкого — ужасное свидетельство предсмертного позора.

— Не выдержал он...

— Били, а подушкой, значит, — чтобы не кричал.

— Да-а...

Когда концом винтовки скинули подушку, открылось синее лицо, одеревеневшие скулы, оскал желтых зубов.

Второй боец разметался под столом, скрюченными руками обхватив простреленный живот, шея его была свернута набок, как будто переломаны позвонки, и страшно были выпучены красные невидящие глаза. Этот, наверное, мучался меньше.

Косые полосы серого света едва освещали комнату, и в ней — бурые пятна крови на полу. И эта вонь...

Кто-то нарушил долгое тягостное молчание.

— Мадыарская работа...

— ...

— Слушай, товарищ лейтенант, не те ли это двое из пятой роты, которых вчера захватили мадыяры?

— Они, наверное. Это их — вчера вечером...

— Вчера, верно, у мадьяр здесь штаб был, а сегодня — мы.

— Того, на столе, шомполами.

— Эти мадьяры всегда такие хорошие, а на самом деле — хуже немца. Звери.

Вышли. Было тихо в маленьком домике, в одной из комнат которого лежали мертвые, а в другой грелись у скудного огня живые. Молчали и думали каждый о своем, и каждому было не по себе, потому что хотя многое пришлось перевидать на войне, но такое — пожалуй, впервые, и удручала мысль о страшной смерти двух неведомых товарищей, и из-под тоски и усталости проступала упорная, давняя злоба.

Стемнело. Дождь барабанил по крыше и загонял обратно в трубу дым из печки. Глухо отдавалась то усиливавшаяся, то умолкавшая перестрелка. Подходила ночь. Наверное, сейчас опять выступать. Которая эта ночь в Карпатах, без дома и без крыши?

— Пойду пошукаю, чи нема там где-нибудь лопаты. Хоть похоронить людей надо. Страшные они какие в смерти своей... — сказал сержант Бойко.

— Да вот тебе лопатки — моя, твоя. Выкопаем сейчас. Пускай дождь сойдет немного. Выходить неохота, — сказал помкомвзвода и добавил: — А почему это, товарищ лейтенант, мы с ними, с немцами этими, с мадьярами, всегда по-хорошему, и туда, и сюда, и панькаемся со сволочами такими. А они — вот... Растак их мать, да их рвать на части надо, жечь — не душить... Не возьму я этого в толк никак.

— Политика у нас такая, наверное, так надо. Мы-то не звери. Да и чтоб больше в плен сдавались, что ли... — ответил лейтенант неубедительно. По его тону видно было, что он и сам не знал хорошенько и не понимал, почему надо щадить беспощадного врага. — Приказывают — значит, так надо.

Приоткрыли дверь.

— К вам можно погреться? — заглянул автоматчик, вода стекала у него с капюшона на каску, а с каски падала на пол. — Мадьяр я тут веду, пленных.

— Мадьяр? Заходи, давай их сюда. Вот мы на них посмотрим, — вскинулся лейтенант.

Конвоир ввел мадьяр и сам начал отряхиваться в углу, а они нерешительно остановились посреди комнаты: нахлобученные на глаза смешные, как колпаки, острокопеченные пилотки, рыжие обвислые шинели, перепачканные желтой глиной.

— Ты из полковой разведки, парень?

— Нет, я из батальона из первого. Вот мадьяр веду в полк, только что их рота взяла.

— Сдались?

— Какой там сдались, стреляли, сволочи, еле их взяли. В кустах засели и стреляли — из пулемета, гранатами тоже. А где штаб полка, вы, случайно, не знаете? Идти — еще искать будешь, до ночи проходишь с ними. — Автоматчик подсел к печке, протянул к огню красные пальцы.

— Не знаю, — буркнул лейтенант. Он не спускал с пленных такого колючего взгляда, что те беспокойно переминались с ноги на ногу и зябко передергивали плечами под шинелью.

Потом он встал. Подошел к самому высокому из мадьяр — пожилому, худому, рыжеусому — и спросил автоматчика, как будто удивившись такой мысли:

— А их — не били?

— Били, — ответил тот.

— Мало били! Больше бить надо! Совсем — до смерти! — вдруг взъярился маленький лейтенант и крикнул на мадьяра, краснея от гнева: — Ты как стоишь? Шапку сбрось — перед офицером! — стукнул его кулаком так, что тот пошатнулся, и слетела желтая пилотка. Остальные пленные хотя и не поняли слов, но то, что от них требовалось, было так ясно, что они сами поспешно стянули головные уборы.

И при виде этой покорности лейтенантом окончательно овладело бешенство. Он был хозяином жизни этих людей. Перед ним все вдруг стало темным, движения произвольными, и как будто что-то горячее охватило, сжало в жестких объятиях и подтолкнуло вперед.

— Ах вы, твари, так это вы — убивать? Нет! Я...

Стеклянный граненый графин со стола очутился в его руке, он перехватил его за горлышко и с силой опустил на лысеющую голову худого рыжеусового мадьяра. Графин не разбился — лопнул череп человека, и, брызнув на стояв-

ших рядом кровью и мозгами, он рухнул на пол. Дернулся, медленно перевалился на спину и затих.

— Ты этого тоже...

И второй венгр, неподвижный от остоленения, растянулся на полу, убитый тем же графином. Из пробитой головы его пузырилась сероватая с красными прожилками масса. И вдруг — опять такой запах, как в той комнате. Человек обгадился перед смертью. Лейтенант швырнул графин в угол и отвернулся. Его сразу затошнило, и стало душно и невыносимо противно. Но его возбуждение передалось бойцам. Дальше все произошло быстро. Один из них, размахнувшись, размозжил прикладом голову третьему, когда он, упав на колени и протягивая руки, отвратительно (как всегда, когда плачет взрослый мужчина) зарыдал, заикаясь, захлебываясь, забормотал, обращая ко всем искаженное ужасом лицо. А четвертого стали бить, и били ногами долго и молча. Только Сигнатулин шумно выдыхал воздух при каждом ударе и гортанно выкрикивал по-татарски. И когда устали бить, дострелили и этого — в живот, как того, замученного под столом в соседней комнате. Он еще долго подергивался потом.

Конвоир, растерянно глядевший, произнес с недоумением:

— Ну а мне-то? Спросят меня — куда я их дел. Зачем вы так их?..

— А? Что? — спросил сержант, переводя дыхание, как человек, довольный сделанным делом. — Ты про это... Ничего, парень, ничего особенного, это так и надо.

Август 1945

ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Дуглас» мягко ударился колесами о землю и покатился, подпрыгивая, по летному полю, на котором стояло так много самолетов, что все время казалось — вот-вот он зацепит какой-нибудь из них крылом. Потом постепенно замедлил ход, в последний раз — особенно бурно взревели моторы и замолкли, и в ушах сразу стало тихо и спокойно и чуть звенело. Через оконце с занавеской виден был кусок крыла, и как рожки торчали теперь неподвижные лопасти пропеллера. Отворили дверку в округлом боку, можно было покинуть духоту пассажирской кабины. Люди стали выходить по железной приставной лесенке. Снаружи воздух был чист и прохладен. На аэродроме после дождя блестели лужи, и над бесконечными рядами больших и малых самолетов по вечернему небу сиреневые пухлые тучки, словно напроказив, спешили убежать куда-то. Кругом кричали, бегали и сустились люди в форменных фуражках, и после неумолчного трехчасового рева это казалось негромким и даже приятным.

Итак — вот она, Москва. Даже не верится, что это так. Что вот можно пойти, делать то, чего ждал четыре года, узнать, наконец, сразу все. Не дожидаясь носильщиков, он подхватил чемодан и быстро пошел к выходу. Ему не терпелось. Если бы было прилично, он даже побежал бы. Часы показывали пять часов вечера. Черный и тяжелый памятник Ленину протягивал руку ввысь. Москва начиналась за воротами аэропорта. Мокрое асфальтное шоссе. Милиционер в белых перчатках дирижирует полосатой дубинкой. Белым жестяным пунктиром указано — где можно

переходить дорогу. В тархтящем и стреляющем мотоцикле два летчика взад и вперед катают чернявую девицу. Девица визжит и хохочет, и из коляски торчат ее голые коленки.

Назойливая усатая старуха в рыжем платке продавала влажные букетики красных гвоздик, она протягивала и совала их прямо в руку.

— Подожди, бабка, подожди. Может быть, мне больше под стать желтые окажутся. Ничего я еще не знаю.

Вдали большая буква *М* на крыше многоэтажного дома, значит, там станция метро.

Пять часов — если считать час на дорогу и на то, чтобы разыскать по адресу, то он окажется на месте в шесть. В шесть часов вечера после войны. После войны? Действительно, так оно и получается, именно сегодня настоящее «после войны» — третьего сентября, в день капитуляции Японии, когда «мир установился во всем мире». Смотри-ка, раньше это не приходило в голову. Он даже улыбнулся. Мысль о том, чтобы появиться «в шесть часов вечера после войны», показалась ему настолько забавной, что даже утратила оттенок пошлости, который давно запачкал эти слова постоянным их повторением. Наверное, сегодня и салют будет? Последний салют. Если только все будет хорошо. Только бы все было хорошо...

До шести еще целый час — он успеет. Ехать сначала метро, потом пару пролетов трамваем, не так далеко. Торопиться особенно было незачем, но он все ускорял и ускорял шаги. Ему не терпелось. Ждут его или не ждут? Конечно не ждут. Впрочем, скоро увидит сам.

И, спускаясь эскалатором в жужжащее и бормочущее нутро метрополитена, откуда пахнуло неожиданной прохладой, он думал о том, как, в сущности, все на свете удивительно и какая удивительная штука жизнь, тем более удивительная, что в ней...

— ...Ничего наперед нельзя предвидеть, — вдруг услышал он чей-то голос. Удивленно поднял глаза — что такое? Как будто угадали его мысль. Какие-то два парня с расстегнутыми полосатыми грудьми, руки в карманах, кепки на затылке, сбегали вниз по эскалатору, громко разговаривая на ходу.

— Ничего наперед нельзя предвидеть. Мало ли что — «Динамо»! Еще какая погода будет...

Просто совпадение. Он стал думать о другом. Волнуется ли он сейчас? Пожалуй, нет. Совсем не волнуется. Волнения он не испытывает, есть только огромное нетерпение и желание — скорее, скорее, скорее все узнать. Не может быть, чтобы было плохо. Не должно быть. Слишком много было всего... После четырех лет — наконец, Москва. И вдруг он вспомнил: это было, кажется, в декабре? Да, в декабре сорок четвертого, когда у них НП был на высоте 716, под Кошице. На каменистой высоте замерзшие сосны и бревенчатый сруб, видно было далеко. Видны были круглые облачка разрывов на переднем крае, виден был город Кошице так отчетливо, что казалось — в стереотрубу можно пересчитать курсирующие по его улицам танки. А за городом, над белыми санаторными зданиями, начинались горы. Горы возвышались в несколько ярусов, они сплошь заросли темно-синим лесом — это буковые леса, выше черной стеной стояли кедровые, а еще выше, над всем, в самом небе сверкали и переливались величественные, ясные, белоснежные, как в сказке, вершины Высоких Татр. В стереотрубу резко и отчетливо были видны их острые грани, пропасти и обрывы, извилистые, зияющие во льду трещины и нависшие прозрачные глыбы — все это лишенное веса и массы благодаря расстоянию, все это нежной воздушной голубизны посреди розового закатного неба. И вот, на ступеньке эскалатора метро он вспомнил, как, глядя на них с наблюдательного пункта, думал он тогда, сколько еще будет боев, сколько будет ползания на животе и переходов, стирающих ноги в кровь, сколько будет искалеченных, и убитых, и разорванных в клочья, пока удастся дойти до этих чужих и холодных и прекрасных вершин, — все же, думал он тогда, раньше он придет к ним, до них ему ближе, чем до Москвы, до той девушки, которая живет в Москве.

А сейчас — все это позади, все это ушло, и осталось лишь проехать несколько остановок, и все будет в порядке. Вот он прохаживается по перрону и даже не волнуется — так знаком этот миг, мысленно пережитый в сотнях возможностей и тысячах вариантов. Пожалуй даже, увидев ее, он в первое мгновение и не узнает. Какой она стала? Повзрослела, выросла? Изменилась, конечно. Ведь прошло четыре года. Вместо той девочки, которую он знал и пом-

нил, — такой маленькой, чуть растрепанной, чуть грустной и очень своенравной, — вместо нее он встретит взрослую, почти незнакомую, красивую и кокетливую девушку, которая была изображена на присланных на фронт фотографиях. Ведь прошло четыре года...

Из туннеля с утробным урчанием вылетел поезд и взвыл, тормозя. За стеклянными дверьми толпились люди, которые все сразу ринулись наружу, толкая друг друга. Вагоны поглотили новую толпу людей и нырнули в темноту, плавно покачиваясь и отстукивая секунды на стыках рельс.

Двенадцать минут шестого. Ну конечно, все будет хорошо. Теперь, когда он был так близко к цели, он по-новому оценил все, что произошло с ним в последнее время, и нелепость того последнего написанного им письма, которое он долго не решался отправлять, а потом все-таки отправил. К сожалению — отправил. Он и тогда знал, что нельзя его отправлять, а все-таки отправил. Он писал его при свете стеариновой свечи, а в углу на куче соломы спал старшина Гавринок и во сне скрипел зубами, это звук, похожий на то, как поворачивается на ржавых петлях тяжелая дверь. И ночь была тоскливая и мрачная, и таким же было проклятое письмо.

Поезд покачивался и неся, и яркое освещение станций сменялось тьмой и путаницей проводов в туннелях.

Самое последнее его письмо. Оно было написано в дрянную, отчаянную минуту и могло привести к тому, о чем ему не хотелось и думать. Предположения о самом плохом, неизгладимая обида и разочарование — с ее стороны — могли быть вызваны этим письмом. Так ли оказалось на самом деле, он не знает. Не знает потому, что ответа на него уже не получил и вообще больше писем не получал, так как стал «человеком без адреса» — все перемены и передвижения, на которые так щедра жизнь военного человека, в течение пяти месяцев мотали его по чужим краям. Пять месяцев не было писем, и бог его знает, что произошло и что изменилось за это время. Тогда сначала он был уверен, что поступает правильно. В этом его беда, что он всегда старается поступать правильно. Он рассуждал так: «Я люблю одну девушку. Я здесь на войне, а девушка эта в Москве. Далеко. Она меня любит. Девушке этой двадцать один год. Она терпит и ждет. Сколько она

может ждать и терпеть? Ведь теоретические рассуждения о верности, добрая воля и заученные прописные правила добродетели — это одно, а жизнь, природа, просто физиология, наконец, — совсем другое. Они действительно требуют своего. Когда я приду к ней? — я не знаю, и никто этого не знает. Расстались мы почти четыре года тому назад. Война еще не кончилась, и, хотя конец ее — вот-вот, уже как чувствуется в воздухе, мало ли что может до того произойти. Да и когда все кончится — что тогда? На что могу я рассчитывать? Полная бесперспективность. Неизвестно, когда я смогу к ней вернуться. Прав ли я, связывая со своей неопределенной солдатской судьбой — судьбу девушки, которой открыта жизнь (это не то что здесь — носом в землю в любой момент и лежи), которая имеет все права и возможности на немедленное счастье? Зачем ей ожидать чего-то неверного и неясного в будущем? Глупо надеяться на то, что со временем все якобы само по себе решится и образуется. Лучше ей меня не ждать... Надо быть честным, надо ей это сказать». Так рассуждал он тогда, и так написал он в том вымученном, освобождающем от всех обязательств письме, и уж лучше бы он его вовсе не писал. Это могло быть причиной того, что сейчас его встретит не улыбка, а...

Но с тех пор, как оно было написано, война кончилась, и опять многое переменялось, и вот он приехал, и спешит, и больше всего на свете хотел бы поскорее узнать, убедиться, что не могла эта небольшая, нелепо придуманная бумажка уничтожить четыре года, четыре года, наполненные ожиданием и надеждой.

Когда поезд метро остановился, поток людей хлынул из него. В Москве стало страшно много народа. Раньше так не было. В сорок втором, когда ему проездом пришлось провести здесь пару дней, не было столько людей. Тогда по улицам ходили бледные худые женщины с пустыми кошелками, в скверах на пыльной земле лежали огромные серые блестящие баллоны азростатов, в трамваях было совсем спокойно. А сейчас толкотня, гам и неразбериха спешащей деловой толпы даже в метро — в месте, где всегда был порядок и благоговейная тишина. Толпа понесла его вместе с чемоданчиком к эскалатору, толпа вынесла его на поверхность земли, и на улице он вдруг оказался один, все были заняты, все

торопились, всем было некогда, все шли мимо. Не у кого было даже спросить дорогу. Он оглянулся по сторонам.

Около выпуклых, круглых, как огромные ушные раковины, арок метро, между которыми прилепилась бетонная неуклюжая скульптура, стройным рядом стояли девушки в белом, с белыми лотками, продававшие очень белое и очень твердое мороженое. Девушки были веселы и приветливы. Они наперебой объяснили, как отсюда, с площади Дзержинского, пройти туда, куда ему надо. Это было, как он и предполагал, недалеко.

Улица была широка, как площадь, а площадь безгранична, как степь, и перейти на противоположную сторону оказалось не простым делом. Лакированные автомашины всех систем и марок в несколько рядов неслись по асфальту. Пробегали, звеня, увешанные гроздьями пассажиров трамваи. Тихо катились синие усатые троллейбусы. И только тогда, когда по мановению невидимой руки на минуту прекращалось это движение, пешеходы группами и в одиночку перебежали по белому пунктиру до середины улицы, а там, робко толпясь на узкой полоске мостовой, снова выжидали остановки неумолимого транспорта.

Прохожий в мятой мягкой шляпе и пальто с барашковым воротником не по сезону, тяжело отдуваясь для окончательного броска, спросил:

— Который час, товарищ капитан?

— Тридцать пять шестого (черт, как время летит). Ну и движение у вас...

— Осторожнее, капитан, — трамвай! — крикнул барашковый воротник уже с тротуара, которого он достиг с завидной ловкостью. С трудом удалось ускользнуть от налетевшего хищно, без звонка, трамвая, затем пришлось лавировать между несколькими стремительными автомобилями.

— Ф-фу-ты, ну и Москва, — сказал он, очутившись, наконец, рядом с барашковым на тротуаре.

— Да, нелегко приезжему, — ответил тот, потя и отирая лоб. — Непривычка. — Он с некоторым интересом наблюдал за всеми этими маневрами. — Вы в отпуск?

— В отпуск. А скажите... — Но человек с барашковым воротником ушел в толпу, как из толпы появился. Он побежал по своим делам, этакий собирательный москвич.

На углу стоял зеленый грузовик с большим прожектором. Прожектор слепо поблескивал стеклами, отражая небо. Между колесами под кузовом копошились мальчишки. Из кабинки высунулся солдат в артиллерийских погонах и скучающе посматривал по сторонам. У солдата можно было узнать все.

— Скажи-ка, друг, сегодня салют?

— Будет салют, товарищ капитан, — ответил прожекторист.

— Двадцать четыре залпа! — хором закричали мальчишки из-под кузова.

— Во сколько?

— В девять, — ответил прожекторист и поправился: — В двадцать один ноль-ноль.

— Из трехсот двадцати четырех орудий! — отозвались мальчишки.

— Хорошо. Благодарю.

Он свернул за угол. Теперь ему уже не казалось, что он особенно спешит — в Москве все куда-то спешили, и он просто шел так же быстро, как и все. Но ему хотелось бы еще быстрее.

С каждым шагом все ближе и ближе. Сейчас он придет. Как его встретят? Самое ужасное будет, если она будет вежлива и равнодушна. Пусть лучше рассердится. Пусть лучше скажет: «Зачем приехал?» Пусть закроет перед ним дверь. Это будет лучше, чем: «Ну что ж, заходи». Может оказаться и так, что он не сможет глядеть ее матери в глаза.

Но нет, этого не будет. Он будто хотел убедить самого себя в том, в чем вовсе не был уверен. Этого не может быть, не должно быть! Он так часто повторял это себе, как вот сейчас все выяснится. Еще пара кварталов. Еще пятнадцать минут до шести. Все должно быть хорошо. Он для того и приехал, чтобы все было хорошо. Сегодня салют. Сегодня праздник. У них сегодня будет двойной праздник. Не нужно думать о возможности плохого. Помнишь, как она когда-то писала о том, что салют особенно красив с Москворецкого моста. Мы пойдем сегодня на Москворецкий мост. Мы будем смотреть на салют, на гремящий фейерверк ракет, отраженный в воде Москвы-реки. Свет и радужное сияние будут в ее глазах, и я ей буду говорить об

этом. Я буду держать ее руку в своей. Слишком долго я ждал этого. Не может быть, чтобы получилось не так.

Перекресток. Вот и пришел. Квартал налево — вон тот дом. Вот сейчас...

На углу он увидел стеклянный и дубовый киоск телефона-автомата. И при взгляде на него пришла мысль — раньше позвонить. По телефону получится конкретнее и официальнее, зато — понятнее. Так легче. Вокруг киоска сидят продавщицы цветов. До шести осталось еще семь минут и, ожидая очереди к телефону, он рассматривал праздничные декоративно-яркие букеты. В корзинах были разложены багровые пионы; в пушистых зеленых ветвях папоротника пучки роз — и пламенно-алых, как небо над морем в закат, и дымчатых чайных цвета старинного японского шелка; букеты рассыпчатых белых и красных астр, бархатных гвоздик и простеньких веселых флоксов, голубых, лиловых и розовых.

«Если сейчас — да, куплю огромный букет. Одни розы и гвоздики. Все, какие здесь есть. Хочу много цветов и много радости...»

— Товарищ капитан, ваша очередь. Пожалуйста...

Он сделал все как надо — по инструкции, висящей на стенке рядом с телефоном, опустил монету, снял трубку, набрал номер... Он ничего не слышал, кроме ударов собственного сердца, которые в такт длинным гудкам отдавались в гулкой мембране. Он смотрел сквозь стеклянную дверь через улицу на тот дом, куда звонил. Это был обыкновенный серый дом, многоэтажная коробка. Такие были когда-то в большой моде, а сейчас их называли просто коробками. И она там живет. А он еще никогда в этом доме не был. Вот сейчас там раздаются звонки. Звонки рассыпаются по квартире, пока не подойдут к телефону. Кто подходит? Вот берется трубка... Кто ее берет?... Вот трубка подносится к уху... Какой-то щелчок... Вот сейчас ее голос... Вот сейчас... Еще секунда... Вот...

И чей-то незнакомый женский голос говорит, что ее нет, ушла на весь вечер, ушла недавно.

— Значит, не скоро будет?

— Нет, придут не скоро.

И все. Все.

Дождлся.

Приехал.

Он выходит из кабинки. Букеты красных цветов горят, как закат над морем. Какое нелепое сравнение. На трамвайной остановке часы показывают ровно шесть. Сразу все стало пусто, и больше некуда спешить и беспокоиться.

Куда теперь?

— Товарищ, одну минуточку. Не скажете ли, где здесь ближайшая гостиница?

Вечером Красная площадь была покрыта народом. Она вся была в движении. Казалось, вся Москва собралась именно на Красной площади. Приближался час салюта. Флаги развевались на домах. Горели рубиновые звезды кремлевских башен. Пышной громадой возвышалось фантастическое нагромождение куполов Василия Блаженного. Рядом с ним на старинном лобном месте был устроен фонтан, каскады которого освещались непрерывно меняющимися свой цвет лучами. Вокруг него, растопырив руки и ноги, стояли скульптуры, а у подножия шевелилась и дышала стиснутая, текущая куда-то толпа. Фонтан журчал, но его не было слышно. Где-то звучала музыка.

Через толпу приходилось проталкиваться страшными усилиями. Посреди площадь была более разреженной. Здесь было немного свободного пространства, по которому медленно и неуверенно ехали автомобили, они упирались друг в друга радиаторами, подталкивали друг друга, помогая пробираться сквозь толпу восторжествовавших пешеходов, и жалобно гудели. Пешеходы злорадствовали — это был единственный случай, когда им удалось одолеть автотранспорт в извечной неравной борьбе. Взявшись за руки и извиваясь змейкой, пробегали вереницы хохочущих веселых девчонок. Топтались на месте кружочком, сталкивались и вежливо извинялись летчики в кожаных американских пальто. Ожесточенно и сосредоточенно делали свое дело вездесущие белые продавщицы мороженого, они потрясали толстыми засаленными пачками денег. Шныряли мальчишки. Освещенные метущимся светом фар, объясняли приезжим все детали предстоящего пожилые москвичи. Молодые москвичи в мягких бледных макинтошах и москвички с яркими губами и черными модными глазами

суетились, искали и находили друг друга. Свет и тень, свет и тень, как в кино, гул голосов, смех и где-то музыка.

Какой-то генерал, отчаявшись проехать, остановил свою машину и расхаживал около нее, поглядывая на небо. А в небе было темно, по небу бродили прожекторы, проплывали какие-то туманные светлые пятна, переливался узкой красной лентой непонятным образом подвешенный и освещенный флаг. Одинокий, он затерялся в темном небе и был очень жалок. Если бы таких флагов было больше, это производило бы впечатление, а так — не очень-то.

Пройти через толпу можно было лишь с трудом. В этот вечер, кажется, только одному человеку было невесело. Он медленно переходил с места на место, поминутно оглядываясь. Кругом были чужие. В этом городе он был одинок. Чужая жизнь, смеясь, перекликаясь, болтая, распевая, проносилась мимо. С ним не было никого. Он кого-то искал. Это было обречено на неудачу. Он на что-то надеялся — наверное, на случай. Но разве возможно найти одного определенного человека среди этих миллионов, найти одну девушку, когда вся Москва высыпала на улицы. Она была где-то здесь же или, быть может, на другом конце города, она тоже праздновала этот вечер, но где же ее увидеть? А ему так хотелось провести с нею этот вечер последнего салюта. Невозможно заставить случай сделать то, чего он не желает. Уж если не везет...

Он вышел на Москворецкий мост. По всем правилам романтической литературы он должен был бы встретить ее случайно именно сейчас и именно здесь, но книжные правила подвели — ее не было. Поиски были тщетны. Он ходил и заглядывал всем встречным девушкам в лицо, догонял женщин, чтобы взглянуть на них — не она ли? — видел тысячи чужих лиц и сталкивался с тысячами чужих взглядов.

Все так быстро проносятся мимо в этом огромном праздничном хороводе. Где-то здесь и она, ее увлекает группа веселых друзей, им хорошо и радостно вместе, она и не знает, что он здесь разыскивает ее, она не может этого даже предполагать. Да и при чем здесь он? Сейчас она с кем-то разговаривает, кому-то улыбается, проходит с кем-то об руку, чувствует себя прекрасно в этой суматохе. Он понял вдруг, как, в сущности, далек он стал от нее за

эти четыре года, сколько вокруг нее близких ей, но незнакомых ему людей, людей, с которыми у нее общие повседневные маленькие заботы, все интересы. Она ведь изменилась, он так давно не был с нею. Он не знает ее мыслей, ее желаний, как знал их когда-то, он не знает ее новых друзей и подруг, многого он не знает; ее окружает целый мирок, в котором он чужой. Он не сразу сообразит, пожалуй, о чем говорить с ней. Он покажется неуклюжим в обществе, неинтересным... Как все это сложно...

Но что толку — все равно ее нет. Только толпа, шум, мелькание света кругом.

На мосту тоже было тесно, даже, пожалуй, еще теснее. Автомашины здесь уже стояли, не осмеливаясь двинуться с места, и на них лезли мальчишки. Фотографы, возвышаясь над толпой, расставляли на автомашинах свои длинные треноги и возились с аппаратами, забравшиеся туда же кинорепортеры производили последние проверки, приставляя к глазу камеры, похожие на пистолет, и упирались друг в друга спинами, чтобы не свалиться вниз. По всему мосту стояли парочки, тесно прижавшись и не шевелясь от избытка чувств и недостатка пространства.

И вдруг весь тысячеголосый говор, возгласы и смех смолкли. Послышался перезвон часов на Спасской башне, и с первым ударом их раздался первый залп. Он глухо прокатился по горизонту вокруг города, и невысокими кустиками выросли и рассыпались разноцветные ракеты, и прожектора устремили свои яркие голубые лучи в небо и забегали там, переkreшиваясь, сходясь в одной точке, разбегаясь опять и цепляясь за облака. Потом ударил новый залп, потом еще и еще. Подрагивала от гула мостовая. Вспыхивающие отблески озаряли небо, суетились прожекторы, из-за домов взлетали ракеты и медленно падали вниз, на крыши и на улицы. Потом все кончилось, толпа снова зашумела и заволновалась, и опять его сдавило и понесло по течению.

Признаться, он ожидал большего. Он мечтал о салюте, как мечтает о нем каждый из тех, кто делал эти салюты возможными. Сами они никогда их не видели и завидовали людям, которые в эти минуты были в Москве. Когда читали в газетах и слушали по радио описания, представлялось величественное феерическое зрелище, мириады

огней, шатер прожекторов и дождь ракет над Москвой, оглушительный грохот, гром побед... Ему было досадно чувствовать себя неудовлетворенным. Уж очень мало ракет, и невысоко они взлетают, и этот одинокий маленький флаг в небе, и далекие глухие залпы... «Право, у нас там и то получше было. Тогда, когда мадьяры из Баянхаза били стопятимиллиметровыми, и рев целого дивизиона доносился по-над рекой, и Витька Николаев сказал: «Это не по нас», и сразу — гром, огонь, пороховая вонь, дым, песок, и еще раз, и еще, и обрушились балки, и потолок обвалился, и казалось — земля раскалывается на части, и все попадали на пол, а потом увидели, что снаряд разорвался как раз на крыше, еще счастливо отделались, и так чуть не ежедневно, а ночью ракеты каждую минуту — да, вот это были салюты! Не то что здесь.

Сегодня вообще — день обманутых ожиданий. И салют — обман. Не знаю только, всем ли это так, или только я один такой... неудачливый».

Вокруг продолжалось гулянье. Москву освещал после четырех затемненных лет щедрый электрический свет, а он еще долго бродил, всю ночь, толкался в толпе и все еще на что-то рассчитывал.

На следующий день с утра шел дождь. Потоки воды лились по мостовой. Промокшие люди жались к стенам домов, дожидаясь трамваев. Другие бежали, наставив воротники и высоко поднимая ноги.

А он шел, засунув руки в карманы, и не спешил. Он опять уговаривал себя. Мало ли какие причины могли быть тому, что ее вчера вечером не оказалось дома. Жизнь слишком сложная штука, чтобы укладываться в какие-то выдуманные схемы, и глупо было бы делать ни на чем не обоснованные выводы из того, что ровным счетом ни о чем не говорит. Того, что получилось вчера, следовало ожидать. В конце концов, сам виноват, мог бы дать телеграмму, что едет.

Так убеждал он самого себя, приближаясь еще раз к тому дому (около которого на углу — киоск телефона-автомата). Вот этот дом. Какой невзрачный он сегодня, весь облез под дождем. Вход во двор. Куда дальше? В углу

двора — чуть заметный парадный ход. Туда, что ли? Каменная лестница с тонкими перильцами, ступеньки потрескались и выщербились тысячами прошедших по ним шагов, дверь в нише, и на ней листок бумаги, приколотый кнопками: «Звонок в квартиру 39», и большая оперенная стрелка, нарисованная фиолетовыми школьными чернилами, указывает — где звонок.

Ну да, квартира 39. Здесь она живет. Пришел. И тут-то он почувствовал, что не может позвонить. Не может, потому что волнуется, как не волновался никогда в жизни. Он не смог бы и сам объяснить — что причиной этому, но только стоял он так перед звонком в квартиру 39, не шевелясь, не дыша и не думая, только прислушиваясь к чему-то — к чему? — стоял в полутемной старой парадной и сжимал рукой холодные железные перила. Потом где-то наверху хлопнула дверь, и раздались шаги вниз по лестнице, и тогда он нажал звонок. Нажал — и отдернул руку, потому что из звонка в палец ударило током. Наверное, проводка не в порядке...

— Кто там? — спросил голос за дверью.

— Это... — Он принужден был кашлянуть, чтобы ответить: — Это я.

Дверь раскрылась. За дверью стояла она — такая же, ничуть не изменившаяся, маленькая, чуть растрепанная и чуть грустная, и смотрела на него широко раскрытыми глазами, и он стоял, и глядел на нее, и не в силах был пошевелиться, и чувствовал, что сейчас он может разреветься. И тогда она сказала:

— Ты...

И он вошел. И все было просто, очень просто. Совсем просто.

Сентябрь 1945

ДЕВУШКА, КОТОРУЮ ОН ЦЕЛОВАЛ

(Второй рассказ Вернера)

— Это — страницы из моего дневника, — сказал Вернер. — Я ведь тоже иногда, раньше, когда была война, заставлял себя записывать разные достопримечательные факты и случаи, казавшиеся мне интересными в том или ином отношении. Давно известно, что замкнутые люди любят вести дневники и такого рода записки, а вам мой характер, кажется, достаточно знаком. Признайтесь, что вы меня давно причислили к так называемым «замкнутым натурам»? Сегодня я просматривал и перечитывал всю эту книгу, — он указал на небольшую стопку исписанных бумаг, писем, растрепанных разрозненных тетрадок. — Хотел было сжечь их, для облегчения чемодана, но потом жалко стало. Среди прочего нашел я вот это. Прочитайте сначала, а потом я расскажу вам, что я в связи с этой записью вспомнил. Любопытная история, как говорится.

Я начал читать то, что было озаглавлено

Так оно бывает

Танки подошли в сумерках. Их почти не было видно — темные пятна, медленно передвигавшиеся по сизому вечернему полю. Раздавался короткий выстрел, как удар, потом сразу резкий разрыв. Они били по господскому двору прямой наводкой. Болванки противно свистели, а когда попадали в серый трехэтажный дом, то насквозь прошивали его толстые кирпичные стены, только кусочки камня летели. Немецкая артиллерия вела огонь откуда-то издалека, из-за Одера,

странными дымовыми снарядами, от них растекался во все стороны плотный белый дым. Разрыв за разрывом. Сплошной грохот. Господский двор смешивали с землей. Когда все, кто находился в этих нескольких домиках, были убиты или убежали прочь, когда рухнул большой серый дом и завалились подвалы от прямых попаданий, танки развернулись дугой и пошли вперед. За ними шла редкой цепью пехота, невидная за дымом. Немецкая артиллерия замолчала. Они решили, что дело уже сделано.

И тогда из белого и серого дыма, из пыли и тучи горячего песка забил непонятно <как> уцелевший пулемет, а справа, с участка соседа, оглушительными залпами захлопали пушки истребительного полка. Издалека сыграла «катюша», но воюющие снаряды пролетели и попали в пустое место — в поле и в канаву. Пулемет все бил и бил. Потом затрещали автоматы. Пехота в железных шлемах затопталась на месте, и сразу, один за другим, стали гореть танки.

Генерал смотрел с наблюдательного пункта, как во мгле, в которой уже ничего нельзя было разобрать, мелькали огоньки и низко пролетали стремительные огненные точки. Потом вдруг один из огоньков вспыхивал ярче других, разгорался и выпускал узкую полосу черного жирного дыма. Через минуту неподалеку появлялся еще один такой же дымный огонь. Вскоре на поле дымились тринадцать факелов.

Постепенно все стихло. Бой закончился.

По телефону доложили:

— Контратака отбита.

— Сам вижу, что отбита, — сказал генерал.

Началась ночь. Взлетела первая ракета над догоравшими танками.

Когда танки стали бить по господскому двору, Вечинадзе и Горелов дежурили с биноклями на чердаке большого серого дома. Они наблюдали в направлении Одера и потому просмотрели подход танков слева. Прозевали. Первые снаряды, разорвавшиеся поблизости, потрясли все здание. Посыпались окна, и обвалилась черепица. Сразу кубарем свалившись вниз по лестнице, они не нашли там уже ни капитана Крапивина, ни остальных разведчиков. Оглушительный грохот, вспышки и пороховой горячий воздух от близких разрывов забивали мозги. Ничего не соображаешь в такие минуты, кроме того,

что надо куда-нибудь бежать и прятаться. Самое лучшее — это не бегать, а оставаться на месте, но это — трудно. Везде кажется лучше, чем там, где ты есть. Стремишься убежать и спрятаться. Ко входу в подвал они подоспели как раз в тот момент, когда туда угодил снаряд. Они так и не узнали — и впоследствии этого не удалось установить, — был ли и капитан Крапивин в подвале. Больше его никогда никто не видел. На дворе была паника. Взрывы, осколки, дым. Билась лошадь. Люди метались и падали. Со двора поодиночке бежали солдаты. Никого из разведчиков не оказалось и во дворе. Вечинадзе и Горелов осторожно выбрались на поле и быстро пошли в сторону завода, где днем был штаб полка. На поле снаряды ложились реже. Они шли пригибаясь, но не ложась. На кирпичном заводе была сутолока и неразбериха. Кто-то орал, размахивая пистолетом. Солдат собирали группами. С шумом и без толку переезжали с места на место неугомонные брички. Кого-то били, всех гнали назад. Двое разведчиков переглянулись — нечего здесь делать — и пошли обратно. В поле в канаве присели, покурили, передохнули. Перепрыгивая канаву, Вечинадзе попал ногой в жидкую грязь, выругался. Снова пошли. У Вечинадзе в сапоге хлюпало.

К тому времени, когда они вернулись, то есть за каких-нибудь полчаса, на господском дворе положение снова было восстановлено, и все кончилось. Среди развалин окапывались бойцы из учебной роты, и сам командир роты Соловьев бегал тут же, спотыкался в темноте, ругался и распоряжался. Немец уже не стрелял, успокоившись на ночь, только изредка давал сюда короткие трассирующие очереди из-за реки.

Разведчики решили вдвоем отправиться к танкам. Танки все еще тлели в темноте, время от времени в них рвались боеприпасы. Идти сейчас к танкам было нелегко, так как по ним секли из пулемета и наши, и немцы. Все же пошли. На Горелове, когда он полз, одна пуля пробила шапку, противно вжикнув. Им удалось облазить почти все танки. У некоторых из них люки так и остались закрытыми, экипажи, значит, сгорели. В одном бронетранспортере остались трое фрицев — зажаренный фельдфебель и с ним два ефрейтора. Тошнотворно воняло. В другом транспорте никого не оказалось, зато нашелся толстый кожаный портфель. В портфеле была целая папка с какими-то бумагами, несколько книжечек и много пачек конфет в шуршащих прозрачных мешочках.

— А что, если немцы, как и мы, сюда придут? — сказал Вечинадзе.

— Вот это был бы номер. Нас всего двое...

— Ну что ж, им бы языки были...

Свесив длинный тонкий ствол орудия, стояла «Пантера» с перебитыми гусеницами. Внутри тихо и печально играло невыключенное радио. Тускло мерцали в темноте циферблаты приборов. Горелов чиркнул спичкой. Просторно, чисто, все блестит, сиденья обшиты кожей.

— В такой коробке воевать можно...

Обшарив все закоулки, нашли полевую сумку, какой-то чемодан с вещами. Прихватили и чемодан. Под сиденьем нашлась бутылка, по запаху и вкусу — ром. Выпили через горлышко, присев на корточки. К утру вернулись в расположение. Документы сдали в штаб. На следующий день Горелов всем показывал простреленную шапку в доказательство своей удивительной удачи и угощал ребят конфетами. А Крапивина так и не нашли.

— Прочитали? — сказал Вернер. — А теперь слушайте. Там вскользь упомянут Крапивин — о нем-то я и поведу речь.

Девушка, которую он целовал, осталась у блокауза, когда наш эшелон протяжно и тоскливо загудел, тронулся дальше, ускоряя и ускоряя ход, погромыхая на стыках путей и на многочисленных стрелках большой узловой станции. Пронеслись мимо и ушли, и остались позади развалины станционных построек, расклепанные котлы, низко над землей горящие желтые тусклые огоньки, ненужные старые локомотивы в тупиках, платформы с зенитными установками... Крапивин больше ни разу не высунулся из вагона и не взглянул назад. Прошла ночь, прошел день. Мимо нас мелькали обезлюдевшие деревушки, седые от пыли поля с неубранными осыпающимися хлебами под жарким солнцем, зеленые кудрявые пустые баштаны.

Мы пролетали со стуком и скрипом через мосты, разрушенные бомбежкой и вновь наскоро восстановленные из ненадежных бревен и свай. Эшелон наш шел на юг. Километров за двести от Сталинграда началась полоса крушений. По обе стороны насыпи валялись разбитые и сгоревшие вагоны, платформы, паровозы. Их было много.

Вагоны лежали вверх колесами, жалкие, беспомощные, красные, как вареные раки.

Каким чудом он ее встретил — один бог знает. Это была поистине удивительная встреча. Оба из южного города, который к тому времени был уже занят немцами, — он ехал на фронт куда-то под Ворошиловград, она, потеряв семью, дом, все на свете, пробиралась без цели и намерений на восток, и вот — бывают же такие совпадения — их пути на минуту пересеклись на этой самой станции Поворино.

Они побыли вместе ровно столько, сколько позволила ему короткая стоянка эшелона, и, пока наше начальство получало указания о дальнейшем пути следования у дорожно-го коменданта, они, присев на штабель старых шпал, возле кучи битого кирпича и железного лома, держа друг дружку за руки, обменялись немногими и, наверное, не самыми нужными словами, а потом он долго целовал ее — пока паровоз гудел и пока, тяжело сопя и гремя буферами, трогался с места перегруженный состав. Тогда только он оставил ее, догнал вагон и вскочил в него на ходу — и больше не оглядывался назад. А она долго еще стояла там, у путей, и кто угадает, что думала она нам вослед и плакала ли она?

Ну, под Ворошиловград мы уже опоздали и разгрузились где-то не доезжая, в степи, довольно благополучно.

По счастью, нас не бомбили, это было действительно редкое счастье, так как немецкая авиация свирепствовала тогда, и следовавший за нами эшелон в тот же день в пух и прах разнесли «Юнкерсы» на станции Суровикино, у них одних только убитых было полтораста с лишним. Прошли мы немного маршем по этой сухой и безводной степи, ох и запомнилась та степь на всю жизнь, — а потом началось обычное. Бои, бои, бои...

С лейтенантом Крапивиным я сблизился и немного подружился. Он оказался очень неплохим парнем. Попав в армию прямо из десятого класса средней школы, он еще не воевал — лето сорок второго года было его первым военным летом, — и поэтому многие иллюзии не выветрились из него, и он не достиг еще того уровня безразличия к окружающим и к самому себе, который, по моему мнению, необходим для идеального солдата. Фотокарточка девушки, с которой он повстречался тогда на станции, как водится, хранилась у него в левом кармане гимнастерки, и я неодно-

кратно ему указывал на то, что это не только по-детски наивно, но и до глупого избито. «Брось, — отвечал он мне, — то, что называют любовью, уже само по себе чувство достаточно избитое, оно пережито человечеством и описано в стольких вариантах, что, естественно, все, связанное с ним, — и слова, и поступки — поневоле кажутся взятыми с готовых образцов и рецептов и потому приобретают характер избитых общих мест, — но только не для того, кто любит».

Ну, как шли наши дела в августе сорок второго на юге, вы сами знаете. Нас били и трепали, скоро дошло до того, что я, хотя был в маленьком чине лейтенанта, стал командовать батальоном, а в батальоне было тридцать пять или сорок человек, и Крапивин стал моим заместителем. Так мы с ним и были все время вместе, а под Цимлянском нас окружили и разогнали на все четыре стороны танки, и мы выползли ночью из этой истории, а немецкие танкисты, открыв люки, кричали в ночь: «Эй, русс, комм, плен, шоколад будет, капут никс, капут не будет!» Потом, помню, попали мы в какую-то крутую балку, в которой было полным-полно наших, и пехоты, и пушек без боеприпасов, и повозок, и лошадей, и бегал какой-то толстый полковник, орал и пробовал навести хоть маленький порядок, а по обоим концам балки, запирая выходы, стояли танки и с расстояния двухсот метров били прямой наводкой в эту кашу, так что только руки, ноги, головы и колеса телег летели во все стороны, и, когда осколок разворотил полковнику живот и он, умирая, сказал: «Выбирайтесь как знаете, будьте вы все прокляты» — только тогда мы решились уходить вдвоем — и потом брели вдоль Дона, и нечего было жрать, кроме колючих колосьев пшеницы и подгнивающих подсолнухов, и солнце палило так, что пересохшая земля лопалась и обращалась в пыль, и головы наши кругом шли от усталости, и голода, и жары, и еще сотни таких же беглецов, как мы, встречались нам по пути, и никто ничем не делился с нами, и нам с ними нечем было делиться, — и я хочу сказать, что в эти дни Крапивин показал себя исключительным молодцом.

Мне даже удивительно было, до чего безропотно и даже, я бы сказал, с каким-то странным и мрачным удовольствием переносил он все это и в самые тяжелые моменты хоть горько и неудачно, но все же шутил, я, ругавшийся каждую минуту на чем свет стоит и иногда, признаться, впадавший

в отчаяние — я не мог понять его и однажды спросил об этом. Он ответил мне: «Очень просто, друг: та самая любовь, которая кажется вам чувством заезженным и опошленным. Она все-таки существует. И потом, должен же я дожить до того, чтобы получить от нее первое письмо. А если малодушничать — не доживешь».

Симоновское «Жди меня» тогда еще не было нам известно, но что-то в этом роде приходило мне в голову при виде того, как обходят моего Крапивина и меня вместе с ним всякие опасности и как нам удается выпутываться из самых трудных переделок. Когда мы ночью по ракетам перешли немецкий передний край и вплавь переправились через Дон у Калача, куда сходились все остатки наших частей, разбитых в большой излучине Дона, и когда, голые, мы увидели первого нашего солдата на том берегу, я сказал: «Ну — ничего не скажу. Действительно, или ты очень крепко любишь, или тебя очень крепко любят, друг» — и свалился без памяти. Провалился месяца три в сыпняке с разными там осложнениями на уши и прочее, и подоспел опять на фронт к началу нашего наступления. Добился назначения в свою прежнюю дивизию, и первый, кого я увидел, был старший уже лейтенант Крапивин. «Здорово!» — воскликнули мы оба. «Не ранен?» — спросил я. «Нет, не было случая», — смеясь, ответил Крапивин. «Есть письмо?» — спросил я. «Нет еще, — ответил он, — но будет». Теперь, когда у меня находятся некоторые отрывочные его записки — нечто вроде дневника, вот как и я веду, — теперь-то я знаю, какая тоска, какие мучительные раздумья заедали подчас этого с виду всегда спокойного и уравновешенного парня. Черт, он превзошел меня в скрытности и сдержанности! Никогда не жаловался, никогда не высказал сомнения в этом своем, извините за пышность выражения, «идеале», — всегда бодр, весел и прекрасный товарищ. А в дневнике своем подчас запишет такое...

Или вдруг пробует писать стихи, они у него получались очень уж неуклюжими... Никому и никогда их не показывал... Мне тоже, я эти стихи уже потом нашел. Дружба наша помаленьку разладилась, не знаю, что этому было причиной. Никогда больше не говорили мы с ним так откровенно, как бывало в то лето, только иной раз при виде того, какими глазами смотрел он на Васю Булдыжкина,

мальчишку-почтальона нашего, я спрашивал: «Ты все ждешь?» — «Жду», — отвечал он, и это была истинная правда: он ждал, иногда надеялся, иногда нет, но все ждал. Письма ждал. Велико ли дело — письмо, а что оно для нас значит в такие времена — вряд ли поймет тот, кто сам не испытал. А письма все не было. Встретился я с Крапивинным в третий раз — я был ранен на Миусе — уже под Киевом, в конце сорок третьего года. Он командовал тогда ротой разведки, постарел, осунулся, от прежней улыбки и следа не осталось, но вера его была все та же. В ней и было все дело — скажу я теперь.

В январе он с большой группой разведчиков ходил в тыл противника, под самый Изяславль, за Шепетовку. Операция не получилась, и он редко рассказывал о ней подробно, а разведчики вралі так безбожно, что истину мне удалось восстановить только впоследствии, по дневнику. Оказывается, виной срыва была непродуманно устроенная засада на линии связи. Уже у самой цели вздумалось взять языка. Крапивин считал место выбранным неудачно, так как совсем рядом проходило большое шоссе с оживленным движением, но какой-то «представитель сверху», ходивший с ними вместе, настоял. Провод разрубили, но вместо немцев-линейщиков пришла вдруг целая артиллерийская батарея в походном строю, на нее напоролась группа, пошедшая в обход через шоссе, завязала перестрелку. Немцы молниеносно развернули орудия и открыли огонь осколочными. Разведчик Приходько противотанковой гранатой взорвал пушку, но сам был убит. Убиты были еще два-три человека, а потом немцы, оправившись от переполоха, принялись прочесывать лес. Пришлось сматываться, и в лесу группа разбрелась. «Представитель сверху» куда-то исчез с компасом, картой и несколькими людьми. О том, что было дальше, отрывочно записано у Крапивина в дневнике. Бродили по лесу полторы недели. Снег по колено, сугробы и присыпанные сверху, так, что не различишь, бесконечные болота. «Я думал было, что отморожу обе ноги, — писал Крапивин, — когда провалился по пояс в глубокую яму с ледяной водой. Валенки пропали. Спасаю тем, что непрерывно ходил, не останавливаясь ни на минуту». Иней и ледяная корочка выступали на бровях и на обросших бородах. Ели снег, от которого потом горько и болезненно жжет во рту и в глотке, пили обжигаю-

ще холодную воду, которая не утоляет жажды. Вытряхивали из карманов завалявшиеся крошки сухарей и делили их, больше нечего было. Охотиться пробовали, но неудачно, да и нельзя поднимать стрельбу в тылу противника. В каждом селе у немцев стоял настороженный гарнизон, немцы всегда боялись леса. Одну ночь удалось провести в заброшенной избушке лесника. Отогрелись. Но наутро явились человек двадцать конников-баварцев, и опять пришлось уйти в лес, в перестрелке потеряв двух человек. В этот же день — не везло — повстречались на грейдере с бронетранспортером, а гранат больше не было. Еле ушли от погони. Ночью, измученные и мокрые, пытались устроиться в куче валежника, но над ухом раздался громкий окрик «хальт», нервы не выдержали — бросились наутек и бежали из последних сил, напрямую, через снег по колено, кусты и мелкий ельник, а сзади еще долго тяжело топало и кричало «хальт! хальт!» и только потом сообразили, что это не «хальт», а крик потревоженного дикого кабана, было не до смеха тогда, но Крапивин записал: «Вот посмеемся когда-нибудь, когда я ей расскажу об этом». Выходили они непроглядно черной ночью, с сырым вьюжным ветром, который заклеивал снегом глаза, — самая подходящая ночь для такого дела. И пришлось в крайней хате какой-то деревни взять с собой древнюю старуху, чтобы показывала дорогу, это полумертвое существо в ужасе господом богом молило оставить ее в покое и угрожало поднять крик на всю деревню, и пришлось грозить ей пистолетом, потому что иначе никак нельзя было, и черная ковыляющая тень, опираясь на палку и поминутно падая и проклиная своих мучителей, шла в белой клубящейся мути, и ветер больно бил по лицу мелкими ледяшками, и бесшумно прошла в ночи цепочка белых обесилевших привидений...

Так они вышли, наконец, и, добравшись до своих, с первых слов потребовали хлеба и бритвы, а вторая группа, как впоследствии оказалось, так вся и пропала. Теперь слушайте.

После первых вопросов и ответов, после первых проглоченных кусков Крапивину принесли письмо. Оно пришло в его отсутствие. Банальная история, что и говорить, но разве я виноват, что именно так бывает в жизни? Когда он распечатывал его, у него дрожали обмороженные руки, он читал его, высоко поднеся к глазам, в то время, как

брился, и голова его была запрокинута назад, и из-за этого ротный парикмахер несколько раз порезал его, но он этого не заметил. Дело тут, конечно, не в письме. Что письмо? Бумажка, несколько строчек, жива, мол, здорова, может быть, и больше ничего. Но для него это было другим. Это было долгожданным знаком, как кивок головы. Это было как утвердительный ответ на вопрос, на страшно важный вопрос, который годами не давал покоя и который был не разрешим никаким иным способом. Горечь неудачи от проваленной операции, радость спасения и возвращения к своим, казалось, не были так сильны, как это. Это было как награда за все. Ему захотелось плакать, говорил он мне впоследствии, захотелось плакать впервые за много-много лет. (Я говорю так, потому что на войне два года — это именно много-много лет.) Это было счастье, — не будем говорить о том, что счастье на фронте редкий и недолгий гость, — это было маленькое, но счастье.

В письме не было ничего особенного, девушка писала (не буду называть вам ее имени, это в конечном счете совершенно не важно), что живет в одном из крупных среднеазиатских городов, учится в институте и так далее, и еще там было написано такое, что Крапивин мой сразу сорвался с места и пошел всем читать и показывать и вертеть перед глазами это письмо, и болтал языком, как не болтал он еще никогда в жизни, но самое главное, что было в письме, — это фотография. Она догадалась в первом же письме прислать ему свое фото с соответствующей надписью на обороте. Я, взглянув, узнал то лицо, которое однажды мельком видел в сумерках, освещенное лишь тусклым отблеском огня из паровозной топки. Должен сказать вам, что из-за такого лица и из-за таких глаз действительно можно позволить вести себя некоторое время дурак дураком, что, кстати сказать, Крапивин и делал в тот день. У меня, правда, несколько иная точка зрения на это, и я хотел было сказать ему, что следовало бы ей несколько раньше написать ему, — но раздумал.

Под конец усталость его свалила, а на следующее утро проснулся он прежним Крапивиным — но только, как я догадывался, внешне. С тех пор на него как нашло. Дело не только в том, что он писал ежедневно по письму, добывая для этого самые изысканные трофейные конверты.

Дело не в этом. Он весь горел. Он преобразился. Он стал проделывать такие вещи, что даже удивительно было, как они ему сходят. Какой-то дух овладел им, риска для него больше не существовало, он брался за отчаянные дела, как будто нарочно выискивая, где больше опасности, и удача сопутствовала ему во всем. Это была игра, но очень уж страшная игра. И он все время выигрывал в ней, в этой игре. Под Станиславом он трое суток сидел в немецких окопах второй линии с радистом и РБушкой и засекал их артиллерийские батареи.

На горе Парашке среди белого дня он взял из-за проволочного заграждения двух пленных, мадьяр-пулеметчиков. Ему и до того всегда везло, но, когда он, ворвавшись верхом, только со своим ординарцем вдвоем, в большое село Богородычаны, увидел на улице танк, на котором *возились* немцы, убил этих немцев из пистолета, бросил в открытый люк гранату и, таким образом, в «конном строю» собственноручно захватил танк, — даже наш генерал удивился и против своего обыкновения не обозвал разведчиков брехунами и мародерами. А в Карпатах было... Вот, читайте, — порывшись, Вернер снова извлек какую-то исписанную бумажку, на которой сверху стояло:

*Рассказ комбата Киселевича о том,
как была взята гора Пианула в Карпатах*

— Гора эта, если помните, выдвинута таким вот огурцом, а на самом верху такой круглый пупок. И на этом пупке у мадьяр раньше был наблюдательный пункт, а тут они высунули в амбразуры два пулемета, засели там человек двенадцать и режут, ну просто подняться не дают — самый настоящий ДЗОТ. Только — rrrrr, rrrrr, — представляешь, два пулемета в упор, да еще из винтовок. Так и режет, так и режет. Мин, правда, еще не было, но проволоки уже успели нагородить вокруг этого блиндажа, ДЗОТа, что ли. Ну, не подойти никак. Гляжу — залег мой батальон, — тут семерка лежит, левее восьмерка, дальше автоматный взвод. Я прошел к автоматчикам, смотрю — что же делать. А там так: глубокая лощина идет, с ручьем, за одну высотку погибает — на ней мадьяр не было — и дальше за Пианулу пошла. Я говорю Скворцову, командиру автоматного: «Быстро бери своих шесть человек и обходи Пианулу слева», — потому что вижу

ведь, тут в лоб ничего не выйдет. И только пошел это мой Скворцов, вдруг слышу: «Ураа! Ура, мать твою ...!! Ураа!!» Оказывается, там Крапивин и с ним еще четверо, — пока седьмая рота вела перестрелку, они подползли под проволоку, мадьяры их и не заметили, а потом — ура, рывок, гранаты туда раз-раз, и — гляжу — Крапивин-то стоит на ДЗОТе, ругается, а мадьяры — руки вверх — и выходят по очереди, трясутся. Вот черти, а — бросились с «ура», смело, и — порядок. Взяли всех этих мадьяр, офицера ихнего, пулемета два, ну там торбы это ихние — трофеи. Потом они у нас эти же свои пулеметы таскали. Нагрузили на них пулеметы, по три коробки лент — тащут. Потом еще ленты набивали.

— Вот видите, — продолжал Вернер. — Он всегда так действовал. Хоть верьте, хоть нет, но я считаю, что некая сила помогала ему... Только не улыбайтесь так, я же вижу. Хотите, можете про себя смеяться над моими рассуждениями, только чтоб без ваших улыбочек. Вот уж чего не люблю...

Да, он ежедневно, я уже сказал, получал письма, ежедневно отвечал на них и, как мог каждый видеть, — был счастлив. Иногда на отдыхе, лежа на кровати и задрав на ее спинку ноги, вот как я сейчас, он принимался мечтать о том, что будет дальше, и мне, которому мечтать не о чем, делалось завидно. Для него, казалось, не было сомнений, все было ясно и хорошо, мучительный вопрос отпал раз и навсегда. Оставалось лишь дожить.

— Доживу, — что мне сделается? — говорил он.

Но слушайте дальше. Продолжалось это больше года. Головоломные предприятия по-прежнему удавались ему, но первоначальная горячка улеглась, все входило в обычную колею, письма становились реже, время от времени Крапивин подолгу думал и соображал что-то, чем он никогда ни с кем не делился, прежде чем написать ответ. Скучнел, не получая письма неделями, и почтальон Вася стеснялся попадаться ему на глаза, как будто чувствуя себя виноватым. Что-то не ладилось.

Но совсем неожиданным было для меня — не знаю, как для него, — когда в один прекрасный день принес наш почтальон очередное послание в маленьком сером конверте. Собственно говоря, этот день я назвал прекрасным только потому, что такой уж оборот речи принят в литературе. Не

моя вина в том, что в действительности это был тяжелый день. Бои шли за Одер. На бревнах, лодках и плотиках пехота переплыла реку и закрепилась на дамбе в двухстах метрах от воды — на том берегу. В полках оставалось пехоты человек по пятьдесят. Трудно было это даже назвать плацдармом. Весь день саперы строили плоты и пытались переправить артиллерию, но тщетно. Глупо было даже пытаться сделать это днем, так как немец немилосердно сек по реке из пулеметов. Щелкали разрывные пули. Его артиллерия была просто страшно, массированными огневыми налетами. Била по фольваркам на нашем берегу, по деревням, по дорогам и перекресткам дорог. Била непрерывно. Во всех кюветах валялись подбитые автомашины, повозки, у обочин дорог — скрюченные лошади и пыльные трупы солдат. Не было хотя бы легкого ветерка, чтобы отгонять в сторону клочья дыма, чтобы сдувать толстых ленивых мух с губ убитых. А на том берегу сидела горсточка людей на дамбе, без поддержки соседей, ибо ни справа, ни слева еще не переправились. В тот день немцы трижды ходили в контратаку при поддержке танков, но их отбивали. Для связи с тем берегом туда на лодчонке переплыл Крапивин. Другие не могли. Как всегда, ему повезло — он вернулся обратно. И вот, грязный и закопченный, рассказав мне о том, что он там видел, медленно распечатал и прочел письмо.

Что было в том письме, я не знаю, потому что не читал его, у меня просто не хватило бы духу, даже если бы он сам мне предложил. Но это был конец, я видел это. Ничего особенного не сделал, только медленно сложил, засунул в карман, задумался. Потом встал.

— Пойду на господский двор, на НП. — И прибавил: — Сегодня меня, наверное, убьют.

Не умывшись, не отдохнув — ушел.

В этот вечер его действительно убили. Вот и все. Можете делать теперь свои выводы, и, если вы захотите сделать мне замечание, что я суеверен, — я с вами соглашусь.

После некоторой паузы я спросил Вернера, чувствует ли он, что в некоторых положениях сегодня сам противоречит тому, что утверждал в прошлый раз?

— Нет правила без исключения, — ответил он на это.

Октябрь 1945

ВОЙНА И МИР

В садах яблоки уже большие и белые. Их вполне можно есть, чуть кривясь от кислятины. Можно влезть на вишню, всю усеянную блестящими красными шариками, а потом свалишься на землю с раздувшимся, как у пчелы, животом и набив изрядную оскомину. Впрочем, вишни порядком надоели. Аркадий Бороздна сидит на шелковице, растопырив ноги, и горстями сбрасывает мне жирные густо-фиолетовые плоды, а я подставляю фуражку и ловлю их.

— Смотри не свались, — кричу я ему, когда он перебирается на тонкую ветку. Он не может ничего ответить, потому что набил полный рот и разжевывает, улыбаясь надутыми щеками. Славная курносая рожа его сияет мне сверху в просвет листьев.

Потом раздается треск. На землю сыплются мелкие веточки, сучья и кусочки коры, показываются подошвы с подковками, потом целиком сапоги, сапоги болтаются в воздухе, и Аркашка спрыгивает на землю, взлохмаченный и довольный. Мы идем на край сада, туда, где облюбовали себе полянку, поросшую ромашками и еще какими-то простенькими желтыми цветами. Жарко. Мы ложимся в тени под кустами, снимаем пояса и расстегиваем воротнички, сосем сладкую шелковицу и смотрим вдаль, за поле. Где-то там, за синими и зелеными полосами лугов и садов, течет река Черемош, по которой раньше проходила граница между Польшей и Румынией. А еще дальше, на горизонте — неизменно синие Карпаты. Из-за них выползают пухлые черные тучи, но над Заболотувом стоит пол-радуги. Другая ее половина растворяется в горячем небе. Дождя не будет.

Под вечер приезжает Нерман, начальник разведки 59-го, худой, черный, в толстых волосатых галифе из мадьярского сукна. В горнице, где глиняный пол для прохлады посыпан листьями мяты, я угощаю его позавчерашней водкой из фляги и недоеденной половиной копченой рыбины. Как назло, нет никакой другой закуски и водки мало. Но он рад и этому, потому что устал как черт — скакал километров тридцать, уж очень далеко стоит полк, в самых горах, и водки там целую неделю не привозили.

Потом мы опять лежим на траве на цветочной полянке и курим. Небо над нами постепенно темнеет, и на нем медленно, одна за другой проступают желтые звезды. Тихо.

— Хорошо, — говорит Нерман. — До чего хорошо.

— Хорошо, — говорит Аркашка.

Хорошо на формировке.

Нерман рассказывает нам историю о том, что было совсем недавно, в начале марта, когда 59-й полк брал Станислав. После переправы по льду через Днестр стояла сплошная неразбериха, как всегда после долгого и стремительного наступления. Никто ничего не мог понять. Ходили разные слухи, говорили, что бои идут уже на улицах города, что тот самый Бойко, который с пятью танками взял Черновцы и с тремя — Коломыю, ворвался в Станислав, и что немцы драпают без оглядки, и тому подобное. И хотя мы не знали, кто бы это мог нас опередить — казалось бы, и частей впереди нас никаких не было, — но тарарам и сумятица в наступлении были такие, что все охотно поверили, будто ничего серьезного даже не предстоит. Шли себе спокойно по шоссе походным порядком без разведки и покуривали на ходу. Ну и конечно, получили по морде: город уже был виден вдаль, когда с холмов по обе стороны шоссе ударили пулеметы и стали рваться первые мины. Побежали, бежали, бежали и остановились километра через два, на краю леса, здесь были какие-то занесенные снегом траншеи, наверное еще сорок первого года. Тут мы и стали. Стояли недели две, пока подтягивались тылы, подвозили снаряды и тому подобное. А немцы каждый день по три раза атаковали — утром, вечером и днем. Иногда еще и ночью. Черт их знает, откуда столько их взялось, потом еще и венгры появились. На второй или третий день только мы узнали, что же, собственно, произо-

шло в Станиславе, — узнали, когда приполз из лесу обгорелый и обмороженный танкист с перебитой ногой — на четвереньках по снегу. Он рассказал, как несколько наших танков, вырвавшись вперед, вскочили в город, к вокзалу, и тут встали, кончилось горючее. Пока были снаряды, отстреливались. А когда снаряды кончились, их всех сожгли. Он один вышел. От пленных тоже потом выяснилось, как немцы в Станиславе из отпускников, возвращавшихся и уезжавших, из разных пекарей, да писарей, да из легкораненых спешно собрали два полка и бросили их нам навстречу — их они так официально и называли «полки отпускников». Дрались они, надо сказать, паршиво, было их много, вооружили их все-таки неплохо, а ничего они с нами не могли поделывать. У нас в это время осталось в полку человек пятьдесят активных, не больше, как и полагается после хорошего наступления, снарядов у артиллерии не было совсем — так только, раза три за день пальнет, одними пулеметами держались, атаковали они здорово, а все-таки не сдвинули ни на шаг. Но и наступать нам, конечно, нечего было и думать. Положение было неважное — и тут у немцев появились танки. Да... Танки средние — но что с ними поделаешь без артиллерии. И не окопаться как следует, земля от мороза как железо, зима была сами знаете какая.

Целый день давили танками. А на другой день то ли кто-то из соседей подался, то ли просто там всех перебили — танки прошли далеко справа от нас. Штаб полка был в лесу, когда нас окружили. Штаб окружили отдельно, батальоны были неизвестно где. Связи не было. Двух посыльных убило — они не вернулись. Тогда из тылов полка собрали остатки — одиннадцать человек нестроевиков — все, что можно было.

Их привели, построили. Из шалаша вышел командир полка. На нем был подпоясанный ватник, из-за пазухи торчал пистолет. Всякий знает, что это означает, когда штабные офицеры достают пистолеты из кобуры и, тщательно осмотрев, засовывают их за пазуху или в карман. Ему не хотелось поднимать на них глаз, потому что этих людей сейчас должны были убить. Но им надо было что-нибудь сказать. Он произнес несколько слов и вдруг сам воодушевился. Вообще он любил поговорить.

— Ни шагу назад! — воскликнул он, потрясая кулаком. Он любил патетические выражения. — Ни шагу назад! Помните присягу, которую вы давали родине.

В середине того же дня к штабу полка вышло двадцать семь танков.

Один из этих одиннадцати, пятидесятилетний старик, подорвал танк гранатой.

Я себе представляю этого солдата. У него не было ни окопа, ничего — его и вырыть-то нечем было, ведь лопаток не выдали, как был, в своей худой шинелишке, с винтовкой сидел он по пояс в снегу. Снег ослепительно блестел, и от этого резало в глазах, редкие слезинки стекали по обветренным щекам на усы. Ему, собственно говоря, не совсем ясно было, что же он должен делать, — но во всяком случае оставаться на месте. Холодно, и все бело кругом. Мороз пробирает до самого нутра. Это ведь не первый день. Так уже третий день, неделя, больше... Он уже и не помнит, когда последний раз сидел в хате, в тепле, — очень давно, с месяц, наверное. Ох и холодно. Да и жрать-то в последние дни почти нечего было. Одним табаком еще жив человек. Он вынимает кисет, но махорка просыпается из негнущихся пальцев, и, вздохнув, он снова прячет кисет обратно за пазуху. Мороз, мороз, пальцы на морозе вовсе задубели, только просыплешь последнее. Пускай на потом будет, сгодится. И сухарь, что сохранился в кармане, приберечь, старшину-то сюда ждать не приходится, не добраться ему сюда, старшине...

И есть хочется, и курить, и пить хочется, снегу, что ли, пососать — да после него еще хуже жжет во рту. А то может, все-таки погрызть сухарика... Так он сидит на снегу и кутается в свою шинельку, стараясь прикрыть ею колени, а что ноги мерзнут — тут уж ничего не поделаешь, он постукивает ими одну о другую, и в это время из-за деревьев, что на бугре, слышится сначала отдаленное, потом все ближе, ближе, ближе — железное урчание, звонкое в морозном воздухе... И они выходят на скат бугра, металлические коробки, две, пять, много, очень много, черное на белом...

Один танк он подорвал гранатой. Он прятался за толстым стволом сосны, и его не заметили. Пехоты с танками не было. Второй танк он зажег бутылкой. Третий танк с лязгом развернулся и, не стреляя, пошел прямо на него.

Эх, жизнь солдатская, жизнь собачья, вот и конец тебе пришел... Он вспомнил, как командир полка кричал им вслед «Ни шагу назад!» и размахивал руками и как от него несло спиртом. «Нет уж, товарищ майор, молодой ты еще и непонятливый. Никуда я отсюда не пойду. Не побегу — стар я бегать-то. Да и куда побежишь? Хватит немцу по нашей земле ходить, находился достаточно. Пускали вот так-то бегаючи. А я не побегу!»

Не пущу! Он выпрямился во весь рост. Он прислонил к дереву винтовку, обдернул шинель, потом вспомнил и опять взял винтовку, вынул затвор и закинул его далеко в сторону, в снег. Проверил гранату, взял ее в правую руку. И сухаря так и не съел, и махорки не скурил...

Танк был уже совсем близко. Он бросился под танк и взорвал его. Гусеница лопнула и развернулась бессильно, распластывая за собой мокрые обрывки шинели.

Второй танк, тот, который был подожжен, долго еще горел, густой столб дыма поднимался отвесно вверх, потому что мороз был сильный.

Много позже город взяли, пошли еще дальше, до самой границы, настало спокойное время, и началось обычное представление к наградам. Командир полка приказал представить этого солдата посмертно к званию Героя. И тут вдруг обнаружили, что никто не помнит его фамилии. По бумагам не могли установить, сколько ни искали. Никто не догадался тогда, впопыхах, хотя бы переписать их всех по фамилиям. Так до сих пор и не знают.

Нерман всегда был в душе немножко писателем и мечтал после войны всерьез взяться за это дело. Он собирался из этой истории сделать рассказ и говорил нам об этом, когда мы лежали на расстеленных поверх ромашек шинелях, пускали дым в чистое карпатское небо и слушали сверчков в промежутках между медленными ленивыми фразами. Он хотел назвать его рассказом о долге, думал, что это получится хороший рассказ. Он не знал, что месяц спустя после нашего разговора его самого убьют в бою под городом Долиной.

Март 1947

ГОРА С ГОРОЙ...

Е. Гринбергу

Ох уж эти фотографии на войне. Всякий знает, что такое фотография. Я подразумеваю фотографическую карточку, пожелтевшую и измятую, которая неизменно и бережно, во всех переделках и передрягах хранится в кармане гимнастерки или в полевой сумке. На ней изображена мать, друг или та девушка, которая была любимой до самого последнего дня расставания (и пока остается таковой — вплоть до окончательного выяснения вопроса после войны). Кто там был, тот сам знает, кто не был — тем об этом на тысячу ладов пели и перепели поэты, прозаики и даже драматурги. Не стоит повторяться. Погрузимся лучше в воспоминания просто так, без всякой задней мысли.

Есть у меня одна фотокарточка. Моя собственная. Но сколько вокруг нее сплетено судеб разных людей? Впрочем, незачем вдаваться в философию. Расскажу лучше о ее судьбе — карточки то есть. Значит, попутно и о людях. О разных людях.

Фотографировались мы в Пщине. Есть такой городок в Польше, а вблизи этого городка есть село Штудцинец, а в этом Штудцинце стояла наша дивизия на отдыхе и формировке. Собственно говоря, это название было весьма условно — формировка, на самом деле никакой формировки не было, так как никакого пополнения нам не давали. Вообще в то время стало совсем туго с пополнениями — начинался 1945 год. Обходиться приходилось без пополнения. Просто отдыхали и по мере возможности «приводили

части в порядок», как писали ежедневно в своих сводках работники оперативного отдела. Так стояли мы во втором или в пятом эшелоне, черт его знает в каком, во всяком случае, достаточно далеко от переднего края, чтобы разведчикам нечего было делать и чтобы можно было съездить в соседний город сфотографироваться, мы не знали, есть ли там фотограф, но, в конце концов, на то он и город, чтоб там было что-нибудь в этом роде.

Утром редкие деревья вдоль дороги были покрыты пушистой седой изморозью, а промерзшая за ночь почва отчетливо звенела под копытами. В Пщину ведут широкие асфальтовые шоссе, но мы придерживали лошадей и направляли их по обочинам, где земля была мягче, чтобы не сбивались подковы. Дорога шла по насыпи среди огромных квадратных прудов непонятного назначения, вода в них была темно-серая и очень холодная на вид, а воздух был свеж и чист, и дышалось легко, как всегда в перерывах между боями. И теплое ладное тело лошади дышит в такт с тобой. И шапка на скаку съезжает все время на затылок, подставляя ветру лоб... Одинокая птица парит над прудом.

На перекрестках стоят столбы с десятками синих стрелок-указателей: «Краков — 67, Освенцим — 24, Бельско — 17»... Регулировщицы с озябшими синими носами машут нам флажками. Около регулировщиц на чемоданах сидят худые женщины в мужских брюках. Другие женщины в брюках идут вдоль дороги, за плечами их — огромные рюкзаки, наверное, все имущество здесь, за плечами. Куда они идут, куда они думают ехать и зачем?..

Мы с майором не знаем об этом ничего. Мы проносимся мимо.

Мы влетаем в город на рысях.

Городок такой же, как Кенты, Андрихув и другие польские городишки, давно пройденные нами. Вся Польша, кажется, такова. Узкие улицы, стиснутые двухэтажными заколоченными домами, покосившиеся столбы, разбитые витрины, булыжная мостовая. Кое-где улица разворочена или засыпана обломками разрушенного дома, и там поставлены рогатки и указатель — «объезд вправо». Объезд вправо или влево — по еще более узким, темным и грязным переулкам. Под всеми зданиями стоят автомашины, посреди улиц стоят автомашины, начальнически гудя, проезжают — опять-

таки автомашины. Наверное, в городе какие-нибудь армейские или фронтовые склады. ЗИСы, «студебеккеры» и «доджи», затянутые брезентом или открытые, груженные ящиками, бочками или порожние, господствуют в городе. Верховому никак не проехать — того и гляди задавят. По тротуарам ходят наши военные. Цивильные поляки в кепках и пальто, с бело-красными повязками на рукавах и с трофейными винтовками. Это милиция.

— Вот когда они взялись за оружие, — говорю я.

— Что? — Майор оборачивается. Мы едем гуськом, один за другим, я позади. На улице шумно, он не расслышал: — Что?

Я повторяю громче:

— Теперь-то они винтовки нацепили! Нацепили и расхаживают.

— Сволочи, — кричит майор в ответ, — дома отсиживались. Молодые все какие.

— А чего им беспокоиться, — отвечаю я. — Конечно, дома. Мы зато и за себя, и за них постарались.

— Любят они нас так же, как и немцев, — говорит майор и подытоживает: — Сволочи.

Выезжаем на центральную площадь.

Здесь, наверное, когда-то был рынок, но сейчас только огромный пустырь, заваленный камнями, балками, битым стеклом. Или, может быть, здесь взорвали костел? Все те же автомашины жмутся к домам по сторонам площади. Многие из этих домов — многоэтажные пустые коробки без крыш и дверей, в окна просвечивает небо. Здесь бомбили. Останавливаемся и осматриваемся — куда же дальше. Потом подзываем поляка, стоящего на углу со своей винтовкой и повязкой. Он смотрит по сторонам, медлит, потом подходит к нам. Это молодой парень в очках, он прячет подбородок в пушистый шарф. Интеллигенция.

— Проше панов?

Выясняем, что фотограф живет в том же доме, где комендатура, только во втором этаже. Это старинный дом с черепичной крышей, на ней флюгер в виде флажка, верхний этаж выступает над нижним, около двери в нише — распятый Иисус, обнаженный и худой. Краску с него давно смыло время и невзгоды. Дом как в старинных книжках с картинками.

Спешиваемся и привязываем лошадей к крюку. Потом поднимаемся по деревянной лестнице с резными дубовыми перилами, здесь пахнет затхлостью и пылью, наши подкованные сапоги чуждо стучат по столетним ступеням, и шаги глухо и скрипуче отдаются в недрах дома. Станный и скудный свет проникает через узкие оконца с разноцветными стеклами. Наверху, где совсем темно, — площадка, заваленная поломанной мебелью и разным хламом. Дверь.

Стучим, потом входим.

В углу светлой и бедной комнаты сидела женщина и желтой грудью кормила ребенка. Она не посмотрела в нашу сторону, когда мы вошли. Пан фотограф, худой человек, похожий на птицу, усадил нас на диван, потом принес из соседней комнаты аппарат, установил его на штативе, покрыл черной материей, неизменной для всех времен и народов. Пошел заряжать кассеты, качая на ходу длинной голой шеей. У стола возились с какими-то бумажками и книжками двое детей — золотушный мальчишка, очень похожий на отца, все время моргавший, как цыпленок, воспаленными глазами, и девочка, не похожая ни на отца, ни на мать. Они перебирали и все делили свои картинки и ходили вокруг стола, поднимаясь на носки, чтобы достать до его середины. На мальчишке были стоптанные отцовские ботинки. Они, казалось, были очень углублены в свое занятие и не обращали на нас внимания. Но когда они думали, что на них не смотрят, — бросали в нашу сторону быстрые колючие взгляды.

— Стасю, ходь ту, — сказала женщина. У нее был слабый приятный голос. Чистой тряпочкой она вытерла сыну глаза.

Майор устроился на диване поудобнее, поерзал, достал портсигар и закурил. Я дернул его за рукав и указал глазами на женщину и ребенка. Он посмотрел на них, затушил и спрятал папиросу. Женщина не пошевелилась. Время от времени я поглядывал в окно на коней, хотя знал, что за них можно не беспокоиться. Здесь не воруют.

Фотограф пришел, зажег какие-то лампы с рефлекторами, долго придвигал и отодвигал экраны, заставлял нас усаживаться вдвоем, поодиночке, подкладывал под спину

подушки. Снял один раз, другой, третий, потом снова пошел заряжать.

Мать уложила ребенка на кровать, застегнулась и встала. Она была бледна, с миловидным, но измученным лицом, и, как после болезни, каждый шаг, казалось, причинял ей боль. Наверное, это после родов. Наверное, и рожала она здесь же, в этой чистой и почти пустой комнате. Может быть, за окном тогда били орудия. А может быть, и не было уже орудий, какие-нибудь военные вроде нас пришли сниматься, громко разговаривали, стучали и топали по комнате. Чужие беспокойные люди. А она лежала на кровати за занавеской.

За что ей нас любить?..

Мы с майором сфотографировались еще по разу — стоя и стали одеваться. Женщина с усилием наклонилась около стола и принялась подбирать разбросанные детишками вещи. Ей было очень трудно проделать это, но я догадался помочь только тогда, когда она уже закончила.

На наш вопрос о плате пан фотограф замялся, что-то пробормотал, завертел шеей и, наконец, сказал, что это — потом, позже, когда будет готово. И прибавил, что злые... он не знает, как быть со злотыми, пенензы тераз вообще ни к чему, настала такая тяжелая жизнь...

— Ниц не можна купить, пане, склепов нима, магазин нима, тераз не пшеба злотых, бо не можна дистать цо кушать. — Голая птичья шея сгибалась то к одному, то к другому плечу. Все сводилось к тому, что он лучше бы взял какие-нибудь продукты. Подошла хозяйка, так как разговор коснулся основного.

— Якбы паны пшинесли рыбну конзерву, то було б пенкне, — сказала она своим тихим голосом. — То так тяжко, ниц нима кушать...

Голос ее дрогнул, когда она сказала еще:

— То детска, детска малого шкода, бо я млека юж не мам...

Мне стало больно и стыдно.

Дом фотографа, Пщина, Польша... И женщины с чемоданами там, на перекрестке... Вдруг сразу стало понятно, какая страшная жизнь в этой стране, в этих городках, трижды ограбленных. Беспросветная, нищая. Вот он, голод.

Этому не поможешь. Им даже не нужны деньги, что они будут с ними делать? Все равно ничего не купишь.

Тягостное чувство не оставляло меня. Мы присутствовали сейчас при самой настоящей трагедии. Одна трагедия прошла перед нами — а сколько их? Тяжелое чувство не оставляло меня, когда мы направились домой. Как будто в чем-то виноват, и неизвестно, собственно, в чем же эта вина, но все равно — гнетет, не дает покоя...

Мы поехали рысью. Все сразу как рукой сняло. В конце концов, что нам за дело до этих поляков. Все это чужое, и горе чужое. Нам с ними не делиться, у нас своего горя достаточно. И нечего думать об этом. С трудом перевели лошадей на рысь, они храпели и подрагивали мускулами под седлом.

— Неплохо проветрились, — сказал майор. — Ничего, а. — Он был хорошим парнем, майор Белевич. О нем многое можно было бы рассказать. Он был из тех людей, с которыми можно не бояться ничего, о таких говорили — свойский, не выдаст. Мы дружили с ним, дружили с тех пор еще, как в Волочиске на сахарном заводе вместе отбивались гранатами от эсэсовцев. Тогда, под Пщиной, он ждал ответа из Москвы — его представили к званию Героя Советского Союза. Ответ должен был прибыть скоро, так как бумаги прошли уже все соответствующие инстанции и уехали в Москву, в Кремль. Верхом он тоже ездил неплохо — во всяком случае, получше меня. Впрочем, это было нетрудно — ездить верхом лучше меня.

Уже подъезжая к селу, мы обогнали Любку. Она шла с туго набитым вещмешком за плечами. Мы помахали ей рукой. Она ответила тем же и улыбнулась.

— Почта? — крикнул майор.

Она кивнула.

— Мне есть? — крикнул он.

— Не знаю, не проверяла еще! — крикнула она.

— Смотри — чтобы мне десять сразу было!

— Слушаюсь, товарищ майор! — крикнула она улыбаясь и опять помахала рукой.

— Стерва, — сказал я, когда Любка осталась позади.

— Ты чего ругаешься? — сказал майор.

— Стерва, — повторил я. — Я знаю, что говорю. Стерва — потому что стерва.

— Как раз она ничего, — сказал майор.

— Я лучше знаю, — сказал я.

— Глупости, — сказал майор. — Я тоже знаю.

— Я лучше знаю, — сказал я. — Я был у нее вчера ночью.

— М-да. — сказал майор. — Ну и что?

— Ничего, — сказал я.

Мой гнедой все еще храпел и порывался снова перейти на галоп, а я на него злился и хлестал плеткой, натягивая поводья.

Карточки мы получили через два дня и долго смеялись, рассматривая их. На одной карточке я получился томным и мечтательным, немного ошалело глядящим в аппарат, и печать тоски лежала на моем облагороженном ретушью челе, а майор стоял на другом фото по стойке «смирно» с совершенно не свойственной ему свирепостью во взоре, и ноги у него почему-то были кривые. Впрочем, остальные снимки были неплохими. Майор целый вечер сидел над конвертами, рассылая свои двенадцать карточек по разным адресам, многочисленным, как он объяснял, поклонницам.

А в последних числах марта его убили.

Его похоронили в городе Лослау, или, как он назывался раньше, Водзислав, на центральной площади. Эта площадь очень походила на ту, которую мы когда-то видели в Пщине. Те же разрушенные дома, те же машины на тротуарах, только черный остроконечный костел, которого там не было, возвышался здесь неподалеку. На площади было много могил. Вместо памятников стояли деревянные, выкрашенные красным пирамидки, наскоро сколоченные саперами. На пирамидках были прибиты фанерки, и на них цветными карандашами написано, кто здесь лежит. Некоторые могилы были огорожены, на некоторых пирамидках висели сухие венки. Мимо могил грохотали самоходные пушки, пылили автомашины и мелкой трусцой трусил равнодушный обозник. Надпись на крайнем памятнике слева говорила, что под ним похоронен майор Василий Белевич, семнадцатого года рождения, белорус.

«За волю народа польского» — было написано там еще.

Звания Героя он так и не дождался, оно пришло позже, и мы об этом читали в газетах. Это был уже третий Герой в нашей дивизии, и все три — посмертно.

На следующий день я специально снова приехал в Лослау и на могиле Белевича, на пирамидку четырьмя кнопками прикрепил его фотографию, ту самую, где он снят по стойке «смирно», с гневным взглядом, кривыми ногами и с пятью боевыми орденами.

Через неделю фотографии там уже не было. Не знаю, может быть, ее смыло дождем...

Ну а моя фотокарточка, как я узнал много времени спустя, была выставлена фотографом в витрине — на площади города Пщины. Наверное, в целях рекламы, выгодным оказалось демонстрировать господина русского офицера, удостоившего своим посещением данное предприятие.

И уже под самый конец войны мой школьный товарищ, капитан артиллерии Гринберг, а по-старому просто Жека, которого та же переменчивая военная судьба случайно занесла в этот город, — спустя полгода после того, как я здесь побывал, увидел выставленное в витрине мое изображение. Так как мы потеряли друг друга в самом начале войны, а *это* означало, что я все-таки где-нибудь да существую и, очевидно, жив, — то он был вправе чертовски обрадоваться. Что он и сделал. Ему с трудом удалось купить эту карточку. Фотограф вдруг заупряился, заподозрил что-то неладное и ни за что не хотел отдавать ее. В конце концов он был соблазнен суммой в 500 злотых.

В декабре сорок шестого года, в день моих именин, в Одессе Жека явился ко мне. Мы были дома, кители без погон достаточно ясно говорили о нашем прошлом и свидетельствовали о настоящем, а студенческие билеты в карманах до некоторой степени предопределяли будущее — по крайней мере, на ближайшие пять лет. Жека подарил мне мою карточку — ту самую, произнеся соответствующую речь. Он надписал на обороте: «Гора с горой...»

Это действительно так: гора с горой не сходятся, но человек с человеком всегда повстречаются. Если его не убьют, человека.

Март 1947

МАТЧ В ОСВЕНЦИМЕ

Ах, и я эти страны знаю,
Сам немалый прошел там путь,
Только ближе к родному краю
Мне б хотелось теперь повернуть.

С. Есенин

- Пойдем сегодня на матч? — сказал я в воскресенье.
— В котором часу? — спросил Рустем.
— В четыре, — сказал я. — Или в пять. Не помню.
— Афиши целую неделю висят по всему городу, — сказал Рустем.
— Ну, так что?
— Можно было запомнить.
— А ты не запомнил?
— Нет.
— Почему, в таком случае, я должен запомнить?
— В конце концов, какая разница, — сказал Рустем, — все равно делать нечего, идем сейчас.

Я посмотрел на часы. Было половина третьего. Мы вышли на улицу.

На улице держалась прохлада, несмотря на то что была самая середина летнего дня. Солнце пряталось за какой-то белесоватой влажной пеленой, и на него можно было смотреть не мигая. В этом проклятом городишке за те две недели, что мы в нем находились, еще ни разу солнце не светило как следует. Все время была какая-то серенькая погодка, ни то ни се.

Мы шли не спеша — спешить нам было некуда. Все наши дела были закончены 9 мая. Свое дело мы сделали,

остальное нас уже не касалось. Нам оставалось только ждать. Могли бы расформировать часть, отправить в отдел кадров. От этого все равно ничего не изменилось бы. Может быть, демобилизуют. Но о демобилизации разговоров не было. И пожалуй, не скоро еще будут. Что ж, подождем. Все равно ничего другого не придумаешь. Вот только могли бы пока направить куда-нибудь в другое место, а не в этот чертов Освенцим.

Скучно и тоскливо здесь. Ох, как я не люблю этих настроений, выматывающих всю душу. Тоска, заставляющая делать все, что угодно, кроме чего-либо хорошего, а большей частью — вообще ничего не делать. Безделье засасывает. Тут и сожаления о несбывшемся, что отошло далеко и никогда уже не повторится, тут и стремления к чему-то непонятному — но не те стремления, которые толкают тебя на что-то активное, на какие-то определенные поступки. Нет, просто валишься с сапогами на постель, куришь без конца, глядя в тусклое окно, и не хочется шевельнуть ни рукой, ни ногой. Это и называется — тоска.

Мы шли по улице. Над городом свисало небо, чуть ли не касаясь шпиля костела. Улица называлась главной, хотя кроме нее в городе было не больше десятка улочек и переулков. Дома на главной улице как будто полиняли под бесконечными дождями. Длинные подтеки краски и ржавчины ползли по их стенам от черепичных крыш до выщербленного тротуара. В воздухе всегда висело что-то серое, клейкое. Наверное, это копоть и мельчайшие частицы пепла носились повсюду и все обволакивали. Ведь это Освенцим...

На перекрестке стоял «виллис». Около «виллиса» взад и вперед прохаживался генерал. Ему тоже некуда было спешить. Мы отдали ему честь, он лениво козырнул в ответ. Потом нам повстречался ксендз, приторно вежливо поклонившийся. Прошел солдат с котелком. За ним, нюхая воздух, бежала собака. Народу на улицах было мало. Мы свернули на мост. Здесь сразу город кончился. С моста открывался широкий вид вправо и влево, за пустыми пологими берегами тихой речушки расстилались поля, поросшие негустым желтым кустарником, вдали, у самого горизонта голубыми силуэтами виднелись громоздкие сооружения и высокие трубы огромных заводов. Трубы не

дымились. Мы не знали, что это за заводы, и нас это не интересовало. Все это было чужое.

Спустились с моста по крутым каменным ступеням и пошли по берегу реки. На берегу сидело несколько человек с удочками в руках, вряд ли они надеялись поймать что-либо в этой почти стоячей воде, наверное, им просто приятно греть свои сутулые плечи на скудном освенцимском солнце.

Следы войны были разбросаны по берегу в виде мотков колючей проволоки. Мотки обросли со всех сторон травой, сами порыжели и были похожи на большие кактусы. Их было много, а в одном месте валялась целая спираль Бруно. Ее уже не надо было преодолевать, ее мы просто обошли, осторожно, стараясь не зацепить старательно выглаженные брюки.

За колючей проволокой мы догнали двоих в полосатых одеждах и некоторое время шли за ними следом. Их одежда походила на пижаму, в серую и белую полоску, только на спине был нашит квадрат с полосками в поперечном направлении. Они шли тихо, медленно передвигая ноги, один опирался на тонкую палочку. Шапок у них не было. Мы обогнали их и оглянулись. Стриженные головы, зеленые лица. Глаза их смотрели не на нас, а сквозь нас или мимо нас. Один что-то сказал другому, тот ответил, слегка кивнув головой. Когда они говорили, лица их оставались неподвижны. Мы ускорили шаги и ушли далеко вперед.

— Слепые они, что ли, — сказал Рустем.

— Не думаю.

— Совсем как слепые.

— Жуткие лица, — сказал я.

— У них все движения как у слепых. И палочка.

— Ими полон город, — сказал я. — Они бродят по городу как тени.

— Зачем они ходят в этом полосатом?

— Не знаю, — сказал я. — Не знаю, зачем они ходят в этом полосатом. Может быть, они считают, что это почетно?

— Ну уж и почет, — сказал Рустем. — Я бы как можно скорее сбросил это с плеч. На их месте я бы как можно скорее переоделся.

— Может быть, им просто не во что переодеться.

— Я бы нашел, — сказал он. — Где угодно нашел бы. Только чтоб не вспоминать.

— Они и без того не так скоро забудут, — сказал я.

— Как тени, — повторил он. — Действительно, как тени с того света. Они что — тоже идут на матч?

Я не ответил, и он замолчал.

Мы долго шли по берегу и молчали.

Потом за изгибом реки свернули вправо и по доске перешли через неширокую канаву. Пересекли открытое песчаное пространство и вскоре достигли небольшой кленовой рощи, из-за которой была слышна музыка.

— Наверное, здесь, — сказал Рустем.

— Не думаю, — сказал я. — Не похоже.

— Почему не похоже? — спросил он.

— По-твоему, стадион в лесу находится, что ли?

— А ты не знаешь, где стадион?

— Нет, не знаю.

— Если не знаешь, не говори, — сказал Рустем. — Зачем тогда музыка?

— Не знаю, зачем музыка, — сказал я. — Сейчас увидим.

В роще на полянке была попросту танцплощадка. Довольно пестрая толпа состояла и из наших военных, и из поляков. Оркестр был невелик: две совершенно одинаковые пожилые женщины в очках и мужских брюках играли на аккордеонах, длинноволосый, чахоточного вида юноша — на скрипке. Все это выглядело грустно, несмотря на веселую мелодию:

Муй злотний анели

Я не вим, цо ты велиш...

Танцующих было так много, что они еле двигались, сжатые со всех сторон на узкой площадке. Еще больше было ожидающих своей очереди и просто зрителей, они прогуливались между деревьями или сидели на скамейках, поставленных у края полянки. Рощица, оказывается, называлась парком.

...Тве бланкитни очи,
упая йом дись мье,
Тве бланкитни очи
Видзу я у сне...

Тут же сновали мальчишки с лимонадом и какие-то личности совершенно неопределенные.

...Я тилько, тилько едно вим,
Же до шаленства кохам тим...

Офицеров было много, но, сколько бы мы ни смотрели, не видели никого знакомого. Кроме нашей дивизии, в городе стояли еще другие части, и мы никого из своих не нашли, толкаясь в толпе.

Женщины и девушки были всех возрастов и пошибов, но у всех, даже самых молодых, лица были помятые и жалкие. Безудержное их веселье носило отпечаток чего угодно, только не искренности. На них тоже лежал отпечаток серой освенцимской краски. В этом городе все было серое. Юбки выше колен у всех у них доказывали, что даже это стоит здесь дешево.

— Убогое зрелище, — сказал Рустем. — Хотел бы я знать, действительно ли им весело.

— Идем отсюда, — сказал я. — Противно.

Мы дождались конца фокстрота, следя то за одной, то за другой парой, а потом подозвали ближайшего поляка и спросили, как пройти на стадион.

— Нех пане пуйдем в тыл лясу, тиег стенжкого, — там спочонтку видать бендзе. Проще панов, — сказал поляк.

Это был хлопок в пестром галстукe и усиках. Он был вежлив и услужлив. Снова раздалась музыка, к хлопку подошла панна с голыми коленками, сверкнула нам зубами сквозь пунцовые губы, хлопок сказал: «Пшепрашам панов офицеров», и они влились в танцующую толпу.

Рустем сплюнул и пошел через поляну, нарочно пыля сапогами и толкая встречных плечом. Я последовал за ним, и мы вышли из парка в поле.

Стадион оказался довольно близко. Не в лесу, но сейчас же за ним. Там играл военный оркестр, гремели трубы. Стадион представлял собой простую площадку, не слишком ровную и не слишком чистую, окруженную полоской

вытоптанной травы и невысокой изгородью. Скамеек не было. На футбольном поле уже летал мяч, и оркестр, доиграв какой-то марш, умолк. Мы постояли, посмотрели, потом сели на землю, как сидели все. Зрителей было много вокруг всего стадиона. Аккуратные поляки сидели на расстеленных газетах. Наш брат военный — прямо на земле, скрестив ноги по-турецки или лежа на животе.

На поле шла игра. Бегали люди в красных майках и белых трусах и другие, у которых трусы были синие, а майки белые. Играли какая-то воинская часть — «хозяйство майора Терехова», как было сказано в афишах, и освенцимский профсоюз не то печатников, не то сапожников. Что-то, а профсоюзы они себе уже устроили.

На поле шла обычная неразбериха. Мимо нас во все стороны проносились пестрые люди, катился мяч, на белых трусах зады уже были украшены грязными пятнами. Когда кто-нибудь из играющих пробегал близко от нас, мы слышали тяжелое сопение и видели дикие выпученные глаза. Постепенно мы разобрались в игре.

Играли грубо и не очень умело. То здесь, то там раздавался судейский свисток. Зрители переживали совсем как наши болельщики. Даже Рустем на время оживился. То и дело били штрафные обеим сторонам, и, когда забивающий разбегался для удара, зрители принимались гудеть, все повышая тон, хором — у-у-уу-ууу-уууу — и — ах!! — вопят громко все сразу, когда удар, и мяч летит и пролетает мимо, и обе команды на поле машут рукой, и все начинается сначала.

Опять беготня, хриплые выкрики, глухие удары по мячу. Потом опять — у-у-уу-ууу-уууу — и — ах!! — и мяч летит в аут, и за ним со всех ног пускаются и мальчишки, и взрослые. Это мне нравится. В футболе я люблю, чтобы было много штрафных и много голов — все равно кому, лишь бы побольше голов. Остальное меня мало интересует, я профан в этой благородной игре. И эта штука, это гудение, тоже толково придумано. Хоть это они неплохо придумали, поляки.

Игра продолжается. Вратари мечутся между шестами, обозначающими ворота. Мяч перелетает по головам и под ногами. Проходит минут пятнадцать. У ворот красных свалка, из свалки вылетает мяч и мимо рук тщетно рас-

тянувшегося на земле вратаря медленно входит в ворота. Зрители-поляки сначала нерешительно молчат, потом начинают громко радоваться.

— Куно! Куно! Добже, Куно! — кричат они. Это, наверное, имя удачливого игрока.

Есть один гол. Хорошо, я тоже доволен.

Игра начинается снова. Через несколько минут посреди поля опять происходит толчея, человек пять сваливаются в одну кучу. Свисток судьи. Игра останавливается, все расходится по местам, один человек остается лежать на истоптанной траве.

— Коробочка, — говорит Рустем. — Начинается хамство.

Я в деталях игры мало что понимаю, не совсем разбираюсь, что же, собственно, произошло. Однако слово «коробочка» мне знакомо.

Поврежденный поляк встает и бредет в нашу сторону. Уходит прочь. Когда он проходит мимо, я вижу его слишком длинные трусы ниже колен, бледное лицо. Он немолод, лысая голова покрыта потом. Он держится за грудь и набирает воздух в легкие какими-то судорожными толчками. Пожилой, усталый, обиженный человек. Он уходит прочь. Игра возобновляется без него.

Но я уже не слежу за игрой. Боже мой, что это было только что? Вот... вот... неуловимое... Все это уже было однажды, все это уже было со мной когда-то — и бледное лицо, и «коробочка», и лысая голова, и он — пожилой, в трусах ниже колен, и тусклое солнце, и футбол, и все — это было со мной, определенно было, но где же, когда?..

Мучительно и приятно вспоминать, разгадка вертится где-то очень близко, но... но... ну да, — конечно!

Он бил левый инсайт — так Юзька называл это, — и его фамилия была что-то вроде Пайчадзе, и играли не то «Динамо» (Тбилиси) или что-то такое, кажется, с нашим «Буревестником», и ему сделали «коробочку» за то, что он забил несколько мячей, и потом тех двоих судили, которые его подкалечили, об этом позже писали в газетах, им дали по году, кажется. И поле было зеленое, и тот день не был жарким, только — я вспомнил — за краем стадиона, за рестораном синело море, и виднелся пароход, только что вышедший за вол-

норез. Вспоминается все до мелочей. Мы тогда пролезли без билетов, — в заборе было секретное место для зайцев, — и милиционер гонял нас по всему стадиону, но, когда началась игра, он оставил нас в покое и сам стал смотреть, тогда разыгрывался кубок СССР, и народу было тьма, а мы стояли сзади милиционера, и, когда забили гол, Юзька хлопнул меня по плечу, а я набрался храбрости и хлопнул по плечу милиционера и громко восторженно закричал, поднявшись на цыпочки, и он обернулся и что-то улыбаясь говорил — милиционер, но не было слышно, что он сказал, такой грохот стоял от криков, и он не заподозрил подвоха. И при каждом голе мы хлопали милиционера, а ему это даже, кажется, нравилось, и мы здорово отлупили его тогда, в тот раз было много голов — сыграли что-то вроде 5:2, и мы отлупили его в свое удовольствие, и потом чувствовали себя героями и всем рассказывали, как мы отлупили милиционера, мальчишки... А Пайчадзе устроили «коробочку» за забитые им два гола, и я видел его лицо, когда он уходил в раздевалку — он был коренастый, лысый, кривился, держался за грудь и судорожно дышал.

Первый тайм окончился. Мы поднялись и размяли затекшие ноги. Лежать на земле все-таки было сыро. Потом прошлись вокруг стадиона, встретилось несколько знакомых, но мне не хотелось останавливаться болтать с ними. Я только прикладывал руку к фуражке. Мне ни с кем не хотелось разговаривать. То, что только что произошло со мной, было слишком серьезно. Я еще обдумывал это, все вспоминая и вспоминая. Так вот оно что, оказывается, осталось мне. Вот что, оказывается, еще существенно и живо — прошлое! Только прошлое — будущего нет, это я знал и раньше, но я забыл, что есть еще прошлое, сейчас я об этом вспомнил.

Открытие было очень важно, я весь погрузился в осознание его.

— Смотри, — сказал Рустем. — Опять те двое.

Двое в полосатой одежде стояли и безучастно смотрели на все окружающее. Я снова увидел их отсутствующие глаза. Вряд ли теперь что-либо могло заинтересовать их. Могут ли они, по крайней мере, вспоминать о прошлом?

И вдруг я понял то, о чем раньше спрашивал Рустем. Почему они не переодеваются. Разумеется, понятно! Да

просто потому, что это уже ничего не изменит. Для них дело не в одежде. Дело в том, что с ними произошло в связи с этой одеждой. Они могут ее снять, но это им не поможет. Это ничего не исправит. Точно так же, как не поможет нам никогда, если мы даже и снимем нашу одежду защитного цвета. Дело не в одежде, дело в нас самих, и этого уже не исправить. Невозможно.

На другом конце стадиона оркестр грянул «Молдаванку».

Начался второй тайм, но я уже больше ничего не видел. Я не смотрел на игру, я лежал на животе рядом с Рустемом и вспоминал.

Вот мы поднимаемся по гранитной лестнице, в которой двести ступеней, и бронзовый герцог с пьедестала протягивает нам руку на рассвете, когда в пепельном горячем тумане встает солнце, и отражения мола и портовых построек растворяются в жидком свете, и чайки носятся над самой водой в предчувствии надвигающегося дневного зноя, и горьковатый морской запах пронизывает весь город, еще спящий в этот ранний час. И нам кажется, что только мы двое были в целом свете в эту ночь, и только мы двое видим сейчас встающее солнце, и мы целуемся посреди бульвара, все равно нас никто не видит, а если даже и увидели бы? И волосы ее после купания тоже пахнут горькой водой. А вечером на бульваре колыхается нарядная праздная толпа, здесь завязываются мимолетные знакомства и на час, и на всю жизнь, музыка одуряюще гремит из раскрытых дверей ресторанов, размягченный жарой тротуар пружинит под ногами, и в него впечатываются следы бесчисленных каблучков, и в душном воздухе по всей улице из конца в конец — осязаемый аромат акаций, духов и жадных молодых тел, и как хорошо бывает уйти из этой толпы опять к морю, и смотреть на мигающие в черном бархате огоньки, и считать их (чет или нечет?), и целоваться опять, без конца целоваться...

Нет, право же, это становится невыносимым. Нужно закончить с такими мыслями. Что мне за дело до той, которая мне сейчас чужая и ничего больше, об этом было сказано раз и навсегда, что мне за дело до этого прошлого, которое

было до войны, ведь оно не имеет никакого отношения к тому, какой я сейчас. Несносные воспоминания, мучительные почти до физической боли... Их нужно заглушить — двигаться, действовать... Но мы лежим и смотрим на игру. И когда я чувствую, что не могу больше, матч кончается. Рустем смотрит на меня веселыми глазами.

— Шесть — один, — говорит он, довольный. — Вкололи полячкам.

— Рустем, — говорю я, испытывая необычный подъем и жажду деятельности, — Рустем, знаешь что?

— Что?

— Пойдем куда-нибудь...

— Куда? — говорит Рустем. — Пиво пить?

Все сразу обрывается и пропадает.

— Пойдем пиво пить, — говорю я. — Ты прав, идем пиво пить, куда же нам еще идти...

— Пойдем, — говорит он. — К пани?

— Да.

— Идем к пани. Давно не видели ее — со вчерашнего дня.

— Пошли к ней, будь она неладна.

Мы снова прошли вдоль берега реки, обогнули проволоку и поднялись в город. Тем временем стемнело. В городе зажигались огни. Когда мы шли по улицам, над головами на проводах раскачивались редкие фонари. Провода жалобно скрипели, свет фонарей расплывался бледными пятнами в сырых сумерках.

Ресторация пани Галинской находилась на углу площади, против костела и магистрата. Мы приходили сюда каждый день, в небольшом зале ресторации было чисто и уютно. Сама пани Галинска стояла за стойкой. Она была немного потрепана годами, но при электричестве еще довольно красива. Как было известно, по вечерам и ночами она очень мило и любезно принимала панов офицеров в своей маленькой спальне, которая находилась во втором этаже, над залом. Тогда за прилавком ее замещал сын — худосочный юноша с тонкими усиками. Близость комендатуры, расположенной по соседству, через площадь, нисколько не мешала, даже наоборот. Все было чисто и благопристойно. Мы знали об этом, но, посещая ресторацию почти ежедневно, ни разу еще не поднимались наверх.

Рустем все время твердил о своей невесте, которая ждала его в Тбилиси. Он был уверен, что в самом ближайшем будущем уедет и попадет домой. Он ни за что на свете не согласился бы рисковать перед самым возвращением к невесте. Я ему завидовал, у меня такой причины не было. Мне просто было лень. С пани, хотя бы приличия ради, надо было немножко повозиться, а мне лень было заниматься этим.

Когда мы вошли, на двери звякнул колокольчик. В зале было светло, и на всех полках поблескивало стекло и никель. Пани стояла за стойкой и приветливо нам улыбнулась. Она знала, что именно нам нужно, как-никак мы были частыми клиентами, и, не спрашивая, налила две пенные кружки и поставила их перед нами. После обычных приветствий она спросила:

— Проше панов, чи были то панове на футболе?

— Были, — сказал я.

— О, то мабуть була бардзо окропна забава? Ми юж Яцек розновядав.

— Кто это Яцек? — спросил я.

— То муй сонсид, — сказала она. — Вин також був там, розповив ми до дробниць вшистко.

— Ну, что за игра, — сказал я, — разве это игра.

Разве так играют в футбол.

— Пше пращем пана, але цо пану не подобаенся? — спросила она.

— Так, ничего. У нас дома лучше играют.... — Я не нашелся что сказать. Уж если ударят, так мяч гудит.

Она покачала головой.

— О, я, так на родзине у пана в России, бардзо ладни спортсмены, — там спортом займуся вольно. А у нас за германцев не гралы. Так хлопаки не умим тераз грать. То не вольно було — Sport freiben.

— Все герман виноват, — пробормотал Рустем.

Мы сидели за угловым столиком, перед нами стояли кружки, две порции колбасы и горка пирожков для закуски. Кроме нас, в ресторации находились два старика-поляка. Они сидели поодаль и разговаривали вполголоса.

— Пшши да вжди, — сказал Рустем.

Поляки расплатились, громко произнесли «На добра ноц» и вышли. Колокольчик на двери звякнул.

Больше посетителей не было, наверное, вся публика осталась на танцы в парке.

Я пил пиво и следил за тем, как ловко пани Галинска двигала за стойкой своим чуть пополневшим телом. Она видела, что я на нее смотрю, и время от времени ласково поглядывала в нашу сторону. Я думал о том, что она еще довольно красива, но не стоит связываться, с ней нужно быть любезным, много говорить, рассказывать и так далее. Ну его к черту, не стоит связываться. Ее ног не было видно из-за стойки.

— Милая страна — проклятые поляки, — сказал Ру-
стем. — Называется, колбаса. Как тебе нравится?

Колбаса была нарезана тонкими, в папиросную бумагу, ломтиками.

— Не злись, Рустем, — сказал я. — У тебя что-то после матча настроение испортилось.

— Ничего подобного, — сказал он. — Я не злюсь.

— Злишься.

— Ну, злюсь.

— А ты не злись.

— Домой хочу.

— Поедешь ты к себе домой, — возмутился я. — И охота же человеку день и ночь болтать об одном и том же. Придет время — отпустят.

— Война уже два месяца как кончилась.

— Не бойся, держать не станут. В конце концов, сие не от нас зависит. Ной не ной, делу не поможешь.

Мы выпили по второй кружке, потом еще по одной. Кружки были из толстого стекла, граненые, похожие на бочонки. Кружки стояли на белых фарфоровых блюдцах. Блюдца оставались на столике, чтобы было видно, сколько мы выпили. Пани Галинска заменяла нам пустые кружки полными. Когда она наклонялась над нашим столиком, я слышал ее запах. Запах чистого тела, которое каждый день принимает ванну — и еще запах чего-то терпкого, раздражающего.

— Давай напьемся как следует, — сказал Ру-
стем.

— Злотых у тебя хватит?

— Хватит, — сказал он и хлопнул себя по заднему брючному карману.

— А у меня кончились.

— У меня хватит. В крайнем случае, рублями заплатим.
— Нельзя рублями, помнишь, начфин говорил.
— Мало ли что начфин. Она с удовольствием возьмет, а я напиться хочу.

— Она-то возьмет, да нельзя, — сказал я.
— Ну и не надо, — сказал Рустем. — Злотых хватит. Мы выпили еще.

Колокольчик опять звякнул.

Вошел человек в полосатой одежде. Не из тех двоих, которых мы видели на матче, а другой. Я бы сказал — старше тех, — если бы можно было у них определить возраст. Они, по-моему, были все одного возраста, на вид лет 100—150 каждому. И эти отсутствующие глаза. Он медленно подошел к стойке и ничего не сказал. Но пани Галинска, очевидно, сама знала, чего он хочет. Это было тоже, очевидно, обычное посещение. Она налила кружку пива и подвинула к нему по прилавку. Он маленькими глотками выпил, потом осторожно поставил кружку и тихо сказал:

— Еще, прошу.

Так же медленно выпил вторую кружку и молча вышел. Колокольчик на двери звякнул за ним. Я видел, как пани проводила его глазами, и на ее красивом лице появилось выражение бесконечной брезгливости. Она чуть слышно прошептала:

— Schmarotzer...¹

Но я расслышал. Так вот ты, оказывается, какая. Вот такая. Понятно.

Потом она снова подала нам по кружке, и опять на меня пахнуло терпким и дразнящим.

Мы выпили еще, но больше не закусывали.

Рустем попробовал сыпать соль в пиво.

— Никакие тут не семь градусов, — сказал он.

— Не семь, а тринадцать, — поправил я.

— Нет, семь, — упрямо повторил он. — Семь. Тут и семи нет. Они говорят, что семь. Ни черта тут не семь.

— Они говорят, что тринадцать, — сказал я.

— Что ты споришь, — сказал он. — Семь.

— Не нравится, не пей.

¹ Паразиты, нахлебники (нем.).

— Нет, я выпью, — сказал он. — Я выпью еще немного. Злотых хватит, черт возьми. А продают за семь.

Потом мы взялись пить «на весь столик». Этот способ придумал или узнал где-то Рустем. Нужно ставить блюда одно к другому по прямой линии, пока они не займут всю длину столика.

Я смог выпить еще кружки три, потом стало противно, и я бросил. А Рустем еще пил и пил, пока его не вырвало тут же, около столика, и мне было чертовски неприятно. Я пытался извиняться и хотел задать ему хорошую трепку, но пани Галинска была очень мила, она успокоила меня и принялась убирать все сама, своими красивыми руками с розовыми ногтями.

Была уже ночь. Часы на башне магистрата пробили одиннадцать. Я с трудом дотащил отяжелевшего Рустема до квартиры. Хорошо, что это было недалеко. Он совсем отяжелел и все время по дороге объяснял мне, какие поляки сволочи и какое у них паршивое пиво, а вот у него дома — где не темно, черт возьми, на улицах, а светло от солнца — дома его ждет невеста и молодое вино. Боюсь, что в этот момент ему больше хотелось молодого вина, чем невесты. Ему еще было мало.

Я уложил его на одеяло и запер комнату на ключ. А сам вернулся в ресторацию, потому что нарочно забыл расплатиться с пани Галинской.

Март 1947

КОММЕНТАРИИ

О том, что рассказы написаны, папа «признался» в эссе «Сосед по фронту (Перечитывая старые письма)», посвященном его переписке с Виктором Некрасовым (Нева.1990. № 10): «Первые годы на гражданке тянуло попытать силы в словесном искусстве, что-то из пережитого изложить на бумаге. Сочинял рассказы. Литературным ориентиром был Хемингуэй, которого я начитался до войны и который казался мне Главным Писателем Современности. Мои опусы отличались беспардонно прямолинейным подражанием великому американцу, и называл я их для себя «хемингуэвианами». Впрочем, на ближайших приятелей, особенно приятельниц, они производили впечатление. Слава богу, хватило ума не пытаться пристроить их в печать...»

Впечатление эти рассказы производили, судя по всему, оглушительное. Екатерина Криксунова, дочка папиных ближайших друзей Льва Фельдмана и Веры Фроловой, вспоминает о нескольких копиях тетрадки, в которой они были набело записаны, розданных, очевидно, самым близким и надежным друзьям.

Нам очень понятно, почему папа не пытался пристроить их в печать, — они были однозначно «непроходными» и могли повлечь за собой «последствия».

Лев Фельдман, например, хранил тетрадь до конца 1951 г., а потом — сжег. Так же и тогда же, судя по всему, она была уничтожена и в семье Аркадия Фуремса.

Но, как бы папа ни самоуничижался, сила этой прозы не давала ее забыть. И когда Екатерина Львовна Криксунова расспрашивала меня про судьбу еще неведомой мне

тетрадки, она упоминала даже название рассказа: «Матч в Освенциме». И это — более чем через полвека!

Как мы помним по дневнику, начиная с 1943 г. Борис Сурис пытается выбрать между живописью и литературой, запасаясь впечатлениями, «примеряя» сюжеты. Рассказ «На Верецком перевале» основан на истории взвода разведчиков 59-го полка под командованием Бахтиева. В дневнике описан случай с графином, ставший кульминацией рассказа. О гибели Бахтиева сообщается в записи от 30 апреля 1945 г. В середине июля 1944 г. записана история про безымянного солдата, подорвавшего танки под Станиславом. Из этого сюжета возник рассказ «Война и мир». Вася Крапивин, герой рассказа «Девушка, которую он целовал», впервые появляется в записи от 22 октября 1943 г. Майор Киселевич, с которым папа, как видно по записям, крепко дружил, — в марте 1945 г. Его ранение, смерть и могила под красной пирамидкой в Лослау, пронзительно описанные в дневнике, художественно преобразованы в рассказе «Гора с горой...».

Это конечно же естественно. Восемнадцатилетним он ушел из нормальной жизни на пять лет, и военные впечатления вместе с воспоминаниями о детстве составляли основу его тогдашнего мировосприятия.

Для меня откровением стал рассказ «Матч в Освенциме», очевидно, самый поздний — по безупречному построению, по той неожиданной лаконичности, с которой подаются уже растиражированные к 1947 г. факты: ни разу не возникло слово «концлагерь», поэтому нет необходимости придерживаться официальной версии, но — скупыми фразами, штрихами в описании освобожденных узников и отношения к ним местного населения расставлены акценты, до осмысления которых русская литература дошла еще очень не скоро.

Да, рукописи горят (см. выше), рукописи теряются, но — есть, очевидно, какая-то сила, которая хранит их и выпускает, как фениксов, в час назначенный.

Будем считать, что им стало лето 2009 г., когда мой брат Юрий нашел эту тетрадку. И пусть ей будет теперь суждена жизнь по справедливости — для внуков, правнучек, всех тех потомков и, увы, немногочисленных оставшихся сверстников, в которых папа наконец-то найдет читателей.

Татьяна Друбецкая (Сурис)

СОДЕРЖАНИЕ

«Больше, чем воспоминания...» *Т.Б. Друбецкая (Сурис)* 3

Военный дневник (1942—1945)

1942.....	15
1943.....	70
1944.....	164
1945.....	213
Комментарии	297

Рассказы

Рассвет.....	307
На Верецком перевале	322
Возвращение.....	328
Девушка, которую он целовал.....	341
Война и мир	354
Гора с горой.....	359
Матч в Освенциме.....	367
Комментарии	381

Сурис Борис Давыдович
ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК
Дневник, рассказы

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать 22.03.2010.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Уч.-изд. л. 19,68 + вклейки = 21,45.

Тираж 2 000 экз. Заказ № О-397.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

Борис Давыдович Сурис (1923—1991) — известный историк искусства и коллекционер, автор научных исследований о русских художниках XX века, уроженец Одессы. Мобилизован был восемнадцатилетним юношей, в самом начале войны, и прошел ее до рогами до Германии, будучи переводчиком разведроты. С 1942 по 1945 г. вел дневник, в котором день за днем фиксировал ужасы войны, победы, поражения, перенесенные ранения, потери близких друзей, тоску по родным и мирной жизни. Здесь же мечтал о будущем — после войны стать художником или писателем, встретиться с любимой девушкой. Дневник написан талантливо и читается на одном дыхании, как и рассказы, созданные позже.

ISBN 978-5-227-02048-2

9 785227 020482

ЦЕНТРОЛИГРАФ®